

Wysocki

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

Собрание сочинений

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

•

**Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Москва 1959 Ленинград

В.А.ЖУКОВСКИЙ

Том второй

БАЛЛАДЫ
ПОЭМЫ И ПОВЕСТИ

о

**Государственное издательство
художественной литературы**

Москва 1959 Ленинград

**Подготовка текста
и примечания
И. М. Семенко**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

С литографии Эстеррейха (1820)

БАЛЛАДЫ

ЛЮДМИЛА

«Где ты, милый? Что с тобою?
С чужеземною красою,
Знать, в далекой стороне
Изменил, неверный, мне;
Иль безвременно могила
Светлый взор твой угасила».
Так Людмила, приуныв,
К персям очи преклонив,
На распутии вздыхала.
«Возвратится ль он, — мечтала, —
Из далеких, чуждых стран
С грозной ратию славян?»

Пыль туманит отдаленье;
Светит ратных ополченье;
Топот, ржание коней;
Трубный треск и стук мечей;
Прахом панцири покрыты;
Шлемы лаврами обвиты;
Близко, близко ратных строй;
Мчатся шумною толпой
Жены, чада, обрученны...
«Возвратились незабвенны!..»
А Людмила?.. Ждет-пождет...
«Там дружину он ведет;

Сладкий час — соединенье!..»
Вот проходит ополченье;

Миновался ратных строй...
Где ж, Людмила, твой герой?
Где твоя, Людмила, радость?
Ах! прости, надежда-сладость!
Все погибло: друга нет.
Тихо в терем свой идет,
Томну голову склонила:
«Расступись, моя могила;
Гроб, откройся; полно жить;
Дважды сердцу не любить».

«Что с тобой, моя Людмила? —
Мать со страхом возопила. —
О, спокой тебя творец!» —
«Милый друг, всему конец;
Что прошло — невозвратно;
Небо к нам неумолимо;
Царь небесный нас забыл...
Мне ль он счастья не сулил?
Где ж обетов исполнение?
Где святое провиденье?
Нет, немилостив творец;
Все прости; всему конец».

«О Людмила, грех роптанье;
Скорбь — создателя посланье;
Зла создатель не творит;
Мертвых стон не воскресит». —
«Ах! родная, миновалось!
Сердце верить отказалось!
Я ль, с надеждой и мольбой,
Пред иконою святой
Не точила слез ручьями?
Нет, бесплодными мольбами
Не призвать минувших дней;
Не цвести душе моей.

Рано жизнью насладилась,
Рано жизнь моя затмилась,
Рано прежних лет краса.
Что взирать на небеса?
Что молить неумолимых?

Возвращу ль невозвратимых?» —
«Царь небес, то скорби глас!
Дочь, вспомни смертный час;
Кратко жизни сей страданье;
Рай — смиренным воздаянье,
Ад — бунтующим сердцам;
Будь послушна небесам».

«Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
С милым вместе — всюду рай;
С милым розно — райский край
Безотрадная обитель.
Нет, забыл меня спаситель!» —
Так Людмила жизнь кляла,
Так творца на суд звала...
Вот уж солнце за горами;
Вот усыпала звездами
Ночь спокойный свод небес;
Мрачен дол, и мрачен лес.

Вот и месяц величавый
Встал над тихою дубравой:
То из облака блеснет,
То за облако зайдет;
С гор простерты длинные тени;
И лесов дремучих сени,
И зеркало зыбких вод,
И небес далекий свод
В светлый сумрак облеченны...
Спят пригорки отдаленны,
Бор заснул, долина спит...
Чу!.. полночный час звучит.

Потряслись дубов вершины;
Вот повеял от долины
Перелетный ветерок...
Скачет по полю ездок:
Борзый конь и ржет и пышет.
Вдруг... идут... (Людмила слышит)
На чугунное крыльцо...
Тихо брякнуло кольцо...

Тихим шепотом сказали...
(Все в ней жилки задрожали.)
То знакомый голос был,
То ей милый говорил:

«Спит иль нет моя Людмила?
Помнит друга иль забыла?
Весела иль слезы льет?
Встань, жених тебя зовет». —
«Ты ль? Откуда в час полночи?
Ах! едва прискорбны очи
Не потухнули от слез.
Знать, тронулся царь небес
Бедной девицы тоскою?
Точно ль милый предо мною?
Где же был? Какой судьбой
Ты опять в стране родной?»

«Близ Наревы дом мой тесный.
Только месяц поднебесный
Над долиною взойдет,
Лишь полночный час пробьет —
Мы коней своих седлаем,
Темны кельи покидаем.
Поздно я пустился в путь.
Ты моя; моею будь...
Чу! совы пустынной крики.
Слышишь? Пенье, брачны лики.
Слышишь? Борзый конь заржал.
Едем, едем, час настал».

«Переждем хоть время ночи;
Ветер встал от полуночи;
Хладно в поле, бор шумит;
Месяц тучами закрыт». —
«Ветер буйный перестанет;
Стихнет бор, луна проглянет;
Едем, нам сто верст езды.
Слышишь? Конь грызет бразды,
Бьет копытом с нетерпенья.
Миг нам страшен замедленья;

Краткий, краткий дан мне срок;
Едем, едем, путь далек».

«Ночь давно ли наступила?
Полночь только что пробила.
Слышишь? Колокол гудит». —
«Ветер стихнул; бор молчит;
Месяц в водный ток глядится;
Мигом борзый конь домчится». —
«Где ж, скажи, твой тесный дом?» —
«Там, в Литве, краю чужом:
Хладен, тих, уединенный,
Свежим дерном покровенный;
Саван, крест, и шесть досток.
Едем, едем, путь далек».

Мчатся всадник и Людмила.
Робко дева обхватила
Друга нежною рукой,
Прислонясь к нему главою.
Скоком, летом по долинам,
По буграм и по равнинам;
Пышет конь, земля дрожит;
Брызжут искры от копыт;
Пыль катится вслед клубами;
Скачут мимо них рядами
Рвы, поля, бугры, кусты;
С громом зыблются мосты.

«Светит месяц, дол сребрится;
Мертвый с девицею мчится;
Путь их к келье гробовой.
Страшно ль, девица, со мной?» —
«Что до мертвых? что до проба?
Мертвых дом земли утроба». —
«Чу! в лесу потрясся лист.
Чу! в глуши раздался свист.
Черный ворон встрепенулся;
Вздрагнул конь и отшатнулся;
Вспыхнул в поле огонек». —
«Близко ль, милый?» — «Путь далек».

Слышат шорох тихих теней:
В час полуночных видений,
В дыме облака, толпой,
Прах оставя гробовой
С поздним месяца восходом,
Легким, светлым хороводом
В цепь воздушную свились;
Вот за ними понеслись;
Вот поют воздушны лики:
Будто в листьях повилики
Вьется легкий ветерок;
Будто плещет ручеек.

«Светит месяц, дол сребрится;
Мертвый с девицею мчится;
Путь их к келье пробовой.
Страшно ль, девица, со мной?» —
«Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом земли утроба». —
«Конь, мой конь, бежит песок;
Чую ранний ветерок;
Конь, мой конь, быстрее мчяся;
Звезды утренни зажглись,
Месяц в облаке потух.
Конь, мой конь, кричит петух».

«Близко ль, милый?» — «Вот примчались».
Слышат: сосны зашатались;
Слышат: спал с ворот запор;
Борзый конь стрелой на двор.
Что же, что в очах Людмилы?
Камней ряд, кресты, могилы,
И среди них божий храм.
Конь несется по гробам;
Стены звонкий вторят топот;
И в траве чуть слышный шепот,
Как усопших тихий глас...
Вот денница запылась.

Что же чудится Людмиле?..
К свежей конь примчась могиле
Бух в нее и с седоком.

Вдруг — глухой подземный грѣм;
Страшно доски затрещали;
Кости в кости застучали;
Пыль взвилася; обруч хлоп;
Тихо, тихо вскрылся гроб...
Что же, что в очах Людмилы?..
Ах, невеста, где твой милый?
Где венчальный твой венец?
Дом твой — гроб; жених — мертвец.

Видит труп оцепенелый;
Прям, недвижим, посинелый,
Длинным саваном обвит.
Страшен милый прежде вид;
Впалы мертвые ланиты;
Мутен взор полуоткрытый;
Руки сложены крестом.
Вдруг привстал... манит перстом...
«Кончен путь: ко мне, Людмила;
Нам постель — темна могила;
Завес — саван гробовой;
Сладко спать в земле сырой».

Что ж Людмила?.. Каменеет,
Меркнут очи, кровь хладеет,
Пала мертвая на прах.
Стон и вопли в облаках;
Визг и скрежет под землею;
Вдруг усопшие толпою
Потянулись из могил;
Тихий, страшный хор завыл:
«Смертных ропот безрассуден;
Царь всевышний правосуден;
Твой слышал стон творец;
Час твой бил, настал конец».

КАССАНДРА ¹

Все в обители Приама
Возвещало брачный час,
Запах роз и фимиама,
Гимны дев и лирный глас.
Спит гроза минувшей брани,
Щит, и меч, и конь забыт,
Облечен в пурпурны ткани
С Поликсеною Пелид.

Девы, юноши четами
По узорчатым коврам,
Украшенные венками,
Идут веселы во храм;
Стогны дышат фимиамом;
В злато царский дом одет;
Снова счастье над Пергамом...
Для Кассандры счастья нет.

Уклонясь от лирных звуков,
Нелюдима и одна,

---

¹ Кассандра — дочь Приама и Гекубы. Аполлон одарил ее предвидением. По разрушении Трои досталась она на часть Агамемнона и вместе с ним погибла от руки Эгиста. Стихотворец представил ее в ту самую минуту, когда совершается брак Ахилла (названного здесь *Пелидом* по отцу его Пелею) с Поликсеною, младшею дочерью Приама. Она слышит торжественные песни и в то же время предвидит ужасный конец торжества. Известно, что Ахилл перед самым алтарем брачным умерщвлен Паридом, которого стрела направлена была Аполлоном. (*Прим. Жуковского.*)

Дочь Приама в Аполлонов
Древний лес удалена.
Сводом лавров осененна,
Сбросив жрический покров,
Провозвестница священна
Так роптала на богов:

«Там шумят веселых волны;
Всем душа оживлена;
Мать, отец надеждой полны;
В храм сестра приведена.
Я одна мечты лишенна;
Ужас мне — что радость там;
Вижу, вижу: окрыленна
Мчится Гибель на Пергам.

Вижу факел — он светлеет
Не в Гименовых руках;
И не жертвы пламя рдеет
На сгущенных облаках;
Зрю пиров уготовление...
Но... горé, по небесам,
Слышно бога приближенье,
Предлетящего бедам.

И вотще мое стенанье,
И печаль моя мне стыд:
Лишь с пустынями страданье
Сердце сирое делит.
От счастливых отчужденна,
Веселящимся позор,
Я тобой всех благ лишенна,
О предведения взор!

Что Кассандре дар вещанья
В сем жилище скромных чад
Безмятежного незнанья,
И блаженных им стократ?
Ах! почто она предвидит
То, чего не отвратит?..
Неизбежное придет,
И грозящее сразит.

И спасу ль их, открывая
Близкий ужас их очам?
Лишь незнание — жизнь прямая;
Знание — смерть прямая нам.
Феб, возьми твой дар опасный,
Очи мне спеши затмить;
Тяжко истины ужасной
Смертною скуделью быть...

Я забыла славить радость,
Став пророчицей твоей.
Слепоты погибшей сладость,
Мирный мрак минувших дней,
С вами скрылись наслажденья!
Он мне будущее дал,
Но веселие мгновенья
Настоящего отнял.

Никогда покров венчальный
Мне главы не осенит:
Вижу факел погребальный;
Вижу: ранний гроб открыт.
Я с родными скучну младость
Всю утратила в тоске —
Ах, могла ль делить их радость,
Видя скорбь их вдалеке?

Их ласкает ожиданье;
Жизнь, любовь передо мной;
Всё окрест очарованье —
Я одна мертва душой.
Для меня весна напрасна;
Мир цветущий пуст и дик...
Ах! сколь жизнь тому ужасна,
Кто во глубь ее проник!

Сладкий жребий Поликсены!
С женихом рука с рукой,
Взор, любовью распаленный,
И гордясь сама собой,
Благ своих не постигает:
В сновидениях златых

И бессмертья не желает
За один с Пелидом миг.

И моей любви открылся
Тот, кого мы ждем душой:
Милый взор ко мне стремился,
Полный страстною тоской...
Но — для нас перед богами
Брачный гимн не возгремит;
Вижу: грозно между нами
Тень стигийская стоит.

Духи, бледною толпою
Покидая мрачный ад,
Вслед за мной и предо мною,
Неотступные, летят;
В резвы юношески лики
Вносят ужас за собой;
Внемя радостные клики,
Внемлю их надпробный вой.

Там сокрытый блеск кинжала;
Там убийцы взор горит;
Там невидимого жала
Яд погибелью грозит.
Всё предчувствуя и зная,
В страшный путь сама иду:
Ты падешь, страна родная;
Я в чужбине проб найду...»

И слова еще звучали...
Вдруг... шумит священный лес...
И зефиры глас примчали:
«Пал великий Ахиллес!»
Машут Фурии змиями,
Боги мчатся к небесам...
И карающий громами
Грозно смотрит на Пергам.

СВЕТЛАНА

А. А. ВОЕЙКОВОЙ

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.

Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и прустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко.
Пой, красавица: «Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо златое;
Мне венчаться тем венцом,

Обручаться тем кольцом
При святом наложье».

«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далёко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался — вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь, без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Легкою рукою;
Упадет с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Тёмно в зеркале; кругом
Мертвое молчанье;
Свечка трепетным огнем
Чуть лиет сиянье...
Робость в ней волнует грудь,

Страшно ей назад взглянуть,
    Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонек,
Крикнул жалобно сверчок,
    Вестник полуночи.

Подпершия локотком,
    Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
    Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
    За ее плечами
Кто-то, чудилось, блестит
    Яркими глазами...
Занялся от страха дух...
Вдруг в ее влетает слух
    Тихий, легкий шепот:
«Я с тобой, моя краса;
Укrotились небеса;
    Твой услышан ропот!»

Оглянулась... милый к ней
    Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
    Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждет
    С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поет;
    Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
    В ворота тесовы;
У ворот их санки ждут;
С нетерпенья кони рвут
    Повода шелковы.

Сели... копи с места враз;
    Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
    Вьюга над санями.
Скачут... пусто все вокруг,
    Степь в очах Светланы:

На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»
Ни полслова ей в ответ:
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил
Тускнет в фимиаме;
На середине черный гроб;
И гласит протяжно поп:
«Буди взят могилой!»
Пуще девица дрожит;
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылый.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Ворон каркает: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Подымая привы;
Брезжит в поле огонек;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони борзые быстрей,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

Вот примчались... и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених

Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вкруг метель и вьюга.
Возвратиться — следу нет...
Виден ей в избушке свет:
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрипит...
Тихо растворилась.

Что ж?.. В избушке гроб; накрыт
Белою запоной;
Спасов лик в ногах стоит;
Свечка пред иконой...
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;
И с крестом своим в руке,
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

Все утихло... вьюги нет...
Слабо свечка тлится,
То прольет дрожащий свет,
То опять затмится...
Все в глубоком, мертвом сне,
Страшное молчанье...
Чу, Светлана!.. в тишине
Легкое журчанье...
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней на перси тихо сел,
Обнял их крылами.

Смолкло все опять крутом...
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мертвый шевелится...
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь — на лбу венец,
Затворены очи.
Вдруг... в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладелы...
Что же девица?.. Дрожит...
Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Легкие он крылы;
К мертвецу на прудь вспорхнул...
Всей лишенный силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами...
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась...
Глядь, Светлана... о творец!
Милый друг ее — мертвец!
Ах!.. и пробудилась.

Где ж?.. У зеркала, одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;
Шумным бьет крылом петух,
День встречая пеньем;
Все блестит... Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он —
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,

Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»

Села (тяжко воеет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Саянки кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идет...
Кто?.. Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; все тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава — нас учили — дым;
Свет — судья лукавый.

Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей
Вера в провиденье.
Благ зиждителя закон:
Здесь несчастье — лживый сон;
Счастье — пробужденье».

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...
Будь, создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснется;
В ней душа как ясный день;
Ах! да пронесется
Мимо — Бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь ее светла,
Будь веселость, как была,
Дней ее подруга.

ПУСТЫННИК

«Веди меня, пустыни житель,
Святой анахорет;
Близка желанная обитель;
Приветный вижу свет.

Устал я: тьма кругом густая;
Запал в глуши мой след;
Безбрежной, мнится, степь пустая,
Чем дале я вперед».

«Мой сын (в ответ пустыни житель),
Ты призраком прельщен:
Опасен твой путеводитель —
Над бездной светит он.

Здесь чадам нищеты бездомным
Отверзта дверь моя,
И скудных благ уделом скромным
Делюсь от сердца я.

Войди в гостеприимну келью;
Мой сын, перед тобой
И брашно с жесткою постелью
И сладкий мой покой.

Есть стадо... но безвинных кровью
Руки я не багрил:

Меня творец своей любовью
Щадить их научил.

Обед снимаю непорочный
С пригорков и полей;
Деревья плод дают мне сочный,
Питье дает ручей.

Войди ж в мой дом — забот там чужды;
Нет блага в суете:
Нам малые даны здесь нужды;
На малый миг и те».

Как свежая роса денницы,
Был сладок сей привет;
И робкий гость, склоня зеницы,
Идет за старцем вслед.

В дичи глухой, непроходимой
Его таился кров —
Приют для сироты гонимой,
Для странника покров.

Непышны в хижине уборы,
Там бедность и покой;
И скрипнули дверей растворы
Пред мирною четой.

И старец зрит гостеприимный,
Что гость его уныл,
И светлый огонек он в дымной
Печурке разложил.

Плоды и зелень предлагает
С приправой добрых слов;
Беседой скуку озлащает
Медлительных часов.

Кружится резвый кот пред ними;
В углу кричит сверчок;
Трепщет меж листьями сухими
Блестящий огонек.

Но молчалив пришел угрюмый;
Печаль в его чертах;
Душа полна прискорбной думы;
И слезы на глазах.

Ему пустынный отвечает
Сердечною тоской.
«О юный странник, что смущает
Так рано твой покой?

Иль быть убогим и бездомным
Творец тебе судил?
Иль предан другом вероломным?
Или вотще любил?

Увы! спокой себя: презренны
Утехи благ земных;
А тот, кто плачет, их лишенный,
Еще презренней их.

Приманчив дружбы взор лукавый:
Но ах! как тень, вослед
Она за счастьем, за славой,
И прочь от хилых бед.

Любовь... любовь, Прелест игрою
Отрава сладких слов,
Незрима в мире; лишь порою
Живет у голубков.

Но, друг, ты робостью стыдливой
Свой нежный пол открыл». —
И очи странник торопливый,
Краснея, опустил.

Краса сквозь легкий проникает
Стыдливости покров;
Так утро тихое сияет
Сквозь завес облаков.

Трепещут перси; взор склоненный;
Как роза, цвет ланит...

И деву-прелесть изумленный
Отшельник в госте зрит.

«Простишь ли, старец, дерзновение,
Что робкою стопой
Вошла в твое уединенье,
Где бог один с тобой?»

Любовь надежд моих губитель,
Моих виновник бед;
Ищу покоя, но мучитель
Тоска за мною вслед.

Отец мой знатностью, славой
И пышностью гремел;
Я дней его была забавой;
Он все во мне имел.

И рыцари стеклись толпою:
Мне предлагали в дар
Те чистый, сходный с их душою,
А те притворный жар.

И каждый лестью вероломной
Привлечь меня мечтал...
Но в их толпе Эдвин был скромный;
Эдвин, любя, молчал.

Ему с смиренной ницетою
Судьба одно дала:
Пленять высокою душою;
И та моей была.

Роса на розе, цвет душистый
Фиалки полевой
Едва сравниться могут с чистой
Эдвиновой душой.

Но цвет с небесною росой
Живут единый миг:
Он одарен был их красою,
Я легкостью их.

Я гордой, хладною казалась;
Но мил он втайне был;
Увы! любя, я восхищалась,
Когда он слезы лил.

Несчастный! он не снес презренья;
В пустыню он помчал
Свою любовь, свои мученья —
И там в слезах увял.

Но я виновна; мне страданье;
Мне увядать в слезах;
Мне будь пустыня та изгнанье,
Где скрыт Эдвинов прах.

Над тихою его могилой
Конец свой встречу я —
И приношеньем тени милой
Пусть будет жизнь моя».

«Мальвина!» — старец восклицает,
И пал к ее ногам...
О чудо! их Эдвин лобзает;
Эдвин пред нею сам.

«Друг незабвенный, друг единый!
Опять, навек я твой!
Полна душа моя Мальвиной —
И здесь дышал тобой.

Забудь о прошлом; нет разлуки;
Сам бог вещает нам:
Всё в жизни, радости и муки,
Отныне пополам.

Ах! будь и самый час кончины
Для двух сердец один:
Да с милой жизнью Мальвины
Угаснет и Эдвин».

АДЕЛЬСТАН

День бапрянил, померкая,
Скат лесистых берегов;
Реин, в зареве сияя,
Пышен тек между холмов.

Он летучей влагой пены
Замок Аллен орошал;
Терема зубчаты стены
Он в потоке отражал.

Девы красные толпою
Из растворчатых ворот
Вышли на́ берег — итрою
Встретить месяца восход.

Вдруг плывет, к ладье прикован,
Белый лебедь по реке;
Спит, как будто очарован,
Юный рыцарь в челноке.

Алым парусом ипрает
Легкокрылый ветерок,
И ко брегу приплывает
С спящим рыцарем челнок.

Белый лебедь встрепенулся,
Распустил крыле свои;
Дивный плаватель проснулся —
И выходит из ладьи.

И по Рейну обратно
С очарованной ладьей
Поплыл тихо лебедь статный
И сокрылся из очей.

Рыцарь в замок Аллен входит:
Все в нем прелесть — взор и стан;
В изумленье всех приводит
Красотою Адельстан.

Меж красавицами Лора
В замке Аллене была
Видом ангельским для взора,
Для души душой мила.

Графы, герцоги толпою
К ней стеклись из дальних стран —
Но умом и красотою
Всех был краше Адельстан.

Он у всех залог победы
На турнирах похищал;
Он вечерние беседы
Всех милее оживлял.

И приветны разговоры
И приятный блеск очей
Влили нежность в сердце Лоры —
Милый стал супругом ей.

Исчезает сновиденье —
Вслед за днями мчатся дни:
Их в сердечном упоенье
И не чувствуют они.

Лишь случается порою,
Что, на воды взор склонив,
Рыцарь бродит над рекою,
Одинок и молчалив.

Но при взгляде нежной Лоры
Возвращается покой;

Оживают тусклы взоры
С оживленною душой.

Невидимкой пролетает
Быстро время — наконец,
Улыбаясь, возвещает
Другу Лора: «Ты отец!»

Но безмолвно и уныло
На младенца смотрит он,
«Ах! — он мыслит, — ангел милый,
Для чего ты в свет рожден?»

И когда обряд крещения
Патер должен был свершить,
Чтоб водою искупленья
Душу юную омыть:

Как преступник перед казнью,
Адельстан затрепетал;
Взор наполнился боязнью;
Хлад по членам пробежал.

Запинаясь, умоляет
День обряда отложить.
«Сил недуг меня лишает
С вами радость разделить!»

Солнце спряталось за гору;
Окропился луг росой;
Он зовет с собою Лору
Встретить месяц над рекой.

«Наш младенец будет с нами:
При дыханье ветерка
Тихоструйными волнами
Усыпит его река».

И пошли рука с рукою...
День на холмах догорал;
Молча, сумрачен душою,
Рыцарь сына лобызал.

Вот уж поздно; солнце село;
Отуманился поток;
Черен берег опустелый;
Холодеет ветерок.

Рыцарь все молчит, печален;
Все идет вдоль по реке;
Лоре страшно; замок Аллен
С час как скрылся вдалеке.

«Поздно, милый; уж седеет
Мгла сырая над рекой;
С вод холодный ветер веет;
И дрожит младенец мой».

«Тише, тише! Пусть седеет
Мгла сырая над рекой;
Грудь моя младенца прееет;
Сладко спит младенец мой».

«Поздно, милый; поневоле
Страх в мою теснится грудь;
Месяц бледен; сыро в поле;
Долог нам до замка путь».

Но молчит, как очарован,
Рыцарь, глядя на реку...
Лебедь там плывет, прикован
Легкой цепью к челноку.

Лебедь к берегу — и с сыном
Рыцарь сесть в челнок спешит;
Лора вслед за паладином;
Обомлела и дрожит.

И, осанясь, лебедь статный
Легкой цепью повлек
Вдоль по Рейну обратно
Очарованный челнок.

Небо в Рейне дрожало,
И луна из дымных туч

На ладью сквозь парус алый
Проливала темный луч.

И плывут они, безмолвны;
За кормой струя бежит;
Тихо плещут в лодку волны;
Парус вздулся и шумит.

И на берегу молчанье;
И на месяце туман;
Лора в робком ожиданье;
В смутной думе Адельстан.

Вот уж ночи половина:
Вдруг... младенец стал кричать.
«Адельстан, отдай мне сына!» —
Возошла в страхе мать.

«Тихе, тихе; он с тобою.
Скорее... ах! кто даст мне сил?
Я ужасною ценою
За блаженство заплатил.

Спи, невинное творенье;
Мучит душу голос твой;
Спи, дитя; еще мгновенье,
И навек тебе покой».

Лодка к берегу — рыцарь с сыном
Выйти на берег спешит;
Лора вслед за паладином,
Пуще млеет и дрожит.

Страшен берег обнаженный;
Нет ни жила, ни древес;
Черен, дик, уединенный,
В стороне стоит утес.

И пещера под скалою —
В ней не зрело око дна;
И чернеет пред луною
Страшным мраком глубина.

Сердце Лоры замирает;
Смотрит робко на утес.
Звучно к бездне восклицает
Паладин: «Я дань принес».

В бездне звуки отразились;
Отзыв грянул вдоль реки;
Вдруг... из бездны появились
Две опомные руки.

К ним приблизил рыцарь сына...
Цепенеющая мать,
Возопив, у паладина
Жертву бросилась отнять

И воскликнула: «Спаситель!..»
Глас достигнул к небесам:
Жив младенец, а губитель
Ниспровергнут в бездну сам.

Страшно, страшно застонало
В грозных сжавшихся когтях...
Вдруг все пусто, тихо стало
В глубине и на скалах.

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ

На Посидонов пир веселый,
Куда стекались чада Гелы¹
Зреть бег коней и бой певцов,
Шел Ивик, скромный друг богов.
Ему с крылатою мечтою
Послал дар песней Аполлон:
И с лирой, с легкой клюкою,
Шел, вдохновенный, к Истму он.

Уже его открыли взоры
Вдали Акрокоринф и горы,
Слиянны с синевой небес.
Он входит в Посидонов лес...
Все тихо: лист не колыхнется;
Лишь журавлей по вышине
Шумящая станица вьется
В страны полуденны к весне.

«О спутники, ваш рой крылатый,
Досель мой верный провожатый,
Будь добрым знаменiem мне.
Сказав: прости! родной стране,
Чужого брега посетитель,

---

¹ Под словом *Посидонов пир* понимаются здесь *игры Истмийские*, которые отправляемы были на перешейке (Истме) Коринфском, в честь Посидона (Нептуна). Победители получали сосновые венцы. *Гела, Эала, Эллада* — имена древней Греции. (Прим. Жуковского.)

Ищу приюта, как и вы;
Да отвратит Зевес-хранитель
Беду от странничьей главы».

И с твердой верою в Зевеса
Он в глубину вступает леса;
Идет заглохшею тропой...
И зрит убийц перед собой.
Готов сразиться он с врагами;
Но час судьбы его приспел:
Знакомый с лирными струнами,
Напрячь он лука не умел.

К богам и к людям он взывает...
Лишь эхо стоны повторяет —
В ужасном лесе жизни нет.
«И так погибну в цвете лет,
Истлею здесь без погребенья
И не оплакан от друзей;
И сим врагам не будет мщенья,
Ни от богов, ни от людей».

И он боролся уж с кончиной...
Вдруг... шум от стаи журавлиной;
Он слышит (взор уже угас),
Их жалобно-стениящий глас.
«Вы, журавли под небесами,
Я вас в свидетели зову!
Да грянет, привлеченный вами,
Зевесов пром на их главу».

И труп узрели обнаженный:
Рукой убийцы искаженны
Черты прекрасного лица.
Коринфский друг узнал певца.
«И ты ль недвижим предо мною?
И на главу твою, певец,
Я мнил торжественной рукою
Сосновый положить венец».

И внемлют гости Посидона,
Что пал наперсник Аполлона...
Вся Греция поражена;

Для всех сердец печаль одна.
И с диким ревом иступленья
Пританов окружил народ,
И вопит: «Старцы, мщенья, мщенья!
Злодеям казнь, их сгибни род!»

Но где их след? Кому приметно
Лицо врага в толпе несметной
Притекших в Посидонов храм?
Они ругаются богам.
И кто ж — разбойник ли презренный
Иль тайный враг удар нанес?
Лишь Гелиос то зрел священный,¹
Все озаряющий с небес.

С подъятой, может быть, главою,
Между шумящею толпою,
Злодей сокрыт в сей самый час
И хладно внемлет скорби глас;
Иль в капище, склонив колени,
Жжет ладан гнусною рукой;
Или теснится на ступени
Амфитеатра за толпой,

Где, устремив на сцену взоры
(Чуть могут их сдержать подпоры),
Пришед из ближних, дальних стран,
Шумя, как смутный океан,
Над рядом ряд, сидят народы;
И движутся, как в бурю лес,
Людьми кипящи переходы,
Всходя до синевы небес.

И кто сочтет разноплеменных,
Сим торжеством соединенных?
Пришли отсюда: от Афин,
От древней Спарты, от Микин,
С пределов Азии далекой,
С Эгейских вод, с Фракийских гор...

---

¹ Гелиос — имя солнца у греков. (Прим. Жуковского.)

И сели в тишине глубокой,
И тихо выступает хор.¹

По древнему обряду, важно,
Походкой мерной и протяжной,
Священным страхом окружен,
Обходит вокруг театра он.
Не шествуют так персти чада;
Не здесь их колыбель была.
Их стана дивная громада
Предел земного перешла.

Идут с поникшими главами
И движут тощими руками
Свечй, от коих темный свет;
И в их ланитах крови нет;
Их мертвы лица, очи впалы;
И свитые меж их власов
Эхидны движут с свистом жалы,
Являя страшный ряд зубов.

И стали вокруг, сверкая взором;
И гимн запели диким хором,
В сердца вонзающий боязнь;
И в нем преступник слышит: *казнь!*
Гроза души, ума смутитель,
Эринний страшный хор гремит;
И, цепenea, внемлет зритель;
И лира, онемев, молчит:

«Блажен, кто незнаком с виною,
Кто чист младенчески душою!
Мы не дерзнем ему вослед;
Ему чужда дорога бед...
Но вам, убийцы, горе, горе!
Как тень, за вами всюду мы,
С грозою мщения во взоре,
Ужасные созданья тьмы.

---

¹ Хор Эвменид (Эринний, Фурий). Сии богини, дщери Ноши и Ахерона, открывали тайные преступления, преследовали виновных и мстили им на земле и в аде. (*Прим. Жуковского.*)

Не мните скрыться — мы с крылами;
Вы в лес, вы в бездну — мы за вами;
И, спутав вас в своих сетях,
Растрезанных бросаем в прах.
Вам покаянье не защита;
Ваш стон, ваш плач — веселье нам;
Терзать вас будем до Копита,
Но не покинем вас и там».

И песнь ужасных замолчала;
И над внимавшими лежала,
Богинь присутствием полна,
Как над могилой, тишина.
И тихой, мерною стопою
Они обратно потекли,
Склонив главы, рука с рукою,
И скрылись медленно вдали.

И зритель — зыблемый сомненьем
Меж истинной и заблуждением —
Со страхом мнит о Силе той,
Которая, во мгле густой
Скрываясь, неизбежима,
Вьет нити роковых сетей,
Во глубине лишь сердца зрима,
Но скрыта от дневных лучей.

И всё, и всё еще в молчанье...
Вдруг на ступенях восклицанье:
«Парфений, слышишь?.. Крик вдали —
То Ивиковы журавли!..»
И небо вдруг покрылось тьмою;
И воздух весь от крыл шумит;
И видят... черной полосой
Станица журавлей летит.

«Что? Ивик!..» Все поколебалось —
И имя Ивика помчалось
Из уст в уста... шумит народ,
Как бурная пучина вод.
«Наш добрый Ивик! наш сраженный
Врагом незнаемым поэт!..

Что, что в сем слове сокровенно?
И что сих журавлей полет?»

И всем сердцам в одно мгновенье,
Как будто свыше откровенье,
Блеснула мысль: «Убийца тут;
То Эвменид ужасных суд;
Отмщенье за певца готово;
Себе преступник изменил.
К суду и тот, кто молвил слово,
И тот, кем он внимаем был!»

И бледен, трепетен, смятенный,
Незашной речью обличенный,
Исторгнут из толпы злодей:
Перед седалище судей
Он привлечен с своим клеветом;
Смущенный вид, склоненный взор
И тщетный плач был их ответом;
И смерть была им приговор.

ВАРВИК

Никто не зрел, как ночью бросил в волны
Эдвина злой Варвик;
И слышали одни берега безмолвны
Младенца жалкий крик.

От подданных погибшего губитель
Владыкой признан был —
И в Ирлингфор уже как повелитель
Торжественно вступил.

Стоял среди цветущия равнины
Старинный Ирлингфор,
И пышные с высот его картины
Повсюду видел взор.

Авон, шумя под древними стенами,
Их пеной орошал,
И низкий берег с лесистыми холмами
В струях его дрожал.

Там пламенел берегов на тихом склоне
Закат сквозь редкий лес;
И трепетал во дремлющем Авоне
С звездами свод небес.

Вдали, вблизи рассыпанные села
Дымились по утрам;
От резвых стад равнина вся шумела,
И вторил лес рогам.

Спешил, с пути прохожий совратясь,
На Ирлингфор взглянуть,
И, красотой картин его пленясь,
Он забывал свой путь.

Один Варвик был чужд красам природы:
Вотще в его глазах
Цветут леса, вися блещут воды,
И радость на лугах.

И устремить, трепещущий, не смест
Он взора на Авон:
Оттоль зефир во слух убийцы веет
Эдвинов жалкий стон.

И в тишине безмолвной полуночи
Все тот же слышен крик,
И чудятся блистающие очи
И бледный, страшный лик.

Вотще Варвик с родных берегов уходит —
Приюта в мире нет:
Страшилищем ужасным совесть бродит
Везде за ним вослед.

И он пришел опять в свою обитель:
А сладостный покой,
И бедности веселый посетитель,
В дому его чужой.

Часы стоят, окованы тоскою;
А месяцы бегут...
Бегут — и день убийства за собою
Невидимо несут.

Он наступил; со страхом провожает
Варвик почную тень:
Дрожь! (ему глас совести вещает)
Эдвинов смертный день!

Ужасный день: от молний небо блещет;
Отсюду вихрей стон;

Дождь ливня льет; волнами с воем плещет
Разлившийся Авон.

Вотще Варвик, среди веселий шума,
Цедит в бокал вино:
С ним за столом садится рядом Дума, —
Питье отравлено.

Тоскующий и грозный призрак бродит
В толпе его гостей;
Везде пред ним: с лица его не сводит
Пронзительных очей.

И день угас, Варвик спешит на ложе...
Но и в тиши ночной,
И на одре уединенном то же;
Там сон, а не покой.

И мнит он зреть пришельца из могилы,
Тень брата пред собой;
В чертах болезнь, лик бледный, взор унылый
И голос гробовой.

Таков он был, когда встречал кончину;
И тот же слышен глас,
Каким молил он быть отцом Эдвину
Варвика в смертный час:

«Варвик, Варвик, свершил ли данно слово?
Исполнен ли обет?
Варвик, Варвик, возмездие готово;
Готов ли твой ответ?»

Воспрянул он — глас смолкнул — разъяренно
Один во мгле ночной
Ревел Авон, — но для души смятенной
Был сладок бури вой.

Но вдруг — и въявь средь шума и волненья
Раздался смутный крик:
«Спеши, Варвик, спасись от потопленья;
Беги, беги, Варвик!»

И к берегу он мчится — под стеною
Уже Авон кишит;
Глухая ночь; одето небо мглою;
И месяц в тучах скрыт.

И молит он с поднятыми руками:
«Спаси, спаси, творец!»
И вдруг — мелькнул челнок между волнами;
И в челноке пловец.

Барвик зовет, Барвик манит рукою —
Не внемля шума волн,
Пловец сидит спокойно над кормою
И правит к берегу челн.

И с трепетом Барвик в челнок садится —
Стрелой помчался он...
Молчит пловец... молчит Барвик... вот, мнится,
Им слышен тяжкий стон.

На спутника уставил кормщик очи:
«Не слышался ли крик?» —
«Нет; просвистал в твой парус ветер ночи, —
Смутясь, сказал Барвик. —

Правь, кормщик, правь, не скоро челн
домчится,
Гроза со всех сторон».
Умолкнули... плывут... вот снова, мнится,
Им слышен тяжкий стон.

«Младенца крик! Он борется с волною;
На помощь он зовет!» —
«Правь, кормщик, правь, река покрыта мглою,
Кто там его найдет?»

«Барвик, Барвик, час смертный зреть ужасно;
Ужасно умирать;
Барвик, Барвик, младенцу ли напрасно
Тебя на помощь звать?»

Во мгле ночной он бьется меж водами;
Облит он хладом волн;
Еще его не видим мы очами;
Но он... наш видит челн!»

И снова крик слабеющий, дрожащий,
И близко челнока...
Вдруг в высоте рог месяца блестящий
Прорезал облака;

И с яркими слиялася лучами,
Как дым прозрачный, мгла,
Зрят на скале дитя между волнами;
И тонет уж скала.

Пловец пребет; челнок летит стрелою;
В смятении Варвик;
И озарен младенца лик луною;
И страшно бледен лик.

Варвик дрожит — и руку, страха полный,
К младенцу протянул —
И со скалы спрыгнув младенец в волны
К его руке прильнул.

И вмиг... дитя, челнок, пловец незримы;
В руках его мертвец:
Эдвинов труп, холодный, недвижимый,
Тяжелый, как свинец.

Утихло все — и небеса и волны:
Исчез в водах Варвик;
Лишь слышали одни берега безмолвны
Убийцы страшный крик.

БАЛЛАДА,

В КОТОРОЙ ОПИСЫВАЕТСЯ,
КАК ОДНА СТАРУШКА ЕХАЛА НА ЧЕРНОМ КОНЕ ВДВОЕМ
И КТО СИДЕЛ ВПЕРЕДИ

На кровле ворон дико прокричал —
Старушка слышит и бледнеет.
Понятно ей, что ворон тот сказал:
Слегла в постель, дрожит, хладеет.

И вопит скорбно: «Где мой сын чернец?
Ему сказать мне слово дайте;
Увы! я гибну; близок мой конец;
Скорей, скорей! не опоздайте!»

И к матери идет чернец святой:
Ее услышать покаянье;
И тайные дары несет с собой,
Чтоб утолить ее страданье.

Но лишь пришел к одру с дарами он,
Старушка в трепете завывала;
Как смерти крик ее протяжный стон...
«Не приближайся! — возопила. —

Не подноси ко мне святых даров;
Уже не в пользу покаянье...»
Был страшен вид ее седых власов
И страшно груди колыханье.

Дары святые сын отнес назад
И к страждущей приходит снова;

Крутом бродил ее потухший взгляд;
Язык искал, немея, слова.

«Вся жизнь моя в грехах погребена,
Меня отвергнул искупитель;
Твоя ж душа молитвой спасена,
Ты будь души моей спаситель.

Здесь вместо дня была мне ночи мгла;
Я кровь младенцев проливала,
Власы невест в огне волшебном жгла
И кости мертвых похищала.

И казнь лукавый обольститель мой
Уж мне готовит в адской злобе;
И я, смутив чужих гробов покой,
В своем не успокоюсь гробе.

Ах! не забудь моих последних слов:
Мой труп, обвитый пеленою,
Мой гроб, мой черный гробовой покров
Ты окропи святой водою.

Чтоб из свинца мой крепкий гроб был слит,
Семью окован обручами,
Во храм внесен, пред алтарем прибит
К помосту крепкими цепями.

И цепи окропи святой водой;
Чтобы священники собором
И день и ночь стояли надо мной
И пели панихиду хором;

Чтоб пятьдесят на крылосах дьячков
За ними в черных рясах пели;
Чтоб день и ночь свечи у образов
Из воску ярого горели;

Чтобы звучней во все колокола
С молитвой день и ночь звонили;
Чтоб заперта во храме дверь была;
Чтоб дьяконы пред ней кадили;

Чтоб крепок был запор церковных врат;
Чтобы с полуночного бденья
Он ни на миг с растворов не был снят
До солнечного восхожденья.

С обрядом тем молитесь три дня,
Три ночи сряду надо мною:
Чтоб не достиг губитель до меня,
Чтоб прах мой принят был землею».

И глас ее быть слышен перестал;
Померкши очи закатились;
Последний вздох в груди затрепетал;
Уста, охолодев, раскрылись.

И хладный труп, и саван гробовой,
И гроб под черной пеленою
Священники с приличною мольбой
Опрыскали святой водою.

Семь обручей на гроб положены;
Три цепи тяжкими винтами
Вонзились в гроб и с ним утверждены
В помост пред царскими дверями.

И вспрыснуты они святой водой;
И все священники в собрание:
Чтоб день и ночь душе на упокой
Свершать во храме поминанье.

Поют дьячки все в черных стихарях
Медлительными голосами;
Горят свечі надгробны в их руках,
Горят свечі пред образами.

Протяжный глас, и бледный лик певцов,
Печальный, страшный сумрак храма,
И тихий гроб, и длинный ряд попов
В тумане зыбком фимиама,

И горестный чернец пред алтарем,
Творящий до земли поклоны,

И в высоте дрожащим свеч огнем
Чуть озаренные иконы...

Ужасный вид! колокола звонят;
Уж час полуночного бденья...
И заперлись затворы тяжких врат
Перед начатием моления.

И в первую ночь от свеч веселый блеск.
И вдруг... к полночи за вратами
Ужасный вой, ужасный шум и треск;
И слышалось: гремят цепями.

Железных врат запор, стуча, дрожит;
Звонят на колокольне звонче;
Молитву клир усерднее творит,
И пение поющих промче.

Гудят колокола, дьячки поют,
Попы молитвы вслух читают,
Чернец в слезах, в кадилах ладан жгут,
И свечи яркие пылают.

Запел петух... и, смолкнувши, бегут
Враги, не совершив ловитвы;
Смелей дьячки на крылосах поют,
Смелей попы творят молитвы.

В другую ночь от свеч темнее свет,
И слабо теплятся кадилы,
И гробовой у всех на лицах цвет,
Как будто встали из могилы.

И снова рев, и шум, и треск у врат;
Грызут замок, в затворы рвутся;
Как будто вихрь, как будто шумный град,
Как будто воды с гор несутся.

Пред алтарем чернец на землю пал,
Священники творят поклоны,
И дым от свеч туманных побежал,
И потемнели все иконы.

Сильнее стук — звучней колокола,
И трепетней поющих голос:
В крови их хлад, объемлет очи мгла,
Дрожат колена, дыбом волос.

Запел петух... и прочь враги бегут,
Опять не совершив ловитвы;
Смелей дьячки на крылосах поют,
Попы смелей творят молитвы.

На третью ночь свечей едва горят;
И дым густой, и запах серный;
Как ряд теней, попы во мгле стоят;
Чуть виден гроб во мраке черный.

И стук у врат: как будто океан
Под бурею ревет и воет,
Как будто степь песчаную оркан
Свистящими крылами роет.

И звонари от страха чуть звонят,
И руки им служить не вольны;
Час от часу страшнее пром у врат,
И звон слабее колокольный.

Дрожа, упал чернец пред алтарем;
Молиться силы нет; во прахе
Лежит, к земле прикинувши лицом;
Поднять глаза не смеет в страхе.

И певчих хор, досель согласный, стал
Нестройным криком от смятенья:
Им чудилось, что церковь зашатал
Как бы удар землетрясенья.

Вдруг затускнел огонь во всех свечах,
Погасли все и закурились;
И замер глас у певчих на устах,
Все трепетали, все крестились.

И раздалось... как будто оный глас,
Который грянет над гробами;

И храма дверь со стуком затряслась
И на пол рухнула с петлями.

И он предстал весь в пламени очам,
Свирепый, мрачный, разъяренный;
И вокруг него огромный божий храм
Казался печью раскаленной!

Едва сказал: «Исчезните!» цепям —
Они рассыпались золою;
Едва рукой коснулся обручам —
Они истлели под рукою.

И вскрылся гроб. Он к телу вопиёт:
«Восстань, иди вослед владыке!»
И проступил от слов сих холодный пот
На мертвом, неподвижном лице.

И тихо труп со стоном тяжким встал,
Покорен страшному призыванью;
И никогда здесь смертный не слышал
Подобного тому стенанью.

И ко вратам пошла она с врагом...
Там зрелся конь чернее ночи.
Храпит и ржет и пышет он огнем,
И как пожар пылают очи.

И на коня с добычей прынул враг;
И труп завыл; и быстротечно
Конь полетел, взвивая дым и прах;
И слух об ней пропал навечно.

Никто не зрел, как с нею мчался он...
Лишь страшный след нашли на прахе;
Лишь, впемля крик, всю ночь сквозь тяжкий сон
Младенцы вздрагивали в страхе.

АЛИНА И АЛЬСИМ

Зачем, зачем вы разорвали
Союз сердец?
Вам розно быть! вы им сказали, —
Всему конец.
Что пользы в платье золотое
Себя рядить?
Богатство на земле прямое
Одно: любить.

Когда случится, жизни в цвете,
Сказать душой
Ему: *ты будь моя на свете;*
А ей: *ты мой;*
И вдруг придется для другого
Любовь забыть —
Что жребия страшней такого?
И льзя ли жить?

Алина матери призналась:
«Мне мил Альсим;
Давно я втайне поменялась
Душою с ним;
Давно *люблю* ему сказала;
Дай счастье нам». —
«Нет, дочь моя, за генерала
Тебя отдам».

И в монастырь святой Ирины
Отвозит дочь.
Тоска-печаль в душе Алины
И день и ночь.
Три года длилось изгнанье;
Не усладил
Ни разу друг ее страданье:
Но все он мил.

Однажды... о! как свет коварен!..
Сказала мать:
«Любовник твой неблагодарен»,
И ей читать
Она дает письмо Альсима.
Его черты:
*Прости; другая мной любима;
Свободна ты.*

Готово все: жених приходит;
Идут во храм;
Вокруг палоя их обводит
Священник там.
Увы! Алина, что с тобою?
Кто твой супруг?
Ты сердца не дала с рукою —
В нем прежний друг.

Как смиренный агнец на закланье,
Вся убрана;
Вокруг веселье, ликованье —
Она грустна.
Алмазы, платья, ожерелья
Ей мать дарит:
Напрасно... прежнего веселья
Не возвратит.

Но как же дни свои смиренно
Ведет она!
Вся жизнь семье уединенной
Посвящена.
Алины сердце покорилося
Судьбе своей;

Супругу ж то, что сохранилось
От сердца ей.

Но все по-прежнему печали
Душа полна;
И что бы взоры ни встречали, —
Все мысль одна.
Так, безутешная, томила
Пять лет себя,
Все упрекая, что любила,
И все любя.

Разлуки жизнь воспоминае;е;
Им полон свет;
Хотеть прогнать его — страданье,
А пользы нет.
Всё поневоле улетаем
К мечте своей;
Твердя: забудь! напоминаем
Душе об ней.

Однажды, приуныв, Алина
Сидела; вдруг
Купца к ней вводит армянина
Ее супруг.
«Вот цепи, дорогие шали,
Жемчуг, коралл;
Они лекарство от печали:
Я так слыхал.

На что нам деньги? На веселье.
Кому их жаль?
Купи, что хочешь: ожерелье,
Цепочку, шаль
Или жемчуг у армянина;
Вот кошелек;
Я скоро возвращусь, Алина;
Прости, дружок».

Товары перед ней открывши,
Купец молчит;
Алина, голову склонивши,

Как не глядит.
Он, взор потупя, разбирает
Жемчуг, алмаз;
Подносит молча; но вздыхает
Он каждый раз.

Блистала красота младая
В его чертах;
Но бледен; борода густая;
Печаль в глазах.
Мила для взора живость цвета,
Знак юных дней;
Но бледный цвет, тоски примета,
Еще милей.

Она не видит, не внимает —
Мысль далеко.
Но часто, часто он вздыхает,
И глубоко.
Что (мыслит) он такой унылый?
Чем огорчен?
Ах! если потерял, что мило;
Как жалок он!

«Скажи, что сделалось с тобою?
О чем печаль?
Не от любви ль?.. Ах! Всей душою
Тебя мне жаль». —
«Что пользы! Горя нам словами
Не утолить;
И невозвратного слезами
Не возвратить.

Одно сокровище бесценно
Я в мире знал;
Подобного творец вселенной
Не создавал.
И я одно имел в предмете:
Им обладать.
За то бы рад был все на свете —
И жизнь отдать.

Как было сладко любоваться
Им в день сто раз!
И в мыслях я не мог расстаться
С ним ни на час.
Но року вздумалось лихому
Мне повредить
И счастье мое другому
С ним подарить.

Всех в жизни радостей лишенный,
С моей тоской
Я побежал, как осужденный,
На край земной:
Но ах! от сердца то, что мило.
Кто оторвет?
Что раз оно здесь полюбило,
С тем и умрет».

«Скажи же, что твоя утрата?
Златой бокал?» —
«О нет: оно милее злата». —
«Рубин, коралл?»
«Не тяжко потерять их». — «Что же?
Царев алмаз?» —
«Нет, нет, алмазов всех дороже
Оно сто раз.

С тех пор, как я все то, что льстило,
В нем погубил,
Я сам на память образ милый
Изобразил.
И на черты его прелестны
Смотрю в слезах:
Мои все блага поднебесны
В его чертах».

Алина слушала уныло
Его рассказ.
«Могу ль на этот образ милый
Взглянуть хоть раз?»
Алине молча, как убитый,
Он подает

Парчою досканец обвитый,
Сам слезы льет.

Алина робкою рукою
Парчу сняла;
Дощечка с надписью златою;
Она прочла:
*Здесь все, что я, осиротелый,
Моим зову;
Что мне от счастья уцелело;
Все, чем живу.*

Дощечку с трепетом раскрыла —
И что же там?
Что новое судьба явила
Ее очам?
Дрожит, дыханье прекратилось...
Какой предмет!
И в ком бы сердце не смутилось?..
Ее портрет.

«Алина, пробудись, друг милый;
С тобою я.
Ничто души не изменило;
Она твоя.
В последний раз: люблю Алину,
Пришел сказать;
Тебя покинув, жизнь покину,
Чтоб не страдать».

Алина с горем и тоскою
Ему в ответ:
«Альсим, я верной быть женою
Дала обет.
Хоть долг и тяжкий и постылый:
Все покорись;
А ты — не умирай, друг милый;
Но... удались».

Алине руку на прощанье
Он подает:
Она берет ее в молчанье

И к сердцу жмет.
Вдруг входит муж; как в иступленье
Он задрожал
И им во грудь в одно мгновенье
Вонзил кипжал.

Альсима нет; Алина дышит:
«Невинна я
(Так говорит)», всевышней слышит
Нас судия.
За что ж рука твоя пронзила
Алине грудь?
Но бог с тобой; я все простила;
Ты все забудь».

Убийца с той поры томится
И ночь и день:
Повсюду вслед за ним влачится
Алины тень;
Обагрена кровавым током
Вся грудь ея;
И говорит ему с упреком:
«Невинна я».

ЭЛЬВИНА И ЭДВИН

В излучине долины сокровенной,
Там, где блесит под рощею поток,
Стояла хижина, смиренный
Покою уголок.

Эльвина там красавица таилась, —
В ней зрела мать подпору дряхлых дней,
И только об одном молилась:
«Все блага жизни ей».

Как лилия была чиста душою,
И пламенел румянец на щеках —
Так разливается весною
Денница в облаках.

Всех юношей Эльвина восхищала;
Для всех подруг красой была страшна,
И, чудо прелестей, не знала
Об них одна она.

Пришел Эдвин. Без всякого искусства
Эдвинова пленяла красота:
В очах веселых пламень чувства,
А в сердце простота.

И заключен святой союз сердцами:
Душе легко в родной душе читать;
Легко, что сказано очами,
Устами досказать.

О! сладко жить, когда душа в покое
И с тем, кто мил, начав, кончаешь день;
Вдвоем и радости все вдвое...
Но ах! они как тень.

Лишь золото любил отец Эдвина;
Для жалости он сердца не имел;
Эльвине же дала судьбина
Одну красу в удел.

С холодностью смотрел старик суровый
На их любовь — на счастье двух сердец.
«Расстаньтесь!» — роковое слово
Сказал он наконец.

Увы, Эдвин! В какой борьбе в нем страсти!
И ни одной нет силы победить...
Как не признать отцовской власти?
Но как же не любить?

Прелестный вид, пленительные речи,
Восторг любви — все было только сон;
Он розно с ней; он с ней и встречи
Бояться осужден.

Лишь по утрам, чтоб видеть след Эльвины,
Он из кустов смотрел, когда она
Шла по излучине долины,
Печальна и одна;

Или, когда являя месяц роги
Туманный свет на рощи наводил,
Он, грустен, вдоль большой дороги
До полночи бродил.

Задумчивый, он часто по кладбищу
При склоне дня ходил среди крестов:
Его тоске давало пищу
Спокойствие гробов.

Знать, гроб ему предчувствие сулило!
Уже ланит румяный цвет пропал;

Их горе бледностью покрыло...
Несчастный увядал.

И не спасут его молодые леты;
Вотще в слезах над ним его отец;
Вотще и вопли и обеты!..
Всему, всему конец.

И молит он: «Друзья, из сожаленья!..
Хотя бы раз мне на нее взглянуть!..
Ах! дайте, дайте от мученья
При ней мне отдохнуть».

Она пришла; но взор любви всемогущий
Уже тебя, Эдвин, не воскресит:
Уже готов покров могильный,
И гроб уже открыт.

Смотри, смотри, несчастная Эльвина,
Как изменил его последний час:
Ни тени прежнего Эдвина;
Лик бледный, слабый глас.

В знак верности он подает ей руку
И на нее взор томный устремил:
Как сильно вечную разлуку
Сей взор изобразил!

И в тьме ночной, покинувши Эдвина,
Домой одна вблизи кладбища шла,
Души не чувствуя, Эльвина;
Кругом густела мгла.

От севера подымаясь, ветер холодный
Качал, свистя во мраке, дерева;
И выла на стене опрадной
Полночная сова.

И вся душа в Эльвине замирала;
И взор ее во всем его встречал;
Казалось — тень его летала,
Казалось — он стонал.

Но... вот и въявь уж слышится Эльвине:
Вдали провыл уныло тяжкий звон;
Как смерти голос, по долине
Промчавшись, стихнул он.

И к матери без памяти вбежала —
Бледна, и свет в очах ее темнел.
«Прости, все кончилось! (сказала) —
Мой ангел улетел!

Благослови... зовут... иду к Эдвину...
Но для тебя мне жаль покинуть свет».
Умолкла... мать зовет Эльвину...
Эльвины больше нет,

АХИЛЛ¹

Отуманилася Ида;
Омрачился Илион;
Спит во мраке стан Атрида;
На равнине битвы сон.
Тихо все... курясь, сверкает
Пламень гаснущих костров,
И протяжно окликает
Стражу стража близ шатров.

Над Эгейских вод равниной
Светел всходит рог луны;
Звезды спящую пучиной
И берега отражены;
Виден в поле опустелом
С колесницею Приам:²
Он за Гекторовым телом
От шатров идет к стенам.

---

¹ Ахиллу дано было на выбор: или жить долго без славы, или умереть в молодости со славою, — он избрал последнее и полетел к стенам Илиона. Он знал, что конец его вскоре последует за смертью Гектора, — и умертвил Гектора, мстя за Патрокла. Сия мысль о близкой смерти следовала за ним повсюду, и в шумный бой и в уединенный шатер; везде он помнил об ней; наконец он слышал и пророческий голос коней своих, возвестивший ему гибель. (*Прим. Жуковского.*)

² Приам приходил один ночью в греческий стан молить Ахилла о возвращении Гекторова тела. Мольбы сего старца тронули душу грозного героя: он возвратил Приаму обезображенный труп его сына, и старец невредимо возвратился в Трою. (*Прим. Жуковского.*)

И на бреге близ кургана
Зрится сумрачный Ахилл;
Он один, далек от стана;
Он главу на длань склонил.
Смотрит вдаль — там с колесницей
На пути Приама зрит:
Оттирает багряницей
Слезы бедный царь с ланит.

Лиру взял; ударил в струны;
Тих его печальный глас:
«Старец, пал твой Гектор юный;
Свет души твоей угас;
И Гекуба, Андромаха
Ждут тебя у градских врат
С ношей милого им праха...
Жизнь и смерть им твой возврат.

И с денницею печальной
Воскурится фимиам,
Огласятся погребальной
Песнью каждый дом и храм;
Мать, отец, вдова с мольбою
Пепел в урну соберут,
И молитвы их герою
Мир в стране теней дадут.

О Приам, ты пред Ахиллом
Здесь во прах главу склонял;
Здесь молил о сыне милом,
Здесь, несчастный, ты лобзал
Руку, слез твоих причину...
Ах! не сетуй; глас небес
Нам одну изрек судьбину:
И меня постиг Зевес.

Близок час мой; роковая
Приготовлена стрела;
Парка, жребию внимая,
Дни мои уж отвила;

И скрывают врата Аида;¹
И вещает грозный глас:
Все свершилось для Пелида;
Факел дней его угас.

Верный друг мой взят могилой;
Брата бой меня лишил —
Вслед за ним с земли унылой
Удалится и Ахилл.
Так судил мне рок жестокий:
Я паду в весне моей
На чужом берегу, далёко
От Пелеевых очей.

Ах! и сердце зашрещает
Доле жить в земном краю,
Где уж друг не улаждает
Душу сирую мою.
Гектор пал — его паденьем
Тень Патрокла я смирил;
Но себе за друга мщеньем
Путь к Тенару проложил.

Ты не жди, Менетий, сына;²
Не придет он в отчий дом...
Здесь Эгейская пучина
Пред его шумит холмом;
Спит он... смерть сковала длани,
Позабыл ко славе путь;
И призывный голос брани
Не вздымает хладну прудь.

И Ахилл не возвратится;
В доме отчем пустота
Скоро, скоро водворится...
О Пелей, ты сирота.
Пронесется буря брани —
Ты Ахилла будешь ждать

---

¹ Аидом назывался у греков ад; Плутон был проименован Айдоном. (*Прим. Жуковского.*)

² Менетий — отец Патрокла. (*Прим. Жуковского.*)

И чертог свой в новы ткани
Для приема убирать;

Будешь с берега уныло
Ты смотреть — в пустой дали
Не белеет ли ветрило,
Не плывут ли корабли?
Корабли придут от Трои —
А меня ни на одном;
Там, где билися герои,
Буду спать — и вечным сном.

Тщетно, смертною борьбою
Мучим, будешь сына звать
И хладеющей рукою
Вкруг себя его искать —
С милым светом разлученья
Глас его не усладит;
И на брег воды забвенья
Зов отца не долетит.

Край отчизны, светлы воды,
Очарованны места,
Мирт, олив и лавров своды,
Пышных долов красота,
Расцветайте, убирайтесь,
Как и прежде, красотой;
Как и прежде, оглашайтесь
Кликом радости одной;

Но Патрокла и Ахилла
Никогда вам не видать!
Воды Сперхия, сулила
Вам рука моя отдать
Волоса с моей от брани
Уцелевшей головы...
Все Патроклу в дар, и дани
Уж моей не ждите вы,

Кони быстрые, из боя
(Тайный рок вас удержал)
Вы не выпесли героя —
И на щит он мертвый пал;

Коня бодрые, ретивы,
Что ж теперь так мрачны вы?
По земле влачатся привы;
Наклонились главы;

Позабыта пища вами;
Груды мощные дрожат;
Слышу стон ваш, и слезами
Очи гордые блещут.
Знать, Ахиллов пред собою
Зрите вы последний час;
Знать, внушен был вам судьбою
Мне конец вещавший глас...

Скоро!.. лук свой напрягает
Неизбежный Аполлон,
И пришельца ожидает
К Стиксу черному Харон.
И Патрокл с берегов забвенья
В полуночной тишине
Легкой тенью сновиденья
Прилетал уже ко мне.

Как зефирное дыханье,
Он провеял надо мной;
Мне послышалось призыванье,
Сладкий глас души родной;
В нежном взоре скорбь разлуки
И следы минувших слез...
Я простер ко брату руки...
Он во мгле пустой исчез.

От Скироса вдаль влекомый,
Поплывет Неоптолем;¹
Брег увидит незнакомый
И зеленый холм на нем;
Кормщик юноше укажет,

---

¹ Пирр, сын Ахилла и Деидамии, прозванный Неоптолемом. В то время, когда Ахилл ратовал под стенами Илиона, он находился в Скиросе у деда своего, царя Ликомеда. (Прим. Жуковского.)

Полный думы, на курган —
«Вот Ахиллов гроб (он скажет);
Там вблизи был греков стан.

Там, ужасный, на опраде
Нам явился он в ночи —
Нестерпимый блеск во взгляде,
С шлема грозные лучи —
И трикраты звучным криком
На врага он грянул страх,
И троянец с бледным ликом
Бросил щит и меч во прах.

Там, Атриду дав десницу,
С ним союз запечатлел;
Там, премящий, в колесницу
Прянув, к Трое полетел;
Там по праху за собою
Тело Гекторovo мчал
И на трепетную Трою
Взглядом мщения сверкал!»

И сойдешь на брег священный
С корабля, Неоптолем,
Чтоб на холм уединенный
Положить и меч и шлем;
Вкруг уж пусто... смолкли бои;
Тихи Ксант и Симоис;
И уже на грудах Трои
Плющ и терние свились.

Обойдешь равнину брани...
Там, где ратовал Ахилл,
Уж сталятся робки лани
Вкруг оставленных могил;
И услышишь над собою
Двух невидимых полет...
Это мы... рука с рукою...
Мы, друзья минувших лет.

Вспомяни тогда Ахилла:
Быстро в мире он протек;
Здесь судьба ему сулила

Долгий, но бесславный век;
Он мгновение со славой,
Хладну жизнь презрев, избрал
И на друга труп кровавый,
До могилы верный, пал».

Он умолк... в тумане Ида;
Отуманен Илион;
Спит во мраке стан Атрида;
На равнине битвы сон;
И курясь, едва сверкает
Пламень гаснувших костров;
И протяжно окликает
Стража стражу близ шатров.

ЭОЛОВА АРФА

Владыко Морвены,
Жил в дедовском замке могучий Ордал;
Над озером степы
Зубчатые замок с холма возвышал;
Прибрежны дубравы
Склонялись к водам,
И стлался кудрявый
Кустарник по злачным окрестным холмам.

Спокойствие ссней
Дубравных там часто лай псов нарушал;
Рогатых еленей
И вепрей и ланей могучий Ордал
С отважными псами
Гонял по холмам;
И доли с холмами,
Шумя, отвечали зовущим рогам.

В жилище Ордала
Веселость из ближних и дальних красв
Гостей собирала;
И убраны были чертоги пиров
Еленей рогами;
И в память отцам
Висели рядами
Их шлемы, кольчуги, щиты по стенам.

И в дружных беседах
Любил за бокалом рассказы Ордал
О древних победах
И взоры на брони отцов устремлял:
Чеканны их латы
В глубоких рубцах;
Мечи их зубчаты;
Щиты их и шлемы избиты в боях.

Младая Минвана
Красой озаряла родительский дом;
Как зыби тумана,
Зарею златимы над свежим холмом,
Так кудри густые
С главы молодой
На перси молодые,
Вияся, бежали струей золотой.

Приятней денницы
Задумчивый пламень во взорах сиял:
Сквозь темны ресницы
Он сладкое в душу смятенье вливал;
Потока журчанье —
Приятность речей;
Как роза дыханье;
Душа же прекрасней и прелестей в ней.

Гремела красою
Минвана и в ближних и в дальних краях;
В Морвену толпою
Стекались витязи, славны в боях;
И дочерью гордился
Пред ними отец...
Но втайне делился
Душою с Минваной Арминий-певец.

Младой и прекрасный,
Как свежая роза — утеха долин,
Певец сладкогласный...
Но родом не знатный, не княжеский сын:
Минвана забыла
О саче своем.

И сердцем любила,
Невинная, сердце невинное в нем.

На темные своды
Багряным щитом покатилась луна;
И озера воды
Струистым сияньем покрыла она;
От замка, от сеней
Дубрав по берегам
Огромные теней
Легли великаны по гладким водам.

На холме, где чистым
Потоком источник бежал из кустов,
Под дубом ветвистым —
Свидетелем тайных свиданья часов —
Минвана младая
Сидела одна,
Певца ожидая,
И в страхе таила дыханье она.

И с арфою стройной
Ко древу к Минване приходит певец.
Все было спокойно,
Как тихая радость их юных сердец:
Прохлада и нега,
Мерцанье луны,
И ропот у берега
Дробимыя с легким плесканьем волны.

И долго, безмолвны,
Певец и Минвана с унылой душой
Смотрели на волны,
Златимые тихо блестящей луной.
«Как быстрые воды
Поток свой лият —
Так быстрые годы
Веселье младое с любовью несут».

«Что ж сердце уныло?
Пусть воды лиются, пусть годы бегут,
О верный! о милый!

С любовью годы и жизнь унесут.» —
«Минвана, Минвана,
Я бедный певец;
Ты ж царского сана,
И предками славен твой гордый отец».

«Что в славе и сани?
Любовь — мой высокий, мой царский венец.
О милый, Минване
Всех витязей краше смиренный певец,
Зачем же уныло
На радость глядеть?
Все близко, что мило;
Оставим годам за годами лететь».

«Минутная сладость
Веселого *вместе*, помедли, постой;
Кто скажет, что радость
Навек не умчится с грядущей зарей!
Проглянет денница —
Блаженству конец;
Опять ты царица,
Опять я ничтожный и бедный певец».

«Пускай возвратится
Веселое утро, сияние дня;
Зарей озарится
Тот свет, где мой милый живет для меня.
Лишь царским убором
Я буду с толпой;
А мыслю, взором,
И сердцем, и жизнью, о милый, с тобой».

«Прости, уж бледнеет
Рассветом далекий, Минвана, восток;
Уж утренний веет
С вершины кудрявых холмов ветерок». —
«О нет! то зарница
Блестит в облаках;
Не скоро денница;
И тих ветерок на кудрявых холмах».

«Уж в замке проснулись;
Мне слышался шорох и звук голосов». —
«О нет! встрепонулись
Дремавшие пташки на ветвях кустов». —
«Заря уж багряна». —
«О милый, постой». —
«Минвана, Минвана,
Почто ж замирает так сердце тоской?»

И арфу унылый
Певец привязал под наклоном ветвей:
«Будь, арфа, для милой
Залогом прекрасных минувшего дней;
И сладкие звуки
Любви не забудь;
Улада разлуки
И вестник души неизменные будь.

Когда же мой юный,
Убитый печалию, цвет опадет,
О верные струны,
В вас с прежней любовью душа перейдет.
Как прежде, сыграет
Веселие в вас,
И друг мой узнает
Привычный, зовущий к свиданию глас.

И думай, их пенью
Внимая вечерней, Минвана, порой,
Что легкою тенью,
Все верный, летает твой друг над тобой;
Что прежние муки:
Превратности страх,
Томленье разлуки,
Все с трепетной жизнью он бросил во прах.

Что, жизнь переживши,
Любовь лишь одна не рассталась с душой;
Что робко любивший
Без робости любит и более твой.
А ты, дуб ветвистый,
Ее осеций;

И, ветер душистый,
На грудь молодую дышать прилетай».

Умолк — и с прелестной
Задумчивых долго очей не сводил...
Как бы неизвестный
В нем голос: *навек прости!* говорил.
Горячей рукою
Ей руку пожал
И, тихой стопою
От ней удаляся, как призрак пропал...

Луна воссияла...
Минвана у древа... но где же певец?
Увы! предузнала
Душа, унывая, что счастьем конец;
Молва о свиданье
Достигла отца...
И мчит уж в изгнанье
Ладья через море молодого певца.

И поздно и рано
Под дровом свиданья Минвана грустит.
Уныло с Минваной
Один лишь нагорный поток говорит;
Все пусто; день ясный
Взойдет и зайдет —
Певец сладкогласный
Минваны под дровом свиданья не ждет.

Прохладою дышит
Там ветер вечерний, и в листьях шумит,
И ветви колышет,
И арфу лобзает... но арфа молчит.
Творения радость,
Настала весна —
И в свежую младость,
Красу и веселье земля убрана.

И ярким сияньем
Холмы осыпал вечеряющий день:
На землю с молчаньем

Сходила ночная, росистая тень;
Уж синие своды
Блистают в звездах;
Сравнились воды;
И ветер улегся на спящих листьях.

Сидела уныло
Минвана у древа... душой вдалеке...
И тихо все было...
Вдруг... к пламенной что-то коснулось щеке;
И что-то шатнуло
Без ветра листья;
И что-то прильнуло
К струнам, невидимо слетев с высоты...

И вдруг... из молчанья
Поднялся протяжно задумчивый звон;
И тише дыханья
Играющей в листьях прохлады был он.
В ней сердце смутилось:
То друга привет!
Свершилось, свершилось!..
Земля опустела, и милого нет.

От тяжких муки
Минвана упала без чувства на прах,
И жалобней звуки
Над ней застонали в смятенных струнах.
Когда ж возвратила
Дыханье она,
Уже восходила
Заря, и над нею была тишина.

С тех пор, унывая,
Минвана, лишь вечер, ходила на холм
И, звукам внимая,
Мечтала о милом, о свете другом,
Где жизнь без разлуки,
Где все не на час —
И мнились ей звуки,
Как будто летящий от родины глас.

«О милые струны,
Играйте, играйте... мой час недалек;
Уж клонится юный
Главой недоцветшей ко праху цветов.
И странник унылый
Завтра придет
И спросит: где милый
Цветок мой?.. и боле цветка не найдет».

И нет уж Минваны...
Когда от потоков, холмов и полей
Восходят туманы
И светит, как в дыме, луна без лучей, —
Две видятся тени:
Слиявшись, летят
К знакомой им сени...
И дуб шевелится, и струны звучат.

МЩЕНИЕ

Изменой слуга паладина убил:
Убийце завиден сан рыцаря был.

Свершилось убийство ночью порой —
И труп поглощен был глубокой рекой.

И шпоры и латы убийца надел
И в них на коня паладинова сел.

И мост на коне проскакать он спешит:
Но конь поднялся на дыбы и храпит.

Он шпоры вонзает в крутые бока:
Конь бешеный сбросил в реку седока.

Он выплыть из всех напрягается сил:
Но панцирь тяжелый его утопил.

ГАРАЛЬД

Перед дружиной на коне
Гаральд, боец седой,
При свете полная луны,
Въезжает в лес густой.

Отбиты вражьи знамена
И веют и шумят,
И гулом песней боевых
Кругом холмы гудят.

Но что порхает по кустам?
Что зыблется в листьях?
Что налетает с вышины
И плещется в волнах?

Что так ласкает, так манит?
Что нежною рукой
Снимает меч, с коня влечет
И тянет за собой?

То феи... в легкий хоровод
Слетелись при луне.
Спасенья нет; уж все бойцы
В волшебной стороне.

Лишь он, бесстрашный вождь Гаральд,
Один не побежден:
В петленный с ног до головы
Булат закован он.

Пропали спутники его;
Там брошен меч, там щит,
Там ржет осиротелый конь
И дико в лес бежит.

И едет, сумрачно-уныл,
Гаральд, боец седой,
При свете полная луны
Один сквозь лес густой,

Но вот шумит, журчит ручей —
Гаральд с коня прыгнул,
И снял он шлем и влаги им
Студеной зачерпнул.

Но только жажду утолил,
Вдруг обессилел он;
На камень сел, поник головой
И погрузился в сон.

И веки на утесе том,
Главу склоня, он спит:
Седые кудри, борода;
У ног копьё и щит.

Когда ж гроза, и молний блеск,
И лес ревет густой, —
Сквозь сон хватается за меч
Гаральд, боец седой.

ТРИ ПЕСНИ

«Споет ли мне песню веселую скальд?» —
Спросил, озираясь, могучий Освальд.
И скальд выступает на царскую речь,
Под мышкою арфа, на поясе меч.

«Три песни я знаю: в одной старина!
Тобою, могучий, забыта она;
Ты сам ее в лесе дремучем сложил;
Та песня: *отца моего ты убил.*»

Есть песня другая: ужасна она;
И мною под бурей ночной сложена;
Пою ее ранней и поздней порой;
И песня та: *бейся, убийца, со мной!*»

Он в сторону арфу, и меч наголо;
И бешенство грозные лица зажгло;
Запрыгали искры по звонким мечам —
И рухнул Освальд — голова пополам.

«Раздайся ж, последняя песня моя;
Ту песню и утром и вечером я
Греть не устану пред девой любви;
Та песня: *убийца повержен в крови.*»

ДВЕНАДЦАТЬ СПЯЩИХ ДЕВ

*Старинная повесть
в двух балладах*

Опять ты здесь, мой благодатный Гений,
Воздушная подруга юных дней;
Опять с толпой знакомых привидений
Теснишься ты, Мечта, к душе моей...
Приди ж, о друг! дай прежних вдохновений,
Минувшую мне жизнь повей,
Побудь со мной, продли очарованья,
Дай сладкого вкусить воспоминанья.

Ты образы веселых лет примчала —
И много милых теней восстает;
И то, чем жизнь столь некогда пленяла,
Что Рок, отняв, назад не отдает,
То все опять душа моя узнала;
Проснулась Скорбь, и Жалоба зовет
Сопутников, с пути сошедших прежде
И здесь вотще поверивших надежде.

К ним не дойдут последней песни звуки;
Рассеян круг, где первую я пел;
Не встретят их простертые к ним руки;
Прекрасный сон их жизни улетел.
Других умчал могущий Дух разлуки;
Счастливый край, их знавший, опустел;
Разбросаны по всем дорогам мира —
Не им поет задумчивая лира.

И снова в томном сердце воскресаёт
Стремленье в оный таинственный свет;

Давнишний глас на лире оживает,
Чуть слышимый, как Гения полет;
И душу хладную разогревает
Опять тоска по благам прежних лет:
Все близкое мне зрится отдаленным,
Отжившее, как прежде, оживленным.

Баллада первая
ГРОМОБОЙ

Leicht aufzuritzen ist das Reich
der Geister;
Sie liegen wartend unter dünner Decke
Und, leise hörend, stürmen sie herauf.
Schiller.¹

АЛЕКСАНДРЕ АНДРЕЕВНЕ
ВОЕЙКОВОЙ

*Моих стихов желала ты —
Желанье исполняю;
Тебе досуг мой и мечты
И лиру посвящаю.
Вот повесть прадедовских лет.
Еще ж одно — желанье:
Цвети, мой несравненный цвет,
Сердце очарованье;
Печаль по слуху только знай;
Будь радостию света;
Моих стихов хоть не читай,
Но другом будь поэта.*

Над пенистым Днепром-рекой,
Над страшною стремниной,
В глухую полночь Громобой
Сидел один с кручиной;
Окест него дремучий бор;
Утесы под ногами;
Туманен вид полей и гор;

---

¹ Нам в области духов легко проникнуть;
Нас ждут они, и молча стерегут,
И, тихо внемя, в бурях вылетают.

Шиллер. (Пер. Жуковского.)

Туманы над водами;
Подернут мглою свод небес;
В ущельях ветер свищет;
Ужасно шепчет темный лес,
И волк во мраке рыщет.

Сидит с поникшей головой
И думает он думу:
«Печальный, горький жребий мой!
Клянусь судьбу угрюму;
Дала мне крест тяжелый несть;
Всем людям жизнь отрада:
Тем злато, тем покой и честь —
А мне сума награда;
Нет крова защитить главу
От бури, непогоды...
Устал я, в помощь вас зову,
Днепровски быстры воды».

Готов он прыгнуть с крутизны...
И вдруг пред ним явление:
Из темной бора глубины
Выходит привиденье,
Старик с шершавой бородой,
С блестящими глазами,
В дугу сомкнутый над клюкой,
С хвостом, когтями, рогами.
Идет, приблизился, грозит
Клюкою Громобою...
И тот как вкопанный стоит,
Зря диво пред собою.

«Куда?» — неведомый спросил.
«В волнах скончать мученья». —
«Почто ж, бессмысленный, забыл
Во мне искать спасенья?» —
«Кто ты?» — воскликнул Громобой,
От страха цепенея.
«Заступник, друг, спаситель твой:
Ты видишь Асмодея». —
«Творец небесный!» — «Удержись!

В молитве нет отрады;
Забудь о божѣ — мнѣ молись;
Мои верней награды.

Прими от дружбы, Громобой,
Полезное ученѣе:
Постигнут ты судьбы рукой,
И жизнь тебѣ мученѣе;
Но всем бедам найти конец
Я способы имею;
К тебѣ нежалостлив творецъ, —
Прибегни къ Асмодею.
Могу тебѣ я силу дать
И честь и много злата,
И грудью буду я стоять
За друга и за брата.

Кляпуть... свидѣтель ада богъ,
Что клятвы не нарушу;
А ты, мой другъ, за то въ залогъ
Свою отдай мнѣ душу». —
Невольно вздрогнул Громобой,
По членамъ хладъ стремится;
Земли не взвидѣлъ подъ собой,
Нѣтъ силъ перекреститься.
«О чемъ задумался, глупецъ?» —
«Страшусь мученій ада». —
«Но рано ль, поздно ль... наконецъ
Все адъ твоя награда.

Тебѣ на свѣтѣ жить — беда;
Покинуть свѣтъ — другая;
Останься здѣсь — пооди туда, —
Вездѣ погибель злая.
Ханжи-причудники твердятъ:
Лукавый бесъ опасенъ.
Не верь имъ — бредни; веселъ адъ,
Лишь въ сказкахъ онъ ужасенъ.
Мы жизнь пріятную ведемъ;
Нашъ адъ не хуже рая;
Ты скажешь самъ, ликуя въ немъ:
Лишь въ адѣ жизнь прямая.

Тебе я терем пышный дам
И тьму людей на службу;
К боярам, витязям, князьям
Тебя введу я в дружбу;
Досель красавиц ты пугал —
Придут к тебе толпою;
И, словом, — вздумал, загадал,
И все перед тобою.
И вот в задаток кошелек:
В нем вечно будет золото.
Но десять лет — не боле — срок
Тебе так жить богато.

Когда ж последний день от глаз
Исчезнет за горою,
В последний полуночный час
Приду я за тобою».
Стал думу думать Громобой,
Подумал, согласился
И обольстителю душой
За золото поклонился.
Разрезав руку, написал
Он кровью обещанье;
Лукавый принял — и пропал,
Сказавши: «До свиданья!»

И вышел в люди Громобой —
Откуда что взялося!
И счастье на него рекой
С богатством полилося;
Как княжеский, разубран дом;
Подвалы полны злата;
С заморским выходы вином,
И редкостей палата;
Пир — хоть пост, хоть мясоед;
Музыка роговая;
Для всех — чужих, своих — обед
И чаша круговая.

Возможно все в его очах,
Всему он повелитель:

И сильным бич, и слабым страх,
И хищник, и грабитель.
Двенадцать дев похитил он
Из отческой их сени;
Презрел невинных жалкий стоп
И родственников пепи;
И в год двенадцать дочерей
Имел от обольщенных;
И был уж чужд своих детей
И крови уз священных.

По чад оставленных щитом
Был ангел их хранитель:
Он дал им пристань — божий дом,
Смирения обитель.
В святых стенах монастыря
Сокрыл их с матерями:
Да славят высшего царя
Невинных уст мольбами.
И горней благодати сень
Была над их главою;
Как вешний ароматный день,
Цвели они красою.

От ранних колыбельных лет
До юности златая
Им ведом был лишь божий свет,
Лишь подвиги благие;
От сна вставая с юным днем,
Стекались во храме;
На клиросе, пред алтарем,
Кадильниц в фимнаме,
В священный литургии час
Их слышалось пенье —
И сладкий непорочных глас
Внимало провиденье.

И слезы нежных матерей
С молитвой их сливались,
Когда во храме близ мощей
Они распростирались.

«О! дай им кров, небесный царь
(То было их моление);
Да будет твой святой алтарь
Незлобных душ спасенье;
Покинул их родной отец,
Дав бедным жизнь постылу;
Но призри ты сирот, творец,
И грешника помилуй...».

Но вот... настал десятый год;
Уже он на исходе;
И грешник горьки слезы льет:
Всему он чужд в природе.
Опять украшены весной
Луга, пригорки, доли;
И пахарь весел над сохой,
И счастья полны сёлы;
Не зрит лишь он златой весны:
Его померкли взоры;
В туман для них погребены
Луга, долины, горы.

Денница ль красная взойдет —
«Прости, — гласит, — денница».
В дубраве ль птичка пропоет —
«Прости, весны певица...
Прости, и мирные леса,
И пивы золотые,
И неба светлая краса,
И радости земные».
И вспомнил он забытых чад;
К себе их призывает;
И мнит: они творца смягчат;
Невинным бог внимает.

И вот... настал последний день;
Уж солнце за горою;
И стелется вечерня тень
Прозрачной пеленою;
Уж сумрак... смерклось... вот луна
Блеснула из-за тучи;

Легла на горы тишина;
Утих и лес дремучий;
Река сравнялась в берегах;
Зажглись светила ночи;
И сон глубокий на полях;
И близок час полночи...

И, мучим смертною тоской,
У спасовой иконы
Без веры ищет Громобой
От ада обороны.
И юных чад к себе призвал —
Сердца их близки раю —
«Увы! молитесь (вопий),
Молитесь, погибаю!»
Младенца внятен небу стоп:
Невинные молились;
Но вдруг... на них находит сон...
Замолкли... усыпились.

И всё в ужасной тишине;
Окрестность как могила;
Вот... каркнул ворон на стене;
Вот... стая псов завывала;
И вдруг... протяжно полночь бьет;
Нашли на небо тучи;
Река надулась; бор ревет;
И мчится прах летучий.
Увы!.. последний страшный бой
Отгрянул за горами...
Гул тише... смолк... и Громобой
Зрит беса пред очами.

«Ты видел, — рек он, — день из глаз
Сокрылся за горою;
Ты слышал: бил последний час;
Пришел я за тобою». —
«О! дай, молю, хоть малый срок;
Терзаюсь, ад ужасен». —
«Свершилось! неизбежен рок,
И поздний вопль напрасен». —
«Минуто!» — «Слышишь? Цепь звучит». —

«О страшный час! помилуй!» —
«И гроб готов, и саван спит,
И роют уж могилу.

Заутра день взойдет во мгле.
Подымутся стенанья;
Увидят труп твой на столе,
Недвижный, без дыханья;
Кадил и свеч в дыму густом,
При тихом ликов пенье,
Тебя запрут в подземный дом
Навеки в заточенье;
И страшно заступ застучит
Над кровлей гробовою;
И тихо клир провозгласит:
«Усопший, мир с тобою!»

И мир не будет твой удел:
Ты адово стяжанье!
Но время... идут... час приспел.
Внимай их завыванье;
Сошлись... призывный слышу клич...
Их челюсти зияют;
Смола клокочет... свищет бич...
Оковы разжигают». —
«Спаситель-царь, вонми слезам!» —
«Напрасное моленье!» —
«Увы! позволь хоть сиротам
Мне дать благословенье»,

Младенцев спящих видит бес —
Сверкнули страшно очи!
«Лишить их царствия небес,
Предать их адской ночи...
Вот слава! мне восплещет ад
И с гордым Сатаною».
И, усмирив грозящий взгляд,
Сказал он Громобою:
«Я внял твоей печали глас;
Есть средство избавленья;
Покорен будь, иль в ад сей час
На скорби и мученья.

Предай мне души дочерей
За временну свободу,
И дам, по милости своей,
На каждую по году». —
«Злодей! губить невинных чад!» —
«Ты медлишь? Приступите!
Низриньте грешника во ад!
На части разорвите!»
И вдруг отсюда крик и стон;
Земля затрепетала;
И грянул гром со всех сторон;
И тьма бесов предстала.

Чудовищ адских грозный сонм;
Бегут, гремят цепями,
И стали грешника кругом
С разверзтыми когтями.
И ниц повергся Громобой,
Бесчувствен, полумертвый;
И вопит: «Страшный враг, постой!
Постой, готовы жертвы!»
И скрылись все. Он будит чад...
Он пишет их рукою...
О страх! свершилось... плещет ад
И с гордым Сатаною.

Ты казнь отсрочил, Громобой,
И дверь сомкнулась ада;
Но жить, погибнувши душой, —
Коль страшная отрада!
Влачи унылы дни, злодей,
В болезни ожидания;
Веселья нет душе твоей,
И нет ей упования;
Увы! и красный божий мир
И жизнь ему постылы;
Он в людстве дик, в семействе сир;
Он вживе снеть могилы.

Напрасно веет ветерок
С душистыя долины;
И свет луны сребрит поток

Сквозь темны лип вершины;
И ласточка зари восход
Встречает щебетаньем;
И роща в тень свою зовет
Листочков трепетаньем;
И шум бегущих с поля стад
С пастушьими рогами
Вечерний мрак животворят,
Теряясь за холмами...

Его доселе светлый дом
Уж сумрака обитель.
Угрюм, с нахмуренным лицом
Пиров веселых зритель,
Не пьет кипящего вина
Из чаши круговая...
И страшен день; и ночь страшна;
И тени гробовыя
Он всюду слышит грозный вой;
И в час глубокой ночи
Бежит одра его покой;
И сон забыли очи.

И тьмы лесов страшится он!
Там бродит привиденье;
То чудится полночный звон,
То погребально пенье;
Страшит его и бури свист,
И грозных туч молчанье,
И с шорохом падающий лист,
И рощи содроганье.
Прокатится ль по небу гром —
Бледнеет, дыбом волос;
«То мститель, послан божеством;
То казни страшный голос».

И вид прелестный юных чад
Ему не наслажденье.
Их милый, чувства полный взгляд,
Спокойствие, смирение,
Краса — веселые очей,
И гласа нежны звуки,

И сладость ласковых речей
Его сугубят муки.
Как роза — благовонный цвет
Под сению надежной,
Они цветут: им скорби нет;
Их сердце безмятежно.

А он?.. Преступник... он, в тоске
На них подъявля очи,
Отверзту видит вдалеке
Пучину адской ночи.
Он плачет; он судьбу клянет;
«О милые творенья,
Какой вас лютый жребий ждет!
И где искать спасенья?
Напрасно вам дана краса;
Напрасно сердцу милы;
Закрыт вам путь на небеса;
Цветете для могилы.

Увы! пора любви придет:
Вам сердце тайну скажет,
Для вас украсит божий свет,
Вам милого покажет;
И взор наполнится тоской,
И тихим грудь желаньем,
И, распаленные душой,
Влекумы ожиданьем,
Для вас взойдет краснее день,
И будет луг душистей,
И сладостней дубравы тень,
И птичка голосистей.

И дни блаженства не придут;
Страшитесь милой встречи;
Для вас не брачные зажгут,
А погребальны свечи.
Не в божий, гимнов полный, храм
Пойдете с женихами...
Ужасный гроб готовят нам;
Прокляты небесами.
И наш удел тоска и стон

В обителях геенны...
О, грозный жребия закон,
О, жертвы драгоценны!..»

Но взор возвел он к небесам
В душевном сокрушенье
И мнит: «Сам бог вещает нам —
В раскаянье спасенье.
Возносятся пред вышний трон
Преступников стенанья...»
И дом свой обращает он
В обитель покаянья:
Да странник там найдет покой,
Вдова и сирый друга,
Голодный сладку снедь, больной
Спасенье от недуга.

С утра до ночи у ворот
Служитель настороже;
Он всех прохожих в дом зовет:
«Есть хлеб-соль, мягко ложе».
И вот уже из всех краев,
Влекомые молвою,
Идут толпы сирот, и вдов,
И нищих к Громобою;
И всех приемлет Громобой,
Всем дань его готова;
Он щедрой злато льет рукой
От имени Христова.

И божий он воздвигнул дом;
Подобье светла рая,
Обитель иноков при нем
Является святая;
И в той обители святой,
От братии смиренной
Увечный, дряхлый, и больной,
И скорбью убивенный
Принимают именем творца
Отраду, исцеленье:
Да воскрешаемы сердца
Узнают провиденье.

И славный мастер призвап был
Из города чужого;
Он в храме лик изобразил
Угодника святого;
На той иконе Громобой
Был видим с дочерями,
И на молящихся святой
Взирал любви очами.
И день и ночь огонь пылал
Пред образом в лампаде,
В златом венце алмаз сиял,
И перлы на окладе.

И в час, когда редее тень,
Еще дубрава дремлет
И воцаряющийся день
Полнеба лишь объемлет;
И в час вечерней тишины —
Когда везде молчанье
И свечи, в храме возжены,
Льют тихое сиянье, —
В слезах раскаянья, с мольбой,
Пред образом смиренно
Распростирался Громобой,
Веригой отягченный...

Но быстро, быстро с гор текут
В долину вешни воды —
И невозвратные бегут
Дни, месяцы и годы.
Уж время с годом десять лет
Невидимо умчало;
Последнего двух третей нет —
И будто не бывало;
И некий неотступный глас
Вещает Громобою:
«Всему конец! твой близок час!
Погибель над тобою!»

И вот... недуг повергнул злой
Его на одр мученья,
Растерзан лютою рукой,

Не чая псцеленья,
Всечасно пред собой он зрит
Отверзту дверь могилы;
И у возглавия сидит
Над ним призрѣак унылый.
И нет уж сил ходить во храм
К иконе чудотворной —
Лишь взор стремится он к небесам,
Молящий, но покорный.

Увы! уж и последний день
Край неба озлащает;
Сквозь темную дубравы сень
Блистанье проникает;
Все тихо, весело, светло;
Все негой сладкой дышит;
Река прозрачна, как стекло;
Едва, едва колышет
Листами легкий ветерок;
В полях благоуханье,
К цветку прилипнул мотылек
И пьет его дыханье.

Но грешник сей встречается день
Со стоном и слезами.
«О, рано ты, ночная тень,
Рассталась с небесами!
Сойдитесь, дети, одр отца
С молитвой окружите
И пред судилище творца
Стенания пошлите.
Ужасен нам сей ночи мрак;
Взывайте: искупитель,
Смягчи грозящий гнева зрак;
Не будь нам строгий мститель!»

И страшного одра кругом —
Где бледен, изможденный,
С обезображенным челом,
Все кости обнаженны,
Брада до чресл, власы горой,
Взор дикий, впалы очи,

Вопил от муки Громобой
С утра до поздней ночи —
Стеклися девы, ясный взор
На небо устремили
И в тихий к провиденью хор
Сердца совокупили.

О вид, угодный небесам!
Так ангелы спасенья,
Вонмя раскаянья слезам,
С улыбкой примиренья,
В очах отрада и покой,
От горнего чертога
Нисходят с милостью святой,
Предшественники бога,
К одру болезни в смертный час...
И, утомлен страданьем,
Сын гроба слышит тихий глас:
«Отыди с упованьем!»

И девы, чистые душой,
Подъемля к небу руки,
Смиреной мыслили мольбой
Отца спокоеить муки:
Но ужас близкого конца
Над ним уже носился;
Язык коснеющий творца
Еще молить стремился;
Тоскуя, взором он искал
Сияния денницы...
Но взор недвижный угасал,
Смыкались зеницы.

«О дети, дети, гаснет день». —
«Нет, утро; лишь проснулась
Заря на холме; черна тень
По долу протянулась;
И нивы пусты... в высоте
Лишь жаворонок вьется». —
«Увы! завтра в красоте
Опять сей день prospется!
Но мы... уж скрылись от земли;

Уже нас гроб снедает;
И место, где поднесь цвели,
Нас боле не признает.

Несчастные, дерзну ль на вас
Изречь благословенье?
И в самой вечности для нас
Погибло примиренье.
Но не сопутствуйте отцу
С проклятием в могилу;
Молитесь, воззовем к творцу:
Разгневанный, помилуй!»
И дети, страшных сих речей
Не всю объемля силу,
С невинной ясностью очей
Воскликнули: «Помилуй!»

«О дети, дети, ночь близка». —
«Лишь полдень наступает;
Пастух у вод для холодка
Со стадом отдыхает;
Молчат поля; в долине сон;
Пылает небо знойно». —
«Мне чудится надгробный стон». —
«Все тихо и спокойно;
Лишь свежий ветерок, порой
Подъемлясь с поля, дует;
Лишь иволга в глуши лесной
Повременно воркует».

«О дети, светлый день угас». —
«Уж солнце за горою;
Уж по закату разлилась
Багряною струею
Заря, и с пламенных небес
Спокойный вечер сходит,
На зареве чернеет лес,
В долине сумрак бродит». —
«О вечер сумрачный, постой!
Помедли, день прелестный!
Помедли, взор не узрит мой
Тебя уж в поднебесной!..

О дети, дети, ночь близка». —
    «Заря уж догорела;
В туман оделася река;
    Окрестность побледнела;
И на распутии пылят
    Стада, спеша к селенью». —
«Спасите! полночь бьет!» — «Звонят
    В обители к моленю:
Отцы поют хвалебный глас;
    Огнями храм блистает». —
«При них и грешник в страшный час
    К тебе, творец, взывает!..

Не тмится ль, дети, неба свод?
    Не мчатся ль черны тучи?
Не вздул ли вихорь бурных вод?
    Не вьется ль прах летучий?» —
«Все тихо... служба отошла;
    Обитель засыпает;
Луна полнеба протекла;
    И божий храм сияет
Один с холма в окрестной мгле;
    Луга, поля безмолвны;
Огни потухнули в селе;
    И рощи снят и волны».

И всюду тишина была;
    И вся природа, мнилось,
Предуstraшенная ждала,
    Чтоб чудо совершилось...
И вдруг... как будто ветерок
    Повеял от востока,
Чуть тронул дремлющий листок,
    Чуть тронул зыбь потока...
И некий глас промчался с ним...
    Как будто над звездами
Коснулся арфы серафим
    Эфирными перстами.

И тихо, тихо божий храм
    Отверзся... Известный
Явился старец дев очам;

И лик красы небесной
И кротость благостных очей
Рождали упование;
Одеян ризою лучей,
Окрест главы сиянье,
Он не касался до земли
В воздушном приближеньи...
Пред ним незримые текли
Надежда и Спасенье.

Сердца их ужас обуял...
«Кто этот, в славе зримый?»
Но близ одра уже стоял
Пришлец неизъяснимый.
И к девам прикоснулся он
Полой своей одежды:
И тихий во мгновение сон
На их простерся вежды.
На искаженный старца лик
Он кинул взгляд укора:
И трепет в грешника проник
От пламенного взора.

«О! кто ты, грозный сын небес?
Твой взор мне наказанье». —
Но, страшный строгостью очес,
Пришлец хранит молчанье...
«О, дай, молю, твой слышать глас!
Одно надежды слово!
Идет неотразимый час!
Событие готово!» —
«Вы лик во храме чтли мой;
И в том изображеньи
Моя десница над тобой
Простерта во спасенье».

«Ах! Что ж могущий повелел?» —
«Надейся и страшися». —
«Увы! какой нас ждет удел?
Что жребий их?» — «Молися».
И, руки положив крестом
На грудь изнеможенну,

Пред неиспытанным творцом
Молитву сокрушенну
Умолкший проливал в слезах;
И тяжело грудь дышала,
И в призывающих очах
Вся скорбь души сияла...

Вдруг пачал тмиться неба свод —
Мрачнее и мрачнее;
За тучей грозною ползет
Другая вслед грознее;
И страшно сшиблись над головой;
И небо заklubилось;
И вдруг... повсюду с черной мглой
Молчанье воцарилось...
И близок час полночи был...
И ризою святою
Угодник спящих дев накрыл,
Отступника — десною.

И, устремленны на восток,
Горели старца очи...
И вдруг, сквозь сон и мрак глубокий,
В пучине черной ночи,
Завыл протяжно вещей бой —
Окрестность с ним завывала;
Вдруг... страшной молнией струей
Свод неба раздвоила,
По тучам вихорь пробежал,
И с сильным грома треском
Ревущей буре бес предстал,
Одеян адским блеском.

И змеи в пламенных власах —
Клубясь, шипят и свистят;
И радость злобная в очах —
Кругом, сверкая, рыщут;
И тяжелой цепью он гремел —
Увлечь добычу льстился;
Но старца грозного узрел —
Утихнул и смирился;
И вмиг гордыни блеск угас;

И, смутен, вопрошает:
«Что, мощный враг, тебя в сей час
К сим падшим призывает?»

«Я зрел мольбу их пред собой». —
«Они мое стяжанье». —
«Перед небесным судией
Всесильно покаянье». —
«И час суда его притек:
Их жребий совершился». —
«Еще ко благодати не рек
Он в гневе: удалися!» —
«Он прав — и я владыка им». —
«Он благ — я их хранитель». —
«Исчезни! ад неотразим». —
«Ответствуй, Искупитель!»

И гром с востока полетел;
И бездну туч трикраты
Рассек браздами ярких стрел
Перун огнекрылатый;
И небо с края в край зажглось
И застонало в страхе;
И дрогнула земная ось...
И, воющий во прахе,
Творца грядуща слышит бес;
И молится хранитель...
И стал на высоте небес
Средь молний ангел-мститель.

«Гряду! и вечный божий суд
Несет моя десница!
Мне казнь и благодать предтекут...
Во прах, чадоубийца!»
О всемогущество словес!
Уже отступник тленье;
Потух последний свет очес;
В костях оцепененье;
И лик копчиной искажен;
И сердце охладело;
И от сомкнувшихся устен
Дыханье отлетело.

«И праху обладатель ад,
И гробу отверженье,
Доколь на погубленных чад
Не снидет искупленье.
И чадам непробудный сон;
И тот, кто чист душою,
Кто, их не зревши, распален
Одной из них красою,
Придет, житейское презрев,
В забвенну их обитель;
Есть обреченный спящих дев
От неба искупитель.

И будут спать: и к ним века
В полете не коснутся;
И пройдет тления рука
Их мимо; и проснутся
С неизменившейся красой
Для жизни обновленной;
И низойдет тогда покой
К могиле искупленной;
И будет мир в его костях;
И претворенный в радость,
Творца постигнув в небесах,
Речет: господь есть благодать!..»

Уж вестник утра в высоте;
И слышен громкий петел;
И день в воздушной красоте
Летит, как радость светел...
Узрели дев, объятых сном,
И старца труп узрели;
И мертвый страшен был лицом,
Глаза, не зря, смотрели;
Как будто, страждущ, прижимал
Он к хладным персям руки,
И на устах его роптал,
Казалось, голос муки.

И спящих лик покоен был:
Невидимо крылами
Их тихий ангел облачил;

И райскими мечтами
Чудесный был исполнен сон;
И сладким их дыханьем
Окрест был воздух растворен,
Как роз благоуханьем;
И расцветали их уста
Улыбкою прелестной,
И их являлась красота
В спокойствии небесной.

Но вот — уж гроб одет парчой;
Отверзлася могила;
И слышен колокола вой;
И теплятся кадила;
Идут и стар и млад во храм;
Подъемлется рыданье;
Дают бесчувственным устам
Последнее лобзанье;
И грянул в гроб ужасный млат;
И взят уж гроб землею;
И лик воспел: «Усопший брат,
Навеки мир с тобою!»

И вот — и стар и млад пошли
Обратно в дом печали;
Но вдруг пред ними из земли
Вкруг дома грозно встали
Гранитны стены — верх зубчат,
Бока одеты лесом, —
И, сгрянувшись, затворы врат
Задвинулись утесом.
И вспять погнал пришельцев страх;
Бегут, не озираясь;
«Небесный гнев на сих стенах!» —
Вещают, содрогаясь.

И стала та страна с тех пор
Добычей запустенья;
Поля покрыл дремучий бор;
Рассыпались селенья.
И человеческий глас умолк —
Лишь филин на утесе

И в ночь осеннюю гладный волк
Там воют в черном лесе;
Лишь дико меж седых берегов,
Спираема корнями
Изрытых бурей дубов,
Река клубит волнами.

Где древле окружала храм
Отшельников обитель,
Там грозно свищет по стенам
Змее, развалин житель;
И гимн по сводам не гремит —
Лишь веющий порою
Пустынный ветер шевелит
В развалинах травую;
Лишь, отторгаясь от стен,
Катятся камни с шумом,
И гул, на время пробужден,
Шумит в лесу угрюмом.

И на туманистом холме
Могильный зрится камень:
Над ним всегда в полночной тьме
Сияет бледный пламень.
И крест поверженный обвит
Листами повилик:
На нем угрюмый вран сидит,
Могила сторож дикий.
И все как мертвое окрест:
Ни лист не шевелится,
Ни зверь близ сих не прбйдет мест,
Ни птица не промчится.

Но полночь лишь сойдет с небес —
Вран черный встрепенется,
Зашепчет пробужденный лес,
Могила потрясется;
И видима бродяща тень
Тогда в пустыне ночи:
Как бледный на тумане депь,
Ее сияют очи;
То взор возводит к небесам,

То, с видом тяжелой муки,
И непропицаемым стенам,
Моля, подымлет руки.

И в недре неприступных стен
Молчанье могилы;
Окрест их, мглою покровен,
Седает лес унылый:
Там ветер не шумит в листьях,
Не слышно вод журчанья,
Ни благовонья в цветах,
Ни в травке нет дыханья.
И девы спят — их сон глубок;
И жребий искупленья,
Безвестно, близок или далек;
И нет им пробужденья.

Но в час, когда поля заснут
И мглой земля одета
(Между торжественных минут
Полночи и рассвета),
Одна из спящих восстает —
И, странник одинокий,
Свой срочный начинает ход
Кругом стены высокой;
И смотрит в даль и ждет с тоской:
«Приди, приди, спаситель!»
Но даль покрыта черной мглой...
Нейдет, нейдет спаситель!

Когда ж исполнится луна,
Чреда приходит смены;
В урочный час пробуждена,
Одна идет на стены,
Другая к ней со стен идет,
Встречается и руку,
Вздыхнув, пришельце дает
На долгую разлуку;
Потом к почившим сестрам,
Задумчива, отходит,
А та печально по стенам
Одна до смены бродит.

И скоро ль? Долго ль?.. Как узнать?
Где вестник искупленья?
Где тот, кто властен побеждать
Все ковы обольщенья,
К прелестной прилеплен мечтс?
Кто мог бы, чист душою,
Небесной верен красоте,
Непобедим земною,
Все предстоящее презреть
И с верою смиренной,
Надежды полон, в даль лететь
К награде сокровенной?..

Баллада вторая

ВАДИМ

Du mußt glauben, du mußt wagen,
Denn die Götter leih'n kein Pfand:
Nur ein Wunder kann dich tragen
In das schöne Wunderland,

Schiller.¹

ДМИТРИЮ НИКОЛАЕВИЧУ,
БЛУДОВУ

Вот повести моей конец —
И другу посвященье;
Певцу ж смиренному венец
Будь дружбы одобренье.
Вадим мой рос в твоих глазах;
Твой вкус был мне учитель;
В моих запутанных стихах,
Как тайный вождь-хранитель,
Он путь мне к цели проложил,
Но в пользу ли услуга?
Не знаю... Дев я разбудил,
Не усыпить бы друга.

В великом Новграде Вадим
Пленял всех красотою,
И дерзким мужеством своим,
И сердца простотою.
Его утеха — по лесам
Скитаться за зверями;
Ужасный вепрям и волкам

---

¹ Верь тому, что сердце скажет,
Нет залогов от небес:
Нам лишь чудо путь укажет
В сей волшебный край чудес.

Шиллер, (Пер. Жуковского.)

Разящими стрелами,
В осенний хлад и летний зной
Он с верным псом на ловле;
Ему постелей — мох лесной,
А свод небесный — кровлей.

Уже двадцатая весна
Вадимова настала;
И, чувства тайного полна,
Душа в нем унывала.
«Чего искать? В каких странах?
К чему стремить желанье?»
Но все — и тишина в лесах,
И быстрых вод журчанье,
И дня меняющийся вид
На облаке небесном,
Все, все Вадиму говорит
О чем-то неизвестном.

Однажды, ловлей утомлен,
Близ Волхова на бреге
Он погрузился в легкий сон...
Струи в свободном беге
Шумели, по корням древес
С плесканьем разливаясь;
Душой весны был полон лес;
Листочки, развываясь,
Дышали жизнью молодой;
Все благовожно было...
И солнце с тверди голубой
К холмам уж нисходило.

И к утру видит сон Вадим:
Одеян ризой белой,
Предстал чудесный муж пред ним —
Во взоре луч веселый,
Лик важный светел, стан высок,
На седилах блистанье,
В руке серебряный звонок,
На персях крест в сиянье;

Он шел, как будто бы летел,
И, осенив перстами,
Благовестящими воззрел
На юношу очами.

«Вадим, желанное вдали;
Верь небу; жди смиренно;
Все изменяет на земли,
А небо неизменно;
Стремись, я провожатый твой!»
Сказал — и в то ж мгновенье
В дали явилось голубой
Прелестное виденье:
Младая дева, лик закрыт
Завесою туманной,
И на главе ее лежит
Венок благоуханный.

Вздыхая жалобно, рукой
Манило привиденье
Идти Вадима за собой..
И юноша в смятенье
К ней, сердцем вспыхнув, полетел..
Но вдруг... призрак сокрылся,
Вдали звонок один гремел;
И бледный луч светился;
И вместе с девою пропал
Старик в одежде белой..
Вадим проснулся: день сиял,
А в вышине... звенело.

Он смотрит вдаль на светлый юг:
Там ясно все и чисто;
Оттоль через обширный луг
Струею серебристой
Катился Волхов; небеса
Сливались там с землею;
Туда, за холмы, за леса,
Мчал облака толпою
Летучий, вешний ветерок..
Смятенный, в ожиданье,

Он смотрит, слушает... звонок
Умолк — и всё в молчанье.

Три сряду утра тот же сон;
Душа его в волненье.
«О, что же ты, — вызывает он, —
Прекрасное явленье?
Куда зовешь, волшебный глас?
Кто ты, пришлец священный?
Ах! где она? Увижу ль вас?
И сердцу откровенный
Предел откроется ль очам?»
Но тщетно он очами
Летит к далеким небесам...
Туман под небесами.

И целый мир его мечтой
Пред ним одушевился.
Восток ли свежею красой
Денницы золотился —
Ему являлся там покров
На образе прелестном.
Дышал ли запахом цветов —
В нем скорбь о неизвестном,
Стремление в даль, любви тоска,
Томление разлуки;
И в каждом шуме ветерка
Звонка призывны звуки.

И он, не властный победить
Могущего стремленья,
К отцу и к матери просить
Идет благословенья.
«Куда (печальная, в слезах,
Сказала мать сыну)?
В чужих испытывать странах
Неверную судьбину?
Постой; на родине твоей
Дом отчий безопасный;
Здесь сладостна любовь друзей;
Здесь девицы прекрасны».

«Увы! желанного здесь нет;
Спокой себя, родная;
Меня от вас в далекий свет
Ведет рука святая.
И не задремлет ни на час
Хранитель постоянный.
Но где он? Чей я слышал глас?
Кто вождь сей безымянный?
Куда ведет? Какой стезей?
Не знаю — и напрасен
В незнание страх... жив спутник мой;
Путь веры безопасен».

Надев на сына крест златой,
Ответствует родная:
«Прости, да будет над тобой
Его любовь святая!»
Снимает со стены отец
Свои доспехи ратны:
«Прости, вот меч мой кладенец,
Мой щит и шлем булатный».
Сын в землю матери, отцу;
Целует образ; плачет;
Конь борзый подведен к крыльцу;
Он сел — он крикнул — скачет...

И пыльный по дороге след
Поднял конь быстроногий;
Но вот уже и следу нет;
И пыль слилась с дорогой...
Вздохнул отец; со вздохом мать
Пошла в свою светлицу;
Ей долго ночь в слезах встречать,
В слезах встречать денницу;
Перед владычицей зажгла
С молитвою лампаду;
Чтобы ему покров была,
Чтоб ей дала отраду.

Вот на распутии Вадим.
Весь мир неизмеримый

Ему открыт; за ним, пред ним
Поля необозримы;
В чужбине он; в желанный край
Неведома дорога.
«Что ж медлишь? Верь — не выбирай;
Вперед, во имя бога;
Куда и как привести меня,
То вождь мой знает боле».
Так он подумал — и коня
Пустил бежать по воле.

И добрый конь как будто сам
Свою дорогу знает;
Он все на юг; он по полям
Путь новый пробивает;
Поток ли встретит — и в поток;
Лишь только пена прыщет.
Ко рву ль примчится — разом скок,
Лишь только воздух свищет.
Заглох ли лес — с ним широка
Дорога в чаще леса;
Утес ли крут — он седока
Стрелой на круть утеса.

Бегут за днями дни; Вадим
Все дале; конь послушный
Не устает; и всюду им
В пути прием радушный:
Ко граду ль случай заведет,
К селу ль, к лачужке ль дымной —
Везде пришельцу у ворот
Привет гостеприимный;
Везде заботливо дают
Хлеб-соль на подкрепление,
На темну ночь святой приют,
На путь благословенье.

Когда ж застигнет мрак ночной
В лесу иль в поле чистом —
Наш витязь, щит под головой,
Спит на ковре росистом

Благоуханной муравы;
Над ним катясь, спяют
Ночные звезды; вкруг главы
Младые сны летают;
И конь, не дремля, сторожит;
И к стороне той, мнится,
И зверь опасный не бежит
И змей приползть боится.

И дни бегут — весна прошла,
И соловьи отпели,
И липа в рощах зацвела,
И нивы пожелтели.
Вадим все дале; уж пред ним
Широкий Днепр сияет;
Он едет берегом крутым,
И взор его летает
С высот по злачным берегам:
Здесь видит луг цветущий,
Там златоверхий город, там
Близ вод рыбацьи кущи.

Однажды — вечер знойный рдел
На небе; лес дремучий
Сквозь пламень зарева синел,
И громовые тучи,
Вслед за багровою луной,
С востока поднимались,
И яркой молнии змеей
В их недрах извивались —
Вадим въезжает в темный лес;
Там все в тени молчало;
Лишь трепетание древес
Грозу предвозвещало.

И дичь являлася кругом;
Чуть небеса сквозь сени
Светили гаснувшим лучом;
И деревья, как тени,
Мелькали в бездне темноты
С разверстыми ветвями.

Вадим вперед — хрустят кусты
Под конскими ногами;
Везде плетень из сучьев им
Дорогу задвигает...
Но их мечом крушит Вадим,
Конь грудью разрывает.

И едет он уж целый час;
Вдруг — жалобные крики;
То нежный и молящий глас,
То яростный и дикий.
Зажглась в нем кровь; на вопли он
Сквозь чащу ветвей рвется;
Конь пышет, лес трещит, и стоп
Все ближе раздается;
И вдруг под ним в дичи глухой,
Как будто из тумана,
Чуть освещенная луной,
Открылася поляна.

И что ж у витязя в глазах?
Шумя между кустами,
С медвежьей кожей на плечах,
С дубиной за плечами,
Огромный великан бежит
И на руках могучих
Красавицу младую мчит;
Она, в слезах горячих,
То силится бороться с ним,
То скорбно воит к богу...
«Стой!» — крикнул хищнику Вадим
И заслонил дорогу.

Ни слова тот на грозну речь;
Как бешеный отпрянул,
Сорвал дубину с крепких плеч,
Взмахнул, в Вадима грянул,
И очи вспыхнули, как жар...
Конь легкий отшатнулся,
В корнистый дуб пришел удар,
И дуб, треща, погнулся;
Вадим всей силою меча

Ударил в исполина —
Рука отпала от плеча,
И в прах легла дубина.

И хищник, рухнув, захрипел
Под конскими ногами;
Рванулся встать; оцепенел
И стих, грозя очами;
И смерть молчащем заперла
Уста, вопить отверзты;
И, роя землю, замерла
Рука, разинув персты.
Спешит к похищенной Вадим;
Она как лист дрожала
И, севши на коня за ним,
В слезах к нему припала.

«Скажи мне, девица, кто ты?
Кто буйный оскорбитель
Твоей девичьей красоты?
И где твоя обитель?» —
«Князь киевский родитель мой;
Град Киев недалеко;
Проедем скоро лес густой,
Увидим брег высокий:
Под берегом тем кипят, шумят
В скалах струи Днепровы,
На берегу том и Киев-град,
Озолоченны кровы;

Я там дни мирные вела,
Не зная с кручиной,
И в старости отцу была
Утехою единой.
Не в добрый час литовский князь,
Враг церкви православной,
Меня узрел и, распалясь
Душою зверонравной,
Послал к нам в Киев-град гонца,
Чтоб, тайною рукою
Меня похитив у отца,
Умчал в Литву с собою.

Он скрылся на Днепре-реке
В лесном уединенье,
От Киева не вдалеке;
О дерзком замышленье
Никто и сонный не мечтал;
Губитель не встречался
В лесу ни с кем; как волк, он ждал
Добычи — и дождался.
Я нынче раннею порой
В луг вышла, полевые
Сбирать цветки; пошли со мной
Подружки молодые.

Мы росу брали на цветах,
Росою умывались,
И рвали ягоды в кустах,
И громко окликались.
Уж солнце жгло с полунебес;
Я шла одна; кустами
Вилась дорожка; темный лес
Чернел перед глазами.
Вдруг шум... смотрю... злодей за мной;
Страх подкосил мне ноги;
Он сильною меня рукой
Схватил — и в лес с дороги.

Ах! что б в удел досталось мне,
Что было бы со мною,
Когда б не ты? В чужой стране
Изныла б сиротою.
От милых ближних вдалеке
Живет ли сердцу радость?
И в безутешной бы тоске
Моя увяла младость;
И с горем дряхлый мой отец
Повлекся бы ко гробу...
Но слабость защитил творец,
Сразил всевышний злобу».

Меж тем с поляны в гущину
Въезжает витязь; тучи,
Толпясь, заволокли луну;

Стал душен лес дремучий..
Гроза собиралась; меж листов
Дождь крупный пробивался,
И шум тяжелых облаков
С их ропотом мешался...
Вдруг вихорь набежал на лес
И взрыл дерев вершины,
И загорелися небес
Кипящие пучины.

И все взревело... дождь рекой;
Гром страшный, треск за треском;
И шум воды, и вихря вой;
И поминутным блеском
Воспламеняющийся лес;
И встречу, справа, слева
Ряды валящихся древес;
Конь рвется; в страхе дева;
И, заслонив ее щитом,
Вадим смятенный ищет,
Где б приютиться... но кругом
Все дичь, и буря свищет.

И вдруг уж нет дороги им;
Стена из камней мшистых;
Гром мчался по бокам крутым;
В расселинах лесистых
Спираясь, вихорь бушевал,
И молнии горели,
И в бездне бури пруды скал
Сверкали и премели.
Вадим назад... но вдруг удар!
Ель, треснув, запылала;
По ветвям пробежал пожар,
Окрестность заблестала.

И в зареве открылась им
Пещера под скалою.
Спешит к убежищу Вадим;
Заботливой рукою
Он снял сопутницу с коня,
Сложил с рамен кольчугу,

Зажег костер и близ огня,
Взяв на руки подругу,
На броню сел. Дымясь, сверкал
В костре огонь трескучий;
Поверх пещеры гром летал,
И бунтовали тучи.

И прислонив к груди своей
Вадим княжну младую
Из золотых ее кудрей
Жал влагу дождевую;
И, к персям девственным уста
Прижав, их грел дыханьем;
И в них вливалась теплота;
И с тихим трепетаньем
Они касались устам;
И девица молчала;
И, к юноши прильнув плечам,
Рука ее пылала.

Лазурны очи опустя,
В объятиях Вадима
Она, как тихое дитя,
Лежала недвижима;
И что с невинною душой
Сбылось — не постигала;
Лишь сердце билось, и порой,
Вся вспыхнув, трепетала;
Лишь пламень гаснущий сиял
Сквозь тель ресниц склоненных,
И вздох невольный вылетал
Из уст воспламененных.

А витязь?.. Что с его душой?..
Увы! сих взоров сладость,
Сих чистых, под его рукой
Горящих персей младость,
И мягкий шелк кудрей густых,
По раменам разлитых,
И свежий блеск ланит молодых,
И уст полуоткрытых

Палящий жар, и тихий глас,
И милое смятенье,
И ночи таинственный час,
И вокруг уединенье —

Всё чувства разжигало в нем...
О власть очарованья!
Уже, исполнены огнем
Кипящего лобзанья,
На девственных ее устах
Его уста горели
И жарче розы на щеках
Дрожащей девы рдели;
И всё... но вдруг смутился он,
И в радостном волненье
Затрепетал... знакомый звон
Раздался в отдаленье.

И долго, жалобно звенел
Он в бездне поднебесной;
И кто-то, чудилось, летел,
Незримый, но известный;
И взор, исполненный тоской,
Мелькал сквозь покрывало;
И под воздушной пеленой
Печальное вздыхало...
Но вдруг сильнее потрясся лес,
И небо зашумело...
Вадим взглянул — призрак исчез;
А в вышине... звенело.

И вслед за милою мечтой
Душа его стремится;
Уже, подернувшись золой,
Едва-едва курится
В костре огонь; на небесах
Нет туч, не слышно рева;
Небрежно на его руках,
Припав к ним грудью, дева
Младенческий вкушает сон
И тихо, тихо дышит;

И близок уж рассвет; а он
Не видит и не слышит.

Стал веять свежий ветерок,
Взошла звезда денницы,
И обапрянился восток,
И пробудились птицы;
Копытом топнув, конь заржал;
Вадим очнулся — ясно
Все было вокруг; но сон смыкал
Глаза княжны прекрасной;
К ней тихо прикоснулся он;
Вздохнув, она одела
Власами грудь сквозь тонкий сон,
Взглянула — покраснела.

И витязь в шлеме и броне
Из-под скалы с княжною
Выходит: Солнце в вышине
Горело; под горою,
Сияя, пену расстилал
По камням Днепр широкий;
И лес кругом благоухал;
И благовест далекий
Был слышен. На коня Вадим,
Перекрестясь, садится;
Княжна по-прежнему за ним;
И конь по берегу мчится.

Вдруг путь широкий меж древес:
Их чаща раздалася,
И в голубой дали небес,
Как звездочка, зажглася
Глава Печерская с крестом.
Конь скачет быстрым скоком;
Уж в граде он; уж пред дворцом;
И видят: на высоком
Крыльце великий князь стоит;
В очах его кручина;
Перед крыльцом народ кипит,
И строится дружина.

И смелых вызывает он
В погоню за княжною
И избавителю свой трон
Сулит с ее рукою.
Но топот слышен в тишине;
Густая пыль клубится;
И видят, с девой на коне
Красивый всадник мчится.
Народ отхлынул, как волна;
Дружина расступилась;
И на руках отца княжна
При кликах очутилась.

Обняв Вадима, князь сказал:
«Я не нарушу слова;
В тебе господь мне сына дал
Заменою родного.
Я стар: будь хилых старца дней
Опорой и усадой;
А смелой доблести твоей
Будь дочь моя наградой.
Когда ж наступит мой конец,
Тогда мою державу
И светлый княжеский венец
Наследуй в честь и славу».

И громко, громко раздалось
Дружины восклицанье;
И зашумело, полилось
По праду ликование;
Богатый пир на весь народ;
Весь город изукрашен;
Кипит в заздравных кружках мед,
Столы трещат от брашен;
Поют певцы; колокола
Гудят не умолкая;
И от огней потешных мгла
Зарделася ночная.

Веселье всем; один Вадим
Не весел — мысль дадѣко.
Сердечной думою томим,

Безмолвен, одинокий,
Ни песням, ни приветам он
Не внемлет, равнодушный;
Он ступит шаг — и слышит звон;
Подымет взор — воздушный
Призра́к летает перед ним
В знакомом покрывале;
Приклонит слух — твердят: «Вадим,
Не забывайся, дале!»

Идет к Днепровым берегам
Он тихими шагами
И, смутен, взор склонил к водам...
Небесная с звездами
Была в них твердь отражена;
Вдали, против заката,
Всходила полная луна;
Вадим глядит... меж злата
Осыпанных луною волн
Как будто бы чернеет,
В зыбях ныряя, легкий чела,
За ним струя белеет.

Глядит Вадим... челнок плывет...
Натянуто ветрило;
Но без гребца весло гребет;
Без кормщика кормило;
Вадим к нему... К Вадиму он...
Садится... челн помчалось...
И вдруг... как будто с юга звон;
И вдруг... все замолчало...
Плывет челнок; Вадим глядит;
Сверкая, волны плещут;
Лесистый брег назад бежит;
Ночные звезды блещут.

Быстрее, быстрее в реке волна;
Челнок быстрее, быстрее;
Светлее на небе луна;
На бреге лес темнее.
И дале, дале... все кругом
Молчит... как великаны,

Скалы нагнулись над Днепром;
И, черен, сквозь туманы
Глядится в реку тихий лес
С утесистой стремнины;
И уж луна почти небес
Дошла до половины.

Сидит, задумавшись, Вадим;
Вдруг... что-то пролетело;
И облачко луну, как дым
Невидимый, одело;
Луна померкла; по волнам,
По тихим селям леса,
По берегу, по крутым скалам
Раскинулась завеса;
Шатнул ветрилом ветерок,
И руль зашевелился,
Ко берегу повернул челнок,
Доплыл, остановился.

Вадим на брег; от брега челн;
Ветрило заиграло;
И вдруг вдали, с зыбями волн
Смешавшись, все пропало.
В недоумении Вадим;
Кругом скалы как тучи;
Безмолвен, дик, необозрим,
По камням бор дремучий
С реки до берега вышины
Восходит; всё в молчанье...
И тускло падает луны
На мглу вершин сиянье.

И тихо по скалам крутым,
Влекомый тайной силой,
Наверх взбирается Вадим.
Он смотрит — все уныло;
Как трупы, сосны под травой
Обрушенные тлеют;
На сучьях мох висит седой;
Разилувшись, чернеют

Расселины дуплистых пней,
И в них глазами блещет
Сова, иль чешуями змей,
Ворочаясь, трепещет. . .

И, мнится, жизни в той стране
От века не бывало;
Как бы с созданья в мертвом сне
Древа, и не смущало
Их сна ничто: ни ветерка
Перед денницей шепот,
Ни легкий шорох: мотылька,
Ни вопря тяжкий топот.
Уже Вадим на вышине;
Вдруг бор редеет темный;
Раздвинулся... и при луне
Явился холм опромный.

И на вершине древний храм;
Блестящими крестами
Увенчапы главы, к дверям
Тяжелыми винтами.
Опромный пригвожден затвор;
Вкруг храма переходы,
Столбы, обрушенный забор,
Растреснутые своды
Трапезы, келий ряд пустых,
И всюду по колени
Полынь, и длинные от них
По скату холма тени.

Вадим подходит: невдали
Могильный виден камень,
Крест наклонился до земли,
И легкий, бледный пламень,
Как свечка, теплится над ним;
И ворон, птица ночи,
На нем, как призрак, недвижим
Сидит, унылы очи
Вперив на месяц. Вдруг, крылом
Взмахнув, он пробудился,

Взвился... и на небе пустом,
Трикраты крикнув, скрылся.

Объял Вадима тайный страх;
Глядит в недоуменье —
И дивное тогда в глазах:
Вадимовых явление:
Он видит, некто приподнял
Иссохшими руками
Могильный камень, бледен встал,
Туманными очами
Блеснул, возвел их к небесам,
Как будто бы моляся,
Пошел, стучаться начал в храм...
Но дверь не отперлася.

Вздохнув, повлекся дале он,
И тихий под стопами
Был слышен шум, и долго, стоп
Пуская, меж стенами,
Между обломками столбов,
Как бледный дым, мелькала
Бредуща тень... вдруг меж кустов
Вдали она пропала.
Там, бором покровен, утес
Вздымался, крут и страшен,
И при луне из-за деревьев
Являлись кровы башен.

Вадим туда: уединен,
На груди скал мохнатых,
Над черным бором, обнесен
Оградой стен зубчатых,
Стоит там замок, тих, как сна
Безмолвное жилище,
И вся окрест его страна
Упряма, как кладбище;
И башни по углам стоят;
Как призраки седые,
И спромоздились у врат
Скалы сторожевые.

Душа Вадимова полна
Смятенным ожиданьем —
И светит сумрачным луна
Сквозь облако сияньем.
Но вдруг... слетел с луны туман,
И бор засеребрился,
И замок весь, как великан,
Над бором осветился;
И от востока ветерок
Подул передраcсветный,
И, чу!.. из-за стены звонок
Послышался приветный.

И что ж он видит? По стене,
Как тень уединенна,
С восточной к западной стране,
Туманным облеченна
Покровом, девица идет;
Навстречу к ней другая;
И та, приближась, подает
Ей руку и, вздыхая,
Путь одинокий вдоль стены
На запад продолжает;
Другая ж, к замку с вышины
Спустившись, исчезает.

И за идущею вослед
Вадим летит очами;
Уж, ясен, молодой рассвет
Встает меж облаками;
Уж загорается восток...
Она все дале, дале;
И тихо ранний ветерок
Играет в покрывале;
Идет — глаза опущены,
Глава на грудь склонилась —
Пришла на поворот стены;
Поворотилась; скрылась.

Стоит как вкопанный Вадим;
Душа в нем замирает.

Как будто лик свой перед ним
Судьба разоблачает.
Бледнее тусклая луна;
Светлей восток багровый;
И озаряется стена,
И ярко блещут кровы;
К восточной обратясь стране,
Ждет витязь... вдруг вспылала
В нем кровь... глядит... там на стене
Идущая предстала.

Идет; на темный смотрит бор;
Как будто ждет в волненье;
Как бы чего-то ищет взор
В пустынном отдаленье...
Вдруг солнце в пламени лучей
На крае неба стало...
И витязь в блеске перед ней!
Как облак, покрывало
Слетело с юного чела —
Их встретились взоры;
И пала от ворот скала,
И раздались их створы.

Стремится на опраду он;
Идет она с опрады;
Сошлись... о вещей, верный-сон!
О час святой награды!
Свершилось! все — и ранних лет
Прекрасные желанья,
И озаряющие свет
Младой души мечтанья,
И все, чего мы здесь не зрим,
Что вере лишь открыто, —
Все вдруг явилось перед ним,
В единый образ слито!

Глядят на небо, слезы льют,
Восторгом слов лишешны...
И вдруг из терема идут
К ним девы пробужденны:

Как звезды, блещут очеса;
На ясных лицах радость,
И искупления краса,
И новой жизни младость.
О сладкий воскресенья час!
Им мнилось: мир рождался!
Вдруг... звучно благовеста глас
В тиши небес раздался.

И что ж? храм божий отворен;
Там слышится моление;
Они туда: храм освещен;
В кадилах куренье;
Перед угодником горит,
Как в древни дни, лампада,
И благодатное бежит
Сияние от взгляда;
И некто, светел, в алтаре
Простерт перед потиром,
И возглашается горé
Хвала незримым клиром.

Молясь, с подругой стал Вадим
Пред царскими дверями,
И вдруг... святой палой пред ним;
Главы их под венцами;
В руках их свечи зажжены;
И кольца обручальны
На персты их возложены;
И слышен гимн венчальный...
И вдруг... все тихо! гимн молчит;
Безмолвны своды храма;
Один лишь, таинствен, блестит
Алтарь средь фимиама.

И в сем молчанье кто-то к ним
Приветный подлетает,
Их кличет именем родным,
Их нежно отзывает...
Куда же?.. о священный вид!
Могила перед ними;

И в ней спокойно; дерн покрыт
Цветами молодыми;
И дышит ветерок окрест,
Как дух бесплотный вея;
И обвивает светлый крест
Прекрасная лилея.

Они упали ниц в слезах;
Их сердце вести ждало,
И трепетом священный прах
Могилы вопрошало...
И было все для них ответ:
И холм помолоделый,
И луга обновленный цвет,
И бег реки веселый,
И воскрешенны деревья
С вершинами живыми,
И, как бессмертье, небеса
Спокойные над ними...

Промчались веки вслед векам...
Где замок? где обитель?
Где чудом освященный храм?..
Все скрылось... лишь, хранитель
Давно минувшего, живет
На прахе их преданье.
Есть место... там игривых вод
Пленительно сверканье;
Там вечно зелен пышный лес;
Там сладок ветра шепот
И с тихим говором древес
Волны слиянный ропот.

На месте оном — так гласит
Правдивое преданье —
Был пепел инокинь сокрыт:
В посте и покаянье
При гробе прешника-отца
Они кончины ждали
И примиренного творца
В молитвах прославляли...

И улетела к небесам
С земли их жизнь святая,
Как улетает фимиам
С кадил, благоухая.

На месте оном — в светлый час
Земли преображенья —
Когда, услышав утра глас,
С звездою пробужденья,
Востока ангел в тишине
На край небес взлетает
И по туманной вышине
Зарю распростирает,
Когда и холм, и луг, и лес —
Все оживленным зрится
И пред святилищем небес,
Как жертва, все дымится, —

Бывают тайны чудеса,
Невиданные взором:
Отшельниц слышны голоса;
Горé хвалебным хором
Поют; сквозь занавес зари
Блится крест; сияны
Из света зрятся алтари;
И, яркими венчанны
Звездами, девы предстоят
С молитвой их святыне,
И серафимов тьмы кипят
В пылающей пучине.

РЫБАК

Бежит волна, шумит волна!
Задумчив, над рекой
Сидит рыбак; душа полна
Прохладной тишиной.
Сидит он час, сидит другой;
Вдруг шум в волнах притих...
И влажною всплыла главой
Красавица из них.

Глядит она, поет она:
«Зачем ты мой народ
Манишь, влечешь с родного дна
В кипучий жар из вод?
Ах! если б знал, как рыбкой жить
Привольно в глубине,
Не стал бы ты себя томить
На знойной вышине.

Не часто ль солнце образ свой
Купает в лоне вод?
Не свежей ли горит красой
Его из них исход?
Не с ними ли свод неба слит
Прохладно-голубой?
Не в лоно ль их тебя манит
И лик твой молодой?»

Бежит волна, шумит волна...
На берег вал плеснул!
В нем вся душа тоски полна,
Как будто друг шепнул!
Она поет, она манит —
Знать, час его настал!
К нему она, он к пей бежит...
И след навек пропал.

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГ

«Сладко мне твоей сestroю,
Милый рыцарь, быть;
Но любовью иною
Не могу любить:
При разлуке, при свиданье
Сердце в тишине —
И любви твоей страданье
Непонятно мне».

Он глядит с немой печалью —
Участь решена;
Руку сжал ей; крепкой сталью
Грудь обложена;
Звонкий рог созвал дружину;
Все уж на конях;
И помчались в Палестину,
Крест на раменах.

Уж в толпе врагов сверкают
Грозно шлемы их;
Уж отвагой изумляют
Чуждых и своих.
Тогенбург лишь выйдет к бою:
Сарацин бежит...
Но душа в нем все тоскою
Прежнею болит.

Год прошел без утolenья...
Нет уж сил страдать;
Не найти ему забвенья —
И покинул рать.
Зрит корабль — шумят ветрилы,
Бьет в корму волна —
Сел и поплыл в край тот милый,
Где цветет она.

Но стучится к ней напрасно
В двери пилиприм;
Ах, они с молвой ужасной
Отперлись пред ним:
«Узы вечного обета
Приняла она;
И, погибшая для света,
Богу отдана».

Пышны праотцев палаты
Бросить он спешит;
Навсегда покинул латы;
Конь навек забыт;
Власяной покрыт одеждой,
Инок в цвете лет,
Неукрашенный надеждой
Он оставил свет.

И в убогой келье скрылся
Близ долины той,
Где меж темных лип светился
Монастырь святой:
Там — сияло ль утро ясно,
Вечер ли темнел —
В ожиданье, с мукой страстной,
Он один сидел.

И душе его унылой
Счастье там одно:
Дождаться, чтоб у милой
Стукнуло окно,
Чтоб прекрасная явилась,
Чтоб от вышины

В тихий дол лицом склонилась,
Ангел тишины.

И дождавшись, на ложе
Простирался он;
И надежда: *завтра то же!*
Услаждала сон.
Время годы уводило...
Для него ж одно:
Ждать, как ждал он, чтоб у милой
Стукнуло окно;

Чтоб прекрасная явилась;
Чтоб от вышины
В тихий дол лицом склонилась,
Ангел тишины.
Раз — туманно утро было —
Мертв он там сидел,
Бледен ликом, и уныло
На окно глядел,

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.

«Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?» —
«Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул:
Он в темной короне, с густой бородой». —
«О нет, то белеет туман над водой».

«Дитя, оглянися; младенец, ко мне;
Веселого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».

«Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит». —
«О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы».

«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Испрая, летая, тебя усыплять».

«Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей». —
«О нет, все спокойно в ночной глубине:
То ветлы седые стоят в стороне».

«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой». —
«Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать».

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал.

ГРАФ ГАПСБУРГСКИЙ

Торжественным Ахен весельем шумел;
В старинных чертогах, на пире
Рудольф, император избранный, сидел
В сиянье венца и в порфире.
Там кушанья рейнский фальцграф разносил;
Богемец напитки в бокалы цедил;
И семь избирателей, чином
Устроенный древле свершая обряд,
Блистали, как звезды пред солнцем блещут,
Пред новым своим властелином.

Кругом возвышался богатый балкон,
Ликующим полный народом;
И клики, со всех прилетая сторон,
Под древним сливались сводом.
Был кончен раздор; перестала война;
Бесцарственны, прозны прошли времена;
Судья над землею был снова;
И воля губить у меча отнята;
Не брошены слабый, вдова, сирота
Могущим во власть без покрова.

И кесарь, наполнив бокал золотой,
С приветливым взором вещает:
«Прекрасен мой пир; все пирует со мной;
Все царский мой дух восхищает...
Но где ж утешитель, пленитель сердец?»

Придет ли мне душу растрогать певец
Ипрой и благим поученьем?
Я песней был другом, как рыцарь простой;
Став кесарем, брошу ль обычай святой
Пирь улаждать песнопеньем?»

И вдруг из среды величавых гостей
Выходит, одетый таларом,
Певец в красоте поседелых кудрей,
Младым преисполненный жаром.
«В струнах золотых вдохновенье живет.
Певец о любви благодатной поет,
О всем, что святого есть в мире,
Что душу волнует, что сердце манит...
О чем же властитель воспеть повелит
Певцу на торжественном пире?»

«Не мне управлять песнопевца душой
(Певцу отвечает властитель);
Он высшую силу признал над собой;
Минута ему повелитель;
По воздуху вихорь свободно шумит;
Кто знает, откуда, куда он летит?
Из бездны поток выбегает;
Так песнь зарождает души глубина,
И темное чувство, из дивного сна
При звуках воспрянув, пылает».

И смело ударил певец по струнам,
И голос приятный раздался:
«На статном коне по горам, по полям
За серною рыцарь гонялся;
Он с ловчим одним выезжает сам-друг
Из чащи лесной на сияющий луг,
И едет он шагом кустами;
Вдруг слышат они: колокольчик премит;
Идет из кустов пономарь и звонит;
И следом священник с дарами.

И набожный граф, умиленный душой,
Колена свои преклоняет

С сердечною верой, с горячей мольбой
Пред Тем, что живет и спасает.
Но лугом стремился кипучий ручей;
Свирепо надувшись от сильных дождей,
Он путь запраждал пешеходу;
И спутнику пастырь дары отдает;
И обувь снимает и смело идет
С священной ношею в воду.

«Куда?» — изумившийся граф спросил.
«В село; умирающий нищий
Ждет в муках, чтоб пастырь его разрешил,
И алчет небесныя пищи.
Недавно лежал через этот поток
Сплетенный из сучьев для пеших мосток —
Его разбросало водою;
Чтоб душу святой благодатью спасти,
Я здесь неглубокий поток перейти
Спешу обнаженной стоюю».

И пастырю витязь коня уступил
И подал ноге его стремя,
Чтоб он облегчить покаяньем спешил
Страдальцу греховное бремя.
И к ловчему сам на седло пересел
И весело в чащу на лов полетел;
Священник же, требу святую
Свершивши, при первом морщании дня
Является к графу, смиренно коня
Ведя за узду золотую.

«Дерзну ли помыслить я, — граф возгласил,
Почтительно взоры склонивши, —
Чтоб конь мой ничтожной забаве служил,
Спасителю-богу служивши?
Когда ты, отец, не приемлешь коня,
Пусть будет он даром благим от меня
Отныне тому, чье даянье
Все блага земные, и сила, и честь,
Кому не помедлю на жертву принести
И силу, и честь, и дыханье».

«Да будет же вышний господь над тобой
Своей благодатью святою;
Тебя да почитит он в сей жизни и в той,
Как днесь он почтён был тобою;
Гельвеция славой сияет твоей;
И шесть расцветают тебе дочерей,
Богатых дарами природы:
Да будут же (молвил пророчески он),
Уделом их шесть знаменитых корон;
Да славятся в роды и роды».

Задумавшись, голову кесарь склонил:
Минувшее в нем оживилось.
Вдруг быстрый он взор на певца устремил —
И таинство слов объяснилось:
Он пастыря видит в певце пред собой;
И слезы свои от толпы золотой
Порфирой закрыл в умиление...
Все смолкло, на кесаря очи подняв,
И всяк догадался, кто набожный граф,
И сердцем почтил провиденье.

УЗНИК

«За днями дни идут, идут...
Напрасно;
Они свободы не ведут
Прекрасной;
Об ней тоскую и молюсь,
Ее зову, не дозовусь.

Смотрю в высокое окно
Темницы:
Все небо светом зажжено
Денницы;
На свежих крыльях ветерка
Летают вольны облака.

И так все блага заменить
Могилой;
И бросить свет, когда в нем жить
Так мило;
«Ах! дайте в свете подышать;
Еще мне рано умирать.

Лишь миг весенним бытиём
Жила я;
Лишь миг на празднике земном
Была я;
Душа готовилась любить...
И все покинуть, все забыть!»

Так голос заунывный пел
В темнице...
И сердцем юноша летел
К певиче.
Но он в неволе, как она;
Меж ними холодная стена.

И тщетно с ней он разлучен
Стеною:
Невидимую знает он
Душою;
И мысль об ней и день и ночь
От сердца не отходит прочь.

Все видит он: во тьме она
Тюрёмной
Сидит, раздумью предана,
Взор томный;
Младенчески прекрасен вид;
И слезы падают с ланит.

И ночью, забывая сон,
В мечтанье
Ее подслушивает он
Дыханье;
И на устах его горит
Огонь ее молодых ланит.

Таясь, страдания одни
Делить с ней,
В одной темничной глубине
Молить с ней
Согласной думой и тоской
От неба участи одной —

Вот жизнь его: другой не ждет
Он доли;
Он, равнодушный, не зовет
И воли:
С ней розно в свете жизни нет;
Прекрасен только ею свет.

«Не ты ль, — он мнит, — давно была
Любима?

И не тебя ль душа звала,
Томима

Желанья смутного тоской,
Волненьем жизни молодой?

Тебя в пророчественном сне
Видал я;

Тобою в пламенной весне
Дышал я;

Ты мне цвела в живых цветах;
Твой образ веял в облаках.

Когда же сердце ясный взор
Твой встретит?

Когда, разрушив сей затвор,
Осветит

Свобода жизнь вдвоем для нас?
Лети, лети, желанный час».

Напрасно; час не прилетел
Желанный;

Другой создателем удел
Избранный

Достался узнице молодой —
Небесно-тайный, не земной.

Раз слышит он: затворов гром,
Рыданье,

Звук цепи, голоса... потом
Молчанье...

И ужас грудь его томит —

И тщетно ждет он... все молчит.

Увы! удел его решен..

Упрямый,

Навек прядущего лишен,

Все думы

За ней он в гроб переселил

И молит рек, чтоб поспешил.

Однажды — только занялась
Денница —
Его со стуком расперлась
Темница.
«О радость! (мнит он) скоро к ней!»
И что ж?.. Свобода у дверей.

Но хладно принял он привет
Свободы:
Прекрасного уж в мире нет;
Дни, годы
Напрасно будут проходить...
Погибшего не возвратить.

Ах! слово милое об ней.
Кто скажет?
Кто след ее забытых дней
Укажет?
Кто знает, где она цвела?
Где тот, кого *своим* звала?

И нет ему в семье родной
Улады;
Задумчив, грустию немой
Он взгляды
Сердечные встречает их;
Он в людстве сумрачен и тих.

Настанет день — ни с места он;
Безгласный,
Душой в мечтанье погружен,
Взор страстный
Исполнен смутного огня,
Стоит он, голову склоня.

Но тихо в сумраке ночей
Он бродит
И с леба темного очей
Не сводит:
Звезда знакомая там есть;
Она к нему приносит весть...

О милом весть и в мир иной
Призвание...
И делит с тайной он звездой
Страданье;
Ее краса оживлена:
Ему в ней светится *она*.

Он таял, гаснул и утас...
И мнилось,
Что вдруг пред ним в последний час
Явилось
Все то, чего душа ждала,
И жизнь в улыбке отошла.

**ЗАМОК СМАЛЬГОЛЬМ,
ИЛИ
ИВАНОВ ВЕЧЕР**

До рассвета поднявшись, коня оседлал
Знаменитый Смальгольмский барон;
И без отдыха гнал, меж утесов и скал,
Он коня, торопясь в Бротерстон.

Не с могучим Боклю совокупно спешил
На военное дело барон;
Не в кровавом бою переведаться мнил
За Шотландию с Англией он;

Но в железной броне он сидит на коне;
Наточил он свой меч боевой;
И покрыт он щитом; и топор за седлом
Укреплён двадцатифунтовой.

Через три дни домой возвратился барон,
Отуманен и бледен лицом;
Через силу и конь, опенен, запылен,
Под тяжелым ступал седоком.

Анкрамморския битвы барон не видал,
Где потоками кровь их лилась,
Где на Эверса грозно Боклю напирал,
Где за родину бился Дуглас;

Но железный шлем был иссечен на нем,
Был изрублен и панцирь и щит,
Был недавнею кровью топор за седлом,
Но не английской кровью покрыт.

Соскочив у часовни с коня за стеной,
Притаясь в кустах, он стоял;
И три раза он свистнул — и паж молодой
На условленный свист прибежал.

«Подойди, мой малютка, мой паж молодой,
И присядь на колена мои;
Ты младенец, но ты откровенен душой,
И слова непритворны твои.

Я в отлучке был три дни, мой паж молодой;
Мне теперь ты всю правду скажи:
Что заметил? Что было с твоей госпожой?
И кто был у твоей госпожи?»

«Госпожа по ночам к отдаленным скалам,
Где маяк, приходила тайком
(Ведь огни по горам зажжены, чтоб врагам
Не прокрасться во мраке ночном).

И на первую ночь непогода была,
И без умолку филин кричал;
И она в непогоду ночную пошла
На вершину пустынную скал.

Тихомолком подкрался я к ней в темноте;
И сидела одна — я узрел;
Не стоял часовой на пустой высоте;
Одинок маяк пламенел.

На другую же ночь — я за ней по следам
На вершину опять побежал, —
О творец, у огня одинокого там
Мне неведомый рыцарь стоял.

Подпершись мечом, он стоял пред огнем,
И беседовал долго он с ней;
Но под шумным дождем, но при ветре ночном
Я расслушать не мог их речей.

И последняя ночь безненастна была,
И порывистый ветер молчал;

И к майку она на свиданье пошла;
У майка уж рыцарь стоял.

И сказала (я слышал): «В полуночный час,
Перед светлым Ивановым днем,
Приходи ты; мой муж не опасен для нас;
Он теперь на свиданье ином;

Он с могучим Боклю ополчился теперь;
Он в сражение забыл про меня —
И тайком отошру я для милого дверь
Накануне Иванова дня».

«Я не властен прийти, я не должен прийти,
Я не смею прийти (был ответ);
Пред Ивановым днем одиноким путем
Я пойду... мне товарища нет».

«О, сомнение прочь! безмятежная ночь
Пред великим Ивановым днем
И тиха и темна, и свиданьям она
Благосклонна в молчанье своем.

Я собак привяжу, часовых уложу,
Я крыльцо пересыплю травой,
И в приюте моем, пред Ивановым днем,
Безопасен ты будешь со мной».

«Пусть собака молчит, часовой не трубит,
И трава не слышна под ногой, —
Но священник есть там; он не спит по ночам;
Он приход мой узнает почной».

«Он уйдет к той поре: в монастырь на горе
Панихиду он позван служить:
Кто-то был умерщвлен; по душе его он
Будет три дни поминки творить».

Он нахмурясь глядел, он как мертвый бледнел,
Он ужасен стоял при огне.
«Пусть о том, кто убит, он поминки творит:
То, быть может, поминки по мне.

Но полуночный час благосклонен для нас:
Я приду под защитой мглы».
Он сказал... и она... я смотрю... уж одна
У майка пустынной скалы».

И Смальгольмский барон, поражен, раздражен,
И кипел, и горел, и сверкал.
«Но скажи наконец, кто ночной сей пришлец?
Он, клянусь небесами, пропал!»

«Показалось мне при блестящем огне:
Был шелом с соколиным пером,
И палаш боевой на цепи золотой,
Три звезды на щите голубом».

«Нет, мой паж молодой, ты обманут мечтой;
Сей полуночный мрачный пришлец
Был не властен прийти: он убит на пути;
Он в могилу зарыт, он мертвец».

«Нет! не чудилось мне; я стоял при огне,
И увидел, услышал я сам,
Как его обняла, как его назвала:
То был рыцарь Ричард Кольдингам».

И Смальгольмский барон, изумлен, поражен,
И хладел, и бледнел, и дрожал.
«Нет! в могиле покой; он лежит под землей,
Ты несправду мне, паж мой, сказал».

Где бежит и шумит меж утесами Твид,
Где подымается мрачный Эльдон,
Уж три ночи, как там твой Ричард Кольдингам
Потаенным врагом умерщвлен».

Нет! сверканье огня ослепило твой взгляд;
Оглушен был ты бурей ночной;
Уж три ночи, три дня, как поминки творят
Чернецы за его упокой».

Он идет в ворота, он уже на крыльце,
Он взошел по крутым ступеням
На площадку, и видит: с печалью в лице,
Одиноко-унылая, там

Молодая жена — и тиха, и бледна,
И в мечтании грустном глядит
На поля, небеса, на Мертонски леса,
На прозрачно бегущую Твид.

«Я с тобою опять, молодая жена». —
«В добрый час, благородный барон.
Что расскажешь ты мне? Решена ли война?
Поразил ли Боклю иль сражен?»

«Англичанин разбит; англичанин бежит
С Анкрамморских кровавых полей;
И Боклю наблюдать мне маяк мой велит
И беречься недобрых гостей».

При ответе таком изменилась лицом
И ни слова... ни слова и он;
И пошла в свой покой с наклоненной главой,
И за нею суровый барон.

Ночь покойна была, но заснуть не дала.
Он вздыхал, он с собой говорил:
«Не пробудится он; не подыметесь он;
Мертвецы не встают из могил».

Уж заря занялась; был таинственный час
Меж рассветом и утренней тьмой;
И глубоким он сном пред Ивановым днем
Вдруг заснул близ жены молодой.

Не спалось лишь ей, не смыкала очей...
И бродящим, открытым очам,
При лампадном огне, в пишаке и броне
Вдруг явился Ричард Кольдингам.

«Воротись, удались», — она говорит.
«Я к свиданью тобой приглашен;
Мне известно, кто здесь, неожиданный, спит, —
Не страшись, не услышит нас он.

Я во мраке ночном потаенным врагом
На дороге изменой убит;

Уж три ночи, три дня, как монахи меня
Поминают — и труп мой зарыт.

Он с тобой, он с тобой, сей убийца ночной!
И ужасный теперь ему сон!
И надолго во мгле на пустынной скале,
Где маяк, я бродить осужден;

Где видалися мы под защитою тьмы,
Там скитаюсь теперь мертвецом;
И сюда с высоты не сошел бы... но ты
Заклинала Ивановым днем».

Содрогнулася она и, смятенья полна,
Вопросила: «Но что же с тобой?
Дай один мне ответ — ты, спасен ли иль нет?..»
Он печально потряс головой.

«Выкупается кровью пролитая кровь, —
То убийце скажи моему.
Беззаконную небо карает любовь, —
Ты сама будь свидетель тому».

Он тяжелою шуйцей коснулся стола;
Ей десницею руку пожал —
И десница как острое пламя была,
И по членам огонь пробежал.

И печать роковая в столе вожжена:
Отразились пальцы на нем;
На руке ж — но таинственно руку она
Закрывала с тех пор полотном.

Есть монахиня в древних Драйбургских стенах:
И грустна и на свет не глядит;
Есть в Мельрозской обители мрачный монах:
И дичится людей и молчит.

Сей монах молчаливый и мрачный — кто он?
Та монахиня — кто же она?
То убийца, суровый Смальгольмский барон;
То его молодая жена.

• ТОРЖЕСТВО ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Пал Приамов град священный;
Грудой пепла стал Пергам;
И, победой насыщенные,
К острогрудым кораблям
Собрались эллены — тризну
В честь минувшего свершить
И в желанную отчизну,
К берегам Эллады плыть.

Пойте, пойте гимн согласный:
Корабли обращены
От враждебной стороны
К нашей Греции прекрасной.

Брегом шла толпа густая
Илионских дев и жен:
Из отеческого края
Их вели в далекий плен.
И с победной песнью дикой
Их сливался тихий стон
По тебе, святой, великий,
Невозвратный Илион.

Вы, родные холмы, нивы,
Нам вас боле не видать;
Будем в рабстве увядать...
О, сколь мертвые счастливы!

И с предведением во взгляде
Жертву сам Калхас заклал:
Грады зиждущей Палладе
И губящей (он воззвал),
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валов,
И носящему Горгону
Богу смертных и богов!

Суд окончен; спор решился;
Прекратилась борьба;
Все исполнила Судьба:
Град великий сокрушился.

Царь народов, сын Атрея
Обозрел полков число:
Вслед за ним на брег Сигея
Много, много их пришло...
И незапный мрак печали
Отуманил царский взгляд:
Благороднейшие пали...
Мало с ним пойдет назад.

Счастлив тот, кому сиянье
Бытия сохранено,
Тот, кому вкусить дано
С милой родиной свиданье!

И не всякий насладится
Миром, в свой пришедши дом:
Часто злобный ков таится
За домашним алтарем;
Часто Марсом пощаженный
Погибает от друзей
(Рек, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей).

Счастлив тот, чей дом украшен
Скромной верностью жены!
Жены алчут новизны:
Постоянный мир им страшен.

И стоящий близ Елены
Менелай тогда сказал:
Плод губительный измены —
Ею сам изменник пал;
И погиб виной Парид
Отягченный Илион...
Неизбежен суд Кронида,
Всё блюдет с Олимпа он.

Злому злой конец бывает:
Гибнет жертвой Эвменид,
Кто безумно, как Парид,
Право гостя оскверняет.

Пусть веселый взор счастливых
(Оилеев сын сказал)
Зрит в богах богов правдивых;
Суд их часто слеп бывал:
Скольких бодрых жизнь поблѣкла!
Скольких низких рок щадит!..
Нет великого Патрокла;
Жив презрительный Терсит.

Смертный, царь Зевес Фортуне
Своенравной предал нас:
Уловляй же быстрый час,
Не тревожа сердца втуне.

Лучших бой похитил ярый!
Вечно памятен нам будь,
Ты, мой брат, ты, под удары
Подставлявший твердо прудь,
Ты, который нас, пожаром
Осажденных, защитил...
Но коварнейшему даром
Щит и меч Ахиллов был.

Мир тебе во тьме Эрева!
Жизнь твою не враг отнял:
Ты своею силой пал,
Жертва губительного гнева.

О Ахилл! о мой родители!
(Возгласил Неоптолем)
Быстрый мира посетитель,
Жребий лучший взял ты в нем.
Жить в любви племен делами —
Благо первое земли;
Будем вечны именами
И сокрытые в пыли!

Слава дней твоих нетленна;
В песнях будет цвезть она:
Жизнь живущих неверна,
Жизнь отживших неизменна!

Смерть велит умолкнуть злобе
(Диомед провозгласил):
Слава Гектору во пробе!
Он краса Пергама был;
Он за край, где жили деды,
Веледушно пролил кровь;
Победившим — честь победы!
Охранявшему — любовь!

Кто, на суд явясь кровавый,
Славно пал за отчий дом:
Тот, почтённый и врагом,
Будет жить в преданьях славы.

Нестор, жизнью убеленный,
Нацедил вина фиал
И Гекубе сокрушенной
Дружелюбно выпить дал.
Пей страданий утоленья;
Добрый Вакхов дар вино:
И веселость и забвенье
Проливает в нас оно.

Пей, страдалица! печали
Услаждаются вином:
Боги жалостные в нем
Подкрепление сердцу дали.

Вспомни мать Ниобею:
Что извела она!
Сколь ужасная над нею
Казнь была совершена!
Но и с нею, безотрадной,
Добрый Вакх не даром был:
Он струею виноградной
Вмиг тоску в ней усыпил.

Если грудь вином согрета
И в устах вино кипит:
Скорби наши быстро мчит
Их смывающая Лета.

И вперила взор Кассандра,
Вняв шепнувшим ей богам,
На пустынный брег Скамандра,
На дымящийся Пергам.
Все великое земное
Разлетается, как дым:
Ныне жребий вышал Трое,
Завтра выпадет другим...

Смертный, силе, нас гнетущей,
Покоряйся и терпи;
Спящий в гробе, мирно спи;
Жизнью пользуйся, живущий.

КУБОК

«Кто, рыцарь ли знатный иль латник простой,
В ту бездну прыгнет с вышины?
Бросаю мой кубок туда золотой:
Кто сыщет во тьме глубины
Мой кубок и с ним возвратится безвредно,
Тому он и будет наградой победной».

Так царь возгласил, и с высокой скалы,
Висевшей над бездной морской,
В пучину бездонной, зияющей мглы
Он бросил свой кубок златой.
«Кто, смелый, на подвиг опасный решится?
Кто сыщет мой кубок и с ним возвратится?»

Но рыцарь и латник недвижно стоят;
Молчанье — на вызов ответ;
В молчанье на прозное море глядят;
За кубком отважного нет.
И в третий раз царь возгласил громогласно:
«Отыщется ль смелый на подвиг опасный?»

И все безответны... вдруг паж молодой
Смиренно и дерзко вперед;
Он снял епанчу, и снял пояс он свой;
Их молча на землю кладет...
И дамы и рыцари мыслят, безгласны:
«Ах! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?»

И он подступает к наклону скалы
И взор устремил в глубину...
Из чрева пучины бежали валы,
Шумя и гремя, в вышину;
И волны спиральсь и пена кипела:
Как будто гроза, наступая, редела.

И воет, и свищет, и бьет, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнем,
Волна за волною; и к небу летит
Дымящимся пена столбом;
Пучина бунтует, пучина клокочет...
Не море ль из моря извергнуться хочет?

И вдруг, успокоясь, волнение легло;
И грозно из пены седой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощенного чрева;
И глубь застонала от грома и рева.

И он, упредя разъяренный прилив,
Спасителя-бота призвал,
И дрогнули зрители, все возопив, —
Уж юноша в бездне пропал.
И бездна таинственно зев свой закрыла:
Его не спасет никакая уж сила.

Над бездной утихло... в ней глухо шумит...
И каждый, очей отвести
Не смея от бездны, печально твердит:
«Красавец отважный, прости!»
Все тише и тише на дне ее воет...
И сердце у всех ожиданием ноет.

«Хоть брось ты туда свой венец золотой,
Сказав: *кто венец возвратит,*
Тот с ним и престол мой разделит со мной! —
Меня твой престол не прельстит.
Того, что скрывает та бездна немая,
Ничья здесь душа не расскажет живая.

Немало судов, закруженных волной,
Глотала ее глубина:
Все мелкой назад вылетали щепой
С ее неприступного дна...»
Но слышится снова в пучине глубокой
Как будто роптанье прозы недалекой.

И воеет, и свищет, и бьет, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнем,
Волна за волною; и к небу летит.
Дымящимся пена столбом...
И брызнул поток с оглушительным ревом,
Извергнутой бездны зияющим зевом.

Вдруг... что-то сквозь пену седой глубины
Мелькнуло живой белизной...
Мелькнула рука и плечо из волны...
И борется, спорит с волной...
И видят — весь берег потрясся от клича —
Он левою правит, а в правой добыча.

И долго дышал он, и тяжело дышал,
И божий приветствовал свет...
И каждый с весельем: «Он жив! — повторял. —
Чудеснее подвига нет!
Из темного гроба, из пропасти влажной
Спас душу живую красавец отважный».

Он на берег вышел; он встречен толпой;
К царевым ногам он упал;
И кубок у ног положил золотой;
И дочери царь приказал:
Дать юноше кубок с струей винограда;
И в сладость была для него та награда.

«Да здравствует царь! Кто живет на земле,
Тот жизнью земной веселись!
Но страшно в подземной таинственной мгле...
И смертный пред богом смиришь:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, им мудро от нас сокровенной.

Стрелою стремглав полетел я туда...
И вдруг мне навстречу поток;
Из трещины камня лилася вода;
И вихорь ужасный повлек
Меня в глубину с непонятною силой...
И страшно меня там кружило и било.

Но богу молитву тогда я принес,
И он мне спасителем был:
Торчащий из мглы я увидел утес
И крепко его обхватил;
Висел там и кубок на ветви коралла:
В бездонное влага его не умчала.

И смутно все было внизу подо мной
В пурпуровом сумраке там;
Все спало для слуха в той бездне глухой;
Но виделось страшно очам,
Как двигались в ней безобразные груды,
Морской глубины несказанные чуды.

Я видел, как в черной пучине кипят,
В промадный свиваяся клуб,
И млат водяной, и уродливый скат,
И ужас морей однозуб;
И смертью грозил мне, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гиена морская.

И был я один с неизбежной судьбой,
От взора людей далеко;
Один меж чудовищ с любящей душой,
Во чреве земли, глубоко
Под звуком живым человеческого слова,
Меж страшных жильцов подземелья немова.

И я содрогался... вдруг слышу: ползет
Стоногое грозно из мглы,
И хочет схватить, и разинулся рот...
Я в ужасе прочь от скалы!..
То было спасеньем: я схвачен приливом
И выброшен вверх водомета порывом».

Чудесен рассказ показался царю:
    «Мой кубок возьми золотой;
Но с ним я и перстень тебе подарю,
    В котором алмаз дорогой,
Когда ты на подвиг отважишься снова
И тайны все дна перескажешь морскова».

То слыша, царевна с волнением в груди,
    Краснея, царю говорит:
«Довольно, родитель, его пощади!
    Подобное кто совершит?
И если уж должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажу младова».

Но царь, не внимая, свой кубок златой
    В пучину швырнул с высоты:
«И будешь здесь рыцарь любимейший мой,
    Когда с ним воротишься, ты;
И дочь моя, ныне твоя предо мною
Заступница, будет твоею женою».

В нем жизнью небесной душа зажжена;
    Отважность сверкнула в очах;
Он видит: краснеет, бледнеет *она*;
    Он видит: в *ней* жалость и страх...
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель он кинулся в волны...

Утихнула бездна... и снова шумит...
    И пеною снова полна...
И с трепетом в бездну царевна глядит...
    И бьет за волною волна...
Приходит, уходит волна быстротечно:
А юноши нет и не будет уж вечно.

ПОЛИКРАТОВ ПЕРСТЕНЬ

На кровле он стоял высоко
И на Самос богатый око
С весельем гордым преклонял:
«Сколь щедро взыскан я богами!
Сколь счастлив я между царями!» —
Царю Египта он сказал.

«Тебе благоприятны боги;
Они к твоим врагам лишь строги
И всех их предали тебе;
Но жив один, опасный мститель;
Пока он дышит... победитель,
Не доверяй своей судьбе».

Еще не кончил он ответа,
Как из союзного Милета
Явился присланный гонец:
«Победой ты украшен новой;
Да обовьет опять лавровый
Главу властителя венец;

Твой враг постигнут строгой местью;
Меня послал к вам с этой вестью
Наш полководец Полидор».
Рука гонца сосуд держала:
В сосуде голова лежала;
Врага узнал в ней царский взор.

И гость воскликнул с содроганьем:
«Страшисы! Судьба очарованьем
Тебя к гибели влечет.
Неверные морские волны
Обломков корабельных полны:
Еще не в пристани твой флот».

Еще слова его звучали...
А клики брег уж оглашали,
Народ на пристани кипел;
И в пристань, царь морей крылатый,
Дарами дальних стран богатый,
Флот торжествующий влетел.

И гость, увидя то, бледнеет:
«Тебе Фортуна благодееет...
Но ты не верь, здесь хитрый ков,
Здесь тайная погибель скрыта:
Разбойники морские Крита
От здешних близко берегов».

И только выронил он слово,
Гонец вбегает с вестью новой:
«Победа, царь! Судьбе хвала!
Мы торжествуем над врагами:
Флот критский истреблен богами;
Его их буря пожрала».

Испуган гость неожиданной вестью...
«Ты счастлив; но судьбины лестью
Такое счастье мнится мне:
Здесь вечны блага не бывали,
И никогда нам без печали
Не доставались оне.

И мне все в жизни улыбалось;
Неизменяемо, казалось,
Я силой вышней был храним;
Все блага прочил я для сына...
Его, его взяла судьбина;
Я долг мой сыном заплатил.

Чтоб верной избежать напасти,
Моли невидимые власти
Подлить печали в твой фиал.
Судьба и в милостях мздоимец:
Какой, какой ее любимец
Свой век не бедственно кончал?

Когда ж в несчастье рок откажет,
Исполни то, что друг твой скажет:
Ты призови несчастье сам.
Твои сокровища несметны:
Из них скорей, как дар заветный,
Отдай любимое богам».

Он гостю внемлет с содроганьем:
«Моим избранным достояньем
Доныне этот перстень был;
Но я готов властям незримым
Добром пожертвовать любимым...»
И перстень в море он пустил.

Наутро, только луч денницы
Озолотил верхи столицы,
К царю является рыбарь:
«Я рыбу, пойманную мною,
Чудовище величиною,
Тебе принес в подарок, царь!»

Царь изъявил благоволение...
Вдруг царский повар в исступленье
С неожиданной вестию бежит:
«Найден твой перстень драгоценный,
Огромной рыбой поглощенный,
Он в ней ножом моим открыт».

Тут гость, как пораженный громом,
Сказал: «Беда над этим домом!
Нельзя мне другом быть твоим;
На смерть ты обречен судьбою:
Бегу, чтоб здесь не пасть с тобою...»
Сказал и разлучился с ним.

ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ

Снова гений жизни веет;
Возвратилася весна;
Холм на солнце зеленеет;
Лед разрушила волна;
Распустившийся дымит
Благовониями лес,
И безоблачен глядится
В воды зеркальны Зевес;
Все цветет — лишь мой единый
Не взойдет прекрасный цвет:
Прозерпины, Прозерпины
На земле моей уж нет.

Я везде ее искала,
В дневном свете и в ночи;
Все за ней я посылала
Аполлоновы лучи;
Но ее под сводом неба
Не нашел всезрящий бог;
А подземной тьмы Эреба
Луч его пронзить не мог:
Те берега недостижимы,
И богам их страшен вид...
Там она! неумолимый
Ею властвует Аид.

Кто ж мое во мрак Плутона
Слово к ней перенесет?

Вечно ходит челн Харона,
Но лишь тени он берет.
Жизнь подземного страшится;
Недоступен ад и тих;
И с тех пор, как он стремится,
Стикс не видывал живых;
Тьма дорог туда низводит;
Ни одной оттуда нет;
И отшедший не приходит
Никогда опять на свет.

Сколь завидна мне, печальной,
Участь смертных матерей!
Легкий пламень попребальный
Возвращает им детей;
А для нас, богов нетленных,
Что уладою утрат?
Нас, безрадостно-блаженных,
Парки строгие щадят...
Парки, парки, поспешите
С неба в ад меня послать;
Прав богини не щадите:
Вы обрадуете мать.

В тот предел — где, утешенью
И веселию чужда,
Дочь живет — свободной тенью
Полетела б я тогда;
Близ супруга, на престоле
Мне предстала бы она,
Грустной думою о воле
И о матери полна;
И ко мне бы взор склонился,
И меня узнал бы он,
И над нами б прослезился
Сам безжалостный Плутон.

Тщетный призрак! стон напрасный!
Все одним путем небес
Ходит Гелиос прекрасный;
Все навек решил Зевес;
Жизнью горнею доволен,

Непавидя адску ночь,
Он и сам отдать неволен
Мне утраченную дочь.
Там ей быть, доколь Аида
Не осветит Аполлон
Или радугой Ирида
Не сойдет на Ахерон!

Нет ли ж мне чего от милой,
В сладкопамятный завет:
Что осталось все, как было,
Что для нас разлуки нет?
Нет ли тайных уз; чтоб ими
Снова сблизить мать и дочь,
Мертвых с милыми живыми,
С светлым днем подземну ночь?..
Так, не все следы пропали!
К ней дойдет мой нежный клик:
Нам святые боги дали
Усладительный язык.

В те часы, как хлад Борей
Губит нежных чад весны,
Листья падают, желтея,
И леса обнажены:
Из руки Вертумна щедрой
Семя жизни взять спешу;
И, его в земное недро
Бросив, Стиксу приношу;
Сердцу дочери вверяю
Тайный дар моей руки
И, скорбя, в нем посылаю
Весть любви, залог тоски.

Но когда с небес слетает
Вслед за бурями весна:
В мертвом снова жизнь играет,
Солнце греет семена;
И, умершие для взора,
Вняв они весны привет
Из подземного затвора
Рвутся радостно на свет:

Лист выходит в область неба,
Корень ищет тьмы ночной;
Лист живет лучами Феба,
Корень Стиксовой струей.

Ими таинственно слита
Область тьмы с страной днѣ,
И приходят от Коцита
С ними вести для меня;
И ко мне в живом дыханье
Молодых цветов весны
Подымается признанье,
Глас родной из глубины;
Он разлуку услаждает,
Он душе моей твердит:
Что любовь не умирает
И в отшедших за Коцит.

О! приветствую вас, чада
Расцветающих полей;
Вы тоски моей услада,
Образ дочери моей;
Вас налью благоуханьем,
Напою живой росой,
И с Аврориным сияньем
Поравняю красотой;
Пусть весной природы младость,
Пусть осенний мрак полей
И мою вещают радость
И печаль души моей.

ДОНИКА

Есть озеро перед скалой опромной;
На той скале давно стоял
Высокий замок и громадой темной
Прибрежны воды омрачал.

На озере ладья не попадалась;
Рыбак страшился удить в нем;
И ласточка, летя над ним, боялась
К нему дотронуться крылом.

Хотя б стада от жажды умирали,
Хотя б палил их летний зной:
От берегов его они бежали
Смятенно-робкою толпой.

Случалось, что ветер и осокой
У озера не шевелил:
А волны в нем вздымались высоко,
И в них ужасный шепот был.

Случалось, что, бурею разима,
Дрожала твердая скала:
А мертвых вод поверхность недвижима
Была спокойнее стекла.

И каждый раз — в то время, как могилой
Кто в замке упряжаем был, —
Пророчески, гармонией унылой
Из бездны голос исходил.

И в замке том, могуществом великий,
Жил Ромуальд; имел он дочь;
Пленилось все красой его Доники:
Лицо — как день, глаза — как ночь.

И рыцарей толпа пред ней теснилась:
Все душу приносили в дар;
Одним из них красавица пленилась:
Счастливцев этот был Эвар.

И рад отец; и скоро уж наступит
Желанный, сладкий час, когда
Во храме их священник совокупит
Святым союзом навсегда.

Был вечер тих, и небеса алели;
С невестой шел рука с рукой
Жених; они на озеро глядели
И услаждались тишиной.

Ни трепета в листьях дерев, ни знака
Малейшей зыби на водах...
Лишь лаем Доникина собака
Пугала пташек на кустах.

Любовь в груди невесты пламенела
И в темных таяла очах;
На жениха с тоской она глядела:
Ей в душу вкрадывался страх.

Все было вокруг какой-то полно тайной;
Безмолвно гас лазурный свод;
Какой-то сон лежал необычайный
Над тихою равниной вод.

Вдруг бездна их унылый и глубокий
И тихий голос издала:
Гармония в дали небес высокой
Отозвалась и умерла...

При звуке сем Доника побледнела
И стала сумрачно-тиха;

И вдруг... она трепещет, охладела
И пала в руки жениха.

Оцепенев, в безумстве иступленья,
Отчаянный он поднял крик...
В Донике нет ни чувства, ни движенья:
Сомкнуты очи, мертвый лик.

Он рвется... плачет... вдруг пошевелились
Ее уста... потрясена
Дыханьем легким грудь... глаза открылись...
И встала медленно она.

И мутными глядит кругом очами,
И к другу на руку легла,
И, слабая, неверными шагами
Обратно в замок с ним пошла.

И были с той поры ее ланиты
Не свежей розы красотой,
Но бледностью могильною покрыты;
Уста пугали синевой.

В ее глазах, столь сладостно сиявших,
Какой-то острый луч сверкал,
И с бледностью ланит, глубоко впавших,
Он что-то страшное сливал.

Ласкаться к ней собака уж не смела;
Ее прикликать не могли;
На госпожу, дичась, она глядела
И выла жалобно вдали.

Но нежная любовь не изменила:
С глубокой нежностью Эврар
Скорбел об ней, и тайной скорби сила
Любви усиливала жар.

И милая, деля его страданья,
К его склонилась мольбам:
Назначен день для бракосочетанья;
Жених повел невесту в храм.

Но лишь туда вошли они, чтоб верный
Пред алтарем обет изречь:
Иконы все померкли вдруг, и серный
Дым побежал от брачных свеч.

И вот жених горячею рукою
Невесту за руку берет...
Но ужас овладел его душою:
Рука та холодна, как лед.

И вдруг он вскрикнул... окружен лучами,
Пред ним бесплотный дух стоял
С ее лицом, улыбкою, очами...
И в нем Донику он узнал.

Сама ж она с ним не стояла рядом:
Он бледный труп один узрел...
А мрачный бес, в нее вселенный адом,
Ужасно взвыл и улетел.

СУД БОЖИЙ НАД ЕПИСКОПОМ

Были и лето и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлеб на полях не созрел и пропал;
Сделался голод; народ умирал.

Но у епископа милостью неба
Полны амбары огромные хлеба;
Жито сберег прошлогоднее он:
Был осторожен епископ Гаттон.

Рвутся толпой и голодный и нищий
В двери епископа, требуя пищи;
Скуп и жесток был епископ Гаттон:
Общей бедою не тронулся он.

Слушать их вопли ему надоело;
Вот он решился на страшное дело:
Бедных из ближних и дальних сторон,
Слышно, скликает епископ Гаттон.

«Дожили мы до неожиданного чуда:
Вынул епископ добро из-под слуда;
Бедных к себе на пирушку зовет», —
Так говорил изумленный народ.

К сроку собралися званные гости,
Бледные, чахлые, кожа да кости;
Старый, огромный сарай отворён:
В нем угостит их епископ Гаттон.

Вот уж столпились под кровлей сарая
Все пришлецы из окружного края...
Как же их принял епископ Гаттон?
Был им сарай и с гостями сожжен..

Глядя епископ на пепел пожарный
Думает: «Будут мне все благодарны;
Разом избавил я шуткой моей
Край наш голодный от жадных мышей».

В замок епископ к себе возвратился,
Ужинать сел, пировал, веселился,
Спал, как невинный, и снов не видал...
Правда! но боле с тех пор он не спал.

Утром он входит в покой, где висели
Предков портреты, и видит, что съели
Мыши его живописный портрет,
Так, что холстины и признака нет.

Он обомлел; он от страха чуть дышит...
Вдруг он чудесную ведомость слышит:
«Наша округа мышами полна,
В житницах съеден весь хлеб до зерна».

Вот и другое в ушах загремело:
«Бог на тебя за вчерашнее дело!
Крепкий твой замок, епископ Гаттон,
Мыши со всех осаждают сторон».

Ход был до Рейна от замка подземный;
В страхе епископ дорогою темной
К берегу выйти из замка спешит:
«В Рейнской башне спасусь» (говорит).

Башня из рейнских вод подымалась;
Издали острым утесом казалась,
Грозно из пены торчащим, она;
Стены кругом опраждала волна.

В легкую лодку епископ садится;
К башне причалил, дверь запер и мчится

Вверх по гранитным крутым ступеням;
В страхе один затворился он там.

Стены из стали казались слиты,
Были решетками окна забиты,
Ставни чугунные, каменный свод,
Дверью железною запертый вход.

Узник не знает, куда приютиться;
На пол, зажмурив глаза, он ложится...
Вдруг он испуган стенаньем глухим:
Вспыхнули ярко два глаза над ним.

Смотрит он... кошка сидит и мяучит;
Голос тот прешника давит и мучит;
Мечется кошка; невесело ей:
Чует она приближенье мышей.

Пал на колени епископ и криком
Бога зовет в исступлении диком.
Воет преступник... а мыши плывут...
Ближе и ближе... доплыли... ползут.

Вот уж ему в расстоянии близком
Слышно, как лезут с роптаньем и писком;
Слышно, как стену их лапки скребут;
Слышно, как камень их зубы грызут.

Вдруг ворвались неизбежные звери;
Сыплются градом сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, с боков, с высоты...
Что тут, епископ, почувствовал ты?

Зубы об камни они наострили,
Грешнику в кости их жадно впустили,
Весь по суставам раздернут был он...
Так был наказан епископ Гаттон.

АЛОНЗО

Из далекой Палестины
Возвратясь, певец Алонзо
К замку Бальби приближался,
Полон песней вдохновенных:

Там красавица младая,
Струны звонкие подслушав,
Обомлеет, затрепещет
И с альтана взор наклонит.

Он приходит в замок Бальби,
И под окнами поет он
Все, что сердце молодое
Втайне выдумать умело.

И цветы с высоких окон,
Видит он, к нему склонились;
Но царицы сладких песней
Меж цветами он не видит.

И ему тогда прохожий
Прошептал с лицом печальным:
«Не тревожь покоя мертвых;
Спит во гробе Изолина».

И на то певец Алонзо
Не отвечал ни слова:
Но глаза его потухли,
И не бьется боле сердце.

Как незапным дуновеньем
Ветерок лампаду гасит,
Так угас в одно мгновенье
Молодой певец от слова.

Но в старинной церкви замка,
Где пылали ярко свечи,
Где во гробе Изолина
Под душистыми цветами

Бледноликая лежала,
Всех проник незапный трепет:
Оживленная, из гроба
Изолина поднялася...

От бесчувствия могилы
Возвратясь незапно к жизни,
В пробовой она одежде,
Как в уборе брачном, встала;

И, не зная, что с ней было,
Как объятая виденьем,
Изумленная спросила:
«Не пропел ли здесь Алонзо?..»

Так, пропел он, твой Алонзо!
Но ему не петь уж боле:
Пробудив тебя из гроба,
Сам заснул он, и навеки.

Там, в стране преображенных,
Ищет он свою земную,
До него с земли на небо
Улетевшую подругу...

Небеса кругом сияют,
Безмятежны и прекрасны...
И, надеждой обольщенный,
Их блаженства пролетая,

Кличет там он: «Изолина!»
И спокойно раздается:
«Изолина! Изолина!» —
Там в блаженствах безответных.

ЛЕНОРА

Леноре снился страшный сон,
Проснулася в испуге.
«Где милый? Что с ним? Жив ли он?
И верен ли подруге?»
Пошел в чужую он страну
За Фридериком на войну;
Никто об нем не слышит;
А сам он к ней не пишет.

С императрицею король
За что-то раздружились,
И кровь лилась, лилась... доколь
Они не помирились.
И оба войска, кончив бой,
С музыкой, песнями, пальбой,
С торжественностью ратной
Пустились в путь обратный.

Идут! идут! за строем строй;
Пылят, гремят, сверкают;
Родные, ближние толпой
Встречать их выбегают;
Там обнял друга нежный друг,
Там сын отца, жену супруг;
... Всем радость... а Леноре
Отчаянное горе.

Она обходит ратный строй
И друга вызывает;
Но вести нет ей никакой:
Никто об нем не знает.
Когда же мимо рать прошла —
Она свет божий прокляла,
И громко зарыдала,
И на землю упала.

К Лепоре мать бежит с тоской:
«Что так тебя волнует?
Что сделалось, дитя, с тобой?» —
И дочь свою целует.
«О друг мой, друг мой, все прошло!
Мне жизнь не жизнь, а скорбь и зло;
Сам бог врагом Лепоре...
О горе мне! о горе!»

«Прости ее, небесный царь!
Родная, помолися;
Он благ, его руки мы тварь:
Пред ним душой смирися». —
«О друг мой, друг мой, все как сон...
Немилостив со мною он;
Пред ним мой крик был тщетен...
Он глух и безответен».

«Дитя, от жалоб удержишь;
Смири души тревогу;
Пречистых таин причастись,
Пожертвуй сердцем богу». —
«О друг мой, что во мне кипит,
Того и бог не усмирит:
Ни тайнами, ни жертвой
Не оживится мертвый».

«Но что, когда он сам забыл
Любви святое слово,
И прежней клятве изменил,
И связан клятвой новой?
И ты, и ты об нем забудь;
Не рви тоской напрасной грудь;

Не стоит слез предатель;
Ему судья создатель».

«О друг мой, друг мой, все прошло;
Пропавшее пропало;
Жизнь безотрадную назло
Мне провиденье дало...
Угасни ты, противный свет!
Погибни, жизнь, где друга нет!
Сам бог врагом Леноре...
О горе мне! о горе!»

«Небесный царь, да ей простит
Твое долготерпенье!
Она не знает, что творит:
Ее душа в забвенье.
Дитя, земную скорбь забудь:
Ведет ко благу божий путь;
Смирленным рай награда.
Страшись мучений ада».

«О друг мой, что небесный рай?
Что адское мученье?
С ним вместе — все небесный рай;
С ним розно — все мученье;
Угасни ты, противный свет!
Погибни, жизнь, где друга нет!
С ним розно умерла я
И здесь и там для рая».

Так дерзко, полная тоской,
Душа в ней бунтовала...
Творца на суд она с собой
Безумно вызывала,
Терзалась, волосы рвала
До той поры, как ночь пришла
И темный свод над нами
Усыпался звездами.

И вот... как будто легкий скок
Коня в тиши раздался:
Несется по полю ездов;

Гремя, к крыльцу примчался;
Гремя, взбежал он на крыльцо;
И двери брякнуло кольцо...
В ней жилки задрожали...
Сквозь дверь ей прошептали:

«Скорей! сойди ко мне, мой свет!
Ты ждешь ли друга, спишь ли?
Меня забыла ты иль нет?
Смеешься ли, грустишь ли?» —
«Ах! милый... бог тебя принес!
А я... от горьких, горьких слез
И свет в очах затмился...
Ты как здесь очутился?»

«Седлаем в полночь мы коней...
Я еду издалёка.
Не медли, друг; сойди скорей;
Путь долог, мало срока». —
«На что спешить, мой милый, нам?
И ветер воет по кустам,
И тьма ночная в поле;
Побудь со мной на воле».

«Что нужды нам до тьмы ночной!
В кустах пусть ветер воет.
Часы бегут; конь борзый мой
Копытом землю роет;
Нельзя нам ждать; сойди, дружок;
Нам долгий путь, нам малый срок;
Не в пору сон и нега:
Сто миль нам до ночлега».

«Но как же конь твой пролетит
Сто миль до утра, милый?
Ты слышишь, колокол гудит:
Одиннадцать пробило». —
«Но месяц встал, он светит нам...
Гладка дорога мертвецам;
Мы скачем, не боимся;
До света мы домчимся».

«Но где же, где твой уголок?
Где наш приют укромный?» —
«Далеко он... пять-шесть досток...
Прохладный, тихий, темный». —
«Есть место мне?» — «Обоим нам.
Поедем! все готово там;
Ждут гости в нашей келье;
Пора на новоселье!»

Она подумала, сошла,
И на коня вспрыгнула,
И друга нежно обняла,
И вся к нему прильнула.
Помчались... конь бежит, летит.
Под ним земля шумит, дрожит,
С дороги вихри вьются,
От камней искры льются.

И мимо их холмы, кусты,
Поля, леса летели;
Под конским топотом мосты
Тряслися и премели.
«Не страшно ль?» — «Месяц светит нам!» —
«Гладка дорога мертвецам!
Да что же так дрожишь ты?» —
«Зачем о них твердишь ты?»

«Но кто там стонет? Что за звон?
Что ворона взбудило?
По мертвом звон; надгробный стон;
Голосят над могилой».
И виден ход: идут, поют,
На дрогах тяжкий проб везут,
И голос погребальный,
Как вой совы печальный.

«Заройте гроб в полночный час:
Слезам теперь не место;
За мной! к себе на свадьбу вас
Зову с моей невестой.
За мной, певцы; за мной, пастор;
Пропой нам многолетье, хор;

Нам дай на обручение,
Пастор, благословенье».

И звон утих... и проб пропал...
Столпился хор проворно
И по дороге побежал
За ними тенью черной.
И дале, дале!.. конь летит,
Под ним земля шумит, дрожит,
С дороги вихри выются,
От камней искры льются.

И сзади, спереди, с боков
Окрестность вся летела:
Поля, холмы, ряды кустов,
Заборы, дома, села.
«Не страшно ль?» — «Месяц светит нам». —
«Гладка дорога мертвецам!
Да что же так дрожишь ты?» —
«О мертвых все твердишь ты!»

Вот у дороги, над столбом,
Где висельник чернеет,
Воздушных рой, свиясь кольцом,
Кружится, пляшет, веет.
«Ко мне, за мной, вы, плясуны!
Вы все на пир приглашены!
Скачу, лечу жениться...
Ко мне! Повеселиться!»

И летом, летом легкий рой
Пустился вслед за ними,
Шумя, как ветер полевой
Меж листьями сухими.
И дале, дале!.. конь летит,
Под ним земля шумит, дрожит,
С дороги вихри выются,
От камней искры льются.

Вдали, вблизи, со всех сторон
Все мимо их бежало;

И все, как тень, и все, как сон,
Мгновенно пропадало.
«Не страшно ль?» — «Месяц светит нам». —
«Гладка дорога мертвецам!
Да что же так дрожишь ты?» —
«Зачем о них твердишь ты?»

«Мой конь, мой конь, песок бежит;
Я чую, ночь свежее;
Мой конь, мой конь, петух кричит;
Мой конь, несись быстрее..
Окончен путь; исполнен срок;
Наш близко, близко уголок;
В минуту мы у места...
Приехали, невеста!»

К воротам конь во весь опор
Примчавшись, стал и топнул;
Ездок бичом стегнул затвор —
Затвор со стуком лопнул;
Они кладбище видят там..
Конь быстро мчится по гробам;
Лучи луны сияют,
Кругом кресты мелькают.

И что ж, Ленора, что потом?
О страх!.. в одно мгновенье
Кусок одежды за куском
Слетел с него, как тленье;
И нет уж кожи на костях;
Безглазый череп на плечах;
Нет каски, нет колета;
Она в руках скелета.

Конь прынул... пламя из ноздрей
Волною побежало;
И вдруг... все пылью перед ней
Расшиблось и пропало.
И вой и стон на вышине;
И крик в подземной глубине,
Лежит Ленора в страхе
Полмертвая на прахе.

И в блеске месячных лучей,
    Рука с рукой, летает,
Виясь над ней, толпа теней
    И так ей припевает:
«Терпи, терпи, хоть ноет грудь;
Творцу в бедах покорна будь;
    Твой труп сойди в могилу!
    А душу бог помилуй!»

ПОКАЯНИЕ

Был папа готов литургию свершать,
Сияя в святом облачении,
С могуществом, данным ему, отпускать
Всем прешникам их прегрешенья.

И папа обряд очищенья свершал;
Во прахе народ простирался;
И кто с покаянием прах лобызал,
От всех тот прехов очищался.

Органа торжественный гром восходил
Горé во святом фимиаме.
И страх соприсутствия божия был
Разлит благодатно во храме.

Святейшее слово он хочет сказать —
Устам не покорствуют звуки;
Сосуд живоносный он хочет поднять —
Дрожащие падают руки.

«Есть прешник великий во храме святом!
И бремя на нем святотатства!
Нет части ему в разрешение моем:
Он здесь не от нашего братства.

Нет слова, чтоб мир водворило оно
В душе, погублённой отныне;

И он обретет осужденье одно
В чистейшей небесной святыне.

Беги ж, осужденный; отвергнись от нас;
Не жди моего заклинанья;
Беги: да свершу невозбранно в сей час
Великий обряд покаянья».

С толпой на коленях стоял пилигрим,
В простую одет власяницу;
Впервые узрел он сияющий Рим,
Великую веры столицу.

Молчанье храня, он пришел из своей
Далекой отчизны как нищий;
И целые сорок он дней и ночей
Почти не касался до пищи;

И в храме, в святой покаяния час,
Усердней никто не молился...
Но грянул над ним заклинательный глас —
Он бледен поднялся и скрылся.

Спешит запрещенный покинуть он Рим;
Преследуем словом ужасным,
К шотландским идет он горам голубым,
К озерам отчества ясным..

Когда ж возвратился в отечество он,
В старинную дедов обитель:
Вассалы к нему собрались на поклон
И ждали, что скажет властитель.

Но прежний властитель, дотоле вождем
Их бывший ко славе победной,
Их принял с унылым, суровым лицом,
С потухшими взорами, бледный.

Сложил он с вассалов подданства обет
И с ними безмолвно простился;
Покинул он замок, покинул он свет
И в келью отшельником скрылся.

Себя он обрек на молчанье и труд;
Без сна проводил он все ночи;
Как бледный убийца, ведомый на суд,
Бродил он, потупивши очи.

Не знал он покрова ни в холод, ни в дождь;
В раздранной ходил власянице;
И в келье, бывалый властитель и вождь,
Гнездилися, как мертвый в гробнице.

В святой монастырь богоматери дал
Он часть своего достоянья:
Чтоб там о *погибших* собор совершал
Вседневно обряд поминанья.

Когда ж поминанье собор совершал,
Моляся в усердии теплом,
Он в храм не входил; перед дверью лежал
Он в прахе, осыпанный пеплом.

Окест сторона та прекрасна была:
Река, наравне с берегами,
По зелени яркой лазурно текла
И зелень поила струями;

Живые дороги вились по полям;
Меж нивами села блистали;
Пестрели стада; отвечая рогам,
Долины и холмы звучали;

Святой монастырь на пригорке стоял
За темною кленов оградой:
Меж ними — в то время, как вечер сиял, —
Багряной горел он громадой.

Но грешным очам неприметна краса
Веселой окрестной природы;
Без блеска для мертвой души небеса,
Без голоса рощи и воды.

Есть место — туда, как могильная тень,
Одною дорогой он ходит;

Там часто, задумчив, сидит он весь день,
Там часто и ночи проводит.

В лесном захолустье, где сонный ворчит
Источник, влачась лениво,
На дикой поляне часовня стоит
В обломках, загложших крапивой;

И черны обломки: пожар там прошел;
Золою, стопившейся в камень,
И падшею кровлей задавленный пол,
Решетки, стерпевшие пламень,

И полосы дыма на голых стенах
И древний алтарь без святыни,
Все сердцу твердит, пробуждая в нем страх,
О тайне сей мрачной пустыни.

Ужасное дело свершилось там:
В часовне пустынного места,
В час ночи, обет принося небесам,
Стояли жених и невеста.

К красавице бурною страстью пылал
Округи могучий властитель;
Но нравился боле ей скромный вассал,
Чем гордый его повелитель.

Соперника ревность была им страшна:
И втайне их брак совершился.
Уж клятва любви небесам предана,
И пастырь над ними молился...

Вдруг топот и клики и пламя кругом!
Их тайна открыта; в кипенье
Обиды, любви, обезумлен вином,
Дерзнул он на страшное мщенье:

Захлопнуты двери; часовня горит;
Стенаньям смеется губитель;
Все пышет, валится, трещит и премит,
И в пепле святыни обитель.

Был вечер прекрасен, и тих, и душист;
На горных вершинах сияло;
Свод неба глубокий был темен и чист;
Торжественно все утихало.

В обители иноков слышался звон:
Там было вечернее бденье;
И иноки пели хвалебный канон,
И было их сладостно пенье.

По-прежнему грустен, по-прежнему дик
(Уж годы прошли в покаянье),
На место, где сердце он мучить привык,
Он шел, погруженный в молчанье.

Но вечер невольно беседовал с ним
Своей миротворной красою,
И тихой земли усыплением святым,
И звездных небес тишиною.

И воздух его обнимал теплотой,
И пил аромат он целебный,
И в слух долетал издавека порой
Отшельников голос хвалебный.

И с чувством, давно позабытым, поднял
На небо он взор свой упрямый,
И долго смотрел, и недвижим стоял,
Окованный тайною думой...

Но вдруг содрогнулся — как будто о чем
Ужасном он вспомнил, — глубоко
Вздыхнул, стал бледней, и обычным путем
Пошел, как мертвец, одиноко.

Главу опустя, безнадежно уныл,
Отчаянно стиснувши руки,
Приходит туда он, куда приходил
Уж годы вседневно для муки.

И видит... у входа часовни сидит
Чернец в размышленье глубоком,

Он чуден лицом; на него он глядит
Пронзающим внутренность оком.

И тихо сказал наконец он: «Христос
Тебя сохрани и помилуй!»
И грешнику душу привет сей потрѣс,
Как луч воскресенья могилу.

«Ответствуй мне, кто ты? (чернец спросил)
Свою мне поведай судьбину;
По виду ты странник; быть может, ходил,
Свершая обет, в Палестину?»

Или ко гробам чудотворцев святых
Свое приносил поклоненье?
С собою мощей не принес ли каких,
Дарующих грешным спасенье?»

«Мощей не принес я; к гробам не ходил,
Спасающим нас благодатью;
Не зрел Палестины... Но в Риме я был
И предан навеки проклятью».

«Проклятия вечного нет для живых:
Есть верный за падших заступник.
Приди, исповедайся в тайных своих
Грехах предо мною, преступник».

«Что сделать не властен святейший отец,
Владыка и божий наместник,
Тебе ли то сделать? И кто ты, чернец?
Кем послан ты, милости вестник?»

«Я здесь издалека: был в той стороне,
Где ведома участь земного;
Здесь память загладить позволено мне
Ужасного дела ночного».

При слове сем грешник на землю упал...
Все члены его трепетали...
Он исповедь начал... но что он сказал,
Того на земле не узнали.

Лишь месяц их тайным свидетелем был,
Смотря сквозь древесные сени;
И, мнилось, в то время, когда он светил,
Две легкие веяли тени;

Двумя облачками казались оне;
Всё выше, всё выше взлетали;
И всё неразлучны; и вдруг в вышине
С лазурью слились и пропали.

И он на земле не встречался с тех пор.
Одно сохранилось в преданье:
С обычным обрядом священный собор
Во храме свершал поминанье;

И пеньем торжественным полон был храм,
И тихо дымились кадилы,
И вместе с земными невидимо там
Служили небесные силы.

И в храм он вошел, к алтарю приступил,
Пречистых даров причастился,
На небо сияющий взор устремил,
Сжал набожно руки... и скрылся.

КОРОЛЕВА УРАКА И ПЯТЬ МУЧЕНИКОВ

Пять чернецов в далекий путь идут;
Но им назад уже не возвратиться;
В отечестве им боле не молиться:
Они конец меж нехристей найдут.

И с набожной Уракой королевой,
Собравшись в путь, прощаются они:
«Ты нас в своих молитвах помяни,
А над тобой Христос с пречистой девой!

Послушай, три пророчества тебе
Мы, отходя, на память оставляем;
То суд небесный, он неизменяем;
Смирись, своей покорствуя судьбе.

В Марокке мы за веру нашей кровью
Омоем землю, там в последний час
Прославим мы того, кто сам за нас
Мучение приял с такой любовью.

В Коимбру наши прешные тела
Перенесут: на то святая воля,
Дабы смиренных мучеников доля
Для христиан спасением была.

И тот, кто первый наши гробы встретит
Из вас двоих, король иль ты, умрет
В ту ночь: наутро новый день взойдет,
Его ж очей он боле не осветит.

Прости же, королева, бог с тобой!
Вседневно за тебя молиться станем,
Пока мы живы; и тебя помянем
В ту ночь, когда конец настанет твой».

Пять чернецов, один после друга
Благословив ее, в свой путь пошли
И в Африку смиренно понесли
Небесный дар учения Христова.

«Король Альфонзо, знает ли что свет
О чернецах? Какая их судьбина?
Приял ли ум царя Мирамолина
Ученье их? Или уже их нет?»

«Свершилось великое их дело:
В небесную они вступили дверь;
Пред господом стоят они теперь
В венце, в одежде мучеников белой.

А их тела, под зноем, под дождем,
Лежат в пыли, истерзаны мученьем;
И верные почтить их погребеньем
Не смеют, трепеща перед царем».

«Король Альфонзо, из земли далекой
Какая нам о мучениках весть?
Оказана ль им погребенья честь?
Смягчился ли Мирамолин жестокий?»

«Свирепый мавр хотел, чтоб их тела
Без погребенья честного истлели,
Чтоб расклевал их вран иль псы их съели,
Чтоб их костей земля не приняла.

Но божии там молнии пылали;
Но божий гром всечасно падал там;
К почившим в нетлении телам
Ни пес, ни вран коснуться не дерзали.

Мирамолин, сим чудом поражен,
Подумал: нам такие страшны гости:

И Педро, брат мой, взял святые кости;
Уж на пути в Коимбре с ними он».

Все алтари коимбрские цветами
И тканями богатыми блестят;
Все улицы коимбрские кипят
Шумящими, веселыми толпами.

Звонят в колокола, кадят, поют;
Священники и рыцари в собрание;
Готово все начать торжествованье,
Лишь короля и королеву ждут.

«Пойдем, жена моя Урака, время!
Нас ждут; собрался весь духовный чин». —
«Поди, король Альфонзо, ты один,
Я чувствую болезни тяжкой бремя».

«Но мощи мучеников исцелят
Твою болезнь в единое мгновенье:
За прежнее твое благоволение
Они теперь тебя вознаградят.

Пойдем же им во сретение с ходом;
Не замедляй процессии святой;
То будет грех и стыд для нас с тобой,
Когда мощей не встретим мы с народом».

На белого коня тогда она
Садится; с ней король; они за ходом
Тихонько едут; все кипит народом;
Дорога вся как цепь людей одна.

«Король Альфонзо, назади со мною
Не оставайся ты; спеши вперед,
Чтоб первому, предупредя народ,
Почтить святых угодников мольбою.

Меня всех сил лишает мой недуг,
И нужен мне хоть миг отдохновенья;
Последую тебе без замедленья...
Спеши ж вперед со свитою, мой друг».

Немедленно король коню дал шпоры
И поскакал со свитою вперед;
Уж назади остался весь народ,
Уж вдалеке их потеряли взоры.

Вдруг дикий вепрь им путь перебежал.
«Лови! лови!» (к своим нетерпеливый
Кричит король) — и конь его ретивый
Через поля за вепрем поскакал.

И вепря он гоняет. Той порою
Медлительно во сретенье мощей
Идет Урака с свитою своей,
И весь народ валит за ней толпою.

И вдалеке представился им ход:
Идут, поют, несут святые раки;
Уже они пред взорами Ураки,
И с нею в прах простерся весь народ.

Но где ж король?.. Увы! Урака плачет:
Исполниться пророчеству над ней!
И вот, глядит... со свитою своей,
Оконча лов, король Альфонзо скачет.

«Угодники святые, за меня
Вступитесь! (она гласит, рыдая)
Мне помощи, о дева пресвятая,
В последний час решительного дня».

И в этот день в Коимбре все ликует;
Народ поёт; все улицы шумят;
Нерадостен лишь королевин взгляд;
На празднике одна она тоскует.

Проходит день, и праздник замолчал;
На западе давно уж потемпело;
На улицах Коимбры опустело;
И тихо час полночный наступал.

И в этот час во храме том, где раки
Угодников стояли, был монах:

Святым мощам молился он в слезах;
То был смиренный духовник Ураки.

Он молится... вдруг час полночный бьет;
И поражен чудесным он виденьем;
Он видит: в храм с молитвой, с тихим пеньем
Толпа гостей таинственных идет.

В суровые одеты власяницы,
Веревкою обвязаны простой;
Но блеск от них исходит неземной,
И светятся преображенны лица.

И в сонме том блистательней других
Являлися пять иноков, как братья;
Казалось, кровь их покрывала платья,
И ветви пальм в руках сияли их.

И тот, кто вел пришельцев незнакомых,
Казалось, был еще земли жилец;
Но и над ним горел лучей венец,
Как над святой главою им ведомых.

Пред алтарем они, устроясь в ряд,
Запели гимн торжественно-печальный:
Казалось, свершали потрепальный
За упокой души они обряд.

«Скажите, кто вы? (чудом изумленный.
Спросил святых пришельцев духовник)
О ком поет ваш погребальный лик?
О чьей душе вы молитесь блаженной?»

«Угодников святых ты слышишь глас;
Мы братья их, пять чернецов смиренных:
Сопричтены за муки в лик блаженных;
Отец Франциск живой предводит нас.

Исполнили мы королеве данный
Обет: се теперь возьмет земля;

Поди отсель, уведошь короля
О том, чему ты зритель был избранный».

И скрылось все... Оставив храм, чернец
Спешит к Альфонзу с вестью печальной...
Вдруг тяжело звон раздался погребальный:
Он королевин возвестил конец.

РОЛАНД ОРУЖЕНОСЕЦ

Раз Карл Великий пировал;
Чертог богато был украшен;
Кругом ходил золотой бокал;
Огромный стол трещал от брашен;
Гремел певцов избранных хор;
Шумел веселый разговор;
И гости вдоволь пили, ели,
И лица их от вин горели.

Великий Карл сказал гостям:
«Свершить нам должно подвиг трудный.
Прилично ль веселиться нам,
Когда еще Артуров чудный
Не завоеван талисман?
Его укрывший великан
Живет в Арденском лесу темном,
Он на щите его огромном».

Отважный Оливьер, Гварин,
Силач Гемон, Наим Баварский,
Аглантский граф Милон, Мерлип,
Такой услыша вызов царский,
Из-за стола тотчас встают,
Мечи тяжелые берут;
Сверкают их стальные брони;
Их боевые пляшут кони.

Тут сын Милонов молодой
Роланд сказал: «Возьми, родитель,

Меня с собой; я буду твой
Оруженосец и служитель.
Ваш подвиг не по лѣтам мне;
Но ты позволь, чтоб на коне
Я вез, простым твоим слугою,
Копье и щит твой за тобою».

В Арденский лес одним путем
Шесть бодрых витязей пустились,
В средину въехали, потом
Друг с другом братски разлучились.
Младой Роланд с копьем, щитом
Смиренно едет за отцом;
Едва от радости он дышит;
Бодрит коня; конь ржет и пышет.

И рыщут по лесу они
Три целых дня, три целых ночи;
Устали сами; их кони
Совсем уж выбились из мочи:
А великана все им нет.
Вот на четвертый день, в обед,
Под дубом сенисто-широким
Милон забылся сном глубоким.

Роланд не спит. Вдруг видит он:
В лесной дали, сквозь сумрак селей,
Блеснуло; и со всех сторон
Вскочило множество олсней,
Живым испуганных лучом;
И там, как туча, со щитом,
Блистающим от талисмана,
Валит громада великана.

Роланд глядит на пришлеца
И мыслит: «Что же ты за диво?
Будить мне для тебя отца
Не к месту было бы учтиво;
Здесь за него, пока он спит,
Его копье, и добрый щит,
И острый меч, и конь зазорный,
И сын Роланд, слуга проворный».

И вот он на бедро свое
Повесил меч отцов тяжелый;
Взял длинное его копьё
И за плеча рукою смелой
Его закинул крепкий щит;
И вот он на коне сидит;
И потихоньку удалился —
Дабы отец не пробудился.

Его увидя, сморщил нос
С презреньем великан спесивый.
«Откуда ты, молокосос?
Не по тебе твой конь ретивый;
Смотри, тебя длинней твой меч;
Твой щит с твоих ребячьих плеч,
Тебя переломив, свалится;
Твое копьё лишь мне годится».

«Дерзка твоя, как слышу, речь;
Посмотрим, таково ли дело?
Тяжел мой щит для детских плеч —
Зато за ним стою я смело;
Пусть неуч я — мой конь учен;
Пуškai я слаб — мой меч силен;
Отведай нас; уж мы друг другу
Окажем в честь тебе услугу».

Дубину великан взмахнул,
Чтоб вдребезги разбить нахала,
Но конь Роландов отпрыгнул;
Дубина мимо просвистала.
Роланд пустил в него копьём;
Оно осталось с острием,
Погнутым силой талисмана,
В щите пронзенном великана.

Роланд отцовский меч большой
Схватил обеими руками;
Спешит схватить противник свой;
Но крепко стиснут он ножнами;
Еще меча он не извлек,
Как руку левую отсек

Ему наш витязь; кровь струю;
Прочь отлетел и щит с рукою.

Завыл от боли великан,
Кипучей кровию облитый:
Утратив чудный талисман,
Он вдруг остался без защиты;
Вслед за щитом он побежал;
Но по ногам вдогонку дал
Ему Роланд удар проворный:
Он покатился глыбой черной.

Роланд, подняв отцовский меч,
Одним ударом исполину
Острушил голову от плеч,
Свистя, кровь хлынула в долину.
Щит великанов взяв потом,
Он талисман, блиставший в нем
(Осьмое чудо красотою),
Искусной выломал рукою.

И в платье скрыл он взятый клад;
Потом струей ручья леснова
С лица и с рук, с коня и с лат
Смыл кровь и прах и, севши снова
На доброго коня, шажком
Отправился своим путем
В то место, где отец остался;
Отец еще не просыпался.

С ним рядом лег Роланд и в сон
Глубокий скоро погрузился
И спал, покуда сам Милон
Под сумерки не пробудился.
«Скорей, мой сын Роланд, вставай;
Поддай мой шлем, мой меч поддай;
Уж вечер; всюду мгла тумана;
Опять не встретим великана».

Вот ездит он в лесу густом
И великана ищет снова;

Роланд за ним с копьём, щитом —
Но о случившемся ни слова:
И вот они в долине той,
Где жаркий совершился бой;
Там виден был поток кровавый;
В крови валялся труп безглавый.

Роланд глядит; своим глазам
Не верит он: что за причина?
Одно лишь туловище там;
Но где же голова, дубина?
Где панцирь, меч, рука и щит?
Один ободранный лежит
Обрубок мертвеца нагого;
Следов не видно остального.

Труп осмотрев, Милон сказал:
«Что за уродливая пруда!
Еще ни разу не видал
На свете я такого чуда:
Чей это труп?.. Вопрос смешной!
Да это великан; другой
Успел дать хищнику управу;
Я проспал честь мою и славу».

Великий Карл глядел в окно
И думал: «Страшно мне по чести;
Где рыцари мои? Давно
Пора б от них иметь нам вести.
Но что?.. Не герцог ли Гемон
Там едет? Так, и держит он
Свое копьё перед собою
С отрубленною головою».

Гемон, с нахмуренным лицом
Приближась, голову немую
Страхнул с копыя перед крыльцом
И Карлу так сказал: «Плохую
Добычу я завоевал;
Я этот клад в лесу достал,
Где трое суток я скитался:
Мне враг без головы попался».

Приехал за Гемоном вслед
Тюрпин, усталый, бледный, тощий.
«Со мною талисмана нет:
Но вот вам дорогие мощи».
Добычу снял Тюрпин с седла:
То великанова была
Рука, обвитая тряпицей,
С его опромной рукавицей.

Сердит и сумрачен, Напм
Приехал по следам Тюрпина,
И великанова за ним
Висела на седле дубина.
«Кому достался талисман,
Не знаю я; но великан
Меня оставил в час кончины
Наследником своей дубины».

Шел рыцарь Оливьер пешком,
Задумчивый и утомленный;
Коль, великаповым мечом
И панцирем обремененный,
Едва копыта подымал.
«Все это с мертвеца я снял;
Мне от победы мало чести;
О талисмане ж нет и вести».

Вдали является Гварин
С щитом опромным великана,
И все кричат: «Вот паладин,
Завоеватель талисмана!»
Гварин, подъехав, говорит:
«В лесу нашел я этот щит;
Но обманулся я в надежде:
Был талисман украден прежде».

Вот наконец и праф Милон.
Печален, во вражде с собою,
К дворцу тихонько едет он
С потупленною головою.
Ролад смирненно за отцом

С его копьем, с его щитом,
И светятся, как звезды ночи,
Под шлемом удалые очи.

И вот они уж у крыльца,
На коем Карл и паладины
Их ждут; тогда на щит отца
Роланд, сорвав с его средины
Златую бляху, утвердил
Свой талисман и щит открыл...
И луч блеснул с него чудесный,
Как с черной тучи день небесный.

И прынуло со всех сторон
Шумящее рукоплесканье;
И Карл сказал: «Ты, граф Милон,
Исполнил наше упованье;
Ты возвратил нам талисман;
Тобой наказан великан;
За славный подвиг в награждение
Прими от нас благоволение».

Милон, слова услыша те,
Глаза на сына обращает...
И что же? Перед ним в щите,
Как солнце, талисман сияет.
«Где это взял ты, молодец?»
Роланд в ответ: «Прости, отец;
Тебя будить я побоялся
И с великаном сам подрался».

ПЛАВАНИЕ КАРЛА ВЕЛИКОГО

Раз Карл Великий морем плыл,
И с ним двенадцать пэров плыло,
Их путь в святую землю был;
Но море злилося и выло.

Тогда Роланд сказал друзьям:
«Деруся я на суше смело;
Но в злую бурю по волнам
Хлестать мечом плохое дело».

Датчанин Гольгер молвил: «Рад
Я веселить друзей струнами;
Но будет ли какой в них лад
Между ревущими волнами?».

А Оливьер сказал, с плеча
Взглянув на бурных волн сутробы:
«Мне жалко нового меча:
Здесь утонуть ему без пробы».

Нахмуясь, Ганелон шепнул:
«Какая адская тревога!
Но только б я не утонул!..
Они ж?.. туда им и дорога!»

«Мы все плывем к святым местам! —
Сказал, крестясь, Тюрпин-святитель. —
Явись и в пристань по волнам
Нас, прешных, проводи, Спаситель!»

«Вы, бесы! — граф Рихард вскричал, —
Мою вы ведаете службу;
Я много в ад к вам душ послал —
Явите вы теперь мне дружбу».

«Уж я ли, — вымолвил Наим, —
Не говорил: нажить нам горе?
Но слово умное глухим
Есть капля масла в бурном море».

«Беда! — сказал Риоль седой, —
Но если море не уймется,
То мне на старости в сырой
Постеле нынче спать придется».

А граф Гюи вдруг начал петь,
Не пратя жалоб бесполезно:
«Когда б отсюда полететь
Я птичкой мог к своей любезной!»

«Друзья, сказать ли вам? ей-ей! —
Промолвил граф Гварин, вздыхая, —
Мне сладкое вино вкусней,
Чем горькая вода морская».

Ламберт прибавил: «Что за честь
С морскими чудами сражаться?
Гораздо лучше рыбу есть,
Чем рыбе на обед достаться».

«Что бог велит, тому и быть! —
Сказал Годефруа. — С друзьями
Я рад добро и зло делить;
Его святая власть над нами».

А Карл молчал: он у руля
Сидел и правил. Вдруг явилась
Святая вдалеке земля,
Блеснуло солнце, бури скрылась.

РЫЦАРЬ РОЛЛОН

Был удалец и отважный наездник Роллон;
С шайкой своей по дорогам разбойничал он.
Раз, запоздав, он в лесу на усталом коне
Ехал, и видит, часовня стоит в стороне.

Лес был дремучий, и был уж полуночный час;
Было темно, так темно, что хоть выколи глаз;
Только в часовне лампада горела одна,
Бледно сквозь узкие окна светила она.

«Рапо еще на добычу, — подумал Роллон, —
Здесь отдохну», — и в часовню пустынную он
Входит; в часовне, он видит, гробница стоит;
Трепетно, тускло над нею лампада горит.

Сел он на камень, вздремнул с полчаса и потом
Снова поехал лесным одиноким путем.
Вдруг своему щитоносцу сказал он: «Скорей
Съезди в часовню; перчатку оставил я в ней».

Посланный, бледен как мертвый, назад прискакал.
«Этой перчаткой другой завладел, — он сказал. —
Кто-то нездешний в часовне на камне сидит;
Руку он всунул в перчатку и страшно глядит;

Треплет и гладит перчатку другой он рукой;
Чуть я со страха не умер от встречи такой». —

«Трус!» — на него запальчиво Роллон закричал, Шпорами стиснул коня и назад поскакал.

Смело на страшного гостя ударил Роллон:
Отнял перчатку свою у нечистого он.
«Если не хочешь одной мне совсем уступить,
Обе ссуди мне перчатки хоть год поносить», —

Молвил нечистый; а рыцарь сказал ему: «На!
Рад испытать я, заплатит ли долг сатана;
Вот тебе обе перчатки; отдай через год». —
«Слышу; прости, до свиданья», — отвечивал тот.

Выехал в поле Роллон; вдруг далекий петух
Крикнул, и топот коней поражает им слух.
Робость Роллона взяла; он глядит в темноту:
Что-то ночную наполнило вдруг пустоту;

Что-то в ней движется; ближе и ближе; и вот
Черные рыцари едут попарно; ведет
Сзади слуга в поводах вороного коня;
Черной попоной покрыт он; глаза из огня.

С дрожью невольной спросил у слуги палатин:
«Кто вороного коня твоего господин?» —
«Верный слуга моего господина, Роллон.
Ныне лишь парой перчаток расцелся с ним он;

Скоро отдаст он иной, и последний, отчет;
Сам он поедет на этом коне через год».
Так отвечав, за другими последовал он.
«Горе мне! — в страхе сказал щитоносцу Роллон. —

Слушай, тебе я коня моего отдаю;
С ним и всю сбрую возьми боевую мою:
Ими отныне, мой верный товарищ, владей;
Только молись о душе осужденной моей».

В ближний пришед монастырь, он приору сказал:
«Страшный я грешник, но бог мне покаяться дал.
Ангельский чин я еще недостойн носить;
Служкой простым я желаю в обители быть».

«Вижу, ты в шпорах, конечно бывал ездоком;
Будь же у нас на конюшне, ходи за конем».
Служит Роллон на конюшне, а время идет;
Вот наконец совершился ровнехонько год.

Вот наступил уж и вечер последнего дня;
Вдруг привели в монастырь молодого коня:
Статен, красив, но еще не обьезжен был он.
Взять дикаря за узду подступает Роллон.

Взвизгнул, вскочив на дыбы, разъярившийся конь;
Грива горой, из поздрей, как из печи, огонь;
В сердце Роллона ударил копытами он;
Умер, и разу вздохнуть не успевши, Роллон.

Вырвавшись, конь убежал, и его не нашли.
К ночи, как должно, Роллона отцы погребли.
В полночь к могиле ужасный ездук прискакал;
Черного, злого коня за узду он держал;

Пара перчаток висела на черном седле.
Жалобно охнув, Роллон повернулся в земле;
Вышел из проба, со вздохом перчатки надел,
Сел на коня, и как вихорь с ним конь улетел.

СТАРЫЙ РЫЦАРЬ

Он был весной своей
В земле обетованной,
И много славных дней
Провел в тревоге бранной.

Там ветку от святой
Оливы оторвал он;
На шлем железный свой
Ту ветку навязал оп.

С певрым он врагом,
Нося ту ветку, бился,
И с нею в отчий дом
Прославлен возвратился.

Ту ветку посадил
Сам в землю он родную,
И часто приносил
Ей воду ключевую.

Он стал старик седой,
И сила мышц пропала;
Из ветки молодой
Олива дровом стала.

Под нею часто он
Сидит, уединенный,
В невыразимый сон
Душою погруженный.

Над ним, как друг, стоит,
Обняв его седины,
И ветвями шумит
Олива Палестины;

И, впеля ей во снѣ,
Вздыхает онъ глубоко
О славной старинѣ
И о землѣ далекой.

БРАТОУБИЙЦА

На скале приморской мшистой,
Там, где берег грозно дик,
Богоматери пречистой
Чудотворный зрится лик;
С той крутой скалы на воды
Матерь божия глядит
И пловца от непогоды
Угрожающей хранит.

Каждый вечер, лишь молебный
На скале раздастся звон,
Глас ответственный хвалебный
Восстает со всех сторон;
Пахарь пеньем освящает
Дня и всех трудов конец,
И на палубе читает
«Ave Maria» пловец.

Благодатного Успенья
Светлый праздник наступил;
Все окрестные селенья
Звон призывный огласил;
Солнце радостно и ярко,
Бездна вод светла до дна,
И природа, мнится, жаркой
Вся молитвою полна.

Все пути кипят толпами,
Все блестит вблизи, вдали;

Убралися вымпелами
Челноки и корабли;
И, в один слившийся крестный
Богомольно-шумный ход,
Вьется лестницей небесной
По святой скале народ.

Сзади, в грубых власяницах,
Слезы тяжкие в очах,
Бледный пост на мрачных лицах,
На главе зола и страх,
Идут грешные в молчанье;
Им с другими не вступить
В храм святой; им в покаянье
Перед храмом слезы лить.

И от всех других далеко
Мертвецом бредет один:
Щеки впалы; тускло око;
Полон мрачный лоб морщин;
Из железа пояс ржавый
Тело чахлое гнетет,
И, к ноге прильнув кровавой,
Злая цепь ее грызет.

Брата некогда убил он;
Изломав проклятый меч,
Сталь убийства обратил он
В пояс; латы скинул с плеч,
И в оковах, как колодник,
Бродит он с тех пор и ждет,
Что какой-нибудь угодник
Чудом цепь с него сорвет.

Бродит он, бездомный странник,
Бродит много, много лет;
Но прощенья посланник
Им не встречен; чуда нет.
Смутен день, бессонны ночи,
Скорбь с людьми и без людей,
Вид небес пугает очи,
Жизнь страшна, конец страшней.

Вот, как бы дорогой терний,
Тяжко к храму всходит он;
В храме все молчат, вечерний
Внемля благовеста звон.
Стал он в страхе пред дверями:
Девы лик сквозь фимиам
Блещет, обданный лучами
Дня, сходящего к водам.

И окрест благоговенья
Распростерлась тишина:
Мнится, таинством Успенья
Вся земля еще полна,
И на облаке сияет
Возлелевшей девы след,
И она благословляет,
Исчезая, здешний свет.

Все пошли назад толпами;
Но преступник не спешит
Им вослед, перед дверями,
Бледен ликом, он стоит:
Цепи всё еще вокруг тела,
Ими сжатого, лежат,
А душа уж улетела
В град свободы, в божий град.

УЛЛИН И ЕГО ДОЧЬ

Был сильный вихорь, сильный дождь;
Кипя, ярилася пучина;
Ко берегу Рино, горный вождь,
Примчался с дочерью Уллина.

«Рыбак, прими нас в твой челнок;
Рыбак, спаси нас от погони;
Уллин с дружиной недалеко:
Нам слышны крики; мчатся кони».

«Ты видишь ли, как зла вода?
Ты слышишь ли, как волны промки?
Пускаться плыть теперь беда:
Мой челн не крепок, весла ломки».

«Рыбак, рыбак, подай свой челп;
Спаси нас: сколь ни зла пучина,
Пощада может быть от волн —
Ее не будет от Уллина!»

Гроза сильней, пучина злей,
И ближе, ближе шум погони;
Им слышен тяжкий храп коней,
Им слышен стук мечей о брони.

«Садитесь, в добрый час; плывем».
И Рино сел, с ним дева села;
Рыбак отчалил; челпоком
Седая бездна овладела.

И смерть отвсюду им: открыт
Пред ними зев пучины жадный;
За ними с берега грозит
Уллин, как буря беспощадный.

Уллин ко берегу прискакал;
Он видит: дочь уносят волны;
И гнев в пруди отца пропал,
И он воскликнул, страха полный:

«Мое дитя, назад, назад!
Прощенье! возвратись, Мальвина!»
Но волны лишь ответ шумят
На зов отчаянный Уллина.

Ревет гроза, черна как ночь;
Летает челн между волнами;
Сквозь пену их он видит дочь
С простертыми к нему руками.

«О, возвратися, возвратись!»
Но грозно раздалась пучина,
И волны, челн пожрав, слились
При крике жалобном Уллина.

ЭЛЕВЗИНСКИЙ ПРАЗДНИК

Свивайте венцы из колосьев златых;
Цианы лазурные в них заплетайте;
Сбирайтесь плясать на коврах луговых
И пеньем благую Цереру встречайте.
Церера сдружила враждебных людей;
Жестокие нравы смягчила;
И в дом постоянный меж нив и полей
Шатер подвижной обратила,

Робок, наг и дик скрывался
Троглодит в пещерах скал;
По полям Номад скитался
И поля опустошал;
Зверолов с копьем, стрелами,
Грозен, бегал по лесам...
Горе брошенным волнами
К неприютным их брегам!

С Олимпийския вершины
Сходит мать Церера вслед
Похищенной Прозерпины:
Дик лежит пред нею свет.
Ни угла, ни угощенья
Нет нигде богине там;
И нигде богопочтенья
Не свидетельствует храм.

Плод полей и грозды сладки
Не блистают на пирах;

Лишь дымятся тел остатки
На кровавых алтарях;
И куда печальным оком
Там Церера ни глядит:
В унижении глубоком
Человека всюду зрит.

«Ты ль, Зевесовой рукою
Сотворенный человек?
Для того ль тебя красою
Олимпийскою облек
Бог богов и во владенье
Мир земной тебе отдал,
Чтоб ты в нем, как в заточенье
Узник брошенный, страдал?

Иль ни в ком между богами
Сожаленья к людям нет,
И могучими руками
Ни один из бездны бед
Их не вырвет? Знать, к блаженным
Скорбь земная не дошла?
Знать, одна я огорченным
Сердцем горе поняла?

Чтоб из низости душою
Мог подняться человек,
С древней матерью-землею
Он вступи в союз навек;
Чти закон времен спокойный;
Знай течение лун и лет,
Знай, как движется под стройной
Их гармониею свет».

И мгновенно расступилась
Тьма, лежавшая на ней,
И небесная явилась
Божеством пред дикарей:
Кончив бой, они, как тигры,
Из черепьев вражьих пьют,
И ее на зверски игры
И на страшный пир зовут.

Но богиня, с содроганьем
Отвратясь, рекла: «Богам
Кровь противна; с сим даяньем
Вы, как звери, чужды пам;
Чистым чистое угодно;
Дар, достойнейший небес:
Нивы колос первородный
Сок оливы, плод древес».

Тут богиня исторгает
Тяжкий дротик у стрелка;
Острием его пронзает
Грудь земли ее рука;
И берет она живое
Из венца главы зерно,
И в пронзенное земное
Лоно брошено оно.

И выводит молодые
Класы тучная земля;
И повсюду, как златые
Волны, зыблются поля.
Их она благословляет,
И, колосья в сноп сложив,
На смиренный возлагает
Камень жертву первых нив.

И гласит: «Прими даянье,
Царь Зевес, и с высоты
Нам подай знаменованье,
Что доволен жертвой ты.
Вечный бог,ними завесу
С них, не знающих тебя:
Да поклонятся Зевесу,
Сердцем правду возлюбя».

Чистой жертвы не отринул
На Олимпе царь Зевес;
Он во знамение кинул
Гром излучистый с небес:
Вмиг алтарь воспламенился;
К небу жертвы дым взлетел,

И над ней горé явился
Зевсов пламенный орел.

И чудо проникло в сердца дикарей;
Упали во прах перед дивной Церерой;
Исторгнулись слезы из грубых очей,
И сладкой сердца растворилися верой.
Оружие кинув, теснятся толпой
И ей воздают поклоненье;
И с видом смиренным, покорной душой
Приемлют ее поученье.

С высоты небес нисходит
Олимпийцев светлый сонм;
И Фемида их предводит,
И своим она жезлом
Ставит прани юных, жатвой
Озлатившихся полей
И скрепляет первой клятвой
Узы первые людей.

И приходит благ податель,
Друг пиров, веселый Ком;
Бог, ремесл изобретатель,
Он людей дружит с огнем;
Учит их владеть клещами;
Движет мехом, млатом бьет
И искусными руками
Первый плуг им создает.

И вослед ему Паллада
Копьеносная идет
И богов к строенью прада
Крепкостенного зовет:
Чтоб приютно-безопасный
Кров толпам бродящим дать
И в один союз согласный
Мир рассеянный собрать.

И богиня утверждает
Града нового чертеж;
Ей покорный, означает
Термин камнями рубеж;
Цепью смирена равнина;

Холм глубоким рвом обвит;
И могучая плотина
Гранью бурных вод стоит.

Мчатся Нимфы, Ореады
[За Дианой по лесам,
Чрез потоки, водопады,
По долинам, по холмам
С звонким скачущие луком);
Блещет в их руках топор,
И обрушился со стуком
Побежденный ими бор.

И, Палладою призванный,
Из зеленых вод встает
Бог, осокою венчанный,
И тяжелый строит плот;
И, сияя, низлетают
Оры легкие с небес
И в колонну округляют
Суковатый ствол древес.

И во грудь горы вонзает
Свой трезубец Посидон;
Слой пранитный отторгает
От ребра земного он;
И в руке своей громаду,
Как песчинку, он несет;
И опромную ограду
Во мгновение создает.

И вливает в струны пенье
Светлоглавый Аполлон:
Пробуждает вдохновенье
Их согласно-мерный звон;
И веселые Камены
Сладким хором с ним поют,
И красивых зданий стены
Под напев их восстают.

И творит рука Цибелы
Створы врат городских:
Держат петли их дебели,

Утвержден замок на них;
И чудесное творенье
Довершает, в честь богам,
Совокупное строенье
Всех богов, великий храм.

И Юнона, с оком ясным
Низлетев от высоты,
Сводит с юношей прекрасным
В храме деву красоты;
И Киприда обвивает
Их гирляндю цветов,
И с небес благословляет
Первый брак отец богов.

И с торжественной игрою
Сладких лир, поющих в лад,
Вводят боги за собою
Новых граждан в новый град;
В храме Зевсовой царица,
Мать Церера там стоит,
Жжет курения, как жрица,
И пришельцам говорит:

«В лесу ищет *зверь* свободы,
Правит всем свободно *бог*,
Их закон — закон природы.
Человек, приав в залог
Зоркий ум — звено меж ними, —
Для пражданства сотворен:
Здесь лишь нравами одними
Может быть свободен он».

Свивайте венцы из колосьев златых;
Цианы лазурные в них заплетайте;
Сбирайтесь плясать на коврах луговых;
И с пеньем благую Цереру встречайте:
Всю землю богинин приход изменил;
Признавши ее руководство,
В союз человек с человеком вступил
И жизни постиг благородство.

П О Э М Ы
и
П О В Е С Т И

АББАДОНА

Сумрачен, тих, одинок, на ступенях подземного трона
Зрелся от всех удален серафим Аббадона. Печальной
Мыслью бродил он в минувшем: грозно вдали перед взором,
Смутным, потухшим от тяжкия тайныя скорби, являлись
Мука на муке, темная вечности бездна. Он вспомнил
Прежнее время, когда он, невинный, был друг Абдиила,
Светлое дело свершившего в день возмущенья пред богом:
К трону владыки один Абдиил, не прельщен, возвратился.
Другом влекомый, уж был далеко от врагов Аббадона;
Вдруг Сатана их настиг, в колеснице, гремя и блистая;
Звучно торжественным кликом зовущих грянуло небо;
С шумом помчались рати мечтой божества упоенных —
Ах! Аббадона, бурей безумцев от друга оторван,
Мчится, не внемля прискорбной, грозящей любви Абдиила;
Тьмой божества отуманенный, взоров молящих не видит;
Друг позабыт: в торжестве к полкам Сатаны

он примчался.

Мрачен, в себя погружен, пробежал он в мыслях всю

повесть

Прежней, невинныя младости; мыслил об утре созданья.
Вкупе и вдруг сотворил их Создатель. В восторге

рожденья

Все вопрошали друг друга: «Скажи, серафим, брат

небесный,

Кто ты? Откуда, прекрасный? Давно ль существуешь,

и зрел ли

Прежде меня? О! поведай, что мыслишь? Нам вместе

бессмертье».

Вдруг из дали светозарной па них благодатью слетела
Божия слава; узрели все пебо, шумящее сонмом
Новосозданных для жизни; к Вечному облако света
Их вознесло, и, завидев Творца, возгласили:

«Создатель!» —

Мысли о прошлом теснились в душе Аббадоны, и слезы,
Горькие слезы бежали потоком по впалым ланитам.
С трепетом внял он хулы Сатаны и воздвигся, нахмурен;
Тяжко вздохнул он трикраты — так в битве кровавой
друг друга

Братья сразившие тяжело в томленье кончины

вдыхают, —

Мрачным взором окинув совет Сатаны, он воскликнул:
«Будь на меня вся неистовых злоба — вещать вам
дерзаю!

Так, я дерзаю вещать вам, чтоб Вечного суд не сразил нас
Равною казнию! Горе тебе, Сатана-возмутитель!

Я ненавижу тебя, ненавижу, убийца! Вовеки

Требуй он, наш судия, от тебя развращенных тобою,

Некогда чистых наследников славы! Да вечное: горе!

Грозно гремит на тебя в сем совете духов погубленных!

Горе тебе, Сатана! Я в безумстве твоём не участник!

Нет, не участник в твоих замысленьях восстать

на мессию!

Бога-мессию сразить!.. О ничтожный, о ком говоришь ты?

Он всемогущий, а ты пресмыкаешься в прахе, бессильный

Гордый невольник... Пошлет ли смертному бог

искушение,

Тлена ль оковы расторгнуть помыслит — тебе ль с ним

бороться!

Ты ль растерзаешь бессмертное тело мессии? Забыл ли,

Кто он? Не ты ль опален всемогущими грóбами пнева?

Иль на челе твоём мало ужасных следов отверженья?

Иль Вседержитель добычею будет безумства бессильных?

Мы, заманившие в смерть человека... о горе мне, горе!

Я ваш сообщник!.. Дерзнем ли восстать на подателя

жизни?

Сына его, громовержца, хотим умертвить — о безумство!

Сами хотим в слепоте истребить ко спасенью дорогу!

Некогда духи блаженные, сами навеки надежду

Прежнего счастья, мук утolenия мчимся разрушить!

Знай же, сколь верно, что мы ощущаем с сугубым
страданием.

Муку паденья, когда ты в сей бездне изгнанья и ночи
Гордо о славе твердишь нам; столь верно и то,
что сраженный

Ты со стыдом на челе от мессии в свой ад возвратишься». —
Бешен, кипя нетерпением, внимал Сатана Аббадоне;
Хочет с престола в него он ударить огромной скалою —
Гнев обессилил подъятую прозно с камнем десницу!
Топнул, яряся, ногой и трикраты от бешенства вздрогнул;
Молча воздвигшись, трикраты сверкнул он в глаза

Аббадоны
Пламенным взором, и взор был от бешенства ярок
и мрачен:
Но презирать был не властен. Ему предстоял Аббадона,
Тихий, бесстрашный, с унылым лицом. Вдруг воспрянул
свирепый

Адрамелех, божества, Сатаны и людей ненавистник.
«В вихрях и бурях тебе я хочу отвечать, малодушный;
Гряну грозою ответ, — сказал он. — Ты ли ругаться
Смешь богами? Ты ли, презреннейший в сонме
бесплотных,

В прахе своем Сатану и меня оскорблять замыляешь?
Нет тебе казни; казнь твоя: мыслей бессильных
ничтожность.

Раб, удались; удались, малодушный; прочь от могущих;
Прочь от жилища царей; исчезай, неприметный, в пучине;
Там да создаст тебе царство мучения твой Вседержитель;
Там проклинай бесконечность, или, ничтожности алчный,
В низком бессилии рабски пред небом глухим
пресмыкайся.

Ты же, отважный, среди самого неба нарекшийся богом,
Грозно в кипении гнева на брань полетевший с могущим,
Ты, обреченный в грядущем несметных миров повелитель,
О Сатана, полетим; да узрят нас в могуществе духи;
Да поразит их, как буря, помыслов наших отважность!
Все лабиринфы коварства пред нами: пути их мы знаем;
В мраке их смерть; не найдет он из бедственной тьмы
их исхода.

Если ж, наставленный небом, разрушит он хитрые ковы, —
Пламенны бури пошлем, и его не миует гибель.
Горе, земля, мы грядем, ополченные смертью и адом;

Горе безумным, кто нас отразить на земле возмечтает!»
Адрамелех замолчал, и смутилось, как буря, собрание;
Страшно от топота ног их вся бездна дрожала; как будто
С промом утес за утесом валился; с кликом и воем,
Гордые славой грядущих побед, все воздвиглися; дикий
Шум голосов поднялся и отгрянул с востока на запад;
Все заревели: «Погибни, мессия!» От века создание
Столь ненавистного дела не зрело. С Адрамелехом
С трона потек Сатана, и ступени, как медные горы,
Тяжко под ними звенели; с криком, зовущим к победе,
Кинулись смутной толпой во врата растворенные ада.
Издали медленно следом за ними летел Аббадона;
Видеть хотел он конец необузданно-страшного дела.
Вдруг нерешимой стопою он к ангелам, стражам эдема,
Робко подходит... Кто же тебе предстоит, Аббадона?
Он, Абдиил, непреклонный, некогда друг твой... а ныне?..
Взоры потупив, вздохнул Аббадона. То удалиться,
То подойти он желает; то в сиротстве, безнадежный,
Он в беспредельное броситься хочет. Долго стоял он,
Трепетен, прустен; вдруг, ободрясь, приступил к Абдиилу;
Сильно билось в нем сердце; тихие слезы катились,
Ангелам токмо знакомые слезы, по бледным ланитам;
Тяжкими вздохами грудь воздымалась; медленный трепет,
Смертным и в самом бorenье с концом не испытанный,
мучил

В робком его приближеньи... Но, ах! Абдиилу взоры,
Ясны и тихи, неотвратимо смотрели на славу
Вечного бога; его ж Абдиил не заметил. Как прелесть
Первого утра, как младость первой весны мирозданья,
Так серафим блистал, но блистал он не для Аббадоны.
Он отлетел, и один, посреди опустевшего неба,
Так невнимаемым гласом взывал издали к Абдиилу:
«О Абдиил, мой брат, иль навеки меня ты отринул?
Так, навеки я розно с возлюбленным... страшная
вечность!

Плачь обо мне, все творение; плачьте вы, первенцы
света;
Он не возлюбит уже никогда Аббадоны, о, плачьте!
Вечно не быть мне любимым; увяньте вы, тайные сени,
Где мы беседой о бoге, о дружбе нежно сливались;
Вы, потоки небес, близ которых, сладко объемлясь,
Мы воспевали чистою песнию божью славу,

Ах! замолчите, иссякните: нет для меня Абдиила;
Нет, и навеки не будет. Ад мой, жилище мученья,
Вечная ночь, унывайте вместе со мною: навеки
Нет Абдиила; вечно мне милого брата не будет».
Так тосковал Аббадона, стоя перед восходом в создание.
Строем катилися звезды. Блеск и крылатые громы
Встречу ему Орионов летящих его устрашили;
Целые веки не зрел он, тоской одинокой томимый,
Светлых миров; погружен в созерцанье, печально

сказал он:

«Сладостный вход в небеса для чего запрожден Аббадоне?
О! для чего не могу я опять залететь на отчизну,
К светлым мирам Вседержителя, вечно покинуть
Область изгнанья? Вы, солнца, прекрасные чада

создания,

В оный торжественный час, как, блистая, из мощной
десницы

Вы полетели по юному небу, — я был вас прекрасней.
Ныне стою, помраченный, отверженный, сирый

изгнанник,

Грустный, среди красоты мироздания. О небо родное,
Видя тебя, содрогаюсь: там потерял я блаженство;
Там, отказавшись от бога, стал прешник. О мир

непорочный,

Милый товарищ мой в светлой долине спокойствия,
где ты?

Тщетно! одно лишь смятенье при виде небесных слав
Мне судия от блаженства оставил — печальный остаток!
Ах! для чего я к нему не дерзну возгласить:

«Мой создатель»?

Радостно б нежное имя отца уступил непорочным;
Пусть неизгнанные в чистом восторге: «Отец»,

восклицают.

О судия непреклонный, преступник молить не дерзает,
Чтоб хоть единым ты взором его посетил в сей пучине.
Мрачные, полные ужаса мысли, и ты, безнадежность,
Грозный мучитель, свирепствуй!.. Почто я живу?

О ничтожность!

Или тебя не узнать?.. Проклинаю сей день ненавистный,
Зревший Создателя в шествии светлом с пределов

востока,

Слышавший слово Создателя: «Буди!» Слышавший голос

Новых бессмертных, вещавших: «И брат наш
возлюбленный создан».
Вечность, почто родила ты сей день? Почто он был ясен,
Мрачностью не был той ночи подобен, которою Вечный
В гнев своем несказанном себя облакает? Почто он
Не был, проклятый Создателем, весь обпажен
от созданий?..

Что говорю?.. О хулитель, кого пред очами созданья
Ты порицаешь? Вы, солнцы, меня опалите; вы, звезды,
Грядьтесь ко мне на главу и укройте меня от престола
Вечных правды и мщенья; о ты, судия непреклонный,
Или надежды вечность твоя для меня не скрывает?
О судия, ты создатель, отец... что сказал я, безумец!
Мне ль призывать Иегову, его нарицать именами,
Страшными грешнику? Их лишь дарует один
примиритель;

Ах! улетим; уж воздвиглись его всемогущие громы
Страшно ударить в меня... улетим... но куда?.. где отрада?»
Быстро ударился он в глубину беспредельных бездн...
Громко кричал он: «Сожги, уничтожь меня,
огнь-разрушитель!»

Крик в беспредельном исчез... и огонь не притек
разрушитель.
Смутный, он снова помчался к мирам и приник,
утомленный,

К новому пышно-блестящему солнцу. Оттоле на бездны
Скорбно смотрел он. Там звезды кипели, как светлое
море;

Вдруг налетела на солнце заблудшая в бездне планета;
Час ей настал разрушенья... она уж дымилась и рдела...
К ней полетел Аббадона, разрушиться вкупѣ надеясь...
Дымом она разлетелась, но ах!.. не погиб Аббадона!

КРАСНЫЙ КАРБУНКУЛ

Сказка

Дедушка резал табак на прилавке; к нему подлстела
С видом умильным Луиза. «Дедушка, сядь к нам,
голубчик;
Сядь, Расскажи нам, как, помнишь, когда сестра
Маргарета
Чуть не заснула». Вот Маргарета, Луиза и Лотта
С донцами, с пряжей проворно подсели к огню
и примолкли;
Фриц, наколовши лучины, придвинул к подсвечнику
лавку,
Сел и сказал: «Мне смотреть за огнем»; а Энни, на печке
Нежась, поглядывал вниз и думал: «Здесь мне слышнее».
Вот, табаку накрошивши, дедушка вычистил трубку,
Туго набил, подошел к огоньку, осторожно приставил
Трубку к горячей лучине, раза два пыхнул, — струею
Легкий дымок побежал; он, пальцем огонь придавивши,
Кровелькой трубку закрыл и сказал: «Послушайте, дети,
Будет вам сказка; но с уговором — дослушать порядком;
Слова не молвить, пока не dokonчу; а ты на печурке
Полно валяться, ленивец; опять, как в норе, закопался;
Слезь, говорят. Ну, дети, вот сказка про *красный*
карбункул».

Знайте: есть страшное место; на нем не пахут, не сеют;
Боле ста лет, как оно густою крапивой заглохло;
Там дрозды не поют, не водятся летние птички;
Там стерегут огромные жабы проклятое тело.
Всем был Вальтер хорош, и умен, и проворен; по рано

Стал он трактиры любить; не псалтырь, не молитвенник — карты

Брал он по праздникам в руки, когда христиане молились.

Часто ругался он именем бога так страшно, что ведьма, Сидя в трубе, творила молитву, и звезды дрожали.

Вот однажды косматый стрелок в зеленом кафтане Молча смотрел на игру их и слушал, с какими божбами Карту за картой и деньги проигрывал бешеный Вальтер. «Ты не уйдешь от меня! — проворчал, покосившись, Зеленый.

«Верно рекрутский наборщик?» — шепнула хозяйка, подслушав.

Нет, то был не рекрутский наборщик; узнаете сами. Только что женится Вальтер и все промытарит

на картах.

Где же, скажите, у Мины был ум? Из любви согласилась Мина за Вальтера выйти; да! из любви... но к нему ли?.. Нет, друзья, не к нему: к отцу, к матери —

им в угождение.

Слушайте ж: за день до свадьбы Мина с печалью заснула; Вот ей страшный, пророческий сон к полуночи приснился:

Видит, будто куда-то одна идет по дороге; Черный монах на дороге стоит и читает молитву. «Честный отец, подари мне святой образок; я невеста. Вынь мне: что вынешь, тому и со мной неминуемо сбыться».

Долго, долго качал головою чернец; из мошонки Горсть образочков достал он. «Сама выбирай», — говорит ей.

Вот она вынула... что ж ей, подумайте, вынулось? Карта. «Туз бубновый, не так ли? Плохо: ведь *красный карбункул*

Значит он... доля недобрая». — «Правда», — Мина сказала.

«Мой совет, — говорит ей чернец, — попытаться в другой раз.

Что? Семерка крестовая?» — «Правда», — сказала, вздохнувши,

Мина, «Господь защити и помилуй тебя! Вынь, дружок,

В третий раз; может быть, лучше удастся. Что там?

Червонный

Туз?.. Кровавое сердце». — «Ах, правда!» — Мина сказала, карту из рук уронивши. «Послушай, отведай еще раз. Что? Не туз ли виновый?» — «Смотри, я не знаю». —

«Он, точно!

Ах! невеста, черный заступ, заступ мотильный;
Горе, горе! молился, дружок: он тебя закопает». —
Вот что, друзья, накануне свадьбы приснилось Мине.
Что ж, помогло предвещанье? Все Мина за Вальтера

вышла.

Мина подумала, Мина сказала: «Как богу угодно!
Семь крестов да кровавое сердце; а после... что ж после?
Воля господня! пусть черный мой заступ меня

закопает».

Дети, сначала было ей сносно: хоть Вальтер и часто
Пил, и играл, и святыней ругался, и бедную мучил;
Но случалось, что, тронутый горем ее и слезами,
Он утихал — и вот что однажды сказал он ей: «Слушай;
Я от игры откажусь и карты проклятые брошу;
Душу возьми сатана, как скоро хоть пальцем их трону.
Но отстать от вина — и во сне не проси; не отстану.
Плачь и крушися, как хочешь; хоть с горя умри;
не поможешь».

Ах! друзья, не сдержал одного, да сдержал он другое.
Вот пришел он в трактир; а Зеленый уж там, и тасует
Карты, сидя за столом сам-третей, и Вальтера кличет:
«Вальтер, со мной пополам; садись, сыграем игорку». —
«Я не играю», — Вальтер сказал и пива напенил
Полную кружку. «Вздор! — возразил, сдавая, Зеленый. —
Мы играем не в деньги, а даром; садись, не упрямясь». —
«Что же? (думает сам в себе Вальтер) если не в деньги,
То и игра не в игру...» — и садится рядом с Зеленым.
Вот белокуренький мальчик к окну подошел и стучится.
«Вальтер (кличет он), Вальтер, послушай,

выдь на словечко».

Вальтер ни с места. «После приди, — говорит он. —
Что козырь?»

Взятку берет он за взяткой. «Ты счастлив, — заметил
Зеленый. —
Дай сыграем на крейцер; безделка!» Задумался Вальтер.

«В деньги или даром... игра все игра. Согласен», —
сказал оп.

«Вальтер (кличет мальчик опять и пуще стучится),
Выдь на минуточку; словечко, не боле. — «Отстань же,
не выду;
Козыры!.. туз бубновый!.. семерка крестовая!.. козыры!»
Крейцер да крейцер, а там, поглядишь, вынимай
и дублоны.

Кончив игру, Зеленый сказал: «Со мною нет денег.
Хочешь ли? Вот тебе перстень; возьми: он стоит дороже;
Камень редкий, карбункул; в нем же есть тайная сила».
В третий раз кличут в окошко: «*Выдь, Вальтер, пока
еще время*». —

«Пусть кричит, — Зеленый сказал, — покричит
и отстанет.

Что ж, возьмешь ли мой перстень? Бери, в убытке
не будешь.

Знай: как скоро нет денег, ты перстень на палец
да смело

Руку в карман — и вынется звонкий серебряный талер.
Но берегись... раз на день, не боле; и в будни,
не в праздник;

Слышишь ли, слышишь ли, Вальтер? Я сам не советую
в праздник.

Если ж нужда случится во мне; ты крикни лишь: *Бука!*
(*Букой* слышу я в народе) — откликнусь тотчас.

До свиданья».

Что-то делает Мина?.. Одна, запершись в каморке,
Мина сидит над разодранной библией в тяжелой печали.
Муж пришел, и война поднялась. «Ненасытная плакса,
Долго ль молитвы тебе бормотать? Когда ты уймешься?
Вот, горемыка, смотри, что я выпрал: перстень,
карбункул».

Мина, взглянув, обомлела: карбункул! Творец
милосердый,

Доля недобрая!.. сердце в ней сжалось, и замертво пала...
Бедная Мина, зачем ты, зачем ты в себя приходила?
Сколько б кручины жестокой тебя миновало на свете.
Вот чем дале, тем хуже; день ли в деревне торговый,
Ярмапка ль в праздник у церкви — Вальтер наш там.
Кто заглянет

В полночь в трактир, иль в полдень, иль в три часа
пополудни —

Вальтер сидит за столом и тасует крапленые карты.
Брошены дети; что было, то сплыло; поле за полем
Проданы все с молотка, и жена пропадает от горя.
Дома же только и дела, что крик, да упреки, да слезы;
Нынче драка, а завтра к пастору, а там для ответа
В суд, а там и в тюрьму на хлеб с водой попоститься.
Плох он пойдет, а воротится хуже. Бука не дремлет;
Бука в уши свистит и желчи в кровь подливает.
Так проходят семь лет. Ну, послушайте ж: Вальтера
Бука

Вывел опять из тюрьмы. «Не зайти ль по дороге, —
сказал он, —

Выпить чарку в трактире? С чем ты покажешься дома?
Как тебя примут? Ты голоден, холодеп, худ и оборван.
Что на свиданье жена припасла, то тебя не согрест.
Правду молвить, ты мученик; лопнуть готов я с досады,
Видя, какую ты от жены пьешь горькую чашу.
Много ль подобных тебе? Что сутки, то талер, и даром.
Права пословица: счастлив игрою, несчастлив женою.
Будь ты один — ни забот, ни хлопот; женился —

каков ты?

Нет лица на тебе; как усопший; кожа да кости.
Выпей же чарку, дружок: авось на душе просветлеет».
Мина тем временем, руки к сердцу прижавши,

в потемках

Дома сидит одинешенька, смотрит сквозь слезы на небо.
«Так, семь лет, семь крестов!.. (и слезы ручьем

полилися)

Все, как должно, сбылось; пошли же конец, мой
создатель!»

Молвила, книжку взяла и молитву прочла по усопшем.
Вдруг растворилася дверь, и Вальтер вбежал

как безумный.

«Плачешь, змея? (загремел он) плачь! теперь
не напрасно!

Ужин, проворнее!» — «Где взять? Все пусто; в доме
ни корки». —

«Ужин, тебе ль говорят? Хоть тресни, иль нож тебе
в сердце!» —

«Что ж, чем скорее, тем лучше: в могилу снесут,
да и только;
Мне же там быть не одной: детей давно ты зарезал». —
«Стинь же!» — он гаркнул... и Мина в крови ударилась
об пол.

«Ах! мое кровавое сердце! (она простонала)
Где ты, заступ? Твоя черед: закопай меня в землю».
Ужас, как холод, облил убийцу... бежит неоглядкой;
Ночь; под ним шевелится земля; в орешнике порох.
«Бука, где ты?» — он крикнул... Громко откликнулось
в поле.

Бука стоит за орешником... выступил... «Что ты?» —
спросил он.
«Бука... я Мину зарезал... скажи, присоветуй,
что делать?..» —
«Только? — тот возразил. — Чего ж испугался,
безмозглый?»

Мину зарезал — великое диво! туда и дорога!
Но... послушай, здесь оставаться теперь не годится;
Будет плохо; Рейн близко — ступай, переедем;
Лодка у берега есть...» Садятся, плывут, переплыли,
На берег вышли и по полю бегом. В сторонке,
в трактире,

Светится свечка. Зеленый сказал: «Зайдем на минутку;
Тут есть добрые люди; помогут тебе разгуляться».
Входят. В трактире сидят запоздалые, пьют и играют.
Вальтер с Зеленым подвинулись к ним, и война закипела.
«Бей!» — кричат. «Подходи!» — «Я лопнул!» —
«Козырь!» — «Зарезал!»

Вот они козыряют, а маятник ходит да ходит.
Стрелка взошла на двенадцать... Ах! белокуренький
мальчик,
Стукни в окошко!.. Не стукнет: дело кончается, Вальтер.
Как же ты плохо играешь!.. зарезал... глубоко, глубоко
В сердце к нему заронилось тяжелое слово; а Бука,
Только что взятку возьмут, повторит да на Вальтера
взглянет.

Вот пробило двенадцать. К Вальтеру масть, как на выбор,
Все негодная сылет; мелком он проигрыш пишет.
Вот... и первого четверть. С перстнем на пальце он руку
Всунул в карман: «Разменяйте мне талер». Плохая монета,
Вальтер, плохая монета: в кармане битые стекла...

Руку отдернув, в страхе глаза он уставил на Буку;
Бука сидит да винцо попивает, и нет ему дела.
«Вальтер (допивши, сказал он), пора! хозяин уж дремлет.
Нынче праздник, двадцать пятое августа; много
Будет в трактире гостей; пойдем, зачем нам тесниться?
Полно перстнем вертеть; не трудись, ничего не добудешь».
Праздник!.. Ах! Вальтер, как бы ты рад был услышаться!

как бы
Рад был ногами к столу прирасти, чтоб не сдвинуться
с места!

Поздно, поздно; ничто не поможет... Бледен как мертвый,
Встал он, ни слова не молвил, и в поле темное с Букой —
Бука вперед, а он позади — побрел, как ягненок
Вслед за своим мясником бредет к кровавой колоде.
Бука ставит его на выстрел ружейный от места.
«Видишь, Вальтер? — сказал он. — Звезды на небе

смеркли.
Видишь? Тяжелыми тучами небо кругом обложилось;
Воздух душен; ветка не тронется; листик не дрогнет.
Вальтер, что же ты так замолчал?.. Уж не молишься ль,
Вальтер?

Или считаешь свой проигрыш? Все проиграл невозвратно.
Как быть! а выбор остался плохой, я сам признаюсь.
Вот тебе нож... я украл у убийцы, когда обдирал он
Мертвое тело... зарежь себя сам, так за труд
не заплатишь».

Так рассказывал дедушка внукам. Чуть смея дыханье
В страхе отвести, говорит ему бабушка: «Скоро ль
ты кончишь?

Девки боятся; на что их страшать небывальщиной?
Полно!» —

«Я dokonчил, — старик отвечал. — Там лежит он,
и с перстнем,

В дикой крапиве, где нет дроздов и не водятся пташки».
Тут Луиза примолвила: «Бабушка, кто же боится?
Или, думаешь, трудно до смысла сказки добраться?
Я добралась: Бука есть *искушение злое*.

Разве не вводит оно нас в грех и в напасти, когда мы
Бога не помним, советов не любим, не делаем дела?
Мальчик в окошечке... кто он? Верный учитель наш,
совесть.

О! я дедушку знаю, я знаю и все его мысли».

ЦЕИКС И ГАЛЬЦИОНА

Отрывок из Овидиевых «Превращений»

Цейкс, тревожимый ужасом тайных, чудесных видений,
Был готов испытать прорицанье Кларийского бога —
В Дельфы же путь заграждали Форбас и дружины
флегиап.

Он приходит к своей Гальционе, верной супруге,
Ей сказать о разлуке... сказал... ужаснулась, и хладом
Грудь облилася, бледность ланиты покрыла, слезами
Очи затмились, трикраты ответ начинала — трикраты
Скованный горем язык изменял; наконец возопила,
Частым рыданием томно-печальную речь прерывая:
«Милый супруг мой, какую виной от себя удалила
Я твое сердце? Ужели не стало в нем прежней любви?
Ты равнодушно теперь покидаешь свою Гальциону;
Путь выбираешь дальнейший; я уж милей в отдаленьс.
Странствуй ты по земле — тогда бы сердце не знало
Страх в печали; была бы тоска без заботы... но моря,
Моря страшусь; ужасает печальная мрачность пучины;
Волны — я зрела вчера — корабельны обломки носили;
Здесь не раз на гробницах пустых имена я читала.
Друг, не вверяйся надежде бесстрашного сердца;

не льстися

Дружбой родителя, бога Эола, могущего силу
Ветров смирять и море по воле мутить и покоить.
Раз овладевши волнами, раскованны ветры не знают
Буйству границ; и земля и моря им покорны; сгоняют
Тучи на небо и страшным огнем зажигают их недра.
Ах! чем боле их знаю (а знать их должна; я младенцем
Часто в жилище отца их видала), тем боле страшусь их.

Если ж ни просьбы, ни слезы мой над тобою не властны,
Если уж в море далекое должно, должно пускаться,
Друг, возьми с собою меня: мы разделим судьбину;
Зная, чем стражду, менее буду страдать; что ни встретим,
Всё заодно; без разлуки неверным волнам предадимся».
Тронутый жалобной речью супруги, сын Люциферов
Долго безмолвствовал, в сердце тая глубокое горе.
Но, постоянный в желанье, он вверить своей Гальционы
Вместе с собой произволу опасного моря не смеет.
Хочет ее убедить ободрительным словом... напрасно!
Нет убежденья печальной душе. Наконец он сказал ей:
«Долго разлука и краткая длится; но я Люцифером
Светлым клянусь возвратиться, если допустит судьбина,
Прежде чем дважды луна в небесах совершиться успеет».
Сим обетом надежду на скорый возврат ожививши,
Он повелел спустить на волны ладью и, не медля,
Снасти устроить и всё изготовить к далекому бегу.
Видит ладью Гальциона и, вещей душой предузнавши
Будущий рок, содрогнулась, слезы ручьем полилися;
Нежно прижалась к супругу лицом безнадежно печальным;
Томно шепнула: «прости!» — и пала без чувства на бреге.
Медлит унылый супруг; но пловцы уж рядами взмахнули
Весла, прижав их к могучим грудям, и согласным ударом
Вспенили влагу. Тронулось судно. Она отворила
Влажные очи и видит его у кормы... Удаляясь,
Знаком прощальным руки он последний привет посылает;
Тем же знаком она отвечала. Дале и дале
Берег уходит, и очи лица распознать уж не могут;
Долго, долго преследует взором бегущее судно;
Но когда и оно в отдаленье пространства пропало,
Силится взором поймать на мачте играющий парус;
Скоро и парус пропал. И безмолвно в чертог опустелый
Тихо пошла Гальциона и пала на одр одинокий...
Ах! и чертог опустелый, и одр, и все раздражало
Грустное сердце, твердя о далекоплывущем супруге.
Судно бежит. Вдруг ветер шатнул неподвижные верви;
Праздные весла к бокам ладии прислонив, корабельщик
Волю дал парусам и пустил их свободно по мачте:
Полные ветром попутным, шумя, паруса натянулись.
Море браздя, половину пути уж ладья совершила;
Берег повсюду равно отдален, повсюду невидим.
Вдруг перед ночью надулись волны, море белеет;

Сильный порывистый ветер внезапно ударил от юга.
«Свить паруса!» — возопил ужаснувшийся кормщик...
напрасно!

Ветра могучий порыв помешал повеленье исполнить;
Шумом ревущей волны заглушило невнятное слово.
Сами гребцы на работу бегут; один убирает
Весла, другой чинит расколовшийся бок, тот исторгнуть
Силится парус у ветра; а тот, из ладьи выливая
В трещины бьющую воду, волны волнам возвращает.
Всё в беспорядке, а буря грозней и грозней; отовсюду
Ветры, слетаясь, бьются, и море, вздымаясь, воет;
Кормщик бодрость утратил, и сам, признавая опасность,
Где они, что им начать, от чего остережться, не знает.
Властвует буря, ничтожны пред нею искусство и опыт;
Вихорь, вопли гребцов, скрыпенье снастей, непрерывный
Плеск отшибаемых волн и гром отовсюду... ужасно!
Воды буграми, и море то вдруг до самого неба
Рвется допрыгнуть и темные тучи волнами обрызгать;
То, подымая желтый песок из глубокия бездны,
Мутно желтеет; то вдруг чернее стигийския влаги;
То, опадая и пеной шипящей разбившись, белеет.
Мчится трахинское легкое судно игралищем бури;
Вдруг возлетит и как будто с утесистой горной стремнины
Смотрит в глубокий дол, в глубокую мглу Ахерона;
Вдруг с волной упадет и, кругом взгроможденному морю,
Видит как будто из адския бездны далекое небо.
Страшно гремит ладья, отшибая разящие волны:
Так раздаются удары в стене, тяжелым тараном
Глухо разимой иль брошенным тяжким обломком утеса.
Словно как пламенный лев свирепеет, теснимый ловцами,
Бешен встает на дыбы и грудью кидается в копыта:
Так яримая ветром волна, бросаясь на мачты,
Судно грозитя пожрать и ревет, над ним подымаясь.
Киль расшатался; утратив защиту смолы, раздалися
Бренные сшивы досок, и вторглась губящая влага;
Вдруг облака, расступившись, дождем зашумели; казалось,
Небо упало на море и море воздвиглось к небу.
Взмокли все паруса, смешались с водами пучины
Воды небес, и казалось, что звезды утратило небо.
Темную ночь густила темная буря; но часто
Молнии быстрым, излучистым блеском, летая по тучам,
Ярко сверкали, и бездна морская в громах загоралась.

Вдруг поднялся и бежит, раскатавшись, ударить на судно
Вал огромный. Подобно бойцу-великану, который
Дерзко не раз набегал на раскат осажденного града,
Сбитый, снова рвался, наконец, окрыляемый славой,
Силой взбежал на вершину стены один из дружины:
Так посреди стесненных валов, осаждающих судно,
Все перевыся главой, воздвигся страшный девятый;
Хлещет, бьет по скрипучим бокам ладни утомленной,
Рвется, ворвался и вдруг овладел завоеванным судном.
Волны частью толпятся на приступ, частью вломились;
Все трепещет, как будто во граде, когда уж в проломы
Бросился враг и стена за стеною, гремя, упадает;
Тщетно искусство; мужество пало; мнитсЯ, что с каждой
Новой волною новая страшная смерть нападает.
Нет спасенья! тот плачет; тот цепенеет; тот мертвым
В гробе завидует; тот к богам посылает обеты;
Тот, напрасно руки подъемля к незримому небу,
Молит пощады; тот скорбит об отце, тот о брате,
Тот о супруге и чадах, каждый о том, что покинул;
Цейкс о милой своей Гальционе: одной Гальционы
Имя твердит он, тоскует по ней, но, тоскуя, утешен
Тем, что она далеко; хотел бы к домашнему берегу
Раз оглянуться, раз хотел бы лицом обратиться
К милому дому... но где же они? разъяренная буря
Все помутила; сугубою мглою черные тучи
Небо всё обложили, и ночь беспредельная всюду.
Вихорь вдруг налетел... затрещав, подломилась и пала
Мачта за край, и руль пополам. И, встав на добычу,
Грозен, жаден, смотрит из бездны вал-победитель.
Тяжкий, словно Афос, могучей рукою с подошвы
Сорванный, словно Пинд, обрушенный в бездну морскую,
Он повалился. Корабль, раздавленный падшей громадой,
Вдруг потонул. Одни из пловцов, захлебнувшись
В вихре пенных валов, не всплыли и разом погибли;
Часть за обломки ладьи ухватились. Цейкс руками,
Некогда скипетр носившими, стиснул отбитую доску;
В помощь отца, в помощь Эола, водою душимый,
Часто зовет он, но чаще зовет свою Гальциону;
С нею мысли и сердце; жаль ее, а не жизни;
Молит он волны: тело его до очей Гальционы
Милых донести, чтоб родная рука его схоронила;
Он утопает, но только что волны дыханье отпускат,

Он Гальциону зовет, он шепчет водам: «Гальциона!»
Вдруг горой набежала волна, закипела и, лопнув,
Пала к нему на главу и его задавила паденьем...
Мраком задернувшись, в оную ночь был незрим и незнаем
Светлый Люцифер: невластный покинуть вершины Олимпа,
Он в высоте облаками закрыл печальные очи.
Тою порою Эолова дочь, об утрате не зная,
Ночи свои в терпенье считает, готовит супругу
Платья, уборы готовит себе, чтоб и ей и ему нарядиться
В день возврата, ласкаясь уже невозможным свиданьем.
Всех богов призывая, пред всеми она зажигает
Жертвенный ладан, Юнону ж богиню усерднее молит,
Молит, увы! о погибшем, навек невозвратном супруге;
Молит, чтоб он был здоров, чтоб к ней возвратился, чтоб,
верный,
Сердца не отдал другой... из стольких напрасных желаний
Только последнее слишком, слишком исполнено было.
Но мольбы Гальционы о мертвом тревожат Юнону:
Жертву и храм оскверняет рука, посвященная тени.
«Вестница воли богов (сказала Юнона Ириде),
Знаешь, где Сон обитает, безмолвный податель покоя.
К этому богу лети от меня повелеть, чтоб, не медля,
В образе мертвого Цейкса призрак послал Гальционе
Истину ей возвестить». Сказала... Ирида, в одежде
Яркостью красок блестящей, дугой в небесах отразившись,
Быстро порхнула к обителю бога, в скалах сокровенной.
Есть в стороне киммериян пустая гора с каменистой
Мрачной пещерой; издавна там Сон обитает ленивый.
Там никогда — ни утром, ни в полдень, ни в пору заката —
Феб не спит; лишь тонкий туман, от земли подымаясь,
Влажною стелется мглой, и сумрак сомнительный светит.
Там никогда будитель пернатых с пурпуровым гребнем
Дня не приветствует криком, ни пес — сторожитель
молчанья
Лаем своим не смущает, ни говором гусь осторожный;
Там ни птицы, ни зверя, ни легкой ветки древесной
Шорох не слышен, и слова язык человеческий не молвит;
Там живет безгласный Покой. Из-под камня сочась,
Медленной струйкой Летний ручей, по хрящу
пробираясь,
Слабым, чуть слышным журчаньем сладко наводит
дремоту;

Вход пещеры обсажен цветами роскошного мака
С множеством трав: из них усыпительный сок выжимая,
Влажная Ночь благодатно кропит им усталую землю.
В целом жилище нет ни одной скрипучия двери,
Тяжко на петлях ходящей, нет на пороге и стража.
Одр из гебена стоит посредине чертога, задержан
Темной завесой; наполнены пухом упругим подушки.
Бог, разметавшись на ложе, там нежит расслабленны
члены.

Ложе осыпав, Сны бестелесные, легкие Грезы
Тихо лежат в беспорядке, несчетны, как нивные класы,
Листья дубрав иль песок, на бреге набросанный морем.
Входит в пещеру младая богиня, раздвинув рукою
Вход заслонявшие Сны. Спянье небесной одежды
Быстро темный чертог облеснуло. Встревоженный блеском,
Бог медлительно поднял очи и снова закрыл их;
Силится встать, но слабость голову сонную клонит;
Нехотя он приподнялся; шатаясь, оперся на руку;
Встал. «Зачем ты?» — спросил он богиню. Ирида сказала:
«Сон, живущих покой! о Сон, божество благодати!
Мир души, усладитель забот, усталого сердца
Нежный по тяжких трудах и печалях дневных оживитель,
Сон! повели, чтоб Мечта, подражатель обманчивый правде,
В город Ираклов Трахины под видом царя полетела
Там сновиденьем погибель супруга явить Гальционе.
Так повелела Юнона». Окончив, Ирида младая
Бога покинуть спешит: невольно ее покоряла
Сонная сила, и тихо кралось в нее усыпление.
Снова лазурью по радуге светлой она полетела.
Бог из несметного роя им порожденных видений
Выбрал искусника, всех принимающего видов Морфея:
Выдумщик хитрый, по воле во всех он является лицах,
Всё выражает: и поступь, и телодвиженья, и голос,
Даже все виды одежд и каждому свойственны речи;
Но способен он брать лишь один человеческий образ.
Есть другой — тот является птицей, зверем, шипящим
Змеем, слывет на Олимпе Икелос, а в людях Фоветор.
Третий, мечтательный Фантазос, дивным своим
дарованьем

В камни, волны, пригорки, пни, во все, что бездушно,
С легкостью быстрой влетает. Они царям и владыкам
Чудятся ночью; другие ж народ и граждán посещают.

Бог, миновав их, из легкого сонмища вызвал Морфея
Волю Ириды свершить; потом, обессилен дремотой,
Голову томно склонил и в мягкий пух погрузился.
Тихо Морфей на воздушных, без шороха веющих крыльях
Мраком летит; он, скоро полет соверша, очутился
В граде Гемонском, и крылья сложил, и Цейксов образ
Принял: бледен, подобно бездушному, наг, безобразен,
Он подошел к одру Гальционы; струею лилася
Влага с его бороды; с волос бежали потоки.

К ложу тихо склонившись лицом, облитым слезами,
Он сказал: «Я Цейкс; узнала ль меня, Гальциона?
Смерть ужель изменила меня? — Всмотрися — узнаешь;
Или хоть призрак супруга вместо супруга обнимешь.
Тщетны были моления твои, Гальциона: погиб я.
В море Эгейском южный порывистый ветер настигнул
Нашу ладью, и долго бросал по волнам, и разрушил.
Мне в уста, напрасно твое призывавшие имя,
Влага морская влилась. Не гонец пред тобой, Гальциона,
С вестью неверной; не слуху неверному ныне
ты внимлешь:

Сам я, в море погибший, тебе повествую гибель.
Встань же, вдова; дай слез мне, оденься в одежду печали.
О! да не буду я в Тартаре темном бродить неоплакан!»
Так говорил Морфей, и голос его был подобен
Голосу Цейкса; очи его непритворно слезами
Плакали; даже и руки свои простирал он как Цейкс.
Тяжко во сне Гальциона рыдала; сквозь сон протянула
Руки; ловит его, но лишь воздух пустой обнимает.
«Стой! — она возопила. — Помедли, я за тобою». Собственный голос и призрак ее пробудили; вскочила
В страхе; ищет, очами кругом озираясь, тут ли
Виденный друг?.. На крик ее прибежавший невольник
Подавал светильник — напрасно! нигде его не находит.
С горя бьет себя по лицу, раздирает одежду,
Перси терзает и рвет на главе неразвитые кудри.
«Что с тобой, Гальциона?» — спросила кормилица в страхе.
«Нет Гальционы, — она возопила, — нет Гальционы!»
С Цейксом вместе она умерла; оставь утешенье;
Он погиб: я видела образ его и узнала.
Руки простерла его удержать, напрасно — то было
Тень; но тень знакомая, подлинный Цейксов образ.
Правда, почудилось мне, что в милом лице выражалось

Что-то чужое, не прежнее: прелести не было прежней;
Бледен, наг, утомлен, с волосами, струящими влагу,
Мне привиделся Цейкс, и там стоял он, печальный!
Вот то место... (и мутно глаза привиденья искали).
Друг! не того ли страшилось вешнее сердце, когда я
Так молила тебя остаться и ветрам не верить?
К смерти навстречу спешил ты... почто ж Гальциону
Здесь ты покпнул? Вместе нам все бы спасением было.
Ах! тогда ни минуты бы жизни розно с тобою
Я не утратила: смерть постигла бы нас неразлучных.
Ныне ж в отсутствии гибну твоею погибелью; море
Все мое лучшее, всю мою жизнь в тебе погубило.
Буду безжалостней самого моря, если останусь
Тяжкую жизнь влачить, терпя нестерпимое горе.
Нет! не хочу ни терпеть, ни тебя отречься, о милый,
Бедный супруг мой; все разделим; пускай нас в могиле
Если не урна одна, то хоть надпись одна сочетается;
Розно прахом, будем хотя именами не розно».
Тут умолкла: печаль оковала язык, и рыданье
Дух занимало, и стоны рвались из ноющей груди. —
Было утро; она повлеклася на тихое взморье,
К месту тому, откуда вслед за плывущим смотрела.
Там стояла долго: «Отсюда ладья побежала;
Здесь мы последним лобзаньем простились». Так повторяя
Прошное думаю, взор помраченный она устремляла
В даль морскую. Вдали, на волнах колыхаясь, мелькает
Что-то, как труп, — но что? Для печального взора не ясно.
Ближе и ближе, видней и видней; уже Гальциона
Может вдали распознать плывущее мертвое тело.
Кто бы ни был погибший, но бурей погиб он; и горько
Плача об нем, как бы о чужом, она возопила:
«Горе, бедный, тебе! и горе жене овдовевшей!»
Тело плывет, а сердце в ней боле и боле мутится.
Вот уж у берега; вот и черты различает уж око.
Смотрит... Кто ж? Цейкс. «Он! — возопила, терзая
Перси, волосы, платье. С берега трепетны руки
К телу простерла. — Так ли, мой милый, так ли,
несчастный,
Ты возвратился ко мне?..» В том месте плотина из камня
Брег заслоняла высокой стеной от приливного моря,
В бурю же ярость и силу напорной волны утомляла.
С той высокой стены в пучину стремглав Гальциона

Бросилась... Что же? о чудо! она взвилась, и над морем,
Воздух свистящий внезапно-расцветшим крылом разбивая,
Вдоль по зыбучим волнам полетела печальною птицей.
Жалобно в грустном полете, как будто кого прикликая,
Звонким щелкая посом, она протяжно стенала;
Прямо на труп охладелый и бледный она опустилась;
Нежно безгласного юным крылом обняла и как будто
Силилась душу его пробудить безответным лобзаньем.
Был ли чувствителен Цейкс, волны ль ему, колыхаясь,
Подняли голову, — что бы то ни было — он приподнялся.
Скоро, над их одиночеством сжалась, бессмертные боги
В птиц обратили обоих; одна им судьба; и поныне
Верны бывалой любви; и поныне их брак не разорван.
Поздней зимней порою семь дней безбурных и ясных
Мирно, без слета сидит на плавучем гнезде Гальциона;
Море тогда безопасно; Эол, заботясь о внуках,
Ветры смиряет, пловца бережет, и воды спокойны.

ПЕРИ И АНГЕЛ

Повесть

Однажды Пери молодая
У врат потерянного рая
Стояла в грустной тишине;
Ей слышалось: в той стороне,
За неприступными вратами,
Журчали звонкими струями
Живые райские ключи,
И неба райского лучи
Лились в полуотверзты двери
На крылья одинокой Пери;
И тихо плакала она
О том, что рая лишена.
«Там духи света обитают;
Для них цветы благоухают
В неувядаемых садах.
Хоть много на земных лугах
И на лугах светил небесных,
Есть много и цветов прелестных:
Но я чужда их красоты —
Они не райские цветы.
Обитель роскоши и мира,
Свежа долина Кашемира;
Там светлы озера струи,
Там сладостно журчат ручьи —
Но что их блеск перед блистаньем,
Что сладкий глас их пред журчаньем
Эдемских, жизни полных вод?
Направь стремительный полет
К бесчисленным звездам созданья,

Среди их пышного блистанья
Неизмеримость пролети,
Все их блаженства изотти,
И каждое пусть вечность длится...
И вся их вечность не сравнится
С одной минутою небес.
И быстрые потоки слез
Бежали по ланитам Пери.
Но Ангел, страж эдемской двери,
Ее прискорбную узрел;
Он к ней с утехой подлетел;
Он вслушался в ее стенанья,
И ангельского состраданья
Слезой блеснули очеса...
Так чистой каплею роса
В сиянье райского востока,
Так капля райского потока
Блестит на цвете голубом,
Который дышит лишь в одном
Саду небес (гласит преданье).
И он сказал ей: «Упованье!
Узнай, что небом решено:
Той пери будет прощено,
Которая ко входу рая
Из дальнего земного края
С достойным даром прилетит.
Лети — найди — судьба простит;
Впускать утешно примиренных».

Быстрой комет воспламененных,
Быстрее звездных тех мечей,
Которые во тьме ночей
В деснице ангелов блистают,
Когда с небес они свергают
Духов, противных небесам,
По светло-голубым полям
Эфирным Пери устремилась;
И скоро Пери очутилась
С лучом денницы молодой
Над пробужденною землей.
«Но где искать святого дара?
Я знаю тайны Шильминара:

Столпы там гордые стоят;
Под ними скрытые, горят
В сосудах гениев рубины.
Я знаю дно морской пучины:
Близ Аравийской стороны
Во глубине погребены
Там острова благоуханий.
Знаком мне край очарований:
Воды исполненный живой,
Сосуд Ямшидов золотой
Таится там, храним духами.
Но с сими ль в рай войти дарам?
Сии дары не для небес.
Что камней блеск в виду чудес,
Престолу Аллы предстоящих?
Что капля вод животворящих
Пред вечной бездной бытия?»
Так думая, она в края
Святого Инда низлетала.
Там воздух сладок; цвет коралла,
Жемчуг и злато янтарей
Там украшают дно морей;
Там горы зноем пламенеют,
И в недрах их алмазы рдеют;
И реки в брачном блеске там,
С любовью к пышным берегам
Теснясь, приносят дани злата.
И доли, полны аромата,
И древ сандаловых фимиам,
И купы роз могли бы там
Для Пери быть прекрасным раем...
Но что же? Кровью обагрим
Поток увидела она.
В лугах прекрасная весна,
А люди — братья, братий жертвы —
Обезображены и мертвы,
Лежа на бархате лугов,
Дыханье чистое цветов
Дыханьем смерти заражали.
О, чьи стопы тебя попрали,
Благословенный солнцем край?
Твоих садов тенистый рай,

Твоих богов святые ликн,
Твои народы и владыки
Какой рукой пстрелены?
Властитель Газны, вихрь войны,
Протек по Индии бедою;
Свой путь усыпал за собою
Он прахом отнятых корон;
На псов своих навесил он
Любимиц царских ожерелья;
Обитель чистую веселья,
Зенапы дев он осквернил;
Жрецов во храмах умертвил
И золотые их пагоды
В священные обрушил воды.
И видит Пери с вышины:
На поле страха и войны
Боец, в крови, но с бодрым оком,
Над светлым родины потоком
Стоит один, и за спиной
Колчан с последнею стрелой;
Кругом товарищи сраженны...
Лицом бесстрашного плененный,
«Живи!» — тиран ему сказал.
Но воин молча указал
На обогренны кровью воды
И истребителю свободы
Послал ответ своей стрелой.
По твердой броне боевой
Стрела скользнула; жив губитель;
На трупы братьев пал их мститель;
И вдаль помчался шумный бой.
Все тихо; воин молодой
Уж умирал; и кровь скудела...
И Пери к юноше слетела
В сиянье утренних лучей,
Чтоб вежды гаснувших очей
Ему смежить рукой любви
И в смертный миг священной крови
Оставшую каплю взять.
Взяла... и на небо опять
Ее помчало упованье.
«Богам угодное даенье

(Она сказала) я нашла:
Пролита кровь сия была
Во искупление свободы;
Чистейшие эдемски воды
С пей не сравнятся чистотой.
Так, если есть в стране земной
Достойное небес воззренья:
То что ж достойней приношенья
Сей дани сердца, все свое
Утратившего бытие
За дело чести и свободу?»
И к райскому стремится входу
Она с добычею земной.
«О Пери! дар прекрасен твой
(Сказал ей страж крылатый рая,
Приветно очю к ней склоняя),
Угоден храбрый для небес,
Который родине принес
На жертву жизнь... но видишь, Перп,
Кристалльные спокойны двери,
Не растворяется эдем...
Иной желают дани в нем».
Надежда первая напрасна.
И Пери, горестно-безгласна,
Опять с эфирной вышины
Стремится — и к горам Луны
На лоно Африки слетает.
Пред ней, рождаясь, блистает
В неизвестных истоках Нил,
Средь тех лесов, где он сокрыл
От нас младенческие воды
И где бесплотных хороводы,
Слетаясь утренней порой
Над люлькой бога водяной,
Тревожат сон его священный,
И великан новорожденный
Приветствует улыбкой их.
Средь палм Египта вековых,
По гротам, холодной тьмы жилищам,
По сумрачным царей кладбищам
Летает Пери... то она,
Унылой думою полна,

Розетты знойною долиной,
Вслед за четою голубиной,
К приюту их любви летит,
Их стоны внемлет и грустит;
То, вея тихо, замечает,
Как яркий свет луны мелькает
На пеликановых крылах,
Когда на голубых водах
Мерида он плывет и плещет
И вокруг него лазурь трепещет.
Пред ней волшебная страна,
Небес далеких глубина
Сияла яркими звездами;
Дремали пальмы над водами,
Вершины томно преклоня,
Как девы, от веселий дня
Устав, в подушки пуховые
Склоняют головы младые;
Ночной упившись росой,
Лилей с девственной красой
В роскошном сне благоухали
И ночью листья освежали,
Чтоб встретить милый день пышней;
Чертоги падшие царей,
В величии уединенья,
Великолепного виденья
Остатками казались там:
По их обрушенным стенам,
Ночной их страж, сова порхала
И ночь безмолвну окликала,
И временем, когда луна
Являлась вдруг, обнажена
От перелетного тумана,
Печально-тихая султана,
Как идол на столпе седом,
Сияла пурпурным крылом.
И что ж?.. Средь мирных сих явлений
Губительный пустыни гений
Приют нежданный свой избрал;
В эдем сей он чуму примчал
С песков степей воспламененных;
Под жаром крылий зараженных

Вмиг умирает человек,
Как былие, когда протек
Над ним самума вихорь знойный.
О, сколь для многих день, спокойно
Угаснувший средь их надежд,
Угас навек — и мертвых вежд
Уж не обрадует денницей!
И стала смрадною больницей
Благоуханная страна;
Сияньем дремлющим луна
Сребрит тела непогребенны;
Заразы ядом уstraшенный,
От них летит и ворон прочь;
Гиена лишь, бродя всю ночь,
Врывается для страшной пищи
В опустошенные жилищи;
И горе страннику, пред кем
Незапно вспыхнувшим огнем
Блеснут вблизи из мрака ночи
Ее огромны, злые очи!..
И Пери жалости полна;
И грустно думает она:
«О смертный, бедное творенье,
За древнее грехопаденье
Ценой ужасной платишь ты;
Есть в жизни райские цветы —
Но змей повсюду под цветами».
И тихими она слезами
Заплакала — и все пред ней
Вдруг стало чище и светлей:
Так сильно слез очарованье,
Когда прольет их в состраданье
О человеке добрый дух...
Но близко вод, и взор и слух
Манящих свежими струями,
Под ароматными древами,
С которых ветвями слегка
Играли крылья ветерка,
Как младость с старостью играет,
Узрела Пери: умирает,
К земле припавши головой,
Безмолвно мученик молодой;

На лоне бесприветной ночи,
Покинут, неоплакан, очи
Смыкает он; и с ним уж нет
Толпы друзей, дотоле вслед
Счастливица милого летавшей;
В груди, от смертных мук уставшей,
Тяжелой язвы жар горит;
Вотще прохладный ключ блестит
Вблизи для жаждущего ока:
Никто и капли из потока
Ему не бросит на язык;
Ничей давно знакомый лик
В его последнее мгновенье —
Земли прощальное виденье —
Прискорбной прелестью своей
Не усладит его очей;
И не промолвит глас родного
Ему того *прости* святого,
Которое сквозь смертный сон,
Как удаляющийся звон
Небесной арфы, нас пленяет
И с нами вместе умирает.
О бедный юноша!.. Но он
В последний час свой ободрен
Еще надеждою земною,
Что та, которая прямою
Ему здесь жизнь была
И с ним одной душой жила,
От яда ночи сей ужасной
Защищена под безопасной,
Под царской кровлею отца:
Там зной от милого лица
Рука невольниц отвевает;
Там легкий холод разливает
Игриво брызжущий фонтан,
И от курильниц, как туман,
Восходит амвры пар душистый,
Чтоб воздух зараженный в чистый
Благоуханьем превратить.
Но, ах! конец свой усладить.
Он тщетной силится надеждой!
Под легкою ночной одеждой,

С горячей младостью ланит,
Уж дева прелести спешит,
Как чистый ангел исцеленья,
К нему, в приют его мученья.
И час его уж наступал,
Но близость друга угадал
Страдальца взор полузакрытый;
Он чувствует: ему ланиты
Лобзают огненны уста,
Рука горячая слита
С его хладеющей рукою,
И освежительной струею
Язык засохший напоен...
Но что ж?.. Несчастный!.. то сквозь соп
Одолевающей кончпы
(Чтоб страшныя своей судьбины
С возлюбленной не разделить)
Ее от груди отдалить
Он томной силится рукою;
То, увлекаемый душою,
Невольно к ней он грудь прижмет;
То вдруг уста он оторвет
От жадных уст, едва украдкой
На поцелуй стыдливо-сладкий
Дотоле смевших отвечать.
И говорит она: «Принять
Дай в сердце мне твое дыханье;
Мне уступи свое страданье,
Мне жребий свой отдай вполне.
Ах! очи обрати ко мне,
Пока их смерть не погасила;
Пока еще не позабыла
Душа любви своей земной,
Любовью поделись со мной;
И в смертный час свою мне руку
Поддай на смерть, не на разлуку...»
Но, обессиленна, томна,
Вотще в глазах его она
Тяжелым оком ищет взгляда:
Она уж гаснет, как лампада
Под душным сводом гробовым.
Уж быстрым трепетом своим

Скончала смерть его страданье —
И дева, другу дав лобзанье
С последним всей любви огнем,
Сама за ним в лобзанье том
Желанной смертью умирает.
И Пери тихо принимает
Прощальный вздох ее души.
«Покойтесь, верные, в тиши;
Здесь, посреди благоуханья,
Пускай эдемские мечтанья
Лелеют ваш прекрасный сон;
Да будет услаждаем он
Игрою музыки небесной
Иль пеньем птицы той чудесной,
Которая в последний час,
Торжественный подъемля глас,
Сама поет свое сожженье
И умирает в сладкопенье...»
И Пери, к ним склоняя взгляд,
Дыханьем райским аромат
Окрест их ложа разливает
И быстро, быстро потрясает
Звездами яркого венца:
Исчезла бледность их лица;
Их существо преобразилось;
Два чистых праведника, мнилось,
Тут ясным почивали сном,
Уж озаренные лучом
Святой денницы воскресенья;
И ангелом, для пробужденья
Их душ слетевшим с вышины,
Среди окрестной тишины
Сияла Пери над четою.
Но уж восток зажжен зарею,
И Перп, к небу свой полет
Направив, в дар ему несет
Сей вздох любви, себя забывшей
И до конца не изменившей.
Надежду все рождало в ней:
С улыбкой Ангел у дверей
Приемлет дар ее прекрасный;
Звенят в эдеме сладкогласно

Дерев кристальные звонки;
В лицо ей дышат ветерки
Амврозией от трона Аллы;
Ей видны звездные фиалы,
В которых, жизнь забыв свою
Бессмертья первую струю
В эдеме души пьют святые...
Но все напрасно! роковые
Пред ней врата не отперлись.
Опять уныло: «Удались!
(Сказал ей страж крылатый рая)
Сей верной девы смерть святая
Записана на небесах;
И будут ангелы в слезах
Ее читать... но видишь, Пери,
Кристальные спокойны двери,
И светлый рай не отворен;
Не унывай, доступен он;
Лети на землю с упованьем»,
Сняла вечера сияньем
Отчизна розы Суристан,
И солнце, неба великан,
Сходя на запад, как корона,
Главу венчало Ливанона,
В великолепии снегов
Смотрящего из облаков,
Тогда как рдеющее лето
В долине, зноем разогретой,
У ног его роскошно спит.
О, сколь разнообразный вид
Красы, движенья и блистанья
Являл сей край очарованья,
С эфирной зримый высоты!
Леса, кудрявые кусты;
Потоков воды голубые;
Над ними дыни золотые,
В закатных рдеющих лучах
На изумрудных берегах;
Старинны храмы и гробницы;
Веселые веретенцы,
На яркой стен их белизне
В багряном вечера огне

Сияющие чешуями;
Густыми голуби стадами
Слетающие с вышины
На озаренны крутизны;
Их веянье, их трепетанье,
Их переливное сиянье,
Как бы сотканное для них
Из радуг пламенно-живых
Безоблачного Персисапа;
Святые воды Иордана;
Слиянный шум волны, листов
С далеким пеньем пастухов
И пчелы дикой Палестины,
Жужжащие среди долины,
Блестя звездами на цветах, —
Вид усладительный... но, ах!
Для бедной Пери нет улады.
Рассеянны склонпла взгляды,
Тоской души утомлена,
На падший солнцев храм она,
Вечерним солнцем озаренный;
Его столпы уединенны
В величьи стояли там,
По окружающим полям
Огромной простираясь тенью:
Как будто время разрушенью
Коснуться запретило к ним,
Чтоб поколениям земным
Оставить о себе преданье.
И Пери в тайном упованье
К святым развалинам летит:
«Быть может, талисман сокрыт,
Из злата вылитый духами,
Под сими древними столпами,
Иль Соломонова печать,
Могущая нам отверзать
И бездны океана темны,
И все сокровища подземны,
И сверженным с небес духам
Опять к желанным небесам
Являть желанную дорогу».
И с трепетом она к порогу

Жилища солнцева пдст.
Еще багряный вечер льст
Свое сиянье с небосклона
И ярко пальмы Ливанона
В роскошных светятся лучах...
Но что же вдруг в ее очах?
Долиной Баалбека ясной,
Как роза свежий и прекрасный,
Бежит младенец; озарен
Огнем заката, гнался он
За легкокрылой стрекозою,
Напрасно жадною рукою
Стараясь дотянуться к ней;
Среди ясминов и лилей
Она кружится непослушно
И блещет, как цветок воздушный
Иль как порхающий рубин.
Устав, младенец под ясмин
Прилег и в листьях угнезвился.
Тогда вблизи остановился
На жарко дышащем коне
Ездок, с лицом, как на огне
От зноя днѣвного горевшим:
Над мелким ручейком, шумевшим
Близ имарета, он с коня
Спрыгнул и, на воды склоня
Лицо, студеных струй напился.
Тут взор его оборотился,
Из-под густых бровей блестя,
На безмятежное дитя,
Которое в цветах сидело,
И улыбалось, и глядело
Без робости на пришлеца,
Хотя толь страшного лица
Дотоле солнце не палило.
Свирепо-сумрачное, было
Подобно туче громовой
Оно своей ужасной мглой,
И яркими чертами совесть
На нем изобразила повесть
Страстей жестоких и злодейств:
Разбой, насилиство, плач семейств,

Грабеж, святыни осквернение,
Предательство, богохуление —
Все написала жизнь на нем,
Как обвинительным пером
Неумолимый ангел мщенья
Записывает преступленья
Земные в книге роковой,
Чтоб после Милость их слезой
С погибельной страницы смыла.
Краса ли вечера смирила
В нем душу — но злодей стоял
Задумчив, и пред ним играл
Малютка тихо меж цветами;
И с яркими его очами,
Глубоко впадшими, порой
Встречались полные душой
Младенца голубые очи:
Так дымный факел, в мраке ночи
Разврата освещавший дом,
Порой встречается с лучом
Всевоскрешающей денницы.
Но солнце тихо за границы
Земли зашло... и в этот час
Вечерний минаретов глас,
К мольбе скликающий, раздался...
Младенец набожно поднялся
С цветов, колена преклонил,
На юг лицо оборотил
И с тихостью пред небесами
Самой невинности устами
Промолвил имя божества.
Его лицо, его слова,
Его смиренно сжаты руки...
Казалось, о конце разлуки
С эдемом радостным своим
Молился чистый херувим,
Земли на время поселенец.
О вид прелестный! Сей младенец,
Сии святыя небеса...
И гордый Эвлис очеса
(Таким растроганным явленьем)
Склонил бы, вспомнив с умиленьем

О светлой рая красоте
И о погибшей чистоте.
А он?.. Отверженный, несчастный!
Перед невинностью прекрасной
Как осужденный он стоял...
Увы! он памятью летал
Над темной прошлого пучиной:
Там не встречался ни единый
Веселый берег, где б пристать
И где б отрадную сорвать
Надежде ветку примиренья;
Одни лишь грозные виденья
Носились в темной бездне той...
И грудь смягчилась тоской;
И он подумал: «Время было.
И я, как ты, младенец милый,
Был чист, на небеса смотрел,
Как ты, молиться им умел
И к мирной алтаря святыне
Спокойно подходил... а ныне?..»
И голову потупил он;
И все, что с давних тех времен
В душе ожесточенной спало,
Чем сердце юное живало
Во дни минувшей чистоты,
Надежды, радости, мечты —
Все вдруг пред ним возобновилось
И в душу, свежее, втеснилось;
И он заплакал... он во прах
Пред богом пал в своих слезах,
О слезы покаянья! вами
Душа дружится с небесами;
И в тайный угрызенья час
Виновный знает только в вас
Невинности святое счастье.
И Пери в жалости, в участие,
Забыв себя и жребий свой,
С покорною о нем мольбой
Глаза на небо — светом ровным
Над непорочным и виновным
Сияющее — возвела;
Ее душа полна была

Неизъяснимым ожиданьем...
На холодном прахе с покаяньем
Пред богом плачущий злодей
Лежал недвижим перед ней,
К земле прикинув головою;
И сострадательной рукою,
К несчастному преклопена,
Как нежная сестра, она
Поддерживала с умилением
Главу, нагбенную смиреньем;
И быстро из его очей
В мирительную руку ей
Струя горячих слез бежала;
И на небе она искала
Ответа милости слезам...
И все прекрасно было там!
И были вечера светилы,
Как яркие паникадилы,
В небесном храме зажжены;
И мнилось ей: из глубины
Того незримого чертога,
Где чистым покаяньем бога
Умеет сердце обретать,
К земле сходила благодать;
И там, казалось, ликovali:
Как будто ангелы летали
С веселой вестью по звездам;
Как будто праздновали там
Святую радость примиренья —
И вдруг, незапного стремленья
Могуществом увлечена,
Уже на высоте она;
Уже пред ней почти пропала
Земля; и Перн... угадала!
С потоком благодарных слез,
В последний раз с полунебес
На мир земной она воззрела...
«Прости, земля!..» — и улетела.

ШИЛЬОНСКИЙ УЗНИК

Повесть

Замок Шильон — в котором с 1530 по 1537 заключен был знаменитый Бонивар, женевский гражданин, мученик веры и патриотизма — находится между Клараном и Вильневом, у самых восточных берегов Женевского озера (Лемана). Из окон его видны с одной стороны устье Роны, долина, ведущая к Сен-Морису и Мартиньи, снежные Баллизские горы и высокие утесы Мельери; а с другой — Монтре, Шателар, Кларан, Веве, множество деревень и замков; пред ним расстилается необъятная равнина вод, ограниченная в отдалении низкими голубыми берегами, на которых, как светлые точки, сияют Лозанна, Морж и Ролль; а позади его падает с холма шумный поток. Он со всех сторон окружен озером, которого глубина в этом месте простирается до восьмисот французских футов. Можно подумать, что он выходит из воды, ибо совсем не видно утеса, служащего ему основанием: где кончится поверхность озера, там начинаются крепкие стены замка. Темница, в которой страдал несчастный Бонивар, до половины выдолблена в гранитном утесе: своды ее, поддерживаемые семью колоннами, опираются на дикую, необтесанную скалу; на одной из колонн висит еще то кольцо, к которому была прикреплена цепь Бониварова; а на полу, у подошвы той же колонны, заметна впадина, вытоптанная ногами несчастного узника, который столько времени принужден был ходить на цепи своей все по одному месту. Неподалеку от устья Роны, вливающейся в Женевское озеро, недалеко от Вильнева, находится небольшой островок, единственный на всем пространстве Лемана; он неприметен, когда плывешь по озеру, но его можно легко различить из окон замка.

Взгляните на меня: я сед;
 Но не от хилости и лет;
 Не страх незапный в ночь одну
 До срока дал мне седину.
 Я сгорблен, лоб наморщен мой;
 Но не труды, не хлад, не зной —
 Тюрьма разрушила меня.
 Лишенный сладостного дня,
 Дыша без воздуха, в цепях,
 Я медленно дряхлел и чах,
 И жизнь казалась без конца.
 Удел несчастного отца:
За веру смерть и стыд цепей,
 Уделом стал и сыновей.
 Нас было шесть — пяти уж нет.
 Отец, страдалец с юных лет,
 Погибший старцем на костре,
 Два брата, падшие во пре,
 Отдав на жертву честь и кровь,
 Спасли душ своей любовь.
 Три заживо схоронены
 На дне тюремной глубины —
 И двух сожрала глубина;
 Лишь я, развалина одна,
 Себе на горе уцелел,
 Чтоб их оплакивать удел.

II

На лопе вод стоит Шильон;
 Там в подземелье семь колонн
 Покрыты влажным мохом лет.
 На них печальный брезжит свет,
 Луч, ненароком с вышины
 Упавший в трещину стены
 И заронившийся во мглу.
 И на сыром тюрьмы полу
 Он светит тускло-одинок,
 Как над болотом огонек,

Во мраке веющий nocturnal.
Колонна каждая с кольцом;
И цепи в кольцах тех висят;
И тех цепей железо — яд;
Мне в члены вгрызлося оно;
Не будет ввек истреблено
Клеймо, надавленное им.
И день тяжел глазам моим,
Отвыкнувшим с толь давних лет
Глядеть на радующий свет;
И к воле я душой остыл
С тех пор, как брат последний был
Убит неволей предо мной
И рядом с мертвым я, живой,
Терзался на полу тюрьмы.

III

Цепями теми были мы
К колоннам тем пригвождены,
Хоть вместе, но разлучены;
Мы шагу не могли ступить,
В глаза друг друга различить
Нам бледный мрак тюрьмы мешал.
Он нам лицо чужое дал —
И брат стал брату незнаком,
Была услада нам в одном:
Друг другу голос подавать,
Друг другу сердце пробуждать
Иль былью славной старины,
Иль звучной песнию войны —
Но скоро то же и одно
Во мгле тюрьмы истощено;
Наш голос страшно одичал;
Он хриплым отголоском стал
Глухой тюремных стены;
Он не был звуком старины,
В те дни, подобно нам самим,
Могучим, вольным и живым.
Мечта ль?.. но голос их и мой
Всегда звучал мне как чужой.

IV

Из нас троих я старший был;
Я жребий собственный забыл,
Дыша заботою одной,
Чтоб им не дать упасть душой.
Наш младший брат, любовь отца...
Увы! черты его лица
И глаз умильная краса,
Лазоревых как небеса,
Напоминали нашу мать.
Он был мне все, и увядать
При мне был должен милый цвет,
Прекрасный, как тот дневный свет,
Который с неба мне светил,
В котором я на воле жпл.
Как утро, был он чист и жив:
Умом младенчески игрив,
Беспечно весел сам с собой...
Но перед горестью чужой
Из голубых его очей
Бежали слезы, как ручей.

V

Другой был столь же чист душой;
Но дух имел он боевой:
Могуч и крепок в цвете лет,
Рад вызвать к битве целый свет
И в первый ряд на смерть готов...
Но без терпенья для оков.
И он от звука их завял.
Я чувствовал, как погибал,
Как медленно в печали гас
Наш брат, незримый нам, близ нас.
Он был стрелок, жилец холмов,
Гонитель вепрей и волков —
И гроб тюрьма ему была;
Неволи сила не снесла.

VI

Шильон Леманом окружен,
И вод его со всех сторон
Неизмерима глубина;
В двойную волны и стена
Тюрьму совокупились там;
Печальный свод, который нам
Могилой заживо служил,
Изрыт в скале подводной был;
И день и ночь была слышна
В него бьющая волна
И шум над нашей головой
Струй, отшибаемых стеной.
Случалось — бурей до окна
Бывала взброшена волна,
И брызгов дождь нас окроплял;
Случалось — вихорь бушевал
И содрогалась скала;
И с жадностью душа ждала,
Что рухнет и задавит нас;
Свободой был бы смертный час.

VII

Середний брат наш — я сказал —
Душой скорбел и увядал.
Уныл, угрюм, ожесточен,
От пищи отказался он:
Еда тюремная жестка;
Но для могучего стрелка
Нужду переносить легко.
Нам коз альпийских молоко
Сменила смрадная вода;
А хлеб наш был, какой всегда —
С тех пор как цепи созданы —
Слезами смачивать должны
Невольники в своих цепях.
Не от нужды скорбел и чах
Мой брат: равно завял бы он,
Когда б и негой окружен

Без воли был... Зачем молчать?
Он умер... я ж ему подать
Руки не мог в последний час,
Не мог закрыть потухших глаз;
Вотще я цепи грыз и рвал —
Со мною рядом умирал
И умер брат мой, одинок;
Я близко был и был далек.
Я слышать мог, как он дышал,
Как он дышать переставал,
Как вздрагивал в цепях своих
И как ужасно вдруг затих
Во глубине тюремной мглы...
Они, сняв с трупа кандалы,
Его без гроба погребли
В холодном лоне той земли,
На коей он невольник был.
Вотще я их в слезах молил,
Чтоб брату там могилу дать,
Где мог бы дневный луч сиять;
То мысль безумная была,
Но душу мне она зажгла:
Чтоб волен был хоть в гробе он.
«В темнице (мнил я) мертвых сон
Не тих...» Но был ответ слезам
Холодный смех; и брат мой там,
В сырой земле тюрьмы, зарыт,
И в головах его висит
Пук им оставленных цепей:
Убийц достойный мавзолеей.

VIII

Но он — наш милый, лучший цвет,
Наш ангел с колыбельных лет,
Сокровище семьи родной,
Он — образ матери душой
И чистой прелестью лица,
Мечта любимая отца,
Он — для кого я жизнь щадил:
Чтоб он бодрей в неволе был,

Чтоб после мог и волен быть...
Увы! он долго мог сносить
С младенческой тишиной,
С терпением ясным жребий свой;
Не я ему — он для меня
Подпорой был... вдруг день от дня
Стал упадать, ослабевал,
Грустил, молчал и молча вял.
О боже! боже! страшно зреть,
Как силится преодолеть
Смерть человека... я видал,
Как ратник в битве погибал;
Я видел, как пловец тонул
С доской, к которой он прильнул
С надеждой гибнущей своей;
Я зрел, как издыхал злодей
С свирепой дикостью в чертах,
С богохуленьем на устах,
Пока их смерть не заперла:
Но там был страх — здесь скорбь была,
Болезнь глубокая души.
Смирненным ангелом, в тиши,
Он гас, столь кротко-молчалив,
Столь безнадежно-терпелив,
Столь грустно-томен, нежно-тих,
Без слез, лишь помня о своих
И обо мне... увы! он гас,
Как радуга, пленяя нас,
Прекрасно гаснет в небесах;
Ни вздоха скорби на устах;
Ни ропота на жребий свой;
Лишь слово изредка со мной
О наших прошлых временах,
О лучших будущего днях,
О упованье... но, объят
Сей тратой, горшею из трат,
Я был в свирепом забытии.
Вотще, кончаясь, он свои
Терзанья смертные скрывал...
Вдруг реже, трепетнее стал
Дышать, и вдруг умолкнул он...
Молчаньем страшным пробужден,

Я вслушиваюсь... тишина!
Кричу как бешеный... стена
Откликнулась... и умер гул!
Я цепь отчаянно рванул
И вырвал... к брату... брата нет!
Он на столбе — как вешний цвет,
Убитый хладом, — предо мной
Висел с поникшей головой.
Я руку тихую поднял;
Я чувствовал, как исчезал
В ней след последней теплоты;
И, мнилось, были отняты
Все силы у души моей;
Все страшно вдруг сперлось в ней;
Я дико по тюрьме бродил —
Но в ней покой ужасный был:
Лишь веял от стены сырой
Какой-то холод гробовой;
И, взор на мертвого вперив,
Я знал лишь смутно, что я жив.
О! сколько муки в знанье том,
Когда мы тут же узнаём,
Что милому уже не быть,
И миг сей мог я пережить!
Не знаю — вера ль то была,
Иль хладность к жизни жизнь спасла?

IX

Но что потом сбылось со мной,
Не помню... свет казался тьмой,
Тьма светом; воздух исчезал;
В одцепенении стоял,
Без памяти, без бытия,
Меж камней хладным камнем я;
И виделось, как в тяжком сне,
Все бледным, темным, тусклым мне;
Все в мутную слилось тень;
То не было ни ночь, ни день,
Ни тяжкий свет тюрьмы моей,
Столь ненавистный для очей: .

То было тьма без темноты;
То было бездна пустоты
Без протяженья и границ;
То были образы без лиц;
То страшный мир какой-то был,
Без неба, света и светил,
Без времени, без дней и лет,
Без промысла, без благ и бед,
Ни жизнь, ни смерть — как сон гробов,
Как океан без берегов,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и немой.

Х

Вдруг луч незапный посетил
Мой ум... то голос птички был,
Он умолкал; он снова пел;
И мнилось, с неба он летел;
И был утешно-сладок он.
Им очарован, оживлен,
Заслушавшись, забылся я;
Но ненадолго... мысль моя
Стезей привычную пошла;
И я очнулся... и была
Опять передо мной тюрьма,
Молчанье то же, та же тьма;
Как прежде, бледною струей
Прокрадывался луч дневной
В стенную скважину ко мне...
Но там же, в свете, на стене
И мой певец воздушный был;
Он трепетал, он шевелил
Своим лазоревым крылом;
Он озарен был ясным днем;
Он пел приветно надо мной...
Как много было в песни той!
И все то было про меня!
Ни разу до того я дня
Ему подобного не зрел;

Как я, казалось, он скорбел
О брате и покинут был;
И он с любовью навестил
Меня тогда, как ни одним
Уж сердцем не был я любим;
И в сладость песнь его была:
Душа невольно ожила.
Но кто ж он сам был, мой певец?
Свободный ли небес жилаец?
Или, недавно из цепей,
По случаю к тюрьме моей,
Играя в небе, залетел
И о свободе мне пропел?
Скажу ль?.. Мне думалось порой,
Что у меня был не земной,
А райский гость; что братний дух
Порадовать мой взор и слух
Примчался птичкою с небес...
Но утешитель вдруг исчез;
Он улетел в сиянье дня...
Нет, нет, то не был брат... меня
Покинуть так не мог бы он,
Чтоб я, с ним дважды разлучен,
Остался вдвое одинок,
Как труп меж гробовых досок.

XI

Вдруг новое в судьбе моей:
К душе тюремных сторожей
Как будто жалость путь нашла;
Дотоле их душа была
Бесчувственной желез моих;
И что разжалобило их,
Что милость вымолило мне,
Не знаю... но опять к стене
Уже прикован не был я;
Оборванная цепь моя
На шее билася моей;
И по тюрьме я вместе с ней
Вдоль стен, кругом столбов бродил,

Не смея братних лишь могил
Дотронуться моей ногой,
Чтобы последняя земной
Святыни там не оскорбить.

XII

И мне оковами прорыть
Ступени удалось в стене;
Но воля не входила мне
И в мысли... я был сирота,
Мир стал чужой мне, жизнь пуста,
С тюрьмой я жизнь сдружил мою:
В тюрьме я всю свою семью,
Все, что знавал, все, что любил,
Невозвратно схоронил,
И в области веселой дня
Никто уж не жил для меня;
Без места на пиру земном,
Я был бы лишний гость на нем,
Как облако, при ясном дне
Потерянное в вышине
И в радостных его лучах
Ненужное на небесах...
Но мне хотелось бросить взор
На красоту знакомых гор,
На их утесы, их леса,
На близкие к ним небеса.

XIII

Я их увидел — и оне
Все были те ж: на вышине
Веков создание — снега,
Под ними Альпы и луга,
И бездна озера у ног,
И Роны блещущий поток
Между зеленых берегов;
И слышен был мне шум ручьев.

Бегущих, бьющих по скалам;
И по лазоревым водам
Сверкали ясны облака;
И быстрый парус челнока
Между небес и вод летел;
И хижины веселых сел,
И кровы светлых городов
Сквозь пар мелькали вдоль берегов...
И я приметил островок:
Прекрасен, свеж, но одиноко
В пространстве был он голубом;
Цвели три дерева на нем;
И горный воздух веял там
По мураве и по цветам,
И воды были там живей,
И обвивалися нежней
Кругом родных берегов оне.
И видел я: к моей стене
Челнок с пловцами приставал,
Гостил у берега, отплывал
И, при свободном ветерке
Летя, скрывался вдалеке;
И в облаках орел играл,
И никогда я не видал
Его столь быстрым — то к окну
Спускался он, то в вышину
Взлетал — за ним душа рвалась;
И слезы новые из глаз
Пошли, и новая печаль
Мне сжала грудь... мне стало жаль
Моих покинутых цепей.
Когда ж на дно тюрьмы моей
Опять сойти я должен был —
Меня, казалось, обхватил
Холодный гроб; казалось, вновь
Моя последняя любовь,
Мой милый брат передо мной
Был взят несытою землей;
Но как ни тяжело ныла грудь —
Чтоб от страданья отдохнуть,
Мне мрак тюрьмы отрадой был.

День приходил — день уходил —
Шли годы — я их не считал;
Я, мнилось, память потерял
О переменах на земли.
И люди наконец пришли
Мне волю бедную отдать.
За что и как? О том узнать
И не помыслил я — давно
Считать привык я за одно:
Без цепи ль я, в цепи ль я был,
Я безнадежность полюбил;
И им я холодно внимал,
И равнодушно цепь скидал,
И подземелье стало вдруг
Мне милой кровлей... там все друг,
Все однодomeц было мой:
Паук темничный надо мной
Там мирно ткал в моем окне;
За резвой мышью при луне
Я там подсматривать любил;
Я к цепи руку приучил;
И... столь себе неверны мы!..
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнул —
Я о тюрьме своей вздохнул.

ПЕРЧАТКА

Повесть

Перед своим зверинцем,
С баронами, с наследным принцем,
Король Франциск сидел;
С высокого балкона он глядел
На поприще, сраженья ожидая;
За королем, обворожая
Цветущей прелестию взгляд,
Придворных дам являлся пышный ряд.

Король дал знак рукою —
Со стуком растворилась дверь,
И грозный зверь
С огромной головою,
Косматый лев
Выходит;
Кругом глаза угрюмо водит;
И вот, все оглядев,
Наморщил лоб с осанкой горделивой,
Пошевелил густою гривой,
И потянулся, и зевнул,
И лег. Король опять рукой махнул —
Затвор железной двери грянул,
И смелый тигр из-за решетки прятнул;
Но видит льва, робеет и ревет,
Себя хвостом по ребрам бьет,
И крадется, косяся взглядом,
И лижет морду языком,
И, обошедши льва кругом,

Рычит и с ним ложится рядом.
И в третий раз король махнул рукой —
Два барса дружною четой
В один прыжок над тигром очутились;
Но он удар им тяжелой лапой дал,
А лев с рыканьем встал...
Они смирились,
Оскалив зубы, отошли,
И зарычали, и легли.

И гости ждут, чтоб битва началась.
Вдруг женская с балкона сорвалась
Перчатка... все глядят за ней...
Она упала меж зверей.
Тогда на рыцаря Делоржа с лицемерной
И колкою улыбкою глядит
Его красавица и говорит:
«Когда меня, мой рыцарь верный,
Ты любишь так, как говоришь,
Ты мне перчатку возвратишь».

Делорж, не отвечав ни слова,
К зверям идет,
Перчатку смело он берет
И возвращается к собранью снова.

У рыцарей и дам при дерзости такой
От страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Как будто ничего с ним не случилось,
Спокойно всходит на балкон;
Рукоплесканьем встречен он;
Его приветствуют красавицыны взгляды...
Но, холодно приняв привет ее очей,
В лицо перчатку ей
Он бросил и сказал: «Не требую награды».

ДВЕ БЫЛИ И ЕЩЕ ОДНА

День был ясен и тепел; к закату сходящее солнце
Ярко сияло на чистом лазоревом небе. Спокойно
Дедушка, солнцем согретый, сидел у ворот на скамейке;
Глядя на ласточек, быстро круживших в воздушном
пространстве,
Вслед за ними пускал он дымок из маленькой трубки;
Легкими кольцами дым подымался и, с воздухом
слившись,
В нем пропадал. Маргарита, Луиза и Лотта за пряжей
Чинно сидели кругом; самопрялки жужжали, и тонкой
Струйкой нити вились; Фриц работал, а Энни,
Вечный ленивец, играл на траве с курчавою шавкой.
Все молчали: как будто ангел тихий провеял.
«Дедушка, — Лотта сказала, — что ты примолк?»
Расскажи нам
Сказку; вечер ясный такой; нам весело будет
Слушать». — «Сказку? — старик проворчал, высыпая
из трубки
Пепел, — все бы вам сказки; не лучше ль послушать
вам были?
Быль расскажу вам, и быль не одну, а две». Опроставши
Трубку и снова набив ее табаком, из мошонки
Дедушка вынул огниво и, трут на кремьнь положивши,
Крепко ударил сталью в кремьнь, посыпались искры,
Трут загорелся, и трубка опять задымилась. Собравшись
С мыслями, дедушка так рассказывать с важностью
начал:

«Дети, смотрите, как все перед нами прекрасно;
как солнце,
Медленно с неба спускаясь, все осыпает лучами;
Реин золотом льется; жатва как тихое море;
Холмы зеленые в свете вечернем горят; по дорогам
Шум и движение; подняв паруса, нагруженные барки
Быстро бегут по водам; а наша приходская церковь...
Окна ее как огни меж темными липами блещут;
Вкруг мелькают кресты на кладбище, и в воздухе
теплом

Птицы вьются, мошки блестящею пылью мелькают;
Весь он полон говором, пеньем, жужжаньем...
прекрасен
Мир господень! сердцу так радостно, сладко и вольно!
Скажешь: где бы в этом прекрасном мире господнем
Быть несчастьем? Ан нет! и не только несчастье —
злодейство

Место находит в нем. Видите ль там, на высоком
пригорке,
Замок в обломках? Теперь по стенам расцветает зеленый
Плющ, и солнце его золотит, и звонкую песню беспечно,
Сидя в траве, на рожке там играет пастух. А на Рейне
Видите ль вы небольшой островок? Молодая из кленов
Роща на нем расцвела; под тенью ее разостлавши
Сети, рыбак готовит свой ужин, и дым голубую
Струйкой вьется по зелени темной. Взглянуть,
так прекрасный

Рай. Ну слушайте ж: очень недавно там, на пригорке,
Близко развалин замка, стояла гостиница — чистый,
Светлый, просторный дом, под вывеской *Черного вебря*.
В этой гостинице каждый прохожий в то время мог видеть
Бедную Эми. Подлинно бедная! дико потупив
Голову, в землю глаза неподвижно уставив, по целым
Дням сидела она перед дверью трактира на камне.
Плакать она не могла, но тяжело, тяжело вздыхала;
Жалоб никто от нее не слышал, но, боже мой! всякий,
Раз поглядевши ей, бедной, в лицо, узнавал, что на свете
Все для нее миновалось: мертвою бледностью щеки
Были покрыты, глаза из глубоких впадин сверкали
Острым огнем; одежда была в беспорядке; как змеи,
Черные кудри по голым плечам раскиданы были.
Вечно молчала она и была тиха, как младенец;

Но порою, если случалось, что ветер просвищет,
Вдруг содрогалась, на что-то глаза упирала и, пальцем
Быстро туда указав, смеялась смехом безумным.
Бедная Эми! такую ль видали ее? Беззаботно
Жизнью, бывало, она веселилась, как вольная пташка.
Помню и я и старые гости *Черного вепря*,
Как нас радушной улыбкой и ласковым словом встречала
Эми, как весело шло угощение. И все ей друзьями
Были в нашей округе. Кто веселость и живость
Всюду с собой приносил? Кого, как любимого гостя,
С криками вся молодежь встречала на праздниках? Эми.
Кто всегда так опрятно и чинно одет был? Кого наш
священник

Девушкам всем в образец поставлял? Кто, шумя
как ребенок
Резвый на игрищах, был так набожно тих за молитвой?
Словом: кто бедным был друг, за больными ходил,
с огорченным

Плакал, с детьми играл, как дитя? Все Эми, все Эми.
Господи боже! она ли не стояла счастья? А вышло
Все напротив. Она полюбила Бранда. Признаться,
Этот Бранд был молод, умен и красив; но худые
Слухи носились об нем: он с людьми недобрыми знался;
В церковь он не ходил; а в шинках, за картами, кто был
Первый? Бранд. Колдовством ли каким он понравился
Эми,

Сам ли господь ей хотел послать на земле испытанье,
С тем, чтоб душа ее, здесь в страданиях очистившись,
прямо

В рай перешла — не знаю, но Эми была уж невестой
Бранда, и все жалели об ней. Ну послушайте ж: вечер
Был осенний и бурный; в гостинице *Черного вепря*
Два сидели гостя; яркое пламя трещало в камине.
«Что за погода! — сказал один. — Не раздолье ль в такую
Бурю сидеть у огня и слушать, как ветер холодный
Рвется в оконницы?» — «Правда, — другой отвечал, —
ни за что бы

Я теперь отсюда не вышел; ужас, не буря.
Месяц на небе есть, а ночь так темна, что хоть оба
Выколи глаза; плохо тому, кто в дороге». — «Желал бы
Знать я, найдется ль такой удалец, чтоб теперь в тот
старший

Замок сходить? Он близко, шагов с три сотни, не боле;
Но, признаться, днем я не трус, а ночью в такое
Время пойти туда, где, быть может, в потемках
Гость из могилы встретит тебя, — извините; с живыми
Сладить можно, а с мертвым и смелость не в пользу;
храбрися

Сколько угодно душе, а что ты сделаешь, если
Вдруг пред тобою длинный, бледный, сухой, с костяными
Пальцами станет, и два ужасные глаза упрутся
Дико в тебя, и ты ни с места, как камень? А в этом
Замке, все знают, нечисто; и в тихую ночь там не тихо;
Что же в бурю, когда и мертвец повернется в могиле?» —
«Страшно, правда; а я об заклад побьюся, что наша
Эми не струсит и в замок одна-одинешенька сходит». —
«Бейся, пробьешь». — «Изволь, по рукам! ты слышала,
Эми?

Хочешь ли новую шляпку выиграть к свадьбе? Сходи же
В замок и ветку нам с клена, который между обломков
Там растет, принеси; я знаю, что ты не боишься
Мертвых и бредням не веришь. Согласна ли, Эми?» —
«Согласна, —

Эми сказала с усмешкой. — Бояться тут нечего, разве
Бури; а против ночных привидений защитой молитва».
С этим словом Эми пошла. Развалины были
Близко; но ветер выл и ревел; темнота гробовая
Все покрывала, и тучи, как черные горы, задвинув
Небо, страшно ворочались. Эми знакомой тропинкой
Входит без всякого страха в середину развалин;
Клен недалеко; вдруг ветер утих на минуту; и Эми
Слышит, что кто-то идет живой, а не мертвый; ей стало
Страшно... слушает... ветер снова поднялся и снова
Стих, и снова послышалось ей, что идут; в испуге
К груде развалин прижалась Эми. В это мгновенье
Ветром раздвинуло тучи, и месяц очистился. Что же
Эми увидела? Два человека — две черные тени —
Крадутся между обломков и тащат мертвое тело.
Ветер ударил сильнее; с головы одного сорвалась
Шляпа и к Эминым прямо ногам прикатилась; а месяц
В ту минуту пропал, и все опять потемнело.
«Стой! (послышался голос) шляпу ветром умчало». —
«После отыщешь, прежде окончим работу: зароем

Клад свой», — другой отвечал, и они удалились.

Схвативши

Шляпу, стремглав пустилась к гостинице Эми. Бледное
Смерти в двери вбежала она и долго промолвить
Слова не в силах была; отдохнув, наконец рассказала
То, что ей в замке привиделось. «Вот обличитель

убийцам!» —

Шляпу поднявши, громко примолвила Эми; но тут же
В шляпу всмотрелась... «Ах!» и упала на пол без чувства:
Брандово имя стояло на шляпе. Мне нечего боле
Вам рассказывать. В этот миг помутился рассудок
Бедной Эми; господь милосердный недолго страдать ей
Дал на земле: ее отнесли на кладбище. Но долго
Видели столб с колесом на пригорке близ замка:

прохожим

Он приводил на память и Бранда и бедную Эми.
Все исчезло теперь, и гостиницы нет; лишь могилка
Бедной Эми цветет, как цвела, и над нею спокойно».
Дедушка кончил и молча стал выколачивать трубку.
Внучки также молчали и с грустью смотрели на церковь:
Солнце играло на ней, и темные липы бросали
Тень на кладбище, где Эми давно покоилась в гробе.
«Вот вам другая быль, — сказал, опять раскуривши
Трубку, старик. — Каспар был беден. К буйной,

развратной

Жизни привык он, и сердце в нем сделалось камнем.

Но жадным

Оком смотрел на чужое богатство Каспар.

На злодейство

Трудно ль решиться тому, кто шатается праздно,

не помня

Бога? Так и случилось. Каспар на ночную добычу
Вышел. Вы видите остров на Рейне? Вдоль берега вьется
Против этого острова, мимо утеса, дорожка.

Там, у самой дорожки, под темным утесом, в ночное
Позднее время Каспар засел и ждал: не пройдет ли
Кто-нибудь мимо? Ночь прекрасна была; освещенный
Полной луной островок отражался в воде, и густые
Клены, глядя в нее, стояли тихо, как черные тени;
Все покоилось... волны изредка в берег плескали,
В листьях журчало, и пел соловей. Но, злодейским
Замыслом полный, Каспар не слышал ничего; он иное

Жадным подслушивал ухом. И вот напоследок он слышит: Кто-то идет по дороге; то был одинокий прохожий. Выскочил, словно как зверь из берлоги, Каспар; и недолго Длилась борьба между ими: бедный путник с тяжелым Стоном упал на землю, зарезанный. Мертвое тело В воду стащил Каспар и вымыл кровавые руки; Брызнули волны, раздавшись под трупом, и снова

слился

В гладкую зыбь; все стало по-прежнему тихо, и сладко Петь продолжал соловей. Каспар беззаботно с добычей В путь свой пошел; свидетелей не было; совесть молчала. Скоро истратил разбойник добытое кровью, и скоро Голым стал он по-прежнему. Годы прошли; об убийстве, Кроме бога, никто не проведал; но слушайте дале. Раз Каспар сидел за столом в гостинице. Входит Старый знакомец его, арендарь Веньямин; он садится Подле Каспара; он крепко, крепко задумчив; и вправду Было о чем призадуматься: денно и ночно работал, Честно жил Веньямин, а все понапрасну; тяжелый Крест достался ему: семью имел он большую; Всех одень, напой, накорми... а чем? И вдобавок Новое горе постигло его: жена от тяжелой Скорби слегла в постель, и деньги пошли за лекарство; Бог помог ей; но с той поры все хуже да хуже; и часто Нечего есть; жена молчит, но тает как свечка; Дети криком кричат; наконец остальное помещик В доме силою взял, в уплату за долг, и из дома Выгнать грозился. Эта беда с Веньямином случилась Утром, а вечером он Каспара в гостинице встретил. Рядом с ним он сидел у стола; опершись на колено Локтем, рукою закрывши глаза, молчал он, как мертвый. «Что с тобой, Веньямин? — спросил Каспар. —

Ты как будто

В воду опущен. Послушай, сосед, не распить ли нам вместе Кружку вина? Веселее на сердце будет; отведай». Кружку взял Веньямин и выпил. «Тяжко приходит Жить, — сказал он. — Жена умирает, и хилые кости Не на чем ей успокоить: злодеи последнюю взяли Нынче постелю. А дети — господи боже мой! лучше б Им и мне в могилу. Помещик наш нынешней ночью В замок свой пышный поедет и там на мягких подушках,

Вкусно поужинав, сладко заснет... а я, воротяся
В дом мой, где голые стены, что найду там? Бездушный!
Я ли Христом да богом его не молил? У него ли
Мало добра?.. Пускай же всевышний господь

на судилище страшном
Так же с ним немилостив будет, как он был со мною!»
Слушал Каспар и в душе веселился, как злой искушитель;
В кружку соседу вина подливал он, и скоро зажег в нем
Кровь, и потом из гостиницы вышел с ним вместе.

Уж было
Поздно. «Сосед, — Веньямину он тихо шепнул, —
господин твой

Нынешней ночью один в свой замок поедет; дорога
Близко, она пуста; а мщенье, знаешь ты, сладко».
Речью такой был сражен Веньямин; но тяжкая бедность,
Горе семьи, досада, хмель, темнота, обольщенье
Слов коварных... довольно, чтоб слабое сердце опутать.
Так ли, не так ли, но вот пошел Веньямин за Каспаром;
Против знакомого острова сели они под утесом,
Близко дороги, и ждут; ни один ни слова; не смеют
Вслух дышать и слушают молча. Их окружала
Тихая, темная ночь; звезд не сверкало на небе,
Лист едва шевелился, без ропота волны лилися,
Все покоилось сладко, и пел соловей. Душа Веньямина
Вдруг согрелась: в ней совесть проснулась,

и он содрогнулся.
«Нечего ждать, — он сказал, — уж поздно; уйдем,
не придет он». —
«Будь терпелив, — злодей возразил, — пождем,
и дождемся.

Доле зато дожидаться его возвращенья придется
В замке жене; да будет напрасно ее нетерпенье».
Сердце от этих слов повернулось в груди Веньямина;
Вспомнил свою он жену и сказал: «Теперь прояснилась
Совесть моя; не поздно еще, не хочу оставаться!» —
«Что ты? — воскликнул Каспар. — Послушался совести;
бредит.

Ночь темна, река глубока, здесь место глухое;
Кто нас увидит?» Мороз подрал Веньямина по коже.
«Кто нас увидит? А разве нет свидетеля в небе?» —
«Сказки! здесь мы одни. В ночной темноте не приметит
Нас ни земной, ни небесный свидетель». Тут неоглядкой

Прочь от него побежал Веньямин. И в это мгновенье Темное небо ярким, страшным лучом раздвоилось; Все кругом могильная мгла покрывала; на том лишь Месте, где спрятаться думал Каспар, было как в ясный Полдень светло. И вот пред глазами его повторилось Все, что он некогда тут совершил во мраке глубокой Ночи один: он услышал шум от упавшего в воду Трупа; он черный труп на волнах освещенных увидел; Волны раздвинулись, труп нырнул в них,

и все потемнело...

Дети, долго с тех пор под этим утесом, как дикий Зверь, гнездилися Каспар сумасшедший. Не ведал

он кровли;

Был безобразен: лицо как кора, глаза как два угля, Волосы клочьями, ногти на пальцах как черные когти, Вместо одежды гнилое тряпье; худой, изможденный, Чахлый, все ребра наружу, он в страхе все жался

к утесу,

Все как будто хотел в нем спрятаться и все озирался Смутно кругом; но порою вдруг выбегал п, на небо Дико уставив глаза, шептал: *«Он видит, он видит»*.

Дедушка, бывь досказав, посмотрел, усмехаясь,

на внушек.

«Что же вы так присмирели? — спросил он. — Видно, рассказ мой

Был не на шутку печален? Пойдите ж, я кое-что

вспомнил,

Что рассмешит вас и вместе научит. Слушайте. Часто Мы на свою негодую судьбу; а если рассудишь, Как все на свете неверно, то сердцем смиришься

и станешь

Бога за участь свою прославлять. Иному труднее Опыт такой достается, иному легче. И вот как Раз до премудрости этой, не умствуя много, а просто Случаем странным, одною забавной ошибкой добрался Бедный немецкий ремесленник. Был по какому-то делу Он в Амстердаме, голландском городе; город богатый, Пышный, зданья огромные, тьма кораблей; загляделся Бедный мой немец, глаза разбежались; вдруг он увидел Дом, какого не снилось ему и во сне: до десятка Труб, три жилья, зеркальные окна, ворота

С добрый сарай — удивленье! С смиренным поклоном
спросил он
Первого встречного: «Чей это дом, в котором так много
В окнах тюльпанов, нарциссов и роз?» Но, видно,
прохожий

Или был занят, или столько же знал по-немецки,
Сколько тот по-голландски, то есть не знал ни полслова;
Как бы то ни было, *Каннитферштан!* отвечал он. А это
Каннитферштан есть голландское слово, иль, лучше,
четыре

Слова, и значит оно: *не могу вас понять*. Простодушный
Немец, напротив, вздумал, что так назывался владелец
Дома, о коем он спрашивал. «Видно, богат не на шутку
Этот *Каннитферштан*», — сказал про себя он, любуясь
Домом. Потом отправился далее. Приходит на пристань —
Новое диво: там кораблей числа нет; их мачты
Словно как лес. Закружилась его голова, и сначала
Он не видал ничего, так много он разом увидел.
Но наконец на огромный корабль обратил он вниманье.
Этот корабль недавно пришел из Ост-Индии; много
Вкруг суетилось людей: его выгружали. Как горы,
Были навалены тюки товаров: множество бочек
С сахаром, кофе, перцем, пшеном сарацинским. Разинув
Рот, с удивленьем глядел на товары наш немец; и сведать
Крепко ему захотелось, чьи были они. У матроса,
Несшего тюк огромный, спросил он: «Как назывался
Тот господин, которому море столько сокровищ
Разом прислало?» Нахмурясь, матрос проворчал

мимоходом:

Каннитферштан. «Опять! смотри пожалуй! Какой же
Этот *Каннитферштан* молодец! Мудрено ли построить
Дом с богатством таким и расставить в горшках

золоченых

Столько тюльпанов, нарциссов и роз по окошкам?»

Пошел он

Медленным шагом назад и задумался; горе
Взяло его, когда он размыслил, сколько богатых
В свете и как он беден. Но только что начал с собою
Он рассуждать, какое было бы счастье, когда б он
Сам был *Каннитферштан*, как вдруг перед ним —

погребенье.

Видит: четыре лошади в черных длинных пополах

Гроб на дрогах везут и тихо ступают, как будто Зная, что мертвого с гробом в могилу навеки отвозят; Вслед за гробом родные, друзья и знакомые молча В трауре идут; вдали одиноко звонит погребальный Колокол. Грустно стало ему, как всякой смиренной Доброй душе, при виде мертвого тела; и, снявши Набожно шляпу, молитву творя, проводил он глазами Ход погребальный; потом подошел к одному из последних Шедших за гробом, который в эту минуту был занят Важным делом: рассчитывал, сколько прибыли чистой Будет ему от продажи корицы и перцу; тихонько Дернув его за кафтан, он спросил: «Конечно, покойник Был вам добрый приятель, что так вы задумались?

Кто он?»

Каннитферштан! был короткий ответ. Покатились слезы Градом из глаз у честного немца; сделалось тяжело Сердцу его, а потом и легко; и, вздохнувши, сказал он: «Бедный, бедный *Каннитферштан!* от такого богатства Что осталось тебе? Не то же ль, что рано иль поздно Мне от моей останется бедности? Саван и тесный Гроб». И в мыслях таких побрел он за телом, как будто Сам был роднею покойнику; в церковь вошел за другими; Там голландскую проповедь, в коей не понял ни слова, Выслушал с чувством глубоким; потом, когда опустили *Каннитферштана* в землю, заплакал; потом с облегченным Сердцем пошел своею дорогой. И с тех пор, как скоро Грусть посещала его и ему становилось досадно Видеть счастье богатых людей, он всегда утешался, Вспомнив о *Каннитферштане*, его несметном богатстве, Пышном доме, большом корабле и тесной могиле».

НЕОЖИДАННОЕ СВИДАНИЕ

Быль

Лет за семьдесят, в Швеции, в городе горном Фаллуне, Утром одним молодой рудокоп на свиданье с своею Скромной, милой невестою так ей сказал: «Через месяц (Месяц не долгов) мы будем муж и жена; и над нами Благословение божие будет». — «И в нашей убогой Хижине радость и мир поселятся», — сказала невеста. Но когда возгласил во второй раз священник в приходской Церкви: *«Кто законное браку препятствие знает, Пусть объявит об нем»*, тогда с запрещеньем явилась Смерть. Накануне брачного дня, идя в рудокопню В черном платье своем (рудокоп никогда не снимает Черного платья), жених постучался в окошко невесты, С радостным чувством сказал он ей: *доброе утро!* —

но добрый

Вечер! он уж ей не сказал, и назад не пришел он К ней ни в тот день, ни на другой, ни на третий,

ни после...

Рано поутру оделась она в венчальное платье, Долго ждала своего жениха, и когда не пришел он, Платье венчальное снявши, она заплакала горько, Плакала долго об нем и его никогда не забыла. Вот в Португалии весь Лиссабон уничтожен был страшным Землетрясеньем; война Семилетняя кончилась; умер Франц-император; был иезуитский орден разрушен; Польша исчезла, скончалась Мария-Терезия; умер Фридрих Великий; Америка стала свободна; в могилу Лег император Иосиф Второй; революции пламя Вспыхнуло; добрый король Людовик, возведенный на плаху,

Умер святым; на русском престоле не стало великой
Екатерины; и много тронов упало; и новый
Сильный воздвигся, и все перевысил, и рухнул;
И на далекой скале океана изгнанником умер
Наполеон. А поля, как всегда, покрывались жатвой,
Пашни сочной травой, холмы золотым виноградом;
Пахарь сеял и жал, и мельник молот, и глубоко
В недра земли проникал с фонарем рудокоп, открывая
Жилы металлов. И вот случилось, что близко Фаллуна,
Новый ход проложив, рудокопы в давнишнем обвале
Вырыли труп неизвестного юноши: был он не тронут
Тленьем, был свеж и румян; казалось, что умер
С час, не боле, иль только прилег отдохнуть и забылся
Сном. Когда же на свет он из темной земныя утробы
Вынесен был, — отец, и мать, и друзья, и родные
Мертвы уж были давно; не нашлось никого,

кто б о спящем
Юноше знал, кто б помнил, когда с ним случилось
несчастье.

Мертвый товарищ умершего племени, чуждый живому,
Он сиротою лежал на земле, посреди равнодушных
Зрителей, всем незнакомый, дотоле, пока не явилась
Тут невеста того рудокопа, который однажды
Утром, за день до свадьбы своей, пошел на работу
В рудник и боле назад не пришел. Подпираясь клюкою,
Трепетным шагом туда прибрела седая старушка;
Смотрит на тело и вмиг узнает жениха. И с живою
Радостью боле, чем с грустью, она предстоявшим сказала:
«Это мой бывший жених, о котором так долго, так долго
Плакала я и с которым господь еще перед смертью
Дал мне увидеться. За день до свадьбы пошел он работать
В землю, но там и остался». У всех разогрелось сердце
Нежным чувством при виде бывшей невесты, увядшей,
Дряхлой, над бывшим ее женихом, сохранившим

всю прелесть
Младости свежей. Но он не проснулся на голос знакомый;
Он не открыл ни очей для узнанья, ни уст для привета.
В день же, когда на кладбище его понесли, с умилением
Друга давнишняя младости в землю она проводила;
Тихо смотрела, как гроб засыпали; когда же исчез он,
Свежей могиле она поклонилась, пошла и сказала:
«Что однажды земля отдала, то отдаст и в другой раз!».

СРАЖЕНИЕ С ЗМЕЕМ

Повесть

Что за тревога в Родосе? Все улицы полны народом; Мчатся толпами, вбоят, шумят. На коне величавом Едет по улице рыцарь красивый; за рыцарем тащат Мертвого змея с кровавой разинутой пастью; все смотрят С радостным чувством на рыцаря, с страхом невольным на змея.

«Вот! — говорят, — посмотрите, тот враг, от которого столько

Времени не было здесь ни стадам, ни людям проходу. Много рыцарей храбрых пыталось с чудовищем выйти В бой... все погибли. Но бог нас помиловал: вот наш спаситель;

Слава ему!» И вслед за младым победителем идут Все в монастырь Иоанна Крестителя, где поаннитов Был знаменитый капитул собран в то время. Смиренно Рыцарь подходит к престолу магистра; шумной толпою Ломится следом за ним в палату народ. Преклонивши Голову, юноша так говорить начинает: «Владыка! Рыцарский долг я исполнил: змей, разоритель Родоса, Мною убит; безопасны дороги для путников; смело Могут стада выгонять пастухи; на молитву Может без страха теперь пилигрим к чудотворному лику Девы пречистой ходить». Но с суровым ответствовал взглядом

Строгий магистер: «Сын мой, подвиг отважный с успехом Ты совершил: отважность рыцарю честь. Но ответствуй: В чем обязанность главная рыцарей, верных Христовых Слуг, христианства защитников, в знак смиренья посящих

Крест Иисуса Христа на плечах?» То зрители внемля,
Все оробели. Но рыцарь, краснея, отвечал: «Первый
Рыцарский долг есть покорность». — «И рыцарский
долг сей
Ныне, сын мой, ты нарушил: ты мной запрещенный
Подвиг дерзнул совершить». — «Владыка, сперва
благосклонно

Выслушай слово мое, потом осуди. Не с слепую
Дерзостью я на опасное дело решился; но верно
Волю закона исполнить хотел: одной осторожной
Хитростью мнил одержать я победу. Пять благородных
Рыцарей нашего ордена, честь христианства, погибли
В битве с чудовищем. Ты запретил нам сей подвиг;
Мы покорились. Но душу мою нестерпимо терзали
Бедствия гибнущих братьев; стремленьем спасти
их томимый,

Днем я покоя не знал, и сны ужасные ночью
Мучили душу мою, представляя мне призрак сраженья
С змеем; и все как будто бы чудилось мне, что небесный
Голос меня возбуждал и твердил мне: *держай!* и дерзнул я.
Вот что я мыслил: ты рыцарь; одних ли врагов
христианства

Должен твой меч поражать? Твое назначенье святое:
Быть защитником слабых, спасти от гоненья гонимых,
Грозных чудовищ разить; но дерзкою силой искусство,
Мужеством мудрость должны управлять. И в таком
убежденье

Долго себя я готовил к опасному бою, и часто
К месту, где змей обитал, я тайком подходил, чтоб заране
С сильным врагом ознакомиться; долго обдумывал
средства,

Как мне врага победить; наконец вдохновение свыше
Душу мою просветило: найдено средство! сказал я
В радости сердца. Тогда у тебя позволения, владыка,
Я испросил посетить отеческий дом мой; угодно
Было тебе меня отпустить. Переплыв безопасно
Море и на берег вышед, в отеческом доме немедля
Все к предпринятому подвигу стал я готовить. Искусством
Сделан был змей, подобный тому, которого образ
Врезался в память мою; на коротких лапах громадой
Тяжкое чрево лежало; хребет, чешую покрытый,

Круто вздымался; на длинной гривистой шее торчала,
Пастью зияя, зубами грозя, голова; из отверзтых
Челюстей острым копьём выставлялся язык, и змеинный
Хвост сгибался в огромные кольца, как будто готовый,
Вдруг обхватив ездока и коня, задушить их обоих.
Все учредивши, двух собак, могучих и к бою
С диким быком приученных, я выбрал и мнимого змея
Ими травил, чтоб привыкли они по единому клику
Зубы вонзать в непокрытое броней чешуйчатой чрево.
Сам же, сидя на коне благородной арабской породы,
Я устремлялся на змея и руку мою беспрестанно
В верном метанье копья упражнял. Сначала от страха
Конь мой, храпя, на дыбы становился, и выли собаки;
Но наконец победило мое постоянство их робость.
Так совершилось три месяца. Я возвращаюсь. Вот третий
День, как пристал я к Родосу. О новых бедствиях вести
Душу мою возмутили. Горя нетерпением кончить
Дело начатое, слуг собираю моих и, ученых
Взявши собак, на верном коне, никому не сказавшись,
Еду отыскивать змея. Ты знаешь, владыка, часовню,
Где богомольствовать сходится здешний народ: на утесе
В диком месте она возвышается; образ пречистой
Матери божией, видимый там, знаменит чудесами;
Трудно всходить на утес, и доселе сей путь был опасен.
Там, у подошвы утеса, в норе, недоступной сиянью
Дня, гнезвился чудовищный змей, сторожá проходящих;
Горе тому, кто дорогу терял! из темной пещеры
Враг исторгался, добычу ловил и ее в свой глубокий
Лог увлекал на пожранье. В ту часовню пречистой
Девы пошел я, там пал на колена, усердной мольбою
В помощь призвал богоматерь, в грехах принес покаянье,
Таин святых причастился: потом, сошедши с утеса,
Латы надел, взял меч и копье и, раздав приказанья
Спутникам (им же велел дожидаться меня близ часовни),
Сел на коня, поручил вездесущему господу богу
Душу мою и поехал. Едва я увидел на ровном
Месте себя, как собаки мои, почуявши змея,
Подняли ноздри, а конь захрапел и пятиться начал:
Блещущим свившись клубом, вблизи он грелся на солнце.
Дружно и смело помчались в бой с ним собаки; но с воем
Кинулись обе назад, когда, развернувшись быстро,
Вдруг он разинул огромную пасть, и их ядовитым

Обдал дыханьем, и с страшным шипеньем поднялся
на лапы.

Крик мой собак ободрил: они вцепились в змея.
Сильной рукой я бросаю копьё; но, ударясь в чешуйный,
Крепкий хребет, оно, как тонкая трость, отлетело;
Новый удар я спешу нанести; но испуганный конь мой
Бешено стал на дыбы; раскаленные очи, зиянье
Пасти зубастой, и свист, и дыханье палящее змея
В ужас его привели, и он опрокинулся. Видя
Близкую гибель, проворно прыгнул я с седла
и в сраженье

Пеший вступил с обнаженным мечом; но меч мой
напрасно

Колет и рубит: как сталь чешуя. Вдруг змей,
разъярившись,
Сильным ударом хвоста меня повалил и поднялся
Дыбом, как столб, надо мной, и уже растворил
он огромный

Зев, чтоб зубами стиснуть меня; но в это мгновенье
В чрево его, чешуей не покрытое, вгрызлись собаки;
Взвыл он от боли и бешено начал кидаться... напрасно!
Стиснувши зубы, собаки повисли на нем; я поспешно
На ноги стал и бросился к ним, и меч мой вонзился
Весь во чрево чудовища: хлынула черным потоком
Кровь; согнувшись в дугу, он грянулся оземь и, тяжким
Телом меня заваливши, издох надо мною. Не помню,
Долго ль бесчувствен под ним я лежал; глаза открываю:
Слуги мои предо мною, а змей в крови неподвижен».
Рыцарь, dokonчивши повесть свою, замолчал. Раздались
Громкие клики; дрогнули своды палаты от гула
Рукоплесканий, и самые рыцари ордена вместе
С шумной толпой возгласили: «Хвала!» Но магистер,
Строго нахмутив чело, повелел, чтоб все замолчали, —
Все замолчали. Тогда он сказал победителю: «Змея,
Долго Родос ужасавшего, ты поразил, благородный
Рыцарь; но, богом являясь народу, врагом ты явился
Нашему ордену: в сердце твоём поселился отныне
Змей, ужасней тобою сраженного, змей, отравитель
Воли, сеятель смут и раздоров, презритель смиренья,
Недруг порядка, древний губитель земли. Быть отважным
Может и враг ненавистный Христа, мамелюк;
но покорность

Есть одних христиан достоянье. Где сам искупитель,
Бог всемогущий, смиренно стерпел поношение и муку,
Там в старину основали отцы наш орден священный;
Там, облачая крестом, на себя они возложили
Долг, труднейший из всех: *свою обуздывать волю*.
Суетной славой ты был обольщен — удались; ты отныне
Нашему братству чужой: кто господнее иго отринул,
Тот и господним крестом себя украшать недостойн». —
Так магистер сказал, и в толпе предстоявших поднялся
Громкий ропот, и рыцари ордена сами владыку
Стали молить о прощенье; но юноша молча, потупив
Очи, снял епанчу, у магистра строгую руку
Поцеловал и пошел. Его проводивши глазами,
Гневный смягчился судья и, назад осужденного кротким
Голосом кликнув, сказал: «Обними меня, мой достойный
Сын: ты победу теперь одержал, труднейшую первой.
Снова сей крест возложи: он твой, он награда смиренью».

СУД БОЖИЙ

Повесть

Был непорочен душой Фридолин; он в страхе господнем Верно служил своей госпоже, графине Савернской. Правда, не трудно было служить ей: она добронравна Свойством, тиха в обращенье была; но и тяжкую

должность

С кротким терпением он исполнял бы, покорствуя богу. С самого раннего утра до поздней ночи всечасно Был он на службе ее, ни минуты покоя не зная; Если ж случалось сказать ей ему: «Фридолин,

успокойся!» —

Слезы в его появлялись глазах: за нее и мученье Было бы сладостно сердцу его, и не службой считал он Легкую службу. За то и его отличала графиня; Вечно хвалила и прочим слугам в пример подражанья Ставила; с ним же самим она обходилась как с сыном Мать, а не так, как с слугой госпожа. И было приятно Ей любоваться прекрасным, невинным лицом Фридолина. То примечая, сокольничий Роберт досадовал; зависть Грызла его свирепую душу. Однажды, с охоты С графом вдвоем возвращаясь в замок, Роберт, лукавым Бесом прельщенный, вот что сказал господину, стараясь В сердце его заронить подозрение: «Счастьем завидным Бог наградил вас, граф-государь; он дал вам в супруге Вашей сокровище; нет ей подобной на свете; как ангел Божий прекрасна, добра, целомудренна; спите спокойно: Мыслью никто не посмеет приблизиться к ней».

Заблистали

Грозно у графа глаза. «Что смеешь ты бредить? —

сказал он. —

Женская верность слово пустое; на ней опираться
То же, что строить на зыбкой воде; берегись как хочешь:
Все обольстителю отыщет дорогу к женскому сердцу.
Вера моя на другом, твердейшем стоит основанье:
Кто помыслить дерзнет о жене Савернского графа! —
«Правда, — коварно отвечивал Роберт, — подобная
дерзость

Только безумному в голову может зайти. Лишь
презрения
Стоит жалкий глупец, который, воспитанный в рабстве,
Смеет глаза подымать на свою госпожу и, служа ей,
В сердце развратном желанья таить». — «Что слышу! —
воскликнул
Граф, побледневши от гнева, — о ком говоришь ты?
И жив он?» —

«Все об нем говорят, государь; а я из почтения
К вам, полагая, что все вам известно, молчал:
что самим вам
В тайне угодно держать, то должно и для нас быть
священной
Тайной». — «Злодей, говори! — в исступленье ужасном
воскликнул
Граф, — ты погиб, когда не скажешь мне правды!

Кто этот
Дерзкий?» — «Паж Фридолин; он молод, лицом миловиден
(Так шипел предательски Роберт, а графа бросало
В холод и в жар от речей ядовитых). Возможно ль,
чтоб сами

Вы не видали того, что каждому видно? За нею
Всюду глазами он следует; ей одной, забывая
Все, за столом он служит; за стулом ее, как волшебной
Скованный силой, стоит он и рдеет любовью преступной.
Он и стихи написал и в них перед ней признается
В нежной любви». — «Признается!» — «И даже молить
о взаимном

Чувстве дерзает. Конечно, графиня, по кротости сердца,
Скрыла от вас, государь, безумство такое, и сам я
Лучше бы сделал, когда б промолчал: чего вам
страшиться?»

Граф не отвечивал: ярость душила его. Приближались
В это время они к огромной литейной палате:
Там непрестанно огонь, как будто в адской пучине,

В горнах пылал, и железо, как лава кипя, клочкотало;
День и ночь работники там суетились вокруг горнов,
Пламя питая; взвивались вихрями искры; свистали
Страшно мехи; колесо под водою средь брызжущей пены
Тяжко вертелось; и молот огромный, гремя неумолчно,
Сам, как живой, подымался и падал. Граф, подозревши
Двух из работников, так им сказал: «Исполните

в точность

Волю мою; того, кто первый придет к вам и спросит:
Сделано ль то, что граф приказал? — без всякой пощады
Бросьте в огонь, чтоб его и следов не осталось».

С свирепым

Смехом рабы обещались покорствовать графскому слову.
Души их были суровой железа; рвенье удвоив,
Начали снова работать они и, убийством заране
Жадную мысль веселя, дожидались обещанной жертвы.
К графу тем временем хитрый наушник позвал

Фридолина.

Граф, увидя его, говорит: «Ты должен, не медля нисколько,
В лес пойти и спросить от меня у литейщиков: все ли
Сделано то, что я приказал?» — «Исполнено будет», —
Скромно отвечает паж; и готов уж идти, но, подумав:
Может быть, даст ему и она порученье какое,
Он приходит к графине и ей говорит: «Господином
Послан я в лес; но вы моя госпожа; не угодно ль
Будет и вам чего приказать?» Ему с благосклонным
Взором графиня отвечает: «Друг мой, к обедне

хотелось

Ныне сходить мне, но болен мой сын; сходи, помолися
Ты за меня; а если и сам согрешил, то покайся». —
Весело в путь свой пошел Фридолин; и еще из деревни
Он не вышел, как слышит благовест: колокол звонким
Голосом звал христиан на молитву. «От встречи

господней

Ты уклоняться не должен», — сказал он и в церковь

с смиренным,

Набожным сердцем вступил; но в церкви пусто и тихо:
Жатва была, и все поселяне работали в поле.
Там стоял священник один: никто не явился
Быть на время обедни прислужником в храме.

«Господу богу

Прежде свой долг отдай, потом господину», С такою

Мыслью усердно он начал служить: священнику ризы, *Стблу и сингулум* подал; потом приготовил святые Чаши; потом, молитвенник взявши, стал умиленно Долг исправлять министранта: и там и тут на колени, Руки сжав, становился; звонил в колокольчик, как скоро Провозглашаемо было великое «*Sanctus*»; когда же Тайну священник свершил, предстоя алтарю, и возвысил Руку, чтоб верным явить спасителя-бога в бескровной Жертве, он звоном торжественным то возвестил

и смиренно

Пал на колени пред господом, в грудь себя поражая, Тихо молитву творя и крестом себя знаменуя. Так до конца литургии он все, что уставлено чином, В храме свершал. Напоследок, окончивши службу святую, Громко священник воскликнул: «*Vobiscum Dominus*»,
верных

Благословил; и церковь совсем опустела; тогда он, Все в порядок приведши, и чаши, и ризы, и утварь, Церковь оставил, и к лесу пошел, и вдобавок дорогой «*Pater noster*» двенадцать раз прочитал. Подошедши К лесу, он видит огромный дымящийся горн;

перед горном,

Черны от дыма, стоят два работника. К ним обратися, «*Сделано ль то, что граф приказал*», — он спросил.

И, оскалив

Зубы смехом ужасным, они указали на пламень Горна. «Он там! — прошептал сиповатый их голос. —

Как должно,

Прибран, и граф нас похвалит». С таким их ответом
обратно

В замок пошел Фридолин. Увидя его издалека, Граф не поверил глазам. «Несчастный! откуда

идешь ты?» —

«Из лесу прямо». — «Возможно ль? ты, верно, промешкал в дороге». —

«В церковь зашел я. Простите мне, граф-государь;

повеленье

Ваше приняв, у моей госпожи, по обычному долгу, Также спросил я, не будет ли мне и ее приказанья? Выслушать в церкви обедню она приказала. Исполнив Волю ее, помолился я там и за здоровье ваше».

Граф трепетал и бледнел. «Но скажи мне, — спросил он, —
Что отвечали тебе?» — «Непонятен ответ был. Со смехом
Было на горн мне указано. Там он (сказали)! Как должно,
Прибран, и граф нас похвалит!» — «А Роберт? — спросил,
леденя
В ужасе, граф. — Ты с ним не встречался? Он послан
был мною
В лес». — «Государь, ни в лесу, ни в поле, нигде
я не встретил
Роберта». — «Ну! — вскричал уничтоженный граф,
опустивши
В землю глаза. — Сам бог решил правосудный!»
И, с кроткой
Ласкою за руку взяв Фридолина, с ним вместе пошел он
Прямо к супруге и ей (хотя сокровенного смысла
Речи его она не постигла) сказал, представляя
Милого юношу, робко пред ними склонившего очи:
«Он, как дитя, непорочен; нет ангела на небе чище;
Враг коварен, но с ним господь и всевышние силы».

СУД В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Повесть

(Отрывок)

I

Уж день прохладно вечерел,
И свод лазоревый алел;
На нем сверкали облака;
Дыханьем свежим ветерка
Был воздух сладко растворен;
Играя, вея, морщил он
Пурпурно-блещущий залив;
И, белый парус распустив,
Заливом тем ладья плыла;
Из Витби инокинь несла,
По легким прыгая зыбям,
Она к Кутбертовым брегам.
Летит веселая ладья;
Покрыта палуба ея
Большим узорчатым ковром;
Резной высокий стул на нем
С подушкой бархатной стоит;
И мать-игуменья сидит
На стуле в помыслах святых;
С ней пять монахиц молодых.

II

Впервой покинув душный плен
Печальных монастырских стен,
Как птички в вольной вышине,

По гладкой палубе оне
Играют, рѣзвятся, шалют...
Все веселит их, как ребят:
Той шаткий парус страшен был,
Когда им ветер шевелил
И он, надувшись, гремел;
Крестилась та, когда белел,
Катясь к ладье, кипучий вал,
Ее ловил и подымал
На свой изгибистый хребет;
Ту веселил зеленый цвет
Морской чудесной глубины;
Когда ж из пенистой волны,
Как черная незапно тень,
Пред ней выскакивал тюлень,
Бросалась с криком прочь она
И долго, трепетна, бледна,
Читала шепотом псалом;
У той был резвым ветерком
Покров развеян головой,
Густою шелковой струей
Лились на плечи волоса,
И груди тайная краса
Мелькала ярко меж власов,
И девственный поймать покров
Ее заботилась рука,
А взор стерег исподтишка,
Не любовался ль кто за ней
Заветной прелестью грудей.

III

Игуменья порою той
Вкушала с важностью покой,
В подушках нежась пуховых,
И на монахинь молодых
Смотрела с ласковым лицом.
Она вступила в божий дом
Во цвете первых детских лет,
Не оглянулася на свет
И, жизнь навеки затворя

В безмолвни монастыря,
По слуху знала издали
О треволнениях земли,
О том, что радость, что любовь
Смуцают ум, волнуют кровь
И с непроснувшей душой
Достигла старости святой,
Сердечных смут не испытал;
Тяжелый пнокинь устав
Смиренно, строго сохранять,
Души спасення искать
Блаженной Гильды по следам,
Служить ее честным мощам,
И день и ночь в молитве быть,
И день и ночь огонь хранить
Лампад, горящих у икон:
В таких заботах проведен
Был век ее. Богатый вклад
На обновление оград
Монастыря дала она;
Часовня Гильды убрана
Была на славу от нее:
Сияло пышное шитье
Там на покрове гробовом,
И, обложенный жемчугом,
Был вылит гроб из серебра;
И много делала добра
Она убогим и больным,
И возвращался пилигрим
От стен ее монастыря,
Хваля небесного царя.
Имела важный вид она,
Была худа, была бледна;
Был величав высокий рост;
Лицо являло строгий пост,
И покаянье тмило взор.
Хотя в ней с самых давних пор
Была лишь к иночеству страсть,
Хоть строго данную ей власть
В монастыре она блюла,
Но для смиренных сестр была
Она лишь ласковая мать:

Свободно было им дышать
В своей келейной тишине,
И мать-игуменью оне
Любили детски всей душой.
Куда ж той позднею порой
Через залив плыла она?
Была в Линдфарн приглашена
Она с игуменьей другой;
И там их ждал аббат святой
Кутбертова монастыря,
Чтобы, собором сотворя
Кровавый суд, проклятье дать
Отступнице, дерзнувшей снять
С себя монашества обет
И, сатане продав за свет
Все блага кельи и креста,
Забыть спасителя Христа.

IV

Ладья вдоль берега летит,
И берег весь назад бежит;
Мелькают мимо их очей
В сиянье западных лучей:
Там замок на скале крутой
И бездна пены под скалой
От расшибаемых валов;
Там башня, сторож берегов,
Густым одетая плющом;
Там холм, увенчанный селом;
Там золото цветущих нив;
Там зеленеющий залив
В тени зеленых берегов;
Там божий храм, среди дерёв
Блестящий яркой белизной.
И остров, наконец, святой
С Кутбертовым монастырем,
Облитый вечера огнем,
Громадою багряных скал
Из вод вдали пред ними встал,
И, приближаясь, тихо рос,

И вдруг над их главою вознес
Свой брег крутой со всех сторон.
И остров и не остров он;
Два раза в день морской отлив,
Песок подводный обнажив,
Противный брег сливает с ним:
Тогда поклонник пилигрим
На богомолье по пескам
Пешком идет в Кутбертов храм;
Два раза в день морской прилив,
Его от тверди отделив,
Стирает силою воды
С песка поклонников следы. —
Нес ветер к берегу ладью;
На самом берега краю
Стоял Кутбертов древний дом,
И волны пенились кругом.

V

Стоит то здание давно;
Саксонов памятник, оно
Меж скал крутых крутой скалой
Восходит грозно над водой;
Все стены страшной толщины
Из грубых камней сложены;
Зубцы, как горы, на стенах;
На низких тягостных столбах
Лежит огромный храма свод;
Кругом идет широкий ход,
Являя бесконечный ряд
Сплетенных ветвями аркад;
И крепки башни на углах
Стоят, как стражи на часах.
Вотще их крепость превозмочь
Пыталась вражеская мочь
Жестоких нехристей датчан;
Вотще волнами океан
Всечасно их разит, дробит;
Святое здание стоит
Недвижимо с давнишних пор;

Морских разбойников напор,
Набеги хлада, бурь, валов
И силу грозную годов
Перетерпев, как в старину,
Оно морскую глубину
Своей громадою гнетет;
Лишь кое-где растреснул свод,
Да в нише лик разбит святой,
Да мох растет везде седой,
Да стен углы оточены
Упорным трением волны.

VI

В ладье монахини плывут;
Приближась к берегу, поют
Святую Гильды песнь оне;
Их голос в поздней тишине,
Как бы сходящий с вышины,
Слиясь с гармонией волны,
По небу звонко пробежал;
И с берега хор им отвечал,
И вышел из святых ворот
С хоругвями, крестами ход
Навстречу инокинь честных;
И возвестил явление их
Колоколов согласный звон,
И был он звучно повторен
Отзывом ближних, дальних скал
И весь народ на брег созвал.
С ладьи игуменья сошла,
Благословенье всем дала
И, подпираясь костылем,
Пошла в святой Кутбертов дом
Вослед хоругвей и крестов.

VII

Им стол в трапезнице готов;
Садятся ужинать; потом
Обширный монастырский дом

Толпой осматривать идут;
Смеются, рѣзвятся, поют;
Заходят в кельи, в древний храм,
Творят поклоны образам
И молятся мощам святым...
Но вечер холодом сырым
И резкій с моря ветерок
Собраться нудят всех в кружок
К огню, хозяек и гостей;
Жужжат, лепечут; как ручей,
Веселый льется разговор;
И наконец меж ними спор
О том заходит, чей святой
Своею жизнью земной
И боле славы заслужил
И боле небу угодил?

VIII

«Святая Гильда (говорят
Монахини из Витби) вряд
Отдаст ли первенство кому!
Известна ж боле потому
Ее обитель с давних дней,
Что три барона знатных ей
Служить вассалами должны;
Угодницей осуждены
Когда-то были Брюс, Герберт
И Перси; суд сей был простерт
На их потомство до конца
Всего их рода: чернеца
Они дерзнули умертвить.
С тех пор должны к нам приходить
Три старших в роде каждый год
В день вознесенья, и народ
Тут видит, как игумен их
Становит рядом у честных
Мощей угодницы святой,
Как над склоненной их главой
Прочтет псалом, как наконец
С словами: *все простил чернец!*

Им разрешение дает;
Тогда *аминь!* гласит народ.
К нам повесть древняя дошла
О том, как некогда жила
У нас саксонская княжна,
Как наша вся была полна
Округа ядовитых змей,
Как Гильда, вняв мольбам своей
Любимицы святой княжны,
Явилась, как превращены
Все змеи в камень, как с тех пор
Находят в недрах наших гор
Окаменелых много змей.
Еще же древность нам об ней
Сказание передала:
Как раз во гневе прокляла
Она пролетных журавлей
И как с тех пор до наших дней,
Едва на Витби налетит
Журавль, застонет, закричит,
Перевернется, упадет
И чудной смертью отдает
Угоднице блаженной честь».

IX

«А наш Кутберт? Не перечестъ
Его чудес. Теперь покой
Нашел уж гроб его святой;
Но прежде... что он претерпел!
От датских хищников сгорел
Линдфарн, приют с давнишних дней
Честных угодника мощей;
Монахи гроб его спасли
И с гробом странствовать пошли
Из земли в землю, по полям,
Лесам, болотам и горам;
Семь лет в молитве и трудах
С тяжелым гробом на плечах
Они скитались; в Мельрос

Их напоследок бог принес;
Мельрос Кутберт живой любил,
Но мертвый в нем не рассудил
Он для себя избрать приют,
И чудо совершилось тут:
Хоть тяжкий гроб из камня был,
Но от Мельроса вдруг поплыл
По Твиду он, как легкий челн.
На юг теченьем быстрых волн
Его помчало; миновав
Тильмут и Риппон, в Вардилав,
Препон не встретя, наконец
Привел свой гроб святой пловец;
И выбрал он в жилище там
Святой готический Дургам;
Но где святого погребли,
Ту тайну знают на земли
Лишь только трое; и когда
Которому из них чреда
Расстаться с жизнью придет,
Он на духу передает
Ее другому; тот молчит
Дотоль, пока не разрешит
Его молчанья смертный час.
И мало ль чудесами нас
Святой угодник изумлял?
На нашу Англию напал
Король шотландский, злой тиран;
Пришла с ним рать галвегиан,
Неистовых, как море их;
Он рыцарей привел своих,
Разбойников, залитых в сталь;
Он весь подвигнул Тевьотдаль;
Но рать его костями легла:
Для нас Кутбертова была
Хоругвь спасением от бед.
Им ободрен был и Альфред
На поражение датчан;
Пред ним впервой и сам Норман
Завоеватель страх узнал
И из Нортумбрии бежал».

X

Монахини из Витби тут
 Сестрам линдфарнским задают
 С усмешкою вопрос такой:
 «А правда ли, что ваш святой
 По свету бродит кузнецом?
 Что он огромным молотком
 По тяжелой наковальне бьет
 И им жемчужины кует?
 Что на работу ходит он,
 Туманной рясой облачен?
 Что на приморской он скале,
 Чернее мглы, стоит во мгле?
 И что, покуда молот бьет,
 Он ветер на море зовет?
 И что в то время рыбаки
 Уводят в пристань челноки,
 Боясь, чтоб бурю ночной
 Не утопил их ваш святой?»
 Сестер линдфарнских оскорбил
 Такой вопрос; ответ их был:
 «Пустого много бредит свет;
 Об этом здесь и слуху нет;
 Кутберт, блаженный наш отец,
 Честной угодник, не кузнец».

XI

Так весело перед огнем
 Шел о житейском, о святом
 Между монахинь разговор.
 А близко был иной собор,
 И суд иной происходил.
 Под зданьем монастырским был
 Тайник — страшной темницы нет;
 Король Кольвульф, покинув свет,
 Жил произвольным мертвецом
 В глубоком подземелье том.
 Сперва в монастыре оно
Смиренья кельей названо;
 Потом в ужасной келье той,

Куда ни разу луч дневной,
Ни воздух божий не входил,
Прелат Сексгельм определил
Кладбищу осужденных быть;
Но наконец там хоронить
Не мертвых стали, а живых:
О бедственной судьбине их
Молчал неведомый тайник;
И суд, и казнь, и жертвы крик —
Все жадно поглощалось им;
А если случаем каким
Невнятный стон из глубины
И доходил до вышины,
Никто из внемлющих не знал,
Кто, где и отчего стонал;
Шептали только меж собой,
Что там, глубоко под землей,
Во гробе мучится мертвец,
Свершивший дней своих конец
Без покаяния во зле
И непрощенный на земле.

XII

Хотя в монастыре о том
Заклепе казни роковом
И сохранилася молва,
Но где он был? Одишь иль два
Монаха знали то да сам
Отец аббат; и к тем местам
Ему лишь с ними доступ был;
С повязкой на глазах входил
За жертвой сам палач туда
В час совершения суда.
Там зрелся тесный, тяжкий свод;
Глубоко, ниже внешних вод,
Был выдолблен в утесе он;
Весь гробовыми замощен
Плитами пол неровный был;
И ряд покинутых могил
С полуистертою резьбой,

Полузатоптанных земель,
Являлся там; от мокроты
Скопляясь, капли с высоты
На камни падали; их звук
Однообразно-тих, как стук
Ночного маятника, был;
И бледно, трепетно светил,
Пуская дым, борясь со мглой,
Огонь в лампаде гробовой,
Всевшей тяжко на цепях;
И тускло на сырых стенах,
Покрытых плеснью, как корой,
Свет, поглощенный темнотой,
Туманным отблеском лежал.
Он в подземелье озарял
Явленье страшное тогда.

ХІІІ

Три совершителя суда
Сидели рядом за столом;
Пред ними разложён на нем
Устав бенедиктинцев был;
И, чуть во мгле сияя, лил
Мерцанье бледное ночник
На их со мглой слиняный лик.
Товарищ двум другим судьям,
Игуменья из Витби там
Являлась, и была сперва
Ее открыта голова;
Но скоро скорбь втеснилась ей
Во грудь, и слезы из очей
Невольно жалость извлекла,
И покрывалом облекла
Тогда лицо свое она.
С ней рядом, как мертвец бледна,
С суровой строгостью в чертах,
Обретшая в посте, в мольбах
Бесстрастье хладное одно
(В душе святошеством давно
Прямую святость уморя), —

Тильмутского монастыря
Приорша гордая была;
И ряса, черная как мгла,
Лежала на ее плечах;
И жизни не было в очах,
Черневших мутно, без лучей,
Из-под седых ее бровей.
Аббат Кутбертовой святой
Обители, монах седой,
Иссохнувший полумертвец
И уж с давнишних пор слепец,
Меж ними, сгорбившись, сидел;
Потухший взор его глядел
Вперед, ничем не привлечен,
И, грозной думой омрачен,
Ужасен бледный был старик,
Как каменный надгробный лик,
Во храме зримый в час ночной,
Немого праха страж немой.
Пред ними жертва их стоит:
На голове ее лежит
Лицо скрывающий покров;
Видна на белой рясе кровь;
И на столе положены
Свидетели ее вины:
Лампада, четки и кинжал.
По знаку данному, сорвал
Монах с лица ее покров;
И кудри черных волосов
Упали тучей по плечам.
Приорши строгия очам
Был узницы противен вид;
С насмешкой злобною глядит
В лицо преступницы она,
И казнь ее уж решена.

XIV

Но кто же узница была?
Сестра Матильда. Лишь сошла
Та роковая полночь, мглой

Окутавшись как пеленой,
Тильмутская обитель вся
Вдруг замолчала; погася
Лампады в кельях, сестры в них
Все затворились; пуст и тих
Стал монастырь; лишь главный вход
Святых обители ворот
Не заперт и свободен был.
На колокольне час пробил.
Лампаду и кинжал берет
И в платье мертвеца идет
Матильда смело в ворота;
Пред нею ночь и пустота;
Обитель сном глубоким спит;
Над церковью луна стоит
И сыплет на дорогу свет;
И виден на дороге след
В густой пыли копыт и ног;
И слышен ей далекий скок...
Опа с волненьем в даль глядит;
Но там ночной туман лежит;
Все тише, тише слышен скок,
Лишь по дороге ветерок
Полночный ходит да луна
Сияет с неба. Вот она
Минуты две подождала;
Потом с молитвою пошла
Вперед — не встретится ли с ним?
И долго шла путем пустым;
Но все желанной встречи нет.
Вот наконец и дневный свет,
И на небе зажглась заря...
И вдруг от стен монастыря
Послышался набатный звон;
Всю огласил окрестность он.
Что ей начать? Куда уйти?
Среди открытого пути,
Окаменев, она стоит;
И страшно колокол гудит;
И вот за ней погоня вслед;
И ей нигде приюта нет;

И вот настигнута она;
И в монастырь увлечена,
И скрыта заживо под спуд;
И ждет ее кровавый суд.

XV

Перед судилищем она
Стоит, почти умерщвлена
Терзаньем близкого конца;
И бледность мертвая лица
Была видней, была страшней
От черноты ее кудрей,
Двойною пышною волной
Обливших лик ее молодой.
Оцепенев, стоит она;
Глава на грудь наклонена;
И если б мутный луч в глазах
И содрогание в грудях
Не изменяли ей порой,
За лик бездушный восковой
Могла б быть принята она:
Так бездыханна, так бледна,
С таким безжизненным лицом,
Таким безгласным мертвецом
Она ждала судьбы своей
От непрощающих судей.
И казни страх ей весь открыт:
В стене, как темный гроб, прорыт
Глубокий, низкий, тесный вход;
Тому, кто раз в тот гроб войдет,
Назад не выйти никогда;
Коренья, в черепке вода,
Краюшка хлеба с ночником
Уже готовы в гробе том;
И с дымным факелом в руках,
На заступ опершись, мопах,
Палач подземный, перед ним,
Безгласен, мрачен, недвижим,
С покровом на лице стоит;
И грудой на полу лежит

Гробокопательный снаряд:
Кирпич, кирка, известка, млат.
Слепой игумен с места встал,
И руку тощую поднял,
И узницу благословил...
И в землю факел свой вонзил
И к жертве подошел монах;
И уж она в его руках
Трепещет, борется, кричит,
И, сладив с ней, уже тащит,
Бесчувственный на крик и плач,
Ее живую в гроб палач...

XVI

Сто ступеней наверх вели;
Из тайника судьи пошли,
И вид их был свирепо дик;
И глухо жалкий, томный крик
Из глубины их провожал;
И страх шаги их ускорял;
И глуше становился стон;
И наконец... умолкнул он.
И скоро вольный воздух им
Своим дыханием живым
Стесненны груди оживил.
Уж час почного бденья был,
И в храме пели. И во храм
Они пошли; но им и там
Сквозь набожный поющих лик
Все слышался подземный крик.
Когда ж во храме хор отшел,
Ударить в колокол велел
Аббат душе на упокой...
Протяжный глас в тиши ночной
Раздался — из глубокой мглы
Ему Нортумбрии скалы
Откликнулись; услыша звон,
В Брамбурге селянин сквозь сон
С подушки голову поднял,
Молиться об умершем стал,

Недомолился и заснул;
Им пробужденный, помянул
Усопшего святой чернец,
Барквортской пұстыни жилец;
В Шевьотскую залегший сень,
Вскочил испуганный олень,
По ветру ноздри распустил,
И чутко ухом шевелил,
И поглядел по сторонам,
И снова лег... и снова там
Всё, что смутил минутный звон,
В глубокий погрузилось сон.

НОРМАНДСКИЙ ОБЫЧАЙ

Драматическая повесть

Рыбачья хижина на берегах Нормандии.

В а л ь д е р, мореходец.
Р и х а р д, рыбак.
Т о р и л ь д а.

Б а л ь д е р

Твое здоровье, мой хозяин добрый.
Признаться ли? Я благодарен буре,
Занесшей нас в спокойный твой залив:
Давно таким радушным угощением,
У светлого огня, в приюте мирном,
Порадован я не был.

Р и х а р д

В добрый час;
Доволен ты, и мы довольны; в наших
Рыбачьих хижинах какая роскошь?
Но вдвое нам по сердцу гость такой,
Как ты, рожденный в северных странах,
Из коих в старину приплыли наши
Отцы, о коих нам из древних лет
Так много славного сохранено
В преданиях и песнях сладкозвучных.
Но должен я тебе, мой благородный
Гость, объявить, что есть у нас обычай,
По коему здесь каждый иноземец,
Кто б ни был он, богатый иль убогий,
За угощение платит.

Бальдер

Рад исполнить...

Я ваш обычай; мой корабль, стоящий
На якоре в заливе, полон редких
Товаров, собранных по берегам
Земель полуденных: есть золотые
Плоды, есть вина сладкие, есть птицы,
Пленяющие взор блистаньем перьев;
И кузниц северных изделия есть:
Двуострые мечи, кольчуги, шлемы.

Рихард

Меня не понял ты, мой гость почтенный;
Нормандский наш обычай не таков:
Здесь всякий, кто почлег дал иноземцу,
Имеет право требовать, чтоб гость
Иль сказку рассказал, иль песню спел,
И в свой черед ему он тем же платит.
На старости держусь я старины,
Люблю я песни, сказки и преданья.
Исполни ж наш обычай, добрый гость.

Бальдер

Иная сказка сладостней вина,
Душистее плода, пестрее птицы;
И часто звук старинной бранной песни,
Как звук мечей, как гром щитов пленяет
Наш слух: итак, не вовсе я ошибся.
Хоть в памяти не много у меня
Рассказов, но почтить такой похвальный
Обычай я готов. Вот что недавно
На палубе, в морскую тишину
Нам при луне один из корабельных
Товарищей рассказывал.

Рихард

Но прежде

Еще по кубку выпьем.

(Пьют.)

Начинай.

Б а л ь д е р

Два северных породы славной графа,
Друзья из младости, переплывали
Моря на кораблях своих союзных;
И много битв на суше и водах
И много бурь они видали вместе;
И много раз, на юге и востоке,
У берегов цветущих бросив якорь,
Друг с другом отдых сладостный делили.
Вот наконец они в старинных замках,
Наследии отцовском, поселились,
И им одну печаль послало небо:
Они сумруг любимых схоронили,
Почти в одно лилась их время; горе
Тесней сдружило их, но и отрада
Осталась им в печали их глубокой:
У одного был сын, ребенок бодрый,
Другой имел младенца-дочь. Чтоб новым
Союзом утвердить святую дружбу,
Чтоб вечная осталась память ей,
Отцы детей решились сочетать,
И их они тогда же обручили.
И девочке и мальчику на шею
На легких золотых цепочках были
Повешены два перстня дорогих:
В одном из перстней был сапфир, как очи
Невестины лазурный, а в другом
Был камень, розовый, как молодые
Румяные ланиты жениха.

Р и х а р д

Был камень розовый, ты говоришь,
В кольце невесты?

Б а л ь д е р

Да, большой рубин.
Но слушай далее. Тогда уж мальчик
Был лет пятнадцати; был силен, ловко
Владел мечом и мог уж обуздать
Коня; не для тревог морских отец
Его готовил; он был должен замки

И области наследственные предков
Могучею рукою защищать.
Невеста же была младенец
Лет четырех; еще не покидала
Она своей приютной колыбели;
Усердная за ней смотрела няня.
Но что ж случилось? Был прскрасный день
Весенний; на́ берег морской из замка
С малюткой вышла няня, вслед за нею
Толпа прислужниц молодых; цветы
И камешки блестящие собирали
Они на берегу; малютка ими
Играла; море было тихо; свежий
Весенний ветерок едва касался
Прозрачных вод, и солнце в них сверкало,
И отблеск волн приятно трепетал
На свежей зелени. Челнок рыбачий
Привязан был у берега; цветами
Душистыми наполнивши его,
Прислужницы малютку уложили
В цветы и, отвязав веревку, тихо
На плещущих кругом волнах качали
Челнок; младенец веселился; вдруг
Веревка непряметно из руки,
Ее державшей, ускользнула в воду,
И легкою волною откачнуло
Челнок от берега; хотят его
Схватить, но до него уже не может
Достать рука; и море, сколь ни тихим
Казалось оно дотолѣ, тянет
Какою-то невидимою силой
Его вперед; дитя, в цветах играя,
Смеется, слышен крик его веселый;
А женщины на берегу подъемлют
Отчаянные вопли. В это время
Жених, приехавший с своей малюткой
Невестой повидаться, на коне
По ближнему береговому лугу
Скакал и прыгал; он на крик примчался
И, сведав, что случилось, смело в воду
Погнал коня, дабы поймать челнок.
Но, холод волн почувствовавши, конь

Стал на дыбы, и бросился назад,
И седока умчал с собой обратно.
А между тем челнок все далё, далё;
Вот, наконец, из тихого залива
Он выплыл; вдруг повеял свежий ветер,
И скоро он совсем исчез из глаз
В открытом море.

Р и х а р д

Бедное дитя,
Спаси тебя хранитель ангел твой!

Б а л ь д е р

Услышав вестъ ужасную, отец
Немедленно всем кораблям своим
Велел пуститься в море; на быстрейшем
Он поплыл сам. Но в море нет следов;
А к вечеру переменился ветер,
И всю ту ночь свирепствовала буря.
Вот наконец, по долгом и напрасном
Искании, нашли пустой рыбацкй
Челнок и в нем увядшйе цветы.

Р и х а р д

Что сделалось с тобою, добрый гость?
Ты дышишь тяжело, ты весь в лице
Переменился.

Б а л ь д е р

Нет. Послушай далё:
С той бедственной поры покинул отрок
Жених коня и прилепился к тяжким
Морским трудам; стал плавать; в холод, в бурю
Бросался в волны и боролся с морем
И руку приучал владеть кормилом;
И наконец, став юношей могучим,
Он корабли вооружил и в море
Пустился... на земле его надежде
Уже ничто не льстило; ни одна
Красавица окрестных замков сердца
Его не трогала; он обручен
Был морю дикому, волнам свирепым,

Пожравшим все его земное счастье.
Там в глубине была его невеста,
Там был и обручальный перстень. Главный
Корабль свой он украсил парусами
Пурпурными и резьбой золотою,
Как брачному прилично кораблю.

Р и х а р д

Не так ли этот был корабль украшен,
Как твой, на якоре стоящий в нашем
Заливе?

Б а л ь д е р

Может быть. На этом брачном
Могучем корабле он претерпел
Немало бурь; и волны, громы, вихри
Не раз ему приветственные песни,
В ужасный хор совокупясь, гремели;
Немало битв морских он совершил;
И знают все на севере его
Под страшным именем: когда в бою,
Сцепив корабль свой с кораблем врага,
На палубу его с мечом поднятым
Взбегает он, народ кричит: «Беда!
Пропали мы! *Жених морской, помилуй!*»
Я кончил свой рассказ.

Р и х а р д

Благодарю;
Мне, старику, расшевелил он душу.
Но, кажется, недостает конца
Рассказу твоему. Кто может знать,
Погибло ли дитя в волнах иль нет?
Попасться мог навстречу челноку
Корабль и взять дитя, оставив в море
Челнок; иль быть могло принесено
Дитя на остров, моему подобный,
И люди добрые могли его
Найти; и, может быть, под их надзором
Малютка выросла, и, может быть,
Она теперь цветущей девой стала.

Искусно ты досказываешь сказки.
Но твой теперь черед; готов я слушать.

Рихард

Я в старину знавал преданий много
О рыцарях, о герцогах нормандских;
Любимец мой был наш Рихард *Бесстрашный*,
Который ночью видел так, как днем,
И по лесу гулял в глухую полночь,
Сражаясь с нечистыми духами.
Но память у меня теперь плоха,
И в голове от старости все смутно;
Итак, не взыщешь ты, когда на место
Меня мой долг теперь тебе заплатит
Питомица моя, та молодая
Красавица, которая сидит
В углу так тихо, к нам спиной, и сети
Мои чинит при свете ночника.
Она поет, как соловей, и много
Прекрасных песен знает. Не дичись,
Торильда, гостя; спой ему ту песню
Про девицу-красавицу и перстень,
Что для тебя сложил певец прохожий;
Я знаю, ты ее поешь охотно.

Торильда (*поет*)

Тихой утренней порою,
Над прозрачною водою,
Дева с удочкой сидит
И на удочку глядит.

Ждет... но удочка не гнется,
Волосок не шевельнется,
Неподвижен поплавок,
Не берет в воде крючок.

И она, прождав напрасно,
Надевает свой прекрасный
С камнем алым перстенок
На приманчивый крючок.

Вдруг вода зашевелилась,
И на удочке явилась
У драгого перстенька
Белоснежная рука;

И с рукою белоснежной,
Видом бодрый, взглядом нежный,
Над равниной водяной
Всплыл красавец молодой.

Дева очи опустила:
«Не тебя в волнах ловила
Я, красавец молодой;
Возврати мне перстень мой».

«Дева с ясными очами,
Рыбу ловят не перстнями;
В море перстнем пойман я;
Буду твой, ты будь моя».

Б а л ь д е р

Что слышу? Чудный, таинственный голос!
Какое там небесное лицо,
Горящее застенчивым румянцем,
Сквозь волны золотых кудрей сияет
И предо мной опять животворит
Минувшие, младенческие годы?
Что вижу? Розовый знакомый камень
В златом кольце на пальце у нее?
Так, это ты, погибшая невеста!
А я... я твой жених, жених морей;
Вот мой сапфир, твоим очам подобный;
А там нас ждет и брачный наш корабль.

Р и х а р д

Я угадал развязку, добрый витязь.
Она твоя; возьми свою невесту,
Сокровище, мне посланное небом.
Храни ее могучею рукою:
В ней верное прижмешь ты к сердцу сердце.
Но что? Смотри, мой рыцарь, ты совсем
Запутался в сетях мосей Торильды.

УНДИНА

Старинная повесть

Бывали дни восторженных видений;
Моя душа поэзией цвела;
Ко мне летал с вестями чудный Гений;
Природа вся мне песнию была.

Опо прошло, то время золотое;
С природы снят магический венец;
Свет узнанный свое лицо земное
Разоблачил, и призракам конец.

Но о Мечте, как о весенней птичке,
Певавшей мне, с усладой помню я;
И Прелести явленьем по привычке
Любуется, как встарь, душа моя.

Здесь есть *одна* — жива как вдохновенье,
Как ясная надежда молода —
На душу мне ее одно явленье
Поэзию наводит завсегда...

Перед пустой когда-то колыбелью
Задумчиво-безмолвен я стоял.
«Кто обречен святому новоселью
Тобой в жильцы?» — судьбу я вопрошал.

И с первою блеснувшей мне денницей
Уж милый гость в той колыбели был;
Он в ней лежал под царской бапрянницей;
Прекрасен, тих, как божий ангел мил.

Года прошли — и мой расцвел младенец,
Прекрасен, тих, как божий ангел мил;
И мнится мне, что неба уроженец
Утехой в нем на землю прислан был.

Его-то я порою здесь встречаю,
Как чистую Поэзию мою;
Им иногда я душу воскрешаю;
При пем подчас, забывшись, и пою.

Глава I

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ ПРИЕХАЛ В ХИЖИНУ РЫБАКА

Лет за пятьсот и поболее случилось, что в ясный весенний Вечер сидел перед дверью избушки своей престарелый Честный рыбак и починивал сеть. Сторона та, в которой Жил он, была прекрасное место. Луг, где стояла Хижина, длинной косою входил в широкое лоно Моря: можно было подумать, что берег душистый В светло-лазурные, чудно-прозрачные воды с любовью Нежной теснился, что море, влажной трепещущей грудью Нежно прижавшись к нему и его обнимая, пленялось Свежестью шелковой зелени, блеском цветов и прохладой Темных сеней древесных. Правда, в краю том немного Было людей: рыбак с женою, и только; дремучий Лес отделял полуостров от твердой земли. И ужасен Был тот лес своей темнотой неприступной; и слухи Страшные были об нем в народе; там было нечисто: Злые духи гнездились в нем и пугали прохожих Так, что не смели и близко к нему подходить.

Но смиренный Старый рыбак не боялся враждебных духов; на продажу Рыбу носил он в город, лежавший за лесом; полон Набожных мыслей, входил он в его глубину, и ни разу Там ничего он не встретил, хранимый небесною силой. Сидя беспечно в тот вечер за неводом, вдруг он услышал Шум в лесу, как будто бы топот коня и железной Брони звук; он слушает: шум приближается; робость Им овладела, и все, что до тех пор в ненастные ночи Снилось ему о таинственном лесе, представилось разом Мыслям его; особенно ж один, великанского роста,

Белый, всегда головою странно кивающий. В темный Лес он со страхом глядит, и ему показалось, что в самом Деле сквозь черные ветви смотрит кивающий призрак. Вспомнив однако, что все никакой еще не случилось С ним беды ни в лесу, ни в избушке, в которой так долго Жил он с женою вдвоем, что нечистый над ними не властен. Он ободрился, прочел молитву, и сделалось скоро Даже ему и смешно, когда он увидел, какую Шутку с ним глухая робость сыграла: кивающий образ Был не что иное, как быстрый ручей, из середины Леса бегущий и с пеной впадающий в озеро; шум же, Слышанный им, был от рыцаря: шагом на белом Бодром коне из чащи лесной он ехал и прямо К хижине их приближался. Мантией алого цвета Был покрыт его фиолетовый, золотом шитый Стройный колет; на бархатном черном берете вились Белые перья; висел у бедра на цепи драгоценной Меч с золотой рукоятью искусной работы; а белый Рыцарев конь был статен, силен и жив; он, копытом Легким едва к луговой мураве прикасаясь, воздушной Поступью шел и, сгибая красивую шею, как лебедь, Грыз узду, облитую пеной. Старик, пораженный Видом статного рыцаря, невод покинул и, снявши Шляпу, смотрел на него с приветной улыбкой.

Приближась,

Рыцарь сказал: «Могу ль я с конем найти здесь на эту Ночь убежище?» — «Милости просим, гость благородный; Лучшим стойлом будет коню твоему наш зеленый Луг, под кровлей ветвистых деревьев; а вкусную пищу Сам он найдет у себя под ногами; тебе ж мы охотно Угол очистим в нашем убогом жилище и ужин Скучный с тобою разделим». Рыцарь, кивнув головою, Спрыгнул с коня, его разнуздал и по свежему лугу Бегать пустил; потом сказал рыбаку: «Ты охотно, Добрый старик, принимаешь меня, но когда б

и не столько

Был ты сговорчив, то все бы со мной не разделался нынче!

Море, вижу я, здесь перед нами, и дале дороги Нет никакой; а вечером поздно в этот проклятый Лес возвращаться избави боже!» — «Не станем об этом

Слишком много теперь говорить», — сказал, озираясь, Старый рыбак и в хижину ввел усталого гостя. Там, перед ярким огнем, горевшим в камине и в чистой Горнице трепетный блеск разливавшим, на стуле широком С спинкой резною сидела жена рыбака пожилая. Гостя увидев, старушка встала, ему поклонилась Чинно и села опять, ему отдать не подумав Место свое. Рыбак, засмеявшись, сказал: «Благородный Рыцарь, прошу не взыскать, что хозяйка моя свой

покойный

Стул для себя сберегла: у нас такой уж обычай; Лучшее место всегда старикам уступается». — «Что ты, Дедушка! — с кроткой усмешкой сказала хозяйка. — Ведь

гость наш,

Верно, такой же Христов человек, как и мы, и придет ли, Сам ты скажи, молодому на ум, чтоб ему уступали Старые люди лучшее место? Садися, мой добрый Рыцарь, на эту скамейку, — она продолжала, — да только Тише сиди, не ворочайся, ножка одна ненадежна». Рыцарь взял осторожно скамейку, придвинул к камину, Сел, и сердцу его так стало приятно, как будто б Был он у милых родных, возвратясь из чужи в отчизну. Стали они разговаривать. Рыцарь разведать о страшном Лесе хотел, но рыбак ночью порою боялся Речь о нем заводить; зато о своей одинокой Жизни и промысле трудном своем рассказывал много. С жадностью слушали муж и жена, когда говорил им Рыцарь о том, как в разных землях он бывал,

как отцовский

Замок его у истоков Дуная стоит, как прекрасна Та сторона; он прибавил: «Меня называют Гульбрандом, Имя же замка Рингштеттен». Так говоря, не однажды Рыцарь слышал какой-то шорох и плеск за окошком, Точно как будто водой кто опрыскивал стекла снаружи. Всякий раз с досадой нахмуривал брови, слышав

плесканье,

Старый рыбак; но когда же как ливнем вдруг обдало

стекла,

Так, что окно зазвенело и в горницу брызги влетели, С сердцем вскочил он и крикнул в окошко с упрозой:

«Ундина!

Полно проказничать; стыдно; в хижине гости». При этом

Слово стало там тихо, лишь изредка слышен был легкий Шепот, как будто бы кто потихоньку смеялся.

«Почтенный

Гость, не взыщи, — сказал рыбак, возвратившись

на место. —

Может быть, шалостей много еще ты увидишь, но злого Умысла нет у нее. То паша дочка Ундина, Только не дочка родная, а найденыш; суший младенец, Все проказит, а будет ей лет уж осьмнадцать; но сердце Самое доброе в ней». Покачив головою, старушка Молвила: «Так говорить ты волён; когда ты усталый С ловли приходишь домой, то тебе на досуге забавны Эти проказы; по, с ўтра до вечера дома глаз на глаз С нею пробыв, от нее не добиться путного слова — Дело иное; тут и святой потеряет терпенье». — «Полно, старуха, — рыбак отвечал, — ты бьешься

с Ундиной,

Я с причудливым морем: разве не часто мой невод Портит оно и плотины мои размывает, а все мне Любо с ним: то же и ты, хоть порою и охнешь, однако Все Ундиночку любишь. Не так ли? — «Что правда, то правда;

Вовсе ее разлюбить уж нельзя», — кивнув головою, Кротко сказала старушка. Вдруг растворилася настежь Дверь; и в нее, белокурая, легкая станом, с веселым Смехом впорхнула Ундина, как что-то воздушное. «Где же Гости, отец? Зачем ты меня обманул?» Но, увидя Рыцаря, вдруг замолчала она, и глаза голубые, Вспыхнув звездами под сумраком черных ресниц, устремились

Быстро на гостя, а он, изумленный чудным явлением, Был как вкопанный, жадно смотрел на нее и боялся Взор отвести: он думал, что видит сон, вглядеться В образ прекрасный спешил, пока он не скрылся. Ундина Долго смотрела, пурпурные губки раскрыв, как младенец; Вдруг, вострепнувшись резвою птичкой, она подбежала К рыцарю, стала пред ним на колена и, цепью блестящей, К коей привешен был меч, играя, сказала: «Прекрасный, Милый гость, какою судьбой очутился ты в нашей Хижине? Долго ты по свету должен был странствовать, прежде

Нежели к нам дорогу найти? Скажи, через лес наш

Как ты проехал?» Но он отвечать не успел; на Унди́ну Крикнула с сердцем старушка: «Оставь в покое, Ундина, Гостя; встань и возьмись за работу». Ундина, ни слова Ей не сказавши в ответ, схватила скамейку и, севши Подле Гульбранда с своим рукодельем, тихонько шепнула:

«Вот где я буду работать». Старик притворясь, что не видит Новой проказы ее, хотел продолжать; но Ундина Речь перебила его: «У тебя я спросила, мой милый Гость, откуда приехал ты к нам? Дождусь ли ответа?» — «Из лесу прямо приехал я, прелесть моя». —

«Расскажи же, Как ты в лесу очутился и что в нем чудного видел?» Трепет почувствовал рыцарь, вспомнив о лесе; невольно Он обратил глаза на окошко, в которое кто-то Белый, ему показалось, глядел; но было в окошке Пусто, за стеклами ночь густая чернела. Собравшись С духом, рассказ он готов был начать, но старик торопливо

Молвил ему: «Недоброе время теперь нам об лесе Речь заводить; расскажешь нам завтра». Услышавши это, С места вскочила Ундина, и глазки ее засверкали. «Нынче, не завтра он должен рассказывать! нынче, теперь же!» —

Вскрикнула с сердцем она и, бровки угрюмо нахмутив, Топнула маленькой ножкою об пол; и в эту минуту Так забавно мила и прелестна была, что в Гульбранде Вспыхнуло сердце, и он еще боле пленился смешною, Детской ее запальчивостью, нежели резвостью прежней. Но рыбак, рассердясь не на шутку, причудницу начал Крепко журить за ее упрямство и дерзкую вольность С гостем. Старушка пристала к нему. Тут Ундина сказала:

«Если браниться хотите со мной, а того не хотите Сделать, о чем я прошу, так прощайте ж; одни оставайтесь В вашей скучной, дымной лачужке». С сими словами Прыгнула в двери она и в минуту во мраке пропала.

О ТОМ, КАК УНДИНА В ПЕРВЫЙ РАЗ ЯВИЛАСЬ
В ХИЖИНЕ РЫБАКА

Рыцарь вскочил, за ним и рыбак, и бросились оба
В дверь, чтоб ее удержать, но напрасно: Ундина
так быстро

Скрылась, что даже было нельзя догадаться, в какую
Сторону вздумалось ей побежать. Испуганным взором
Рыцарь спросил рыбака: что делать? «Уж это не в первый
Раз, — рыбак проворчал, — такими побегами часто
Нас забавляет она; теперь опять мне придется
Целую ночь папролет без сна проворочаться с боку
На бок на жесткой постеле моей: ведь мало ль, что может
Встретиться ночью!» — «Зачем же медлить? Пойдем
поскорее

Сами за цею». — «Труд бесполезный; ты видишь, какая
Тьма на дворе: куда мы пойдем? И кто угадает,
Где она спряталась?» — «Будем, по крайней мере, —
прибавил

Рыцарь, — хоть кликать ее». И кричать он начал:
«Ундина!

Где ты, Ундина?» Старик покачал головою: «Как хочешь,
Рыцарь, кричи, она не откликнется нам, а уж верно
Где-нибудь близко сидит; еще ты не знаешь, какая
Это упрямица». Так говоря, старик с беспокойством
В темную ночь глядел и не мог утерпеть, чтоб туда же
Вслед за Гульбрандом не крикнуть: «Ундиночка! милая!
где ты?»

Правду, однако, он предсказал: никакой там Ундины
Не было. Долго кричав понапрасну, они наконец
возвратились

Оба в хижину; там уж было темно, и старушка,
Менее мужа о том, что с Ундиной случится, заботясь,
Спать улеглась, и в камине огонь, догоревши, потухнул;
Только немногие уголья тлели, и синее пламя,
Изредка вспыхнув, трепещущий свет разливало и гасло.
Снова разведши огонь, рыбак наполнил большую
Кружку вином и поставил ее перед гостем. «Мы оба,
Рыцарь, едва ли заснем; так не лучше ли будет, когда мы,
Вместо того чтоб в бессоннице жесткой рогожей
Грешное тело тереть, посидим у огня и за доброй

Кружкой вина о том и другом побеседуем? Как ты Думаешь, добрый мой гость?» Гульбранд согласился охотно.

Сесть принудив его на почетном оставленном стуле, Честный старик поместился с ним рядом, и вот

дружелюбно
Стали они разговаривать; только при каждом малейшем Шорохе — стукнет ли что в окошко, и даже нередко Просто без всякого стука и шороха — вдруг умолкали Оба и, палец поднявци, глаза неподвижно уставив В двери, слушали; каждый шептал: «идет!» и не тут-то Было; не шел никто; и, вздохнувши, они начинали Снова свой разговор. «Расскажи мне, — сказал

напоследок
Рыцарь, — как вам случилось найти Ундину?» —

«А вот как
Это случилось, — рыбак отвечал. — Тому уж двенадцать Будет лет, как я с товаром моим через этот Лес был должен отправиться в город; жену я оставил Дома, как то бывало всегда, а в то время и нужно Было ей дома остаться. Зачем, ты спросишь? Господь нам В поздние наши лета даровал прекрасную дочку; Как же было покинуть ее? Товар мой продавши, Я возвращался домой, и, солгать не хочу, не случилось Мне ничего, как и прежде, в лесу недоброго встретить; Бог мне сопутствовал всякий раз, когда через этот Страшный лес мне идти удавалось: а с ним и опасный Путь не опасен». При этом слове старик с умиленным Видом шапочку снял с головы и, руки сложивши, В набожных мыслях минуты на две умолкнул; потом он Шапочку снова надел и так продолжал: «Я с веселым Сердцем домой возвращался, а дома ждало несчастье: Вся в слезах навстречу ко мне жена прибежала. «Царь небесный! что случилось? — я воскликнул. —

Где наша
Дочка?» — «Она у того, чье имя ты в эту минуту, Бедный мой муж, призываешь», — жена отвечала.

И молча,
Горько заплакав, пошел я за нею в хижину; тела Милой малютки моей я глазами искал там, но тела Не было. Вот как это случилось: с нашим младенцем Подле воды на траве жена спокойно сидела;

С ним в беззаботном веселье играла она; вдруг малютка
Сильно к воде протянулась, как будто чудесное что-то
В светлых приметах струях; и видит жена, что наш милый
Ангел смеется, ручонками что-то хватая; но в этот
Миг как будто какой невидимой силой швырнуло
В волны дитя, и в их глубине бедняжка пропала.
Долго я тела искал, но напрасно, нигде и приметы
Не было. Вот мы, на старости две сироты, в безотрадном
Горе сидели в тот вечер вдвоем у огня и молчали:
Если б и можно было от слез говорить, то не стало б
Духу; и так мы оба молчали, глаза устремивши
В тусклый огонь; как вдруг в дверях послышался легкий
Шорох; они растворились — и что же видим мы? Чудной
Прелести девочка, лет шести, в богатом уборе,
Нам улыбаясь как ангел, стоит на пороге. Сначала
Мы в изумленье не знали, живой ли то был человек
Или обманчивый призрак какой; но скоро заметил
Я, что вода с золотых кудрей и с платья малютки
Капала; я подумал, что, верно, младенец недавно
Был в воде и что скорая помощь нужна. И, вздохнувши,
Так сказал я жене: «Никто не подумал спасти нам
Милое наше дитя; по крайней мере, мы сами
Сделаем то для других, чего не могли нам другие
Сделать и что на земле блаженством было бы нашим».
Мы раздели малютку, ее положили в постель и напиться
Дали горячего ей; а она все молчала и только,
Светло-небесными глазками глядя на нас, улыбалась.
Скоро заснула она и свежа, как цветочек весенний,
Утром проснулась; когда ж мы расспрашивать стали,
откуда

Родом она и как попала к нам в хижину, толку
Не было в странных ответах ее никакого; и вот уж
Ровно двенадцать лет, как с нами живет, а добиться
Путного мы не могли от нее ничего; по рассказам
Вздорным ее подумать легко, что она к нам ушла
Прямо с луны: о каких-то замках прозрачных,
жемчужных
Гротах, коралловых рощах и разных других небылицах
Все твердит и теперь, как твердила тогда; удалось
Выведавать только одно, что, катаясь по морю в лодке
С матерью, в воду упала она и что волны на здешний
Берег ее принесли, где она и очнулась... В сомненье

Тяжком остались мы: хотя и было не трудно
Нам решиться наместо родной потерянной дочки
Взять чужую, нам данную богом самим; но не знали
Мы, крещена ли она иль нет? Сказать же об этом
Нам ничего не умела бедняжка, хотя и понятно
Было ей, что она жила по воле господней
В здешнем свете, хотя и была смиренно готова
Все то исполнить, что с волей господней согласно.

И вот что

Мы в таком затрудненье придумали вместе с женою:
Если она еще не была крещена, то не должно
Медлить минуты; а если уже крещена, то и дважды
Долг святой совершить не будет греха. Но как же
Дать ей имя? И в ум нам пришло, что ее Доротеей
Было б всего приличней назвать: мы слыхали, что значит
Это имя *дар божий*, она же была милосердным
Господом богом дарована горести нашей в отраду.
Но об имени этом она и знать не хотела. «Ундиной
Звали меня отец мой и мать; хочу и остаться
Вечно Ундиной!» Но было ли то христианское имя,
Мы не знали. И вот я пошел за священником в город;
Он согласился прийти к нам; сначала имя Ундины
Было противно ему, как и нам; но наша малютка,
В платьице странном своем, была так чудесно красива,
Так ласкалась к нему и в то же время так мило,
Так забавно спорила с ним, что сам он не в силах
Был противиться ей, — и ее окрестили Ундиной.
Сладостно было смотреть на нее в продолженье святого
Таинства: дикая резвость исчезла, и тихим, смиренным
Англицем стояла она, как будто бы чувствуя, что с ней
В это время творилось. Правду молвить, немало
С нею хлопот нам, и если бы все рассказать мне...»

Но рыцарь

Тут перервал рыбака; он шепнул: «Послушай! послушай!
Что там?» Не раз уже во время рассказа был он встревожен
Шумом воды; но в эту минуту был явственно слышен
Рев потока, который бежал с возрастающей силой
Мимо хижины. Оба вскочили и бросились в двери;
В месячном свете открылось им, что ручей, выходящий
Из леса, сильно разлившись, ворочая камни, ломая
С треском деревья, в море бежал; и было все небо,
Так же как море, взволновано; тучи горами катились

Мимо луны, поминутно се заслоняя, и чудно
Вся окрестность под блеском и тьмой трепетала;
при свисте
Вихря было внятно, как море свирснее голос
Свой воздымало и как, скрыпя от вершины до корня,
Гнулись и шумно сшибались ветвями деревья. «Ундина!..
Царь мой небесный!.. Ундина!» — старик закричал;
но ответа

Не было. Оба тогда побежали, забывши о буре,
Каждый своею дорогою, к лесу, и громко при шуме
Вотра в ночной глубине раздавалось: «Ундина! Ундина!»

Глава III

О ТОМ, КАК БЫЛА НАЙДЕНА УНДИНА

Странное что-то чувствовал рыцарь, скитаясь во мраке
Ночи, под шумом бури, один, в бесполезном исканье:
Снова стало казаться ему, что Ундина лишь призрак,
В темном лесу его обманувший, была; и при свисте
Вихря, при проме воды, при треске деревьев, при чудном
Всей за минуту столь мирно-прекрасной страны
превращенье
Начал он думать, что море, луг, источник, рыбацья
Хижина, старый рыбак и все, что с ним ни случилось,
Было обман; но жалобный крик старика, зовущий
Ундицу,

Всё ему издали слышался. Вот наконец очутился
Он на самом краю лесного ручья, который в разливе
Бурном своем бежал широкою мутной рекою,
Так, что от леса отрезанный мыс, на котором стояла
Хижина, сделался островом. «Боже! — рыцарь подумал, —
Что, когда Ундина отважилась в лес, и назад ей
Нет оттуда дороги, и там у злых привидений
Плачет она одна в темноте?» От ужаса вскрикнув,
Он поспешно поднял с земли огромный дубовый,
Бурей оторванный сук, чтоб, держась за него, перебраться
В лес через воду. Хотя и сам он дрожал, вспоминая
Все, что там видел прошедшим днем; хотя и казалось
В эту минуту ему, что стоял там, ровён с деревьями,
Белый, слишком знакомый ему великан и, оскалив
Зубы, кивал ему головою, — но самый сей ужас

Только что с большею силою влек его в лес: там Ундина
В страхе, одна, без защиты была. И вот уж ступил он
Смелой ногою в кипучую воду, как вдруг недалеко
Сладостный голос сказал: «Не ходи, не ходи, берегися
Злого потока; старик сердит и обманчив». Знакомы
Рыцарю были прелестные звуки; они замолчали;
Он же стоял в воде, озирался и слушал; но месяц
Темной задернуло тучей, и волны быстро неслися,
Ноги его подмывая, и он, через силу держась,
Был как в чаду, и кружилась его голова; и глазами
Долго искав в темноте, наконец он воскликнул: «Ундина!
Ты ли? Где ты? Если не хочешь явиться, я брошусь
Сам в поток за тобой; откликнись; мне лучше погибнуть,
Нежели быть без тебя». И глубже в воду пошел он.
Тот же голос и так же близко сказал: «Оглянися!»
В эту минуту вышел месяц из тучи, и рыцарь
В блеске его увидел Ундину. Был маленький остров
Подле берега быстрым разливом ручья образован;
Там, под навесом деревьев густых, в траве угнездившись,
Призраком светлым сидела Ундина. Было нетрудно
В этом месте поток перейти, и Гульбранд очутился
Вмиг близ Ундины на мягкой траве; она ж,

приподнявшись,

Руки вдруг шеи его обвила и его поневоле
Рядом с собой посадила. «Теперь ты расскажешь мне,
милый,
Повесть свою, — шепнула она, — мы одни; старики нас
Здесь не услышат и скучным своим ворчаньем не могут
Нам помешать; а эта густая древесная кровля
Стоит их хижин дымной». — «Здесь рай, Ундина!» —
воскликнул

Рыцарь, прижавши ко груди ее с поцелуем горячим.
В эту минуту рыбак, проискавши напрасно Ундину,
К месту тому подошел и увидел их с берега. «Рыцарь! —
Он закричал, — непохвальное дело ты делаешь; нами
Был ты доверчиво принят; а ты теперь, обнимаясь
С нашей дочкой, шепчешься с нею тайком и оставил
В страхе меня, старика, одного по-пустому за нею
Бегать в потемках». — «Я сам, — отвечивал рыцарь, —
лишь только

В эту минуту встретился с нею». — «Тем лучше; скорее ж
Оба ко мне перейдите сюда на твердую землю».

Но Ундина о том не хотела и слышать; и лучше
В страшный лес она соглашалась с милым, прекрасным
Гостем пойти, чем в несносную хижину, где не хотели
Делать того, о чем просила она, и откуда
Рано или поздно прекрасный гость удалится. Прижавшись
Крепко к нему, она гармонически, тихо запела:
«В душной долине волна печально трепещет и бьется;
Влившись в море, она из моря назад не польется».
Горько заплакал рыбак, услышав ту песню; ее же
Слезы его как будто не трогали: к рыцарю с детской
Лаской она прижималась. Но рыцарь сказал ей: «Ундина,
Разве не видишь, как плачет отец? Не упрямься ж;
нам должно,
Должно к нему возвратиться». В немом изумленье
Ундина

Быстро свои голубые глаза на него устремила,
Кротко сказала потом: «Когда ты так думаешь, милый,
Я согласна». И с видом покорным, глаза опустивши,
Встала она; и, на руки взявши ее, безопасно
Рыцарь поток перешел. Старик со слезами на шею
Кинулся к ней и в радости был как дитя; прибежала
Скоро к ним и старушка; свою возвращенную дочку
Нежно они целовали; упреков не было; в добром
Сердце Ундины все также утихло, и их обнимала
С лаской сердечной она, просила прощенья, смеялась,
Плакала, милые все имена им давала. А утро
Тою порой занялось, и буря умолкла, и птицы
Начали петь на свежих, дождем ожемчуженных ветках;
Стало светло, и опять приступать принялась Ундина
К рыцарю с просьбой, чтоб начал рассказ свой.

И так согласились
Завтрак принести под деревья. Ундина проворно уселась
Подле Гульбрандовых ног на траве; другого же места
Выбрать никак не хотела; и рыцарь рассказывать начал.

Глава IV

О том, что случилось с рыцарем в лесу

«Вот уж боле недели, как я в тот вольный имперский
Город, который лежит за вашим лесом, приехал;
Там был турнир, и рыцари конья ломали усердно.

Я не щадил ни себя, ни коня. Подошедши к ограде Поля, дабы отдохнуть от веселой работы, я шлем свой Снял и отдал его щитоносцу; и в эту минуту Вижу на ближнем альтане девицу, в богатом уборе, Чудной прелести. Это была молодая Бертальда — Мне сказали — питомица знатного герцога, в ближнем Замке живущего. Мне показалось, что с ласковым видом Смотрит она на меня, и во мне загорелась двойная Бодрость; усердно бился я прежде, но с этой минуты Дело пошло уж иначе. А вечером с нею одною Я танцевал; и так продолжалось во все остальные Дни турнира». В эту минуту почувствовал рыцарь Сильную боль в опущенной левой руке; оглянувшись, Видит он, что Ундина, жемчужными зубками стиснув Палец ему, сердито нахмурила бровки, и в глазах, Ярko светившихся, бегали слезки; потом, на Гульбранда С грустным упрёком взглянув, она ему погрозила Пальцем; потом вздохнула, потом наклонила головку. Рыцарь, смутившись, умолк на минуту; потом он

рассказ свой

Так продолжал: «Бертальда прекрасна, нельзя не признаться;

Но чересчур уж горда и причудлива; мне во второй раз Нравилась мене она, чем в первый, а в третий раз мене, Чем во второй. Однако мне показалось, что боле Всех других я замечен был ею, и это мне льстило. Вот мне вздумалось в шутку ее попросить, чтоб перчатку Мне свою подарила она. «Подарю, — отвечала С гордой усмешкой Бертальда, — если осмелишься, рыцарь,

Съездить один в заколдованный лес наш и верные вести Мне принесешь о том, что в нем происходит». Перчатка Мне дорога не была; но было бы рыцарю стыдно Вызов такой от себя отклонить, и я согласился». — «Разве тебя не любила она?» — спросила Ундина. «Я ей нравился, — рыцарь отвечивал, — так мне казалось». —

«О! так она сумасшедшая, — вскрикнула громко Ундина, С радостным смехом захлопав в ладоши. — Кто ж не безумный

С милым себя разлучит и его добровольно в волшебный Лес на опасное дело пошлет? От меня б не дождался

Этот лес такой неслыханной почести». — «Рано
Утром вчера, — продолжал Гульбранд, улыбнувшись
Ундине, —

Я отправился в путь. Спокойно сияли деревья
В блеске зари, полосами лежавшем на зелени дерна;
Было свежо; благовонные листья так сладко шептались,
Все так манило под сумрак прозрачный, что я поневоле
Злился на глупых людей, которым страшилища в райском
Месте таком могли померещиться. Въехал я в чашу;
Мало-помалу все стало пустынно и тихо; густея,
Лес предо мной и за мною сдвигался, как будто хватая
Тысячью рук волшебных меня. Опасаясь возвратный
Путь потерять, я коня удержал: посмотреть, высоко ли
Было солнце, хотел я; глаза подымаю, и что же
Вижу? Черное что-то копышется в ветвях дубовых.
Я подумал, что то был медведь; обнажаю поспешно
Меч. Но вдруг человеческим голосом, диким, визгливым,
Мне закричали: «Кстати пожаловал; милости просим;
Мы уж и веток сухих наломали, чтоб было на чем нам
Вашу милость изжарить». Потом, с отвратительно-диким
Смехом оскаливши зубы, чудовище так зашумело
Ветвями дуба, что конь мой, шарахнувшись, бросился

мимо

Вскачь, и я не успел разглядеть, какой там гнезвился
Дьявол». При имени этом рыбак и старушка с молитвой
Перекрестились; Ундина ж тихонько шепнула:

«Всего здесь

Лучше, по-моему, то, что ты не изжарен, мой милый
Рыцарь, и то, что ты с нами. Рассказывай далее». —

«Конь мой

Мчался как бешеный, — рыцарь сказал, — им владеть

не имел я

Силы; вдруг перед нами стремпила, и скачет со мной он
Прямо в нее; но в самое ж это мгновение кто-то
Длинный, огромный, седой, перерезавши нашу дорогу,
Вдруг перед диким конем повалился, и конь,

отшатнувшись,

Стал, и снова я им овладел. Озираюся — что же?

Мой спаситель был не седой великан, а блестящий
Пенный ручей, бежавший с холма». — «Благодарствую,
милый,
Добрый ручей», — закричала, захлопав в ладоши, Ундина.

Тяжко вздохнув и нахмурился, рыбак покачал головою;
Рыцарь рассказывал дале: «Собрав повода, укрепился
Я на седле. Вдруг вижу, какой-то стоит человечек
Рядом с конем, отвратительный, грязный горбун,
земляного

Цвета лицо, и нос опромный такой, что, казалось,
Был он длиною со все остальное тело уроды.
Он хохотал, оскаливал зубы, шаркал ногами,
Гнулся в дугу. Я его оттолкнул и, коня повернувши,
Был готов пуститься в обратный путь (уж склонилось
Солнце, покуда я мчался, далеко за полдень); но карлик,
Прянув как кошка, дорогу коню заслонил. «Берегися, —
Я закричал, — раздавлю». Но урод, исковеркавшись снова,
Начал визжать: «Сперва заплати за работу; ты в пропасть
Вместе с конем бы слетел, когда бы не я подвернулся». —
«Лжешь ты, кривляка, — сказал я, — не ты, а этот
источник

Нас сохранил от паденья. Но вот тебе деньги; оставь нас,
Дай дорогу». И, бросив одну золотую монету
В шапку уроду, поехал я шибче; но снова явился
Рядом со мной он; я шпору коня; конь скачет, но сбоку
Скачет и карлик, кривляясь, коверкаясь, с хохотом,
с визгом,

Высунув красный с локоть длиною язык. Чтоб скорее
С ним развязаться, бросаю опять золотую монету
В шапку ему; но с хохотом диким оскаливши зубы,
Начал кричать он: «Поддельное золото! золота много
Есть у меня! погляди! полюбуйся!» И в эту минуту
Мне показалось, что вдруг просветлела земная утроба;
Дерн изумрудом прозрачным сделался; взор мой свободно
Мог сквозь него проникать в глубину; и тогда мне
открылась

Область подземная гномов: они гомозились, роились,
Комкались в клубы, вились, развивались, сгребали
металлы,

Сыпали в кучи рубин, и сапфир, и смарагд и пускали
Вихри песка золотого друг другу в глаза. Мой спутник
Быстро метался то вниз, то вверх; и ему подавали
Слитки огромные золота; мне показав их со смехом,
Каждый он в бездну бросал, и, из пропасти в пропасть
со звоном

Падая, все в глубине исчезали. Тогда он монету,

Данную мною, швырнул с пронзительным хохотом
в бездну;
Хохотом, пиканьем, свистом ему отвечали из бездны.
Вдруг взгомозились все и, толпясь, толкаясь, полезли
Кверху, когтистые, пылью металлов покрытые пальцы
Все на меня растопорщив; вся пропасть, казалось, кипела;
Куча за кучей, гуще и гуще, ближе и ближе...
Ужас меня одолел; дав шпоры коню, без оглядки
Я поскакал... и не знаю, долго ль скакал; но очнувшись,
Вижу, что нет никого; привиденья исчезли; прохладно
Было в лесу, и вечер уже наступил. Сквозь деревья
Бледно мелькала тропинка, ведущая из лесу в город.
Взъехать спешу я на эту тропинку; но что-то седое,
Зыбкое, дым не дым, туман не туман, поминутно
Вид свой меняя, стало меж ветвей и мне заслонило
Путь; я пытаюсь объехать его, но куда ни поеду,
Там и оно; рассердившись, скачу напролом; но навстречу
Прыщёт мне пена, и ливнем холодным я обдан, и рвется
Конь мой назад; ослеплен, промочён до костей,
я бросаюсь

Вправо и влево, но все не могу попасть на тропинку.
Белый никак на нее не пускает меня. Попытаюсь
Ехать обратно — за мной по пятам он, но смирен и волю
Путь продолжать мне дает; но лишь только опять
на тропинку.

Въезду — он тут, и опять заслоняет ее, и холодной
Пеной меня обдает. Наконец поневоле я выбрал
Ту дорогу, к которой меня он теснил так упорно;
Он унялся, но все от меня не отстал и за мною
Бледно-туманным столбом подвигался; когда же
случалось

Мне оглянуться, то чудилось мне, что этот огромный
Столб с головой, что в меня упирались тускло и зорко
С чудным каким-то миганьем глаза и кивала
Всякий раз голова, как будто меня понукая
Ехать вперед. Но порою мне просто казалось, что этот
Странный гонитель мой был лесной водопад. Наконец я,
Выехав из лесу, здесь очутился и встретился с вами,
Добрые люди. Тогда пропал и упрямый мой спутник».
Рыцарь кончил рассказ свой. «Мы рады тебе, благородный
Гость наш, — сказал рыбак, — но пора и о том нам
подумать,

Как бы тебе возвратиться в город». Ундина, услышав
Эти слова, начала про себя тихомолком смеяться
С видом довольным. То рыцарь заметив сказал ей:

«Ундина,

Разве ты рада разлуке со мною? Чему ты смеешься?» —
«Я уж знаю чему, — отвечала Ундина. — Отведай
Этот сердитый поток переплыть — верхом иль на лодке,
Как угодно — ан нет, не удастся! а морем... давно я
Знаю, что этого сделать нельзя; и отец недалеко
В море уходит с лодкой своею. Итак, оставайся
С нами, рад ли, не рад ли. Вот чему я смеюсь».
Рыцарь с улыбкою встал, чтоб видеть, так ли то было,
Что говорила Ундина; встал и рыбак; а за ними
Вслед и она. И подлинно, все опрокинуто было
Бурей в лесу; поток разлился, и стал полуостров
Островом. Рыцарь не мог о возврате и думать, и должен
Был поневоле он ждать, пока в берега не вольется
Снова поток. Возвращаясь в хижину рядом с Ундиной,
Он ей шепнул: «Что скажешь, Ундиночка? Рада ль,
что с вами

Я остаюсь?» — «Полно, полно, — она проворчала,
Бровки нахмутив, — не вздумай тебя укусить я за палец,
Ты бы не то рассказал нам об этой несносной Бертальде».

Глава V

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ ЖИЛ У РЫБАКА В ХИЖИНЕ

Может быть, добрый читатель, тебе случалось в жизни,
Долго скитавшись туда и сюда, попадать на такое
Место, где было тебе хорошо, где живущая в каждом
Сердце любовь к домашнему быту, к семейному миру
С новою силой в тебе пробуждалась; и снова ты видел
Край родимый; и все обаяния младости, блага
Первой, чистой любви на могилах минувшего снова
В прежней красе расцветали, и ты говорил, отдыхая:
Здесь живетя сладко, здесь сердцу будет приютно.
Вспомнив такую минуту, когда очарованной думой
Ты обнимал бсыменное, тайное счастье земное,
Ты, читатель, поймешь, что должен был чувствовать
рыцарь,

Вдруг поселившись в этом пределе, далёко от света.

Часто он с радостью тайной смотрел, как поток, свирепея,
День ото дня расширялся и остров все далё и далё
В море входил, разлучаясь с твердой землею; казалось,
Мир кончался за ним. На сердце рыцаря стало
Тихо, светло и легко. Рыбак был мудрец простодушный;
Зная людей, изведав тревоги житейские, бывши
Ратником сам в молодых летах, на досуге он много
Мог рассказать про войну и про счастье, несчастье

земное;

Словом, он был живая летопись; время без скуки
Шло в разговорах меж старцем отжившим и юношей,
полным

Пламенной жизни: мудрость смиренная, прямо из жизни
Взятая здравым рассудком и верою в бога, вливалась
В душу Гульбранда и в ней поселяла блаженную ясность.
Бодрый старик промышлял по-прежнему рыбною ловлей;
Был не без дела и рыцарь: в хижине, к счастью, нашелся
Старый доспех рыбака, самострел; его починивши,
С ним ежедневно рыцарь ходил на охоту; а вечер
Вместе все перед ярким огнем проводили, и полный
Кубок тогда частенько постукивал в кубок: в запасе
Было вино, и нередко с ним длилась беседа до поздней
Ночи. Но мирной сей жизни была душою Ундина.

В этом жилище, куда суеты не входили, каким-то
Райским виденьем сияла она: чистота херувима,
Резвость младенца, застенчивость девы, причудливость

никсы,

Свежесть цветка, порхливость сальфиды, изменчивость
струйки...

Словом, Ундина была несравненным, мучительно-милым,
Чудным созданием; и прелесть ее проникала, томила
Душу Гульбранда, как прелесть весны, как волшебство
Звуков, когда мы так полны болезненно-сладкою думой.
Но вертлявый, проказливый нрав и смешные причуды
Ундины

Были подчас и докучливой мукой; зато и журили
Крепко ее старики; и тогда шалунья так мило
Дулась на них, так забавно ворчала; потом так сердечно
С ними, раскаясь, мирилась; потом проказила снова,
и снова

Ей доставалось; и все то было волшебною, тайной
Сстью, которою мало-помалу опуталось сердце

Рыцаря. С нею он стал неразлучен; с каждою мыслью, С каждым чувством слилась Ундина. Но, им обладая, Той же силе она и сама покорялась; хотя в ней Все осталось по-прежнему, резвость, причуды, упрямство, Вздорные выдумки, детские шалости, взбалмошный хохот, Но Ундина любила — любила беспечно, как любит Птичка, летая средь чистого неба. Старик и старушка, Видя Ундину и рыцаря вместе, невольно привыкли Их почитать женихом и невестой. И рыцарю также Часто на мысль приходило, что в мир для него

невозвратно

Вход загражден, что с людьми никогда уж ему не встречаться.

Если ж случалось, что рыцарев конь, на свободе бродивший

По лугу, ржаньем своим его пробуждал и как будто Спрашивал: скоро ли в битву? иль если ему попадался Брошенный щит на глаза иль шпирдно на стенке висевший Меч, ненароком сорвавшись с гвоздя, из ножен

выдвигался

В звонком паденье — дума о славе и подвигах бранных Душу его шевелила. Но в этой тревоге себя он Тем утешал, что возврат для него невозможен; к тому же, Мнилось ему, что Ундина была рождена не для низкой Доли; и, словом, он верил, что все то не случай, а божий Промысел было. И так один за другим неприметно Дни уходили, ясные, тихие. Но и в спокойном Этом быту напоследок случилось расстройство: привыкли Каждый вечер рыбак и рыцарь, отужинав, с полным Кубком час-другой проводить в разговоре радужном; Вдруг недостало вина: запас рыбака небогатый Вышел; взять же нового было негде. Наморщив Лбы, сидели Гульбранд и рыбак за столом; а Ундина, Глядя на них, умирала со смеху. Скучен и долог Был тот вечер, и рано все разошлись. На другой день Около ужина вышла Ундина из хижины. «Вы мне Оба несносны, — сказала она, — не хочу я на ваши Длинные лица смотреть и слушать вашу зевоту». С этим словом захлопнула двери и скрылась. А вечер Был ненастен, ветер шумел, и море сердилось.

В страхе рыбак и рыцарь вскочили, вспомнив, как в первый

Раз они перепуганы были Ундиной. Но только
В двери за нею они собрались побежать, как Ундина
Им навстречу явилась сама. «За мною! за мною
Все! — закричала она, — гостинец прислало нам море;
Бочка, и, верно, с вином, лежит на песке». За Ундиной
Все пошли, и, подлинно, бочка нашла; поспешно
Рыцарь, старик и с ними Ундина ее покатили
К хижине: буря сбиралась; сквозь сумерки было
Видно, как на море волны свои подымали седые
Головы, дождь вызывая из туч; и тучи бежали
Шибко и шумно, как будто грозясь напасть на идущих;
Вот уж начали сыпаться первые капли. Ундина
Вдруг повернула головку и, пальчик поднявши, сердито
Им попрозила туче и ей закричала: «Смотри ты,
Туча, не смей замочить нас; еще нам далёко до дома».
С сердцем рыбак ей сказал: «Уймися, Ундина, грех!»

И, умолкнув,

Стала она про себя потихоньку смеяться. Однако
Засуха все добрались до места; но только успели
Бочку под кровлю поставить, и вскрыть, и отведать, какое
Было вино в ней, как дождь проливной зашумел,

запатались

С скрышом дерева, и море дико завывало. Но бурю
В хижине скоро забыли; за полными кружками снова
Ум разогрелся, и ожили шутки; и этой беседе
Прелесть двойную давал огонек, всегда столь приятный
В теплом приюте, при шуме ветра и моря, во время
Ночи ненастной. Но вдруг старик, как будто

что вспомнив,

Стал задумчив; потом, помолчавши минуту, сказал он:
«Царь небесный, помилуй нас, грешных! мы здесь

на досуге

Шутим и этим прекрасным вином веселимся; а бедный
Прежний хозяин его, быть может, погиб и, волнами
Брошенный бог весть куда, лишен погребенья». При этом
Слове Ундина с лукавой усмешкой подвинула кружку
К рыцарю. «Пей, не бойся», — она прошептала.

Но рыцарь

За руку взял старика и воскликнул: «Я честью клянуся,
Если б могли мы его отыскать и спасти, то ночная
Буря помехою мне не была бы; с опасностью жизни
Я бы на помощь к нему побежал; зато обещаюсь,

Если когда возвращуся в край обитаемый, вдвое,
Втрое ему или детям его заплатить за прекрасный
Этот напшток, который без воли его нам достался».
Добрый старик кивнул головою в знак одобренья;
В нем успокоилась совесть, и с большим вкусом он допил
Кружку. Но тут Ундина сказала Гульбранду: «Ты денег
Сколько угодно можешь за это вино рассорить;

но бросаться
В воду и жизни своей не жалеть... вот это уж глупо
Сказано было; что же будет со мною, когда ты,
Милый, погибнешь? Не правда ль, не правда ль,
ты лучше с Ундиной
Здесь останешься?» — «Правда, Ундиночка», — рыцарь
с улыбкой
Ей отвечал. «Признайся ж, что глупо сказал ты; ведь
каждый
Сам себе ближе; и что до других нам?..» Старушка,
услышав
Это, тяжело вздохнула; а добрый рыбак, не стерпевши,
Начал кричать на Ундину: «У турков, у нехристей,
что ли,
Выросла ты, прости мне господи? Что за горячку
Снова ты нам говоришь, преховодница?» Вдруг
замолчавши,
Робко Ундина прижалась к Гульбранду; потом
прошептала:
«Что же такое сказала я им? Уж и ты не сердит ли,
Милый мой рыцарь?» Но рыцарь, пожавши ей руку,
расправил
Кудри, упавшие кольцами ей на глаза, и ни слова
Ей не отвечивал: брань рыбака его оскорбила.
Так сидели все четверо, молча, нахмутивши брови;
Добрую четверть часа продолжалось это молчанье.

Глава VI

О том, как рыцарь женился

Вдруг, шатнувшись, тихохонько стукнула дверь;
и невольно
Вздрогнули все, как будто недоброе что-то почуя:
Страшный лес был близко, а к хижине доступ разливом

Был загражден человеку живому; кому же в такую Позднюю пору зайти к ним? Они с беспокойством смотрели Друг на друга. Снова послышался стук; и поспешно Рыцарь схватился за меч. «Не поможет твой меч, — сотворивши

Крест, рыбак прошептал, — когда здесь случается с нами То, о чем и подумать боюсь я». Но в эту минуту Прыгнула с места Ундина и в дверь закричала сердито: «Кто там? Если то ваши проказы, духи земные, Будет беда вам; мой дядя Струй вас порядком проучит». Пуще прежнего все оробели, слова те услышав.

Друг на друга взглянули старик и старушка; а рыцарь Встал и хотел уж Ундину спросить, но тут из-за двери Голос сказал: «Я не дух — человек, христианин; впустите Ради господ бога меня». При этом поспешно Ундина Дверь отперла и, поднявши ночник, во внутренность темной

Ночи стала светить: престарелый священник стоял там. Он при виде Ундины назад отступил, приведенный В робость ее поразительной прелестью; в бедной лачужке Встречу такой красоты он волшебством иль делом бесовским

Счел и воскликнул: «С нами господь и пречистая дева!» — «Я не бес, — засмеявшись, сказала Ундина, — не бойся; Милости просим, отец; войди, здесь добрые люди». Патер вошел и ласково всем поклонился; приятен Был он лицом; веселая кротость сияла во взорах. Но по складкам длинного платья его, с распушенных Белых волос и седой бороды катились градом Капли: его промочило дождем. В боковую каморку Тотчас его отвели, чтоб раздеть; а старушка с Ундиной Начали мокрые платье сушить на огне. С благодарным Чувством услуги старик принимал; он, надев рыбаково Верхнее платье, довольно потертое, вышел, и слова Все за столом перед светлым камином уселись; старушка Гостю сама уступила почетный стул, а Ундина В погн ему свою скамейку подвинула. Рыцарь, То увидя, шепнул ей шутливое слово; но с важным Видом она отвечала: «Он божий служитель; не должно Этим шутить». Поужинав, добрым вином подкрепивши Силы свои, священник рассказывать начал, каким он Образом свой монастырь, лежащий близ моря, вчерашним

Утром покинул. «Я был к епископу нашему в город
Послан, — сказал он. — Хотя и есть по изгибу залива
Путь, но морем ближе: и я с гребцами надежными лодку
Нанял; с богом мы съездили; нынче ж поутру в обратный
Поплыли путь; но сделался ветер противный; а к ночи
Буря — и буря, какой мне ни разу видать не случилось;
Ветром вырвало весла из рук у гребцов; беспомощно
Были мы преданы морю, которого волны как щелку
Наш челнок подымали с хребта на хребет; и несло нас
Прямо сюда; сквозь туман и сквозь пену чернел

в отдаленье

Этот берег: уж были мы близко; но бедную лодку
Нашу так и кружило, вдруг поднялась и на нас повалилась
С страшным шумом большая волна; и сам я не знаю,
Лодку ль она опрокинула, я ли выпал из лодки,
Только я вдруг очутился в воде. Господь не дозволил
Мне погибнуть... я был принесен невредимо на этот
Остров». — «Да, остров, — сказал со вздохом рыбак, —

но давно ли

Был он твердой землею? Как же не скажешь, что море
С нашим потоком бурлит заодно?» — «И сам я подумал
Что-то подобное, — патер сказал. — Когда я тащился
Берегом вашим впотьмах, предо мною мелькнула

тропинка;

Я по ней и пошел; но эта тропинка исчезла
Вдруг перед лесом; ее перерезал поток. Тут сверкнул мне
В вашей хижине свет, и тотчас сюда повернул я.
Слава господу богу! меня он спас, да и к добрым
Людям еще мне путь указал; но зато уж отныне,
Кроме вас, никого на земле не встречать мне; отныне
В этом углу весь мир для меня заключен». —

«Почему же?» —

Рыцарь спросил. «Да кто ж, — отвечивал патер, —

узнает,

Скоро ли кончится эта война беспорядочных стихий?
Я же стар, и силы мои, конечно, иссякнут
Прежде, чем этот разлившийся бурный поток; да случится
Может и то, что день ото дня все шире и шире,
Глубже и глубже он делаться будет, и вы напоследок
Так далеко от земли отодвинетесь в море, что в людях
Даже и память об вас совсем пропадет; и тем легче
Может это случиться, что вас от земли заслоняет

Лес дремучий; поток же, я видел, так дик и порывист,
Так широк, что и крепкому судну не будет возможно
Силы его одолеть». — «Сохрани нас господь

и помилуй», —

Крест сотворивши, сказала старушка. «Чего же хозяйка
Так испугалась? — рыбаки возразили. — Не то же ли будет
С нами, что было? Чуждое дело желанья людские!

Разве не всё одни мы здесь жили? Ни разу во столько
Лет не ходила ты дале опушки нашего леса.

Кроме меня, старика, и Ундины, кого ты видала?

Ныне же стало у нас и людно: господь бог послал нам

Добрых гостей на житье. Пускай совсем разлучится

Остров наш с твердой землею и люди о нас позабудут.

Нам же прибыль». — «Что правда, то правда, — сказала
старушка, —

Только, признаться, мне как-то страшно подумать,

что вечно

Нам уж с людьми не сойтись, что земле навсегда

мы чужие».

То услыша, Ундина прижалась к рыцарю, жаркой

Ручкой стиснула руку ему и, уставивши глазки,

Полные острых лучей, на него, нараспев прошептала:

«Ты останешься с нами, ты останешься с нами».

Рыцарь молчал; он был очарован каким-то виденьем;

Был глубоко в себя погружен и, Ундиной, желанным,

Найденным счастьем жизни полный в душе,

не расслушал

Слов Ундины, проказницы резвой, сидевшей с ним рядом;

Миг настал роковой: священник своими словами

Все сомненья решил; все дале и дале за темный

Лес убегал обитаемый свет; а остров цветущий,

Где так сладко жилось, все свежей, зеленей, все уютней

Сердцу его становился — невеста, как чистая роза,

Там расцветала; и к ним как будто бы свыше был послан

Божий священник: то явно было не случай. К тому же,

Рыцарь заметил, как строго старик поглядел на Ундину

В ту минуту, когда, позабыв о слуге церкви,

Так беззаботно она к нему приласкалась. Ундину

Сильной рукой обхвативши, рыцарь встал и воскликнул:

«Честный отец, мы жених и невеста; во имя господне

Благослови нас, если дадут позволение эти

Добрые люди». Рыбак и старушка весьма изумились.

Правда, им часто входило на мысль, что такая развязка рано или поздно случиться должна; но об этом молчали. Даже друг с другом они; и в это мгновение было. Вовсе неожиданным для них предложение рыцаря. Долго слова ему отвечать они не умели. Ундина ж вдруг притихла, задумалась, глазки потупила в землю. Тою порою священник, спросив с стариком и старушкой, начал готовить венчальный обряд; старушка, очистив наскоро горницу ту, где жила с рыбаком, отыскала две восковые свечи, которые были во время. Оно на свадьбе ее зажжены; а рыцарь из звонков цепи своей золотой отделил два кольца, чтоб с невестой было чем обручиться. Все устроив, священник брачные свечи зажег и сказал жениху и невесте: «Дайте руку друг другу». Ундина, как будто проснувшись, робко взглянула на рыцаря, вся покраснела и, руку давши ему, стыдливо и трепетно стала с ним рядом. Кончив венчальный обряд, новобрачных отец их духовный перекрестил; старики ж молодую жену и Гульбранда обняли с чувством родительским, громко рыдая. Но в этот миг священник сказал: «Вы странные люди! не сами ль вы говорили, что этот остров безлюден, что, кроме вас четверых, не живет никого здесь? А я в продолжение службы все видел, что кто-то в это окошко, в широком белом платье, седой и длинный, глядел; за дверями, верно, стоит и теперь он и ждет, чтоб впустили». —

«Спаси нас

Дева пречистая, божия мать», — сказала старушка; молча рыбак покачал головою; а рыцарь к окошку бросился: не было там никого; но что-то в потемках, видел он, белой струей мелькнуло и скрылось.

«Отец мой,

ты ошибся», — сказал он священнику. Все беззаботно с этим словом кругом огонька по-прежнему сели.

Глава VII

О том, что случилось в свадебный вечер

Смирно стояла Ундина во все продолжение обряда; но, лишь только он кончился, вдруг, как будто волшебной силой какой, что ни было в ней причуд и беспутных

Выдумок, все забродило и вспенилось; вдруг принялася
Всех тормошить, старика, старушку и рыцаря, не был
Даже и сам священник оставлен в покое. Суровым
Словом хотела хозяйка шалунию унять, как бывало;
но рыцарь

С значащим взглядом пазвал ее *своею женою*;
Та замолчала. И сам он, однако, таким поведением
Не был доволен; но тут ни его увещанья, ни ласки,
Ниже упреки, ничто помочь не могло. Унималась,
Правда, она на минуту, когда замечала досаду
Рыцаря: нежно тогда к нему прижимаясь, ручонкой
Милой своею трепала его по щеке и шептала
На ухо слово любви с небесной улыбкой; но снова
С первою взбалмошной мыслию то ж начиналось, и пуще,
Нежели прежде. Священник сказал напоследок: «Ундина,
Резвость такая забавна, но в эту минуту приличней
Было бы вам, новобрачной, подумать о том, как с душою
Данного богом супруга свою сочетать христиански
Душу». — «Душу? — смеясь, закричала Ундина. — Такое
Слово приятно звучит; но много ли в этом приятном
Звуче смысла? А если кому души не досталось,
Что тому делать? Еще сама я не знаю, была ли,
Есть ли душа у меня?» Оскорбленный глубоко,

священник,

Строго взглянув на нее, замолчал; испугавшись, Ундина
С детским смиреньем к нему подошла и шепнула:

«Послушай,

Добрый отец, не сердися, мне это так грустно, так грустно,
Что и сказать не могу я; не будь же со мною, незлобным,
Робким созданием, так строг; напротив того,

с снисхождением

Выслушай то, что хочу исповедать искренним сердцем». Видно было, что тяжкая тайна лежала на сердце
Ундины;

Что-то хотела сказать, но вдруг побледнела и горько,
Горько заплакала. Все на нее с любопытством смотрели;
Что творилось с нею, не ведал никто. Напоследок
Слезы обтерла она и священнику, в сильном волнении
Сжавши руки, сказала: «Отец мой, не правда ль, ужасно
Душу живую иметь? И не лучше ль, скажи мне,
не лучше ль

Вечно пробыть без души?..» Она замолчала, уставив Острый, расстроенный взор на священника.

Все поднялися

С мест, как будто дичая ее; не дождавшись ответа, С тяжким вздохом она продолжала: «Великое бремя, Страшное бремя душа! при одном уж ее ожиданье Грусть и тоска терзают меня; а доньше мне было Так легко, так свободно». Она опять зарыдала, Скрыла в ладони лицо и, свою наклонивши головку, Плакала горько, а светлые кудри, скатясь на прекрасный Лоб и на жаркие щеки, повисли густым покрывалом. С строгим лицом подошел к ней священник. «Ундина, — сказал он, —

Именем господа бога тебе говорю: исповедуй Душу свою перед нами, и если таится в ней злое, Бог милосерд, он помилует». Тихим, покорным младенцем Стала она перед ним на колена, и, руки сложивши, Набожно к небу глаза подняла, и крестилась, и, имя Божие славя, твердила, что не было зла никакого В сердце ее. Священник сказал, обратясь к Гульбранду: «Рыцарь, вам поверяю я ту, с которою ныне Сам сочетал вас: душою она беспорочна, но много Чудного в ней. Примите мой добрый совет: осторожность, Твердость, любовь; остальное на власть милосердного бога С верой оставьте». Сказав, новобрачных священник Перекрестил и вышел; за ним рыбак и старушка, Также крестясь и молитву читая, вышли. Ундина Все еще на коленах стояла в молчанье; когда же Все удалились, она потихоньку лицом обернулась К рыцарю, кудри раздвинула, мало-помалу, как будто В чувство входя, головку свою подняла и уныло Очи лазурные, полные слез, на него устремила. «Милый, ты, верно, также покинешь меня, — шлошптала Робко она, — но чем же я, бедная, чем виновата?» Руки ее так призывно, так жарко к нему поднялися, Взоры ее так похожи на небо прекрасное стали, Голос ее так глубоко из сердца раздался, что рыцарь Все позабыл и в порыве любви протянул к ней объятья; Вскрикнула, вспрыгнула, кинулась к милому в руки Ундина, Грудью прильнула ко груди его и на ней онемела.

о том, что случилось на другой день свадьбы

Свежий утренний луч разбудил новобрачных;
блаженством

Ясные очи Ундины горели; а рыцарь в глубокой
Думе молчал про себя; всю ночь он видел какой-то
Странный, мучительный сон: все снилось ему, что хотели
Бесы его обольстить под видом красавиц, что в змеев
Адских красавицы все перед ним обращались.

Проснувшись
В страхе, он начал смотреть недоверчиво: тут ли Ундина?
Нет ли в ней какой перемены?.. Но было все тихо,
Буря кончилась; полный месяц светил, и Ундина
Сном глубоким спала, положивши горячую щеку
На руку; вольно дышала она, и сквозь сон, как журчанье,
Шепот невнятный бродил по жарко раскрывшимся
губкам.

Видом таким успокоенный, рыцарь заснул,
но в другой раз

Тот же сон! наконец засияла заря, и проснулись оба.
Сон рассказавши, рыцарь просил, чтоб Ундина простила
Страх безрассудный ему. Вздохнувши, прекрасную руку
С грустью она ему подала, и ни слова; но сладкий,
Полный глубокой любовью взгляд, какого дотол
Рыцарь в лазоревых глазках ее не встречал, безответно
Выразил все. С довольным сердцем он встал

и к домашним
Вышел; все трое сидели молча, на лицах их видно
Было, что тяжело тревожило их ожиданье развязки;
Видно было, что внутренне бога священник молил:

да поможет
Им защититься от козней врага. Но как скоро явился
С ясным лицом новобрачный, то вмиг и у них просияли
Души и лица; рыбак и старушка заплакали; к небу
Взор благодарный поднял священник. Потом и Ундина
Вышла; они хотели пойти к ней навстречу, но стали
Все неподвижны: так знакома и так незнакома
Им в красоте совершенной она показалась. Священник
Первый к ней подошел; но лишь только он руку,
чтоб дать ей

Благословение, поднял, она ему поклонилась
В землю и стала прощенья просить в словах
безрассудных,
Сказанных ею вчера; потом примолвила: «Добрый
Друг, помолись о спасенье моей души многогрешной».
Вставши, она обняла стариков, и то, что сказала
Им, было так полно души, так было их слуху
Ново и так далеко от всего, что прежде пленяло
В ней, не касаясь до сердца, что оба они, зарыдавши,
Стали молиться вслух и ее называли небесным
Ангелом, дочкой родною; она же с сердечным смиреньем
Их целовала; такой и осталась она с той минуты:
Кроткой, покорной женою, хозяйкой заботливой, в то же
Время девственно-чистым, божественно-милым созданием.
Рыцарь, старик и старушка, давно уж привыкнув

к причудам

Детским ее, всё ждали, что снова она, как и прежде,
Станет проказить, но в этот раз они обманулись:
Ангелом тихим осталась Ундина. Священник, любуясь
Ею, воскликнул: «Радуйтесь, рыцарь; господь милосердный
Вам даровал чрез меня, недостойного, редкое счастье;
Будет добро вам и в здешней и в будущей жизни,
когда вы

Чистым его сохраните. Господь помощи вам обоим».
Около вечера с нежностью робкой Ундина, взявши
Гульбранда

За руку, тихо его повлекла за собою на вольный
Воздух. Безоблачно солнце садилось, светя на зеленый
Дерн сквозь чащу деревьев, за которыми тихо горело
Море вдаль. Во взорах жены молодой трепетало
Пламя любви, как роса на лазурных листьях;

но, казалось,

Грустная тайна уста ей смыкала, порой выражаясь
Вздохом невнятным. В молчанье она вела за собою
Рыцаря далек; когда же с ней говорил он, ответа
Не было, взор один отвечал; но в этом сердечном
Взоре целое небо любви и смиренья лежало.
Так подошли напоследок они к лесному потоку...
Что же рыцарь увидел? Разлив уже миновался;
Мелким ручьем стремился поток. «Он исчезнет»
К утру совсем, — сказала Ундина, скрывая рыданье, —
Завтра кончится все, и тебе уж препятствия боле,

Милый, не будет отсель удалиться, как скоро
захочешь». —

«Вместе с тобою, Ундиночка», — рыцарь отвечивал.
«Это

В воле твоей, — шепнула она, усмехаясь сквозь слезы. —
Друг, я знаю, что ты Ундиночку любишь. Она же
Всею душою твоя, и навек. Но, милый, послушай,
Перепеси меня на руках на этот зеленый
Остров; там приятней. Хотя и самой мне сквозь волпы
Было б нетрудно туда проскользнуть, по, друг, мне так
сладко

Быть на руках у тебя. И если нам должно расстаться,
То хоть в последние счастьем земным подышу я
Здесь у тебя на груди». И, растроган, встревожен,
Рыцарь Ундину на руки взял и понес через воду.
Было то место знакомо, то был островок, на котором
Встретился рыцарь с Ундиною в бурю. Ее опустил он
Тихо на шелковый дерн и хотел поместиться с ней рядом.
«Нет, не рядом со мной, а против меня ты садися,
Милый, — сказала она, — хочу я прежде, чем словом
Будешь отвечать мне, твой ответ в неопровержимых
Взорах твоих заранее угадывать. Слушай. Ты должен
Знать, уж на деле узнал ты, что есть на свете созданыя,
Вам подобные видом, но с вами различного свойства.
Редко их видите вы. В огне живут саламандры,
Чудные, резвые, легкие; в недрах земли, неприступных
Свету, водятся хитрые гномы; в воздухе веют
Сильфы; лоно морей, озер и ручьев населяют
Духи веселые вод. Прекрасно и вольно живется
Там, под звонко-кристальными сводами; небо и солнце
Светят сквозь них; и небесные звезды туда проникают;
Там на высоких деревьях коралловых пурпуром ярким,
Темным сапфиром блистают плоды; там гуляешь

по мягким,

Свежим песочным коврам, узорами раковин пестрых
Хитро украшенным; многое, бывшее чудом минувших
Лет, облеченное тайным серебряных вод покрывалом,
Видится там в величавых развалинах: влага с любовью
Их объемлет, в мох и цветы водяные их рядит,
Пышным венцом тростника их седые главы обвивает.
Жители стран водяных обольстительно-милы, прекрасней
Самых людей. Случалось не раз, что рыбак, подглядевши

Деву морскую — когда, из воды подымаяся тайно,
Пела она и качалась на зыбкой волне, — повергался
В хладную влагу за нею. Ундинами чудные эти
Девы слывут у людей. И, друг, ты теперь пред собою
В самом деле видишь ундицу». Гульбранд содрогнулся;
Холод по членам его пробежал; неподвижен как камень,
Молча и дико смотрел он в лицо рассказчицы милой,
Сил не имея очей отвести. Покачав головою,
Грустно замолкла она, вздохнула, потом продолжала:
«Видом наружным мы то же, что люди, быть может

и лучше,

Нежели люди; но с нами не то, что с людьми; покидая
Жизнь, мы вдруг пропадаем как призрак, и телом

и духом

Гибнем вполне, и самый наш след исчезает; из праха
В лучшую жизнь переходите вы; а мы остаемся
Там, где жили, в воздухе, искре, волне и пылинке.
Нам души не дано; пока продолжается наше
Здесь бытие, нам стихии покорны; когда ж умираем,
В их переходим мы власть, и они нас вмиг истребляют;
Веселы мы, и нас ничто не тревожит, как птичек
В роще, рыбок в воде, мотыльков на лугу благовонном.
Все, однако, стремится возвыситься: так и отец мой,
Сильный царь в голубой глубине Средиземного моря,
Мне, любимой, единственной дочери, душу живую
Дать пожелал, хотя он и ведал, что с нею и горе
(Всех, одаренных душою, удел) меня не минует.
Но душа не иначе дана быть нам может, как только
Тесным союзом любви с человеком. И, милый, отныне
Я с душою навеки; тебе одному благодарна
Я за нее, и тебе ж благодарна останусь, когда ты
Жизнь не осудишь мою на вечное горе. Что будет
С бедной Ундиной, когда ты покинешь ее? Но обманом
Сердце твоё сохранить она не хотела. Теперь ты
Знаешь все, и, если меня оттолкнуть ты решился,
Сделай это теперь же: один перейди на противный
Берег; я брошусь в этот поток — он мой дядя; издавна
В нашем лесу он свободную, чудную жизнь,

как пустынник,

Розно с родней и друзьями проводит. Он силен и многим
Старым рекам и могучим потокам союзник. Принес он
Некогда к жителям хижины здешней меня беззаботным,

Ясным, веселым младенцем; и он же ныне отсюда
В дом отца моего меня отнесет измененным, живую
Душу приавшим созданием, любящей, скорбящей
жсшою».

Дале она говорить не могла; пораженный, плененный,
Рыцарь ее обхватил, и на руки поднял, и вынес
На берег; там перед небом самым повторил он обет свой:
С ней неразлучно жить на земле и делить все земное.
В сладком согласии, за руки взявшись, медлительным
шагом

В хижину оба пошли. И Ундина, глубоко постигнув
Благо святое души, перестала жалеть о прозрачном
Море и влажных жилищах отцовского чудного царства.

Глава IX

О том, как рыцарь и его молодая жена
оставили хижину

Рыцарь, проснувшись с зарей на другой день, весьма
удивился,

Видя, что подле него Ундины нет, и снова он начал
Думать, что все, происшедшее с ним в последнее время,
Было мечта. Но в эту минуту Ундина явилась;
Севши к нему на постель, сказала она: «Я ходила
В лес проведать, исполнил ли дядя свое обещанье?
Все исполнено; воды свои он собрал и снова
Лесом бежит одинок, невидим и задумчиво шепчет;
Всех водяных и воздушных друзей распустил он, и стало
Тихо в лесу, и все в порядке по-прежнему; можем,
Милый, отправиться в путь, как скоро захочешь».

С каким-то
Станным чувством, похожим на робость, слушал Ундину
Рыцарь: ее родные были ему не по сердцу.

Но Ундина своею тихою прелестью снова
Сладкий покой возвратила ему; и, любуясь с ней вместе
Зеленью берега, так благовонно, свежо и прозрачно
Светлою влагой объятого, рыцарь сказал: «Для чего же
Так нам спешить отсюда, Ундина? Уже верно
не встретим

Мы нигде толь мирного счастья, каким насладились
В этом краю; пробудем же здесь; никто нас не гонит». —

«Что ты, мой друг, прикажешь, то и будет, — сказала
с покорным
Видом Ундины, — но слушай: моим старикам разлучаться
со мною

Тяжко и так, а они еще не знают Ундины,
Новой, нежной, любящей, смиренной Ундины; и все им
Мнится еще, что смирение мое не надежней покоя
Вод; и меня легко позабудут они, как весенний
Цвет, как быструю птичку, как светлое облако; дай же,
Милый, в тот миг, как навек на земле нам должно
расстаться,

Скрыть мне от них тобою сотворенную, верную душу.
Если же долее здесь мы пробудем, то буду ль уметь я
Так притвориться, чтоб им моя не открылась тайна?»
Рыцарь был убежден, и вмиг собрались в дорогу;
Снова коня оседлали; священник вызвался с ними
В город идти через лес и с рыцарем вместе Ундине
Сесть помог на седло. Обнялись; расстались; Ундина
Плакала тихо, но горько; добрый рыбак и старушка
Были голосом, глядя за нею вслед и как будто
Вдруг догадавшись, какое сокровище в эту минуту
В ней потеряли. В грустном молчанье впередподвигались
Путники. Гущи лесной уж достигли они, и прекрасно
Было видеть в зеленой тени на разубранном пышно
Гордом коне молодую робкую всадницу, справа
Старого патера в белой одежде, а слева, в богатом
Пестром уборе, прекрасного рыцаря. Бережно чашей
Леса они пробирались. Рыцарь одну лишь Ундину
Видел; Ундина ж влажные очи свои в упоенье
Новой души на него одного устремляла, и скоро
Тихий, немой разговор начался между ними из нежных
Взглядов и вздохов. Но вдруг он был прерван каким-то
Шепотом странным: шел рядом с священником кто-то
четвертый,

К ним недавно приставший. Он-то шептал.

Как священник,
Был он в белом платье, лицо закрывалось каким-то
Станным, широким покровом, которого складки,
как волны,

Падали с плеч и стан обвивали; и он беспрестанно
Их поправлял, закидывал на руку полы, вертелся,
Прыгал; но это ему ни идти, ни болтать не мешало.

Вот что шептал он в ту минуту, когда молодые
Вслушались в речи его: «Уж давно, давно, преподобный,
В этом лесу я живу, как у вас говорится, монахом;
Правда, я не пощусь, не спасаюсь, а просто мне любо
Жить на воле в глуши и в этом белом, волнистом
Платье под тенью густою разгуливать. Часто и солнце
Чудно сверкает по складкам моим; а когда я кустами
Крадусь, бывает такой веселый шорох, что сердце
Прыгает...» — «Вы человек замечательный, — молвил
священник, —

Я бы желал покороче узнать вас». — «А ты кто, когда уж
Дело у нас пошло на расспросы?» — сказал незнакомец.
«Патер Лаврентий, священник Мариинской пустыни». —
«Дельно;

Я же, просто сказать, свободный лесной обыватель;
Имя мне Струй; ремесла не имею; волен как птица;
Нет у меня господина; гуляю, и все тут. Однако
Нужно мне кое-что молвить вот этой красавице». С этим
Словом он прынул к Ундине, вдруг вырос, и подле
Уха ее очутилась его голова. Но Ундина
В страхе его оттолкнула, воскликнув: «Поди поскорее
Прочь; я более с вами не знаюсь». — «О! о! да какая ж
Замужем стала она спесивая! с нами, роднею,
Знаться не хочет! Да кто же, скажи мне, пожалуй, не я ли,
Дядя твой, Струй, малютку тебя на спине из подводной
Области на берег здешний принес? Позабыла?» —
«Оставь нас,

Именем бога тебя умоляю, — сказала Ундина. —
Ты мне страшен; ты сделаешь то, что и муж мой
дичиться

Станет меня, как скоро увидит с такою роднею». —
«Здесь я недаром; хочу проводить вас, иначе едва ли
Вам через лес удастся пройти безопасно. А этот
Патер уж знает меня; говорит он, что будто
Был я в лодке, когда он в воду упал; и, конечно,
Был я в лодке; я в эту лодку прынул волною,
Вырвал его из нее и на берег вынес, чтоб свадьбу
Можно было сыграть вам». Ундина и рыцарь при этом
Слове взглянули на патера: шел он, как будто в глубокий
Сон погруженный, не слыша того, что вблизи говорилось.
«Вот и лесу конец, — сказала дяде Ундина, —

Помощь твоя теперь не нужна, оставь нас; простимся
С миром; исчезни». Струй рассердился; он сделал такую
Страшную харю и так глазами сверкнул, что Ундина
Громко вскрикнула; рыцарь выхватил меч и хотел им
В голову Струя ударить, но меч по волнам водопада
С свистом хлестнул, и в воде как будто шипящий
Хохот раздался; рыцаря обдало пеной холодной.
Патер, вдруг очнувшись, сказал: «Я предвидел, что это
С нами случится, лесной водопад был так близко;

и все мне

Мнилось до сих пор, что он живой человек и как будто
С нами шепчет». И, подлинно, рыцарю на ухо внятно
Вот что шептал водопад: «Ты смелый рыцарь, ты бодрый
Рыцарь; я силен, могуч; я быстр и гремуч; не сердиты
Волны мои; но люби ты, как очи свои, молодую,
Рыцарь, жену, как живую люблю я волну...» —

и волшебный

Шепот, как ропот волны, разлетевшейся в брызги,
умолкнул.

Кончился лес, и вышли в поле они: там имперский
Город лежал перед ними в лучах заходящего солнца.

Глава X

О ТОМ, КАК ОНИ ЖИЛИ В ИМПЕРСКОМ ГОРОДЕ

В этом имперском городе все почитали погибшим
Нашего рыцаря, все сожалели о нем, а Бертальда
Боле других; она себя признавала причиной
Смерти его, и совесть терзала ей сердце, и милый
Рыцарев образ глубоко в него впечатлен был печалью.
Вдруг он явился живой и женатый, а с ним и свидетель
Брака его, отец Лаврентий; весь город неожиданным
Чудом таким приведен был в волнение; прелесть Ундины
Всех поразила, и слух прошел, что в лесу из-под власти
Злого волшебника рыцарь избавил ее, что породы
Знатной она. Но на все вопросы людей любопытных
Рыцарь отвечал глухо; патер же был на рассказы
Скуп, да и скоро в свой монастырь возвратился он;
словом,

Мало-помалу толки утихли; одной лишь Бертальде
Было прустно: скорбя о погибшем, она поневоле
Сердцем привыкла к нему и его *своим* называла.
Скоро, однако, она одолела себя; от природы
Было в ней доброе сердце, но чувство глубокое долго
В нем не могло сохраняться, и здесь легкомыслие было
Верным лекарством. Ундину ласкала она, а Ундине,
Простосердечной, доброй Ундине, боле и боле
Нравилась милая, полная прелести сверстница. Часто
Ей говорила она: «Мы, верно, с тобою, Бертальда,
Как-нибудь были прежде знакомы, иль чудное что-то
Есть между нами; нельзя же, чтоб кто без причины,
без сильной,
Тайной причины, мог так кому полюбиться, как ты мне
Вдруг полюбилася с первого взгляда». И в сердце
Бертальды

Что-то подобное было, хотя его и смущала
Зависть порою. Как бы то ни было, скоро друг с другом
Стали они неразлучны, как сестры родные. Но рыцарь
Был готов уж в замок Рингштеттен, к истокам Дуная
Ехать, и день разлуки, может быть вечной разлуки,
Был недалек; Ундина грустила; и вот ей на мысли
Вдруг пришло, что Бертальду с собою в замок
Рингштеттен

Могут они увезти, что на то герцогиня и герцог,
Верно, по просьбе ее согласятся. Однажды об этом
Рыцарь, Ундина, Бертальда втроем рассуждали.
Был теплый

Летний вечер, и темною площадью города вместе
Шли они; синее небо глубоко сияло звездами;
В окнах домов сверкали огни; перед ними ходили
Черные тени гуляющих; шум разговоров, слиянье
Музыки, пенья, хохота, крика детей наполняли
Чудным каким-то говором воздух, и он напоен был
Весь благовонием лип, вокруг городского фонтана
Густо насаженных. Здесь, от шумной толпы в отдаленье,
Близ водоема стояли они, упиваясь прохладой
Брызжущих вод, их слушая шум и любясь на влажный
Сноп фонтана, белевший сквозь сумрак, как веющий,
легкий
Призрак; и их веселило, что так они в многолюдстве

Были одни, и все, что при свете казалось столь трудным, Сладилось само собой без труда в тишине миротворной Ночи; и было для них решено, что Бертальда поедет В замок Рингштеттеп. Но в ту минуту, когда назначали День отъезда они, подошел к ним, как будто из мрака Вдруг родившийся, длинный седой человек, поклонился Чинно, потом кивнул головою Ундине и что-то На ухо ей прошептал. Ундина, нахмутивши бровки, В сторону с ним отошла, и тогда начался между ними Шепот на странном каком-то, чужом языке; а Гульбранду В мысли пришло, что он с незнакомцем где-то встречался; Тщетно Бертальда его осыпала вопросами; рыцарь Был как в чаду и все с беспокойством смотрел на Ундины. Вдруг Ундина, захлопавши с радостным криком в ладоши, Кинулась прочь, и блаженством глазки сверкали;

с досадой

Сморщивши лоб и седой покачав головой, незнакомец Влез в водоем, где вмиг и пропал. Тут решилось сомненье Рыцаря. «Что, Ундина, с тобою смотритель фонтанов Здесь говорил?» — спросила Бертальда. С таинственным видом

Ей головкой кивнула Ундина. «В твои именины, Послезавтра, ты это узнаешь, Бертальда, мой милый, Милый друг; я тебя и твоих приглашаю на этот Праздник к себе». Другого ответа не было. Скоро После того они проводили Бертальду и с нею простились. «Струй?» — спросил с содроганьем невольным рыцарь Ундины,

С ней оставшись один в темноте перед герцогским домом. «Он, — отвечала Ундина, — премножество всякого вздора Мне пасказал; но между прочим открыл и такую Нехотя тайну, что я себя не помню от счастья. Если велишь мне все рассказать сию же минуту, Я исполню приказ твой; но, милый, Ундине большая Радость была бы, когда б ей теперь промолчать

ты позволил».

Рыцарь охотно на все согласился, и можно ли было В чем отказать Ундине, столь мило просящей? И сладко Было ей в ту ночь засыпать; она, забываясь Сном, потихоньку сама про себя с улыбкой шептала: «Ах, Бертальда! как будет рада! какое нам счастье!»

Гости уж были давно за столом, и Бертальда, царица Праздника, в золоте, перлах, цветах, подаренных друзьями

Ей в именины, сидела на первом месте, Ундина
С правой руки, а рыцарь с левой. Обед уж кончался;
Подали сласти; дверь была отперта; в ней теснилось
Множество зрителей всякого звания; таков был старинный

Предков обычай: каждый праздник тогда почитался
Общим добром, и народ всегда пировал с господами.
Кубки с вином и закуски носили меж зрителей слуги;
Было шумно и весело; рыцарь Гульбранд и Бертальда
Глаз не сводили с Ундины; они с живым нетерпеньем
Ждали, чтоб тайну открыла она; но Ундина молчала;
Было заметно, что с сердца ее и с уст, озаренных
Ясной улыбкой, было готово что-то сорваться;
Но (как ребенок, любимый кусок свой к концу берегущий)

Все молчала она, чтоб продлить для себя наслаждение.
Рыцарь смотрел на нее с неописанным чувством; Ундина,
В детской своей простоте, с своим добродушием, прелесть

Ангела божия в эту минуту имела. Вдруг гости
Стали ее убеждать, чтоб спела им песню. Сверкнули
Ярко ее прекрасные глазки; поспешно схватила
Цитру и вот какую песню тихо запела:
«Солнце сияет; море спокойно; к брегу с любовью
Воды теснятся. Что на душистой зелени брега
Светится, блещет? Цвет ли чудесный, посланный небом
Свежему лугу? Нет, светлоокий, ясный младенец
Там на зеленом дерне играет. Кто ты, откуда,
Милый младенец? Как очутился здесь, на чужбине?
Ах! из отчизны был он украден морем коварным.
Бедный, чего ж ты между цветами с жадностью ищешь?
Цвет благовонный жив, но без сердца; он не услышит
Детского крика; он не заменит матери нежной.
Лучшего в жизни рано лишен ты, бедный младенец.
Мимо проехал с свитою герцог; в пышный свой замок
Взял он сиротку; там герцогиня благостным сердцем

Бедной сиротке мать заменила. Стала сиротка
Девкою милой, радостью сердца, прелестью взоров;
Милую деву промысел божий щедро осыпал
Всем... но отдаст ли лучшее в жизни, мать и отца, ей?»
С грустной улыбкой цитру свою опустила Ундина;
Песня ее растрогала всех, а герцог с женою
Плакали. Герцог сказал: «Так точно случилось в то утро,
Милая наша сиротка Бертальда, когда милосердный
Бог наградил нас тобою; но права певица, не можем
Лучшего блага земного тебе возратить мы, родную
Мать и родного отца». Ундина снова запела:
«Мать тоскует, бродит, кличет... нет ей ответа;
Ищет, ищет, что ж находит? дом опустелый.
О, как мрачен, как ужасен дом опустелый,
Где дотоле днем и ночью мать в упоенье
Целовала, миловала дочку родную!
Будет снова заниматься ярко денница;
Придут снова дни весенни, благоуханны;
Но денница, дни весенни, благоуханны
Не утешат боле сердца матери бедной;
Все ей чуждо; в целом свете нет ей отрады;
Невозвратно все пропало с дочкой родною». —
«О Ундина! ради бога открой мне! ты знаешь,
Где отец мой и мать; ты этот, этот подарок
Мне приготовила. Где они? Здесь? Отвечай мне, Ундина».
Взор Бертальды, сверкая, летал по собранью;

меж знатных,
С ними сидевших гостей выбирала она. Но Ундина
Вдруг залилася слезами, к толпе обратилась, рукою
Знак подала и воскликнула: «Где вы? явитесь,
Найденной дочери вашей отец и мать!» Расступилась
С шумом толпа; из середины ее рыбак и старушка
Вышли; робко глаза устремили они на Ундину.
«Вот она, ваша родная дочь!» — закричала Ундина,
Им указав на Бертальду; и с громким рыданьем на шею
Бросились к ней старики; но Бертальда с пронзительным
криком

Их от себя оттолкнула; страх, изумленье, досада
Вдруг на лице ее отразились. Какой нестерпимый,
Тяжкий удар для ее надменной души, ожидавшей
Нового блеска с открытием знатных родителей! Кто же?
Кто же эти родители? Нищие!.. В эту минуту,

В мысль ей пришло, что все то придумано хитро Ундиной
С тем, чтоб унизить ее перед светом и рыцарем. «Злая
Ложь! обманщица! подкуп!» — вот что твердила

Бертальда,

Гневно смотря на старушку, на мужа ее и Ундину.
«Господи боже! — тихонько старушка шептала. —

Какое ж

Злое созданье стала она! а все-таки сердце
Чует мое, что она мне родная». Рыбак же, сложивши
Руки, молился, чтоб бог не карал их, послав им такую
Дочь; а Ундина, как ангел, вдруг утративший небо,
Бледная, в страхе незашном, не ведая, что с ней
Делалось, вся трепетала. «Опомнись, Бертальда!

Бертальда,

Есть ли душа у тебя?» — она повторяла, стараясь
Доброе чувство в ней возбудить, но напрасно; Бертальда
Точно была вне себя; она в исступленье кричала
Криком; рыбак и старушка плакали горько, а гости,
Странным явленьем таким изумленные, начали шумно
Спорить, кто за Ундину, кто за Бертальду; в ужасный
Все пришло беспорядок, и вот напоследок Ундина,
С чувством своей правоты, с благородством невинности

мирной,

Знак подала рукою, и все замолчали. Смиренно,
Тихо, но твердо сказала она: «Вы странные люди!
Что я вам сделала? Чем раздражила я вас? И за что вы
Так расстроили милый мой праздник? Ах, боже! доньше
Я о ваших обычаях, вашем безумном, жестоком
Образе мыслей не знала, и их никогда не узнать мне.
Вижу, что все безрассудно придумано мной; по причине
Этому вы одни, а не я. Хотя здесь наружность
Вся на меня, но вы знайте: то, что сказала я, правда.
Нет у меня доказательств; но я не обманщица, слышит
Бог правосудный меня; а все, что здесь о Бертальде
Я говорила, было открыто мне тем, кто в морские
Волны младенцем ее заманил, потом на зеленый
Берег отнес, где се и нашел знаменитый наш герцог». —
«Слышите ль? — громко вскричала Бертальда. —

Она чародейка,

Водится с злыми духами; сама при всех признается
В этом она». — «О нет, — Ундина воскликнула с чистым
Небом невинности в мирных очах, — никогда чародейкой

Я не была; мне неизвестно адское зло». — «Так бесстыдно
Лжет и клеветает она. Ничем нельзя доказать ей
Здесь, что рыбак отец мне, а нищая — мать. О! покинем
Этот дом и этот город, где я претерпела
Столько стыда». — «Нет, Бертальяда, — отвечивал
герцог, — отсюда

Я дотолѣ не выйду, пока не решится сомнѣе
Наше вполне». То слыша, старушка приблизилась робко
К герцогу, низко ему поклонилась и вот что сказала:
«Вы, государь, своим высоким герцогским словом
Вдруг на разум меня павели. Скажу вам, что если
Ваша питомица подлинно дочь нам, то должно, чтоб были
Три родимых пятна, как трилиственник видом, под правой
Мышкой ее и точно такие же три на подошве
Правой ноги. Позвольте, чтоб с нею я вышла». От этих
Слов поблѣднѣла Бертальяда, а герцог велел герцогинѣ
Выйти вместе с нею и взять с собою старушку.
Скоро назад возвратились они; герцогиня сказала:
«Правда правдой; все то, что здѣсь объявила хозяйка
Наша, есть сущая истина: эти добрые люди
Точно отец и мать питомицы нашей Бертальяды». —
С этим словом герцог с женой и с Бертальядой и вместе
С ними, по волѣ герцога, старый рыбак и старушка
Вышли; гости, кто веря, кто нет, разошлись; а Ундица,
Горько, горько заплакавъ, упала въ объятія мужа.

Глава XII

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ И УНДИНА УЕХАЛИ
ИЗ ИМПЕРСКОГО ГОРОДА

Рыцарь с глубоким чувством любви смотрел на Ундину.
«Мною ль, — он думал, — дана ей душа или нет,
но прекрасней
Этой души не бывало на свете: она как небесный
Ангел». И слезы Ундины с нежнейшим участием друга
Он отирал, целуя ей очи, уста и ланиты.
Город имперский, который ей стал ненавистен, покинуть
Он решился немедленно и все велел приготовить
К скорому в замокъ Рингштеттен отъезду. Вот на другой
депъ
Раво поутру была подана к крыльцу их повозка;

Рыцарев конь и кони его провожа́тых за нею,
Взнузданы, прыгали, рыли копытами землю; уж рыцарь
Вышел с своей молодой женой и готов был ей руку
Дать, чтоб в повозку ее посадить; но в эту минуту
К ним подошла молодая девушка с неводом, в платье
Рыбной торговли. «Нам товар твой не пужен, мы едем», —
Рыцарь сказал ей. Она заплакала взрыд, и Берта́льду:
В эту минуту узнали Гульбранд и Унди́на; поспешно
Вместе с нею они возвратились в дом, и Берта́льда
Им рассказала, как герцог вчера́шним се поведением
Был раздражен, как ее от себя отослал, подаривши
Ей большое приданое, как старик и старушка,
Также богато им одаренные, город того же
Вечера вместе покинули. «С ними хотела пойти я, —
Так продолжала Берта́льда в слезах, — но старик,

о котором

Все говорят, что он мой отец...» — «Он отец твой,
Берта́льда,

Точно отец, — сказала Унди́на, — ты помнишь, как ночью
К нам подошел седой человек, твой смотритель фонтанов:
Он-то мне все и сказал; меня убеждал он, чтоб в замок
Наш Рингштеттен тебя не брала я с собой, и невольно
Тайна с его языка сорвалась...» — «Ну, отец мой, когда уж
Должен он быть мне отцом, — продолжала Берта́льда, —
сказал мне

Вот что: «Ты с нами не будешь до тех пор, пока
не исправишь

Гордого сердца; осмелюсь одна чрез этот дремучий
Лес к нам пройти, тогда я поверю, что нашей роднею
Быть желашь; но скинь богатый убор; рыбаковой
Дочерью к нам явися...» И я на все уж решилась;
Что он велел, то и будет; меня, несчастную, целый
Свет оставил; бедная дочь рыбака, я в убогой
Хижине жизнь безотрадную скрою и скоро умру там
С горя. Правда, лес волшебный меня устрашает,
Бродят там, слышно, духи, а я так пуглива; но что же
Делать? К вам же пришла я затем, чтоб загладить
вчера́шний

Свой проступок признаньем вины. О! забудьте, простите!
Я и так уж несчастна безмерно; вспомните, что я
Утром вчера́шним была, что была еще при начале
Вашего пира и что я теперь...» Опустивши в ладони

Голову, плакала горько она, и меж пальцев бежали
Слезы. Вся также в слезах, к ней на шею упала

Ундина,

Долго безгласна была, напоследок сказала: «Ты с нами
В замок Рингштеттен поедешь; что положили мы прежде,
То и сделаем; только ты будь со мной, как привыкла
Быть; говори мне по-прежнему «ты». Вот видишь ли?

В детстве

Нас обменяли одну на другую; тогда уж мы были
Связаны тесно судьбою; сплетем же узел наш сами
Так, чтоб уже никогда никакой человеческой силе
Не было можно его разорвать. Теперь ты поедешь
С нами прямо в Рингштеттен; что ж после, как сестры
родные,

Мы меж собою разделим, о том успеем, приехав
В замок, условиться». То услышав, Бертальда взглянула
Робко на рыцаря; милой изгнанницы было не меньше
Жаль и ему; и, руку подав ей, вот что сказал он:

«Вверьте себя беззаботно сердцу Ундины. А к вашим
Добрым родителям мы, по прибытии в замок, отправим
Тотчас гонца, чтоб знали они, что сделалось с вами».

Под руку взявши Бертальду, ее посадил он в повозку,
Рядом с нею Ундину и бодро поехал за ними
Рысью и скоком. Повозка летела: скоро имперский
Город пропал далеко назади, с ним вместе пропало
Там и все прустное прошлое; весело шла по прекрасной,
Людной стране их дорога, и мало ли, долго ли длился
Путь их, но вот напоследок в один прекраснейший летний
Вечер они приехали в замок Рингштеттен. Был должен
Рыцарь заняться хозяйством своим; молодая ж хозяйка
Вместе с гостьей пошли осматривать замок. Построен
Был на крутой он горе посреди равнин благодатной
Швабии: вид из него был роскошный; и на валу вместе,
За руки взявшись, гуляли Ундина с Бертальдою;

вдруг им

Встретился долгий седой человек; Бертальде знакомы
Были черты; когда же Ундина, сердито нахмурясь,
Знак ему подала, чтоб он удалился, и скорым
Шагом, тряся головой, он пошел и пропал за кустами,
В мысли пришло ей, что то ночной городской их знакомец
Был, смотритель фонтанов. «Не бойся, Бертальда, —
сказала

Ей Ундина, — уж в этот раз твой несносный фонтаник
Зла никакого не сделает нам». Тогда рассказала
Все о себе Ундина: кто родом она, как Бертальду
Струй похитил, как к рыбакам попала Ундина
Вместо родной их дочери, словом, все. И сначала
В ужас Бертальда пришла от такого рассказа; на сонный
Бред походил он; но скоро она убедилась, что было
Все то правда, и только дивилась тому, что в волшебной
Сказке, когда-то в детстве рассказанной ей, очутилась
Вдруг наяву, живая, сама; все ей в Ундине
Стало чуждо; как будто бы дух бестелесный меж ними
Вдруг протеснился; ей сделалось страшно. Когда ж,
возвратясь,
Рыцарь с нежностью обнял Ундину, то было понять ей
Трудно, как мог он ласкаться к такому созданию,
в котором
(После того, что Бертальде сама рассказала Ундина).
Виделся ей не живой человек, а какой-то холодный
Призрак, что-то нездешнее, что-то чужое душе человека.

Глава XIII

О ТОМ, КАК ОНИ ЖИЛИ В ЗАМКЕ РИНГШТЕТТЕНЕ

Здесь мы с тобой остановимся, добрый читатель;
прости мне,
Если тебе о том, что после случилось, не много
Буду рассказывать; знаю, что можно бы было подробно
Мне описать, как мало-помалу рыцарь наш сердцем
Стал от Ундины далек и близок к Бертальде, как стало
Сердце Бертальды ему отвечать и час от часу жарче
Тайной любовью к нему разгораться, как стали Ундины
Он и она дичиться и в ней существо им чужое
Видеть, как Ундина плакала, как пробуждали
Слезы ее заснувшую совесть Гульбранда, а прежней
В нем любви уже пробудить не могли, как порою
Жалость его к Ундине влекла, а ужас невольно
Прочь отталкивал, сердце ж стремил к Бертальде,
созданию
С ним однородному... знаю, что это все я умел бы,
Добрый читатель, порядком тебе рассказать;
по позволь мне

Лучше о том позабыть, что так больно душе; испытали
Все мы неверность здешнего счастья; ты сам, вероятно,
Был им обманут, таков уж земной человеческий жребий.
Счастливы еще, когда при разделе житейского был ты
Сам назначен терпеть, а не мучить; на свете сем доля
Жертвы блаженней, чем доля губителя. Если сей лучший
Жребий был твой, читатель, то, может быть, слушая нашу
Повесть, ты вспомнишь и сам о своем миновавшем,

и тихо

Милая грусть тебе через душу прокрадется, снова
То, что прошло, оживет, и ты слезу сожаленья
Бросишь опять на цветы, которыми так любовался
Прежде на прядках своих, давно уж растоптанных.

Полно ж,

Полно об этом, читатель. Послушай, и с доброй Ундиной
То же сбылось, что и с нами со всеми: Ундина страдала.
Но и Гульбранд и Бертальда не были веселы. Всякий
Раз, когда Ундина хоть мало была несогласна
В чем с Бертальдой, последней казалось, что ревность

владела

Сердцем обиженной бедной жепы; и мало-помалу
Вид госпожи, причудливо-прубой и гордой, Бертальда
С ней приняла; Ундина с грустным незлобием молча
Все сносила; а рыцарь всегда стоял за Бертальду.
Боле ж всего с недавнего времени вот что согласие
Жителей замка стало тревожить: Гульбранд и Бертальда
Начали вдруг на всех переходах, во всех закоулках
Замка встречать привиденья, о коих дотоле и слуху
Не было: белый, седой человек, в котором проказник
Дядя Струй Гульбрандом, смотритель фонтанов

Бертальдой

Узнаны были, стал им повсюду обоим, Бертальде ж
Чаще, являться с угрозой, так что Бертальда от страха
Стала больна и даже решилась бы замок покинуть,
Если б имела где угол какой для приюта; но честный
Наш рыбак на письмо Гульбранда, которым тогда же
Рыцарь сто известил, что Бертальда едет в Рингштеттен,
Вот что отвечал: «Я по воле господ бога
Стал одинокий, бедный вдовец; скончалась старушка
Женка моя; хоть теперь мне дома и пусто, но лучше
Быть хочу я один, чем с Бертальдой; пускай остается

С вами, но только чтоб не было худа какого Ундине Милой моей от того; тогда ее прокляну я».

Так-то, сколько неволей, столько и волей, осталась В замке Бертальда. Вот однажды случилось, что рыцарь Выехал. Скликав дворовых людей, Ундина велела Камень один огромный поднять и его на колодезь, Бывший на самой середине двора, наложить. «Нам далёко Будет ходить за водою», — заметили слуги.

Но с грустным, Ласковым видом, с унылой улыбкой сказала Ундина: «Дети, сама бы за вас я с охотою стала в кувшинах Воду носить; но этот колодезь, поверьте мне, должно, Должно закрыть нам, иль с нами случится большое несчастье».

Всем служителям было приятно угодное сделать Доброй своей госпоже; без дальних расспросов огромный Камень был поднят; и он, показалось, как будто бы доброй

Волей давшись им в руки, с земли поднялся и как будто Сам рванулся колодезь задвинуть. Но в эту минуту К ним прибежала из замка Бертальда. «Не троньте колодца, —

Громко она закричала, — его вода умываньем Лучшим мне служит; его запереть никак не позволю». Но Ундина с своим обычным смиреньем на этот Раз осталась в воле своей нешрекловна. «Я в здешнем Замке хозяйка, — сказала она, улыбаясь прискорбно, — Мне за всем наблюдать; и здесь мне приказывать может Только рыцарь, мой муж и мой господин». —

«Посмотрите, — С сердцем вскричала Бертальда, — подумать можно, что этой

Бедной, невинной воде самой не хочется с божьим Светом расстаться: как жалко она трепещет и бьется!» В самом деле, чудно кипя и шипя, из-под камня Ключ пробивался, как будто спеша убежать и как будто Что из него исторгнуться силой хотело. Тем с большей Строгостью свой приказ повторила Ундина; охотно Был он исполнен: Ундину любили, а гордость Бертальды Всех от нее удаляла, и каждому было приятно

Той угодить, а этой сделать досаду; и камень
Крепко-накрепко устье колодца задвинул. Ундина
Тихо к нему подошла, над ним задумалась, что-то
Пальчиком нежным своим на нем написала, в молчанье
Грустном потом посмотрела вокруг себя и, вздохнувши,
Медленным шагом в замок пошла. На камне ж остались
Видны какие-то странные знаки, которых дотоле
Не было там. Вечеру, когда Гульбранд возвратился
В замок Рингштеттен, Бертальда ему в слезах рассказала
То, что случилось с колодцем. Сурово взглянул
на Ундину

Рыцарь; она стояла, головку склоня и печально
В землю глаза опустив; но однако, собравшись с духом,
Вот что шепнула в ответ: «Всегда справедлив
господин мой;

Он и раба не осудит, не выслушав; тем наипаче
Мне, законной жене, он позволит в свое оправданье
Слово сказать». — «Говори», — сердито ответствовал
рыцарь.

«Я бы желала, чтоб был ты один», — сказала Ундина.
«Нет, при ней!» — Гульбранд возразил, указав
на Бертальду.

«Я исполню волю твою, — она продолжала, —
Но не требуй того, прошу, умоляю, не требуй».
Голос ее был так убедителен, очи так нежны,
Все в ней являло такую покорность, что в сердце
Гульбранда

Солнечный луч минувших дней пробежал; он Ундину
Дружески за руку взял и в ближнюю горницу с нею
Вышел; и вот что ему сказала она: «Уж коварный
Дядя мой Струй довольно известен тебе; не один раз
встречался

Он с тобою здесь в замке; Бертальде же так он
Страшен, что может она умереть. Он бездушен, он просто
Отблеск стихийный наружного мира; что в жизни
духовной

Здесь происходит, то вовсе чуждо ему; здесь глядит он
Только на внешность одну. Замечая, как ты недоволен
Мной иногда бываешь, как я, неразумный младенец,
Плачу, как в то же время Бертальду, случайно быть
может,
Что-нибудь заставляет смеяться, в своем безрассудстве

Видит он то, чему здесь и признака нет, колобродит,
Злится и в наши дела, незванный, мешается; пользы
Нет от того никакой, что ему я грожу и гоняю
С сердцем отсюда его; он мне, упрямый, не верит;
в бездушной,

Бедной жизни своей никогда не будет способен
Он постигнуть того, что в любви и страданье и радость
Так пленительно сходны, так близко родня,
что разрознить

Их никакая сила не может: с улыбкою слезы
Сладко сливаются, слезы рождают улыбку». И очи,
Полные слез, с улыбкой поднявши, она исподлобья
Робко смотрела Гульбранду в лицо; и все трепетанье
Прежней любви он почувствовал в сердце; Ундина
глубоко

То поняла, к нему прижалась нежней и в блаженстве
Радостных слез продолжала: «Когда словами не можно
Нам бестолкового дядю Струя унять, то затворим
Вход ему в замок; единственный путь, которым сюда он
Может свободно всегда проникать, есть этот колодезь;
Он с другими духами здешних источников в ссоре;
Царство ж его начинается ниже, вдоль по Дунаю.
Вот для чего я на камне, которым колодезь задвинут,
Знаки свои написала: они беспокойного дядю
Струя власти лишили, и он ни тебя, ни Бертальду.
Боле не будет тревожить; он камня не сдвинет.

Но людям
Это легко; ты можешь исполнить желанье Бертальды;
Но, поверь мне, она не знает, чего так упрямо
Требуется; Струй на нее особенно злится. А если
Сбудется то, что он предсказал мне (хотя и без всякой
Мысли худой от тебя), то и сам ты, мой милый,
не будешь

Вне опасности». Рыцарь, глубоко проникнутый в сердце
Великодушным поступком своей небесной Ундины,
Обнял ее с горячностью прежней любви. «Мы не тронем
Камня; отныне ж и все, что ты когда ни прикажешь,
Будет в замке от всех, как теперь, исполняемо свято,
Друг мой Ундиночка». Так ей рыцарь сказал, и Ундина,
Руку целуя ему в благодарность за милое, столько
Времени им позабытое слово любви, прошептала .

Робко: «Милый мой друг, ты ныне со мной так
безмерно

Милостив, ласков и добр, что еще об одном попрошу я.
Видишь ли? Ты для меня как светлое лето; в сильнейшем
Блеске своем оно иногда себя покрывает
Огненно-грозным венцом громовых облаков и владыкой,
Истинным богом земли нам является; точно таков ты
Кажешься мне, когда, на меня прогневан бывая,
Грозно сверкаешь, премишь и очами и словом; и в этом,
Милый, твоя красота, хотя и случится порою
Мне, безрассудной, плакать; но слушай, друг мой:
воздержен

Будь на водах от гневного слова со мною; единым
Словом таким меня передашь ты в волю подводных
Сродников; мстя за обиду их рода, они невозвратно
В море меня увлекут, и там в продолжение целой
Жизни я буду под влажно-серебряным сводом в неволе
Плакать, и мне уж к тебе не прийти; а если приду я...
Боже! то это будет и пуще тебе на погибель.
Нет, мой сладостный друг, избавь меня от такого
Бедствия». Рыцарь торжественно дал обещанье
исполнить

Просьбу ее, и они с веселым лицом возвратились
В горницу, где их Бертальда ждала. Она уж успела
Слуг к колодцу послать, чтоб они, по первому знаку
Рыцаря, камень свалили с него. «Не трогайте камня, —
Холодно рыцарь сказал, — и помните все, что Ундины
В замке моем одна госпожа, что ее приказанья
Святы». При этом слове Бертальда, в лице изменившись,
Скрылась. Вот уж и ужина час наступил, а Бертальды
Не было. Рыцарь послал за нею, но вместо Бертальды
В спальне ее опустевшей нашли записку на имя
Рыцаря; вот что стояло в записке: «Вы приняли, рыцарь,
В дом свой меня, недостойную дочь рыбака, и о низком
Роде своем я безумно забыла; за то в наказанье
Доброю волей иду к отцу рыбаку, чтоб, в убогой
Хижине скрывшись, о счастье земном не мечтать;
наслаждайтесь

Долго им вместе с вашей прекрасной супругой».

Ундины
Сильно была опечалена; рыцаря вслед за Бертальдой
Стала она посылать — ее убежденья, однако,

Были не нужны; он сам на то был готов. Но в какую Сторону ехать за ней? Никто об этом не ведал.

Рыцарь сидел на коне и хотел уж свой путь наудачу Выбрать, как вдруг явился пастух и сказал,

что Бертальда

Встретилась с ним у входа Черной Долины; стрелою Рыцарь пустился туда, не слыша того, что в окошко Вслед за ним кричала Ундина: «Не езд! не езд! Милый! постой! Гульбранд, берегися Черной Долины! Стой! назад! иль, бога ради, позволь мне с собою Ехать!..» Но рыцарь уж был далеко. Ундина поспешно Села сама на коня и одна за ним поскакала.

Глава XIV

О ТОМ, КАК ОТЫСКАЛАСЬ БЕРТАЛЬДА

Эта долина, в то время слывшая Черной Долиной, Очень близко была от замка, а как называют Нынче ее, неизвестно; тогда ж поселяне ей имя Черной дали за то, что глубоко среди диких утесов, Елями густо заросших, лежала она, что кипучий, Быстрый поток, на скалистом дне ущелья шумевший, Череп меж елей бежал и что небо нигде голубое В мутные воды его не светило. В сумерки стало Вдвое темней и ужасней меж елей и диких утесов. Рыцарь с трудом пробирался вдоль берега; страшно Было ему за Бертальду, и засветло встретиться с нею Он торопился; по всем сторонам с напряженным

вниманьем

Взор обращал он, и сердце в нем билось сильнее;

он со страхом

Думал: что будет с нею, если заблудится в этом Диком месте, ночью и в грозу, которая черной, Тяжкой тучей шла на долину? Вдруг показалось Белое что-то ему в потемках, на склоне утеса; Он подумал, что было то платье Бертальды, и шпорить Начал коня; но конь захрапел, уперся и, уши Чутко подняв, не шел ни назад, ни вперед; чтоб напрасно не тратить Времени, рыцарь спрыгнул с седла, к опрокинутой ветром

Ели коня привязал и пеший вперед пробираться
Начал кустами; он спотыкался; упорные ветви
Били его по лицу и как будто нарочно сплетались
Сетью, чтоб дале не мог он идти; он ломал их, а небо
Тою порою все боле и боле мрачилось, и глухо
Гром премел по горам, и все крутом становилось
Станным таким, что он уж и робость чувствовать начал,
Глядя на белый образ, к которому ближе и ближе
Все подходил и который лежал на земле неподвижно.
С духом собравшись, к нему наконец подступил он;

сначала

Сучьями тихо потряс, мечом позвенел — никакого
Нет ответа. «Бертальда! Бертальда!» — он начал сначала
Тихо, потом все громче и громче кликать — ответа
Все ему нет. Наконец закричал он так громко, что эхо
Вместе с ним закричало повсюду: «Бертальда!» —

напрасно;

То же молчанье. Тогда он к ней наклонился; но было
Так уж темно, что, не могши под носом видеть, пригнулся
К самой земле он лицом, и в эту минуту сверкнула
Яркая молния; все осветилось, и что же в блеске увидел
Рыцарь? Под самым лицом его отразилась из черной
Тьмы безобразно-свиная харя, и голос осиплый
Взвыл: «Поцелуйся со мной, пастушок дорогой!»

Приведенный

В ужас, кинулся рыцарь назад; но свиная харя
С визгом и хохотом кинулась вслед. «За чем ты?

Куда ты?

Духи на воле! назад! убирайся! иль будешь

ты нашим!» —

Вот что выла она, и длинные руки хватали

Рыцаря. «Струй проклятый! — Гульбранд закричал,
ободрившись. —

Это твои проказы! постой, я тебя поцелую!»

Сильно он треснул по хане мечом; она разлетелась
В брызги, и рыцарь пеной, шипящей как хохот, был облит
Весь с головы до ног; тогда объяснилось, с кем он
Дело имел. «Меня удержать он, я вижу, намерен, —
Рыцарь громко сказал, — он думает, я испугаюсь
Шуток бесовских его и Бертальду бедную брошу
Злому духу во власть. Демон бездушный не знает,
Как всемогущ человек своей непреклонною волей!»

Сам он почувствовал истину слов сих; новая бодрость
В нем родилась, и как будто бы счастье с этой минуты
Стало с ним заодно: к своему коню возвратиться
Он еще не успел, как уж явственно сделался слышен
Жалобный голос Бертальды, зовущей на помощь
сквозь шумный

Ветер и говор грозы, подходившей час от часу ближе.
Он полетел на крик и увидел Бертальду. Из страшной
Черной Долины сился выйти, она по крутому
Боку ее тащилась кверху; тут заступил ей
Рыцарь дорогу; и как ни твердо, в своей оскорбленной
Гордости, прежде решила она на побег, но встретить
Гульбранда

Было ей радостно; ужас, испытанный ею в дороге,
Сердце ее умирил, а светлая жизнь в безмятежном
Замке так ласково руки к ней простирала, что рыцарь
Тотчас ее за собою идти убедил. Но Бертальда
Силы почти не имела; Гульбранд с большим
затрудненьем

Мог ее до коня своего довести; и помочь ей
Сесть на седло он хотел, чтоб, коня отвязав, за собою
Весть его в поводах; но конь, испуганный Струем,
Был как зверь: он злился, храпел, на дыбы подымался,
Задом и передом бил; Бертальде даже и близко
Было нельзя подойти. Пошли пешком: осторожно
Рыцарь спутницу под руку вел, а коня за собою
Силой тащил за узду; Бертальда едва подвигала
Ноги и как ни боролась с собой, но усталость давила
Члены ее как свинец; а буря, удар за ударом
Грома, сверкание молнии, шум деревьев во мраке,
Злая игра привидений... словом, Бертальда, слияньем
Ужасов сих изнуренная, пала на землю; и в то же
Время рыцарев конь, как будто взбесившийся, начал
Снова метаться и рваться. Рыцарь, боясь чтоб в Бертальду
Он не ударил, хотел от нее отойти; но Бертальда
С воплем его начала умолять, чтоб остался. На волю ж
Злого коня пустить он не смел: он боялся, что этот
Дикий зверь, набежав на лежащую, тяжким копытом
Грянет в нее: короче, на что решиться, что делать,
Рыцарь не знал. И вдруг он обрадован был недалеким
Стуком колес: каменистой дорогой, он слышал, тащилась
Фура. Гульбранд закричал, чтоб им помогли; грубоватый

Голос мужской откликнулся; скоро в потемках
мелькнули

Две огромные белые лошади, с ними погонщик,
Роста огромного, в белом плаще; и фура покрыта
Белой холстиной была, как все повозки с товаром.
«Стойте, клячи!» — крикнул погонщик, и лошади стали.
Он подошел к Гульбранду, который с конем одичалым
Все еще бился. «И вижу, в чем дело, — сказал он, —
с моими

Белыми то же случилось, когда я в первый раз с возом
Этой долиной тащился; здесь гнездится какой-то
Бес водяной: он великий проказник, проезжим покоя
Нет от него; но мне удалось сведать словечко;
Дай-ка шепну я его упрямой этой лошадке
На ухо». — «Делай, что хочешь, но только скорее», —
воскликнул

Рыцарь, кипя истерпением. Погонщик, как слабую ветку,
Вытянул шею коню, на дыбы вскочившему; что-то
В ухо ему шепнул, и как вкопанный стал он, лишь только
Жарко пыхтел, и пар от него подымался. Не время
Было Гульбранду расспрашивать, как совершилось чудо;
Он убедил погонщика взять в повозку Бертальдую,
Сам же хотел провожать ее на коне; но усталый
Конь едва шевелил ногами. «Садитесь-ка, рыцарь,
В фуру и вы, — погонщик сказал, — дорога отсюда
Под гору будет; коня же привяжем сзади повозки».
Рыцарь сел с Бертальдую в фуру, коня привязали
Сзади, бичом захлопал погонщик, дернули дружно
Лошади, фура поехала. Было темно; утихая,
Глухо вдали гремела проза; в усадительно-мирном
Чувстве своей безопасности, в сладком покое,

в волшебном

Мраке ночи, свободе речей благосклонном, меж ними
Скоро сердечный, живой разговор начался: в выраженьях
Ласковых рыцарь Бертальде пенял за побег. Торопливо,
Трепетным голосом, вся в волнение, Бертальда проступок
Свой извиняла, и речи ее таинственно-ясны
Были, как свет лампы, когда он во мраке от милой
Милому знак подает, что его ожидают. Рыцарь
Был в упоенье. Но вдруг пробудил их погонщиков голос.
«Клячи, тяните живее! — кричал он, — дружно!
беда нам!»

Рыцарь поспешно из фуры выглянул — что ж он увидел? Лошади, по брюхо в мутной воде, не шагали, аплыли; Не было видно колес: они, как на мельнице, с шумом, С пеной и с брызгами резали волны; погонщик на козлы Влез и правил стоямя, и был уж в воде по колено. «Что за дорога такая? — спросил у погонщика рыцарь. — Прямо идет в середину потока». — «Напротив! —

погонщик

С смехом сказал, — поток идет в середину дороги; Видите сами; это сущий потоп; мы пропали».

Подлинно, вся глубина долины кипела волнами;

Выше и выше они подымались. «Это злодей наш

Струй! утопить нас он хочет, — рыцарь воскликнул, —

товарищ,

Нет ли и против него у тебя какого словечка?» —

«Есть словечко, — погонщик сказал, — да надобно прежде

Сведать вам, кто я и как прозываюсь!» — «Не время

загадки

Нам загадывать, — рыцарь сказал, — вода прибывает;

Имя твое здесь не нужно». — «А так-то не нужно, —

погонщик

С диким хохотом гаркнул, — что, просим не гневаться,

сам я

Струй!» И ужасную харю свою он устави в повозку...

Но повозка уж боле была не повозка, уж были

Лошади боле не лошади; все разлетелось, расшиблось

В пену, в шипучую воду, и сам погонщик поднялся

Страшной волной на дыбы, и коня, который напрасно

Рвался и бился, умчал за собой в глубину, и ужасно

Начал снова расти и расти, и горой водяною

Вырос, и был уж готов на Бертальду и рыцаря, силой

Волн увлеченных, упасть, чтоб промадой своей

задавить их...

Вдруг сквозь шум гармонически-сладостный голос

раздался;

Вышел из облака месяц, и в свете его над долиной явился

Образ Ундины; она попростила волнам — и, разбившись.

Пылью, гора водяная, ворча и журча, убежала;

В блеске месяца мирно поток заструился; и белым

Голубем сваяла тихо Ундина в долину; и, руку

Рыцарю вместо с Бертальдой подав, на муравчатый берег

Их за собой увела; там они отдохнули; Ундинин
Конь был отдан Бертальде; за нею пешком потихоньку
Рыцарь с женою пошли; и так возвратились все в замок.

Глава XV

О ТОМ, КАК ОНИ ЕЗДИЛИ В ВЕНУ

С этой поры, мой читатель, жилось покойно и мирно
В замке Рингштеттене. Рыцарь все чувствовал боле
и боле

Прелесть небесную доброго сердца Ундины, забывшей
Все для спасенья соперницы. В доброй Ундине
Всякая память о прошлом исчезла: она беззаботным
Сердцем любила и, зная, что шла прямою дорогой,
Ясную в нем питала доверенность; все в настоящем
Было ей радостно; в будущем все улыбалось. Бертальда,
Снова ей с прежней любовью всю душу отдав,
благодарной,

Кроткой и нежной являлась; короче, замок Рингштеттен
Стал обителью светлого счастья. Дни пролетали
Быстро за днями; зима наступила; зима миновалась;
Вот и весна с благовонно-зеленой своей муравою,
С светло-лазоревым небом своим улыбнулась веселым
Жителям замка; стало на сердце их радостно, стало
и смутно.

Что ж тут дивиться, если, при виде, как в воздухе
вешнем

Нитью вились журавли и легкие ласточки мчались,
Стало и их позывать в далекую даль. Раз случилось
Рыцарю вместе с женой и Бертальдой в прекрасное утро
Около светлых истоков Дуная гулять; им об этой
Славной реке он рассказывал много: как протекала
Пышным, широким потоком она по землям благодатным,
Как на ее берегах прекрасная Вена сияла,
Как по ней величаво ходили суда, как бежали
Мимо плывущих назад берега, услаждая их очи
Зрелищем пажитей, нив, городов и рыцарских замков.
«О! — сказала Бертальда, — как было бы весело съездить
В Вену водой...» — но, опомнясь, она покраснела и взоры
Робко потупила. Милым ее смущеньем Ундина

Тронувшись, руку ей подала, и в ней загорелось
Сильно желанье утешить подругу свою. «Да за чем же
Дело стало? — сказала она. — Ничто не мешает
Съездить нам в Вену». Бертальда запрыгала с радости.
Вместе

Стали они учредить поездку свою и заранее
Тем, что представится им на пути, восхищались.

И рыцарь

С ними был заодно; Ундине, однако, шепнул он:

«Вспомни о Струе; ведь он могуч на Дунае». —

«Не бойся, —

С смехом сказала Ундина, — пускай он попробует сделать
Что-нибудь с нами; я тут! при мне уж никак колобродить
Он не посмеет». Ответом таким уничтожены были
Все затрудненья, и с бодрым духом, с веселой надеждой
Стали готовиться в путь. Но скажите мне, добрые люди,
Все ли сбывается так на земле, как надежда сулит нам?
Хитрая Власть, стерегущая нас для погибели нашей,
Сладкие песни, чудные сказки подмеченной жертве
На ухо часто поет, чтоб ее убаюкать. Напротив,
Часто спасительный божий посланник промко и страшно
В двери наши стучится. Как бы то ни было, наши
Путники весело плыли в первые дни по Дунаю:

День ото дня река становилась шире и виды
Пышных ее берегов живописней. Но вдруг — и на самом
Чудно-прелестном месте — открыл свои нападенья
Бешеный Струй; то были сначала простые помехи
(Волны бурлили без ветра; ветер отвсюду, меняясь,
Дул и судно качал); но Ундина одною угрозой,
Словом сердитым одним на воздух и в воды смиряла
Силу врага; то было, однако, ненадолго: снова
Он гомозился, и снова Ундина его унимала;
Словом сказать, веселость дороги расстроилась вовсе.
В то же время гребцы, дивясь тому, что в глазах их
Делалось, между собою часто шептались; и скоро
Стали на все с подозреньем посматривать; самые слуги
Рыцаря, чувствуя что-то недоброе, диким и робким
Взором следили господ; а Гульбранд, задумавшись

грустно,

Сам про себя говорил: «Таково-то бывает, как скоро
Здесь неровные сходятся; худо, если вступает
В грешный союз земной человек с женой водяною».

Вот что, однако, себе в утешенье твердил он:

«Ведь прежде

Сам я не ведал, кто она; правда, тяжело порою
Мне приходит от этой бесовской родни; но мое здесь
Горе, вина ж не моя». Хотя иногда и вливал он
Несколько бодрости в душу свою таким рассуждением,
Но зато, с другой стороны, все боле и боле
Против бедной Ундины был раздражаем. То слишком,
Слишком она понимала, и в смертную робость угрюмый
Рыцарев вид ее приводил. Утомленная страхом,
Горем и тщетной борьбой с необузданным Струем,
присела

Под вечер к мачте она, и движение тихо плывущей
Лодки ее укачало: она погрузилась в глубокий
Сон. Но едва на мгновение одно успели закрыться
Светлые глазки ее, как вдруг перед каждым из бывших
В лодке, в той стороне, куда он смотрел, появилась,
Вынырнув с шумом из вод, голова с развороченным
зубастым

Ртом и кривлялась, выпучив страшно глаза. Закричали
Разом все; отразился на каждом лице одинакий
Ужас, и каждый в свою указывал сторону с криком:
«Здесь! сюда посмотри!» И из каждой волны создастся
Вдруг голова с ужасным лицом, и поверхность Дуная
Вся как будто бы прыгала, вся сверкала глазами,
Щелкала множеством зуб, хохотала, гремела, шипела,
Шикала. Крик разбудил Ундину, и миг при воззренье
Гневном ее пропали страшилища все. Но рыцарь ужасно
Был раздражен; с умоляющим взглядом Ундина сказала:
«Ради бога, здесь, на водах, меня не брани ты».

Он умолкнул, сел и задумался. «Друг мой, — шепнула
Снова Ундина, — не лучше ль нам дале не ездить?

Не лучше ль

В замок Рингштеттен обратно отправиться? В замке
Будем спокойны». — «Итак, — проворчал, нахмурившись,
рыцарь, —

В собственном доме своем осужден я жить как невольник!
Только до тех пор и можно дышать мне, пока на колодце
Будет камень! Чтоб этой проклятой родне...» Но Ундина
Речь его перебила, с улыбкой ему наложивши
На губы руку. Опять замолчал он, вспомнив о давшем
Им обещанье Ундине. В эту минуту Бертальда,

В мыслях о том, что делалось с ними, сидела на крас
Лодки и в воды глядела; сама того не приметив,
С шеи своей она сняла ожерелье, подарок
Рыцаря; им водила она по поверхности ровных
Вод, любуясь, как будто сквозь сон, сверканьем
жемчужных
Зерен в прозрачной, вечерним лучом орумяненной влаге.
Вдруг расступилась вода, и кто-то, опромную руку
Высунув, ею схватил ожерелье и быстро пропал с ним.
Вскрикнула громко Бертальда, и хохот пронзительный
грянул

Отзывом крика ее по водам. Тут более рыцарь
Гнева не мог удержать; он вскочил в иступленье
и в реку

Начал кричать, вызывая на битву с собой всех подводных
Демонов, нис и сирен; а Бертальда своим безутешным
Плачем о милой утрате и пуще его раздражала.
Тою порою Ундина, к реке наклонясь, окунула
Руку в прозрачные волны и что-то над ними шептала;
Но поминутно она прерывала свой шепот, Гульбранду
Голосом нежным твердя: «Возлюбленный, милый,
подумай,

Где мы; брани их как хочешь; со мной же ни слова;
ни слова,

Ради бога, со мною одною; ты знаешь». И рыцарь,
Как ни был раздражен, но ее пощадил. Вдруг Ундина
Вынула влажную руку из вод, и в ней ожерелье
Было из чудных кораллов; своим очарованным блеском
Всех ослепило оно. Его подавая Бертальде,
«Вот что, — сказала она, — для тебя из реки

мне прислали,
Друг мой, в замену потери твоей. Возьми же, и полно
Плакать». Но рыцарь в бешенстве кинулся к ней,
ожерелье

Вывал, швырнул в Дунай и воскликнул: «Ты с ними
Все еще водишь знакомство, лукавая тварь! пропади ты
Вместе с своими подарками, вместе с своею роднею!
Сгинь, чародейка, от нас и оставь нас в покое!..» С рукою,
Все еще поднятой вверх, как держала она ожерелье,
Бледная, страхом убитая, взор неподвижный, но полный
Слез устремив на Гульбранда, Ундина его слова роковые
Слушала; вдруг начала, как милый ребенок, который

Был без вины жестоко наказан, с тяжким рыданьем
Плакать и вот что сказала потом истощенным от горя
Голосом: «Ах, мой сладостный друг! ах, прости
невозвратно!
Их не бойся; останься лишь верен, чтоб было мне можно
Зло от тебя отвратить. Но меня уводят; отсюда
Прочь мне должно на всю молодую жизнь... о мой милый,
Что ты сделал! ах, что ты сделал! о горе! о горе!..»
Тут из лодки быстро она в реку ускользнула:
В воду ль она погрузилась, сама ли водой разлилась,
В лодке никто не приметил; было и то и другое,
Было ни то ни другое. Следа не оставив, в Дунае
Вся распустилась она; но долго мелкие струйки
Около судна шептали, журчали, рыдая; и вслух доходили
Внятно как будто слова: «О горе! будь верен! о горе!..»
С жалобным криком рыцарь упал, и обморок сильный
Душу ему на минуту отвел от тяжелых муки.

Глава XVI

О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С РЫЦАРЕМ

Как нам, читатель, сказать: к сожалению иль к счастью, что наше

Горе земное нена́долго? Здесь разумею я горе
Сердца, глубокое, нашу всю жизнь губящее горе,
Горе, которое с милым, потерянным благом сливает.
Нас воедино, которым утрата для нас не утрата,
Смерть вдвоем бытие, а жизнь порыв непрестанный
К той черте, за которую милое наше из мира
Прежде нас перешло. Есть, правда, много избранных
Душ на свете, в которых святая печаль, как свеча
пред иконой,
Ярко горит, пока догорит; но она и для них уж
Все не та под конец, какою была при начале,
Полная, чистая; много, много иного, чужого
Между утратою нашей и нами уже протеснилось;
Вот, наконец, и всю изменяемость здешнего в самой
Нашей печали мы видим... итак, скажу: к сожаленью,
Наше горе земное нена́долго. Это и рыцарь
Также изведал — к худу ль, к добру ль своему,
мы увидим.

Он сначала только и мог, что плакать, так горько
Плакать, как плакала бедная, кроткая, ангел доброты,
Ундина,

Стоя в лодке, когда он отнял у ней ожерелье,
Коем она все поправить так мило хотела; потом он
Так же и руку вверх подымал, как Ундина, и снова
Плакал, и весь изойти слезами хотел. И Бертальда
Вместе с ним плакала искренно, горько. Друг подле друга
В замке Рингштеттене тихо жили они, сохраняя
Свято память Ундины и вовсе почти позабывши
Прежнюю склонность. К тому же, в это время случалось
Часто и то, что Гульбранда во сне посещала Ундина:
Грустно к постеле его подходила она, и смотрела
Пристально в очи ему, и плакала молча, и тихо,
Тихо потом назад уходила, так что, проснувшись,
Сам он наверно не знал, его ли, ее ли слезами
Были так влажны щеки его. Но вот напоследок
Эти сны об Ундине стали час от часу реже;
Стало на сердце рыцаря тише; в нем скорбь пригаснула.
Но быть может, что он для себя ничего и придумать
В жизни не мог бы иного, как только чтоб память
Ундины

Верно хранить и об ней горевать, когда б не явился
В замке наш честный старый рыбак и не стал
от Гульбранда
Требовать дочери. Сведая по слуху о том, что с Ундиной
Сделалось, доле терпеть он уже не хотел,
чтоб Бертальда

В замке одном жила с неженатым. «Рада ль, не рада ль
Будет мне дочь, о том я теперь и знать не желаю, —
Он говорил, — но где о честном имени дело,
Там разбирать уж нельзя». С приходом его пробудилось
В рыцаре прежнее чувство, им забытое вовсе
В горе по милой Ундине; притом же его ужаснула
Мысль: одному в опустевшем замке остаться. Но много
Против брака с Бертальдой отец говорил в возраженье:
«Точно ль Ундины на свете не было? Впрочем —
на дне ли

Влажном Дуная тело ее неотпетым лежало,
Море ль его без приюта носило своими волнами —
Все Бертальда отчасти ее безвременной, жалкой
Смерти причиной была, и великий грех заступит ей

Место бедной жены, от нее пострадавшей». Хотя это
Было и правда, но рыцарь стоял на своем; напоследок,
С ним согласившись, рыбака остался в замке. И тотчас
Был отправлен гонец за отцом Лаврентием с зовом
В замок Рингштеттен: Гульбранду хотелось, чтоб тот же,
кем первый

Брак с Ундиной его в счастливые дни совершен был,
Ныне и с новой женою его сочетал. Но священник,
С страхом каким-то посланника выслушав, тотчас
В путь отправился; день и ночь, несмотря на усталость —
Было ль ненастье или ясное время, — он шел. «Помоги
мне,

Господи, зло отворотить», — он молился. И вот напоследок
Вечером поздним одним он вступил на двор, осененный
Старыми липами, замка Рингштеттена. Рыцарь
с невестой,

Веселы, рядом с ними рыбака, задумчив, под тенью
Лип сидели. Увидя отца Лаврентия, рыцарь
С радостным криком вскочил, и все его окружили.
Но священник был молчалив, прискорбен; хотел он
Рыцарю что-то сказать одному; но рыцарь, как будто
Вость худую предчувствуя, медлил вступить в особый
С ним разговор. Священник сказал напоследок: «Таиться
Здесь мне не нужно; до всех вас касается то, что скажу я;
Слушайте ж, рыцарь. Точно ль уверены вы, что супруга
Ваша скончалась? Мне не верится это. Хотя много
Было разной молвы и об ней самой и о роде
Чудном ее, — что правда, что нет, я не знаю, — но знаю
То, что она была добронравной, верной, смиренной,
Благочестивой женою; а вам я скажу, что с недавних
Пор она по ночам начала мне являться: приходит,
Плачет, ломает руки, вздыхает и все говорит мне:
«Честный отец, удержи ты его; я жива; о, спаси ты
Тело ему! о, спаси ты душу ему!..» И сначала
Сам я понять не умел, чего хотело виденье:

Вдруг посольство отсюда — и здесь я; но я не для брака
Здесь, для развода. Гульбранд, откажись от Бертальды;
Бертальда,

Рыцарь не может быть мужем тебе, им владеет другая.
Верьте мне, верьте, или ваш брак вам не будет
на радость».

Рыцарь с досадою выслушал старца Лаврентия; долго

Спорили жарко они; напоследок патер с сердитым
Видом из замка ушел, не желая и ночи единой
В нем провести. Гульбранд, уверив себя, что священник
Был сумасброд и мечтатель, послал в монастырь,
по соседству
С замком лежавший, за патером; тот без труда согласился
Брак совершить, и день для обряда был тут же назначен.

Глава XVII

О том, как рыцарь видел сон

Было время меж утра и ночи, когда на постеле
Рыцарь, сонный не сонный, лежал. Уже забываться
Начал он; вдруг перед ним невидимкой ужасное что-то
Стало; и он очнулся, как будто услышав какой-то
Голос, шепнувший: к тебе подошел посетитель
бесплотный;
Силиться стал он, чтоб вовсе проснуться, но вот он
услышал
Снова: как будто над ним и под ним лебединые крылья
Веяли, волны журчали и пели; и он, утомленный,
В сладкой дремоте опять упал головой на подушку.
Вот наконец и подлинно сон овладел им; и начал
Видеть во сне он; что будто им слышанный шум лебединых
Крыльев крыльями стал, что будто его подхватили
Эти крылья и с ним над землей и водой полетели
С сладостным веяньем, с звонким стенанием. «Стон
лебединый!

Стон лебединый! (себе непрестанно твердил поневоле
Сонный рыцарь) ведь он предвещает нам смерть». И казаться
Стало ему, что под ним Средиземное море; и лебедь,
Слышалось, пел: расступись, озарись, Средиземное море.
Вниз посмотрел он: лазурные воды стали прозрачным,
Чистым кристаллом, и мог он насквозь до самого дна их
Видеть; и там он увидел Ундины; под светлым,
кристальным

Сводом сидела она и плакала горько; и было уж много,
Много в ее лице перемены; не та уж Ундина
Это была, с которою в прежнее время так счастлив
Был он в замке Рингштеттене: очи, столь ясные прежде,

Были тусклы, щеки впалы, болезнен был образ. Все то рыцарь заметил; но ею самой он, казалось, Не был замечен. И вот подошел к ней, рыцарь увидел, Струй, как будто с упрёком за то, что так безутешно Плакала; тут Ундины с таким повелительным видом Встала, что Струй перед нею как будто смутился.

«Хотя я

Здесь под водами живу, — сказала она, — но с собою Я принесла и душу живую; о чем же так горько Плачу, того тебе никогда не понять; но блаженны Слезы мои, как все блаженно тому, кто имеет Верную душу». Струй, покачив головою с сомнением, Начал о чем-то думать, потом сказал: «Ты, как хочешь, Чванься своею живою душою, но все ты под властью Наших стихийных законов, и все ты обязана строгий Суд наш над ним совершить в ту минуту, когда он Верность нарушит тебе и женится снова». — «Но в этот Миг он еще вдовец, — отвечала Ундина, — и грустным Сердцем любит меня». — «Вдовец, я не спорю, —

со смехом

Струй отвечал, — но он и жених, а скоро и мужем Будет; тогда уж ты, не прогневайся, с нашим посольством, Хочешь не хочешь, пойдешь; а это посольство сама ты Знаешь какое — смерть». — «Но знаю и то, что не можно В замок Рингштеттен войти мне, — сказала с улыбкой Ундина, —

Камень лежит на колодце». — «А если он выйдет из замка? —

Струй возразил. — А если велит он камень с колодца Сдвинуть? Ведь он об этих безделках забыл». —

«Для того-то, —

С ясной сквозь слезы улыбкой сказала она, — и летает Духом теперь он поверх Средиземного моря и слышит Сонный все то, что мы с тобой говорим; я нарочно Это устроила так, чтоб он остерегся». Приметя Рыцаря, Струй взбесился, тошнул ногой, кувыркнулся В волны и быстро уплыл, раздувшись от ярости китом. Лебеди снова со звоном, со стоном начали веять, Начали реять; и снова рыцарю видеться стало, Будто летит он, летит над горами, летит над водами, Будто на замок Рингштеттен слетел и будто проснулся. Так и было: проснулся Гульбранд у себя на постеле.

В эту минуту вошел кастелян объявить, что близ замка Встречен был патер Лаврентий, что он в лесу недалеко Сделал себе из сучьев шалаш и в нем поселился. — «Мне на вопрос, зачем он живет здесь, когда отказался Рыцарев брак освятить, отвечал он: «Разве одни лишь Браки должны освящать мы? Другие нередко обряды Нам совершать случается. Если не мог пригодиться Я на одно, пригожусь на другое, и жду; шированье Может легко перейти в гореванье. Итак, кто имеет Очи, да видит; кто уши имеет, да слышит».

В раздумье

Долго рыцарь сидел, вспоминая свой сон и значенье Слов отца Лаврентия сиясь понять; но, пришедши К милой невесте, он все позабыл, разгулялся и снова Сделался весел, и все осталось по-прежнему в замке.

Глава XVIII

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ ПРАЗДНОВАЛ СВАДЬБУ

Если рассказывать мне, читатель, подробно, каков был В замке Рингштеттене свадебный пир, то будет с тобою То же, как если бы вдруг ты увидел множество всяких Редких сокровищ, покрытых траурным флером, и в этом Злую насмешку нашел над ничтожностью счастья земного.

Правда, в этот свадебный день ничего не случилось Страшного в замке, — духам водяным, уж это мы знаем, Было проникнуть в него нельзя, — но со всем тем наш рыцарь,

Гости, рыбак и даже служители были все как-то Смутны; казалось всем, что на празднике с ними кого-то Главного нет и что этим главным никто уж не мог быть, Кроме смиренной, ласковой, всеми любимой Ундины. Всякий раз, когда отворялися двери, невольно Все на них обращали глаза и ждали; когда же Вместо желанной являлся иль с блюдом дворецкий, иль ключник

С кубком вина благородного, каждый печально в тарелку Взор опускал и сидел безгласен, как будто бы в грустной Думе о прошлом. Всех веселее была молодая; Но и ей самой как будто совестно было

В брачном зеленом венце, в жемчугах и в богатом
венчальном

Платье на первом месте сидеть, тогда как Ундины
«Трупом, еще не отпетым, на дне Дуная лежала
Или носима была без приюта морскими волнами». .
Эти отцовы слова и прежде мутили ей сердце;
Тут же они отзывались в ушах ее беспрестанно.
Рано гости оставили замок, и каждый с каким-то
Тяжким предчувствием. Рыцарь пошел к себе, молодая
Также к себе — раздеваться. Кругом новобрачной
Были прислужницы. Вот, чтоб немного свои порассеять
Черные мысли, Бертальда велела подать дорогие
Перстни, жемчужные нитки и платья, рыцарем к свадьбе
Ей подаренные; стала примеривать то и другое.
Льстя ей, прислужницы вслух восхищались ее красотой;
С видом довольным слушая их, Бертальда смотрелась
В зеркало; вдруг сказала: «Ах! боже! какая досада!
Вот опять у меня на шее веснушки; а можно б
Тотчас согнать их; стойло б только водой из колодца
Нашего раз обтереться; ах! если б мне нынче ж хоть
кружку

Этой воды достали!» — «О чем же тут думать?» — сказала,
Бросившись в двери, одна из прислужниц. Неужто
успест

Эта проказница камень поднять! — с довольной
усмешкой

Вслед за нею смотря, Бертальда подумала. Скоро
Сделался шум на дворе: с рычагами к колодцу бежали
Люди. Бертальда села подле окна и при ярком
Блеске полной луны, освещавшем двор замка, ей было
Видно все, что делалось там. Работники дружно
Двинули камень, хотя иному из них и прискорбно
Было подумать, что им теперь надлежало разрушить
То, что было приказано сделать прежнюю, доброй
Их госпожою; но труд был не так-то велик, как сначала
Думали; им изнутри колодца как будто какая
Сила камень поднять помогала. Дивясь, говорили
Между собою работники: «Можно подумать, что бьет там
Сильный ключ». И в самом деле, с отверстия камень
Сам собой подымался; без всякой помощи, свободно
Сдвинулся он и; со стуком глухим откатясь, повалился.
Вдруг из колодца что-то, как будто белый прозрачный

Друг, не хочешь меня? Я прекрасна, как прежде,
как в онный
День, когда твоею невестою стала». — «О, если б
Это правда была! — Гульбранд воскликнул, — о, если б
Мне хоть один поцелуй от тебя! и пускай бы
В нем умереть!» — «Охотно, возлюбленный мой», —
покрывало
Снявши, сказала она; и прекрасной Ундиною, прежней
Милой, любящей, любимой Ундиною первых, блаженных
Дней предстала. И он, трепеща от любви и от близкой
Смерти, склонился к ней в руки. С небесным
она поцелуем

В руки его приняла, но из них уже не пустила
Боле его; а крепче, все крепче к нему прижимаясь,
Плакала, плакала тихо, плакала долго, как будто
Выплакать душу хотела; и быстро, быстро лиясь,
Слезы ее проникали рыцарю в очи и с сладкой
Болью к нему заливались в грудь, пока напоследок
В нем не пропало дыхание и он не упал из прекрасных
Рук Ундины бездушным трупом к себе на подушку.
«Я до смерти его утлакала», — встреченным ею
Людям за дверью сказала Ундина и тихим, воздушным
Шагом по двору, мимо Бертальды, мимо стоявших
В страхе работников, прямо прошла к колодцу,
безгласной,
Грустной тенью спустилась в его глубину и пропала.

Глава XIX

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ БЫЛ ПОГРЕБЕН

Патер Лаврентий, услышав о том, как внезапно и чудно
Кончил жизнь владетель замка Рингштеттена, тотчас
В замке явился; и он, входя во двор, осененный
Липами, встретился там с монахом, недавно венчавшим
Рыцаря: в ужасе тот удалиться спешил. «Так
и должно! —

Патер Лаврентий сказал. — Теперь моя наступила
Очередь; мне помощник не нужен». Хотел он невесте,
Вдруг овдовевшей, отрадное слово сказать
в подкрепление;
Но Бертальда, ему не внимая, молчала упрямо.

Старый рыбак молился и плакал и, в горе смиряясь,
Думал: «Оно иначе и быть не могло — то господний
Суд»; и, конечно, Гульбрандова смерть никому
не могла быть

Так тяжела, как именно той, которую с смертной
Вестью прислали к нему, отверженной, бедной Ундипе.
Стали готовить обряд похоронный, как было прилично
Сану покойника: тело его положить надлежало
Подле церкви приходской, там, где были гробницы
Предков его, одаривших множеством вкладов богатых
Эту церковь. И щит и шлем уж лежали на кровле
Гроба, чтоб с ним опуститься в могилу, ибо наш рыцарь
Был последний в роде своем, который с ним вместе
Кончился весь. И ход печальный уже начинался;
Песнь погребальная к светло-спокойной небесной лазури
Тихо всходила; с длинным крестом, во всем облаченые
Патер Лаврентий шел впереди; за ним шла Бертальда,
В горьких слезах, на дряхлую руку отца опираясь.
Вдруг посреди Бертальдиных женщин, одетых в глубокий
Траур и шедших в свите ее, заметили белый
Образ, в длинном, густом покрывале, тихо идущий,
Грустно потупивши голову. Страхом проникнут

был каждый,

Шедший подле такого товарища; все сторонились,
Пятились, так что порядок хода расстроился. Силой
Два смельчака хотели незваного из ряду вывести;
Но, от них ускользнувши, как легкая тень, он на прежнем
Месте явился опять и последовал тихо за гробом.
Вот напоследок он мало-помалу, меняясь местом
С теми, кто в страхе спешил от него удалиться, подле
Самой вдовы очутился; но ею сначала примечен
Не был и сзади пошел смиренно-печальный. Достигнул
Ход до кладбища, и все обступили могилу. Тут в первый
Раз Бертальда незваного гостя увидела, в страхе
Стала она рукою махать, чтоб он удалился;
Но покровенный, кротко упорствуя, тряс головою,
Руки к ней простирал и как будто молил о пощаде.
Вспомнила тут невольно Бертальда Ундину, как руку
К ней она подняла на Дунае, когда ей хотела
Так добродушно подать ожерелье, и как под водами
Скрылась потом навсегда. Но в это мгновение подал
Знак отец Лаврентий, чтоб все умолкли. И стали

Гроб опускать в могилу, и мало-помалу засыпан
Был он землею. Когда же совсем был набросан могильный
Холм и читать последнюю начал молитву священник,
Стала вдова на колени, стали и все на колени,
В том числе и могильщики, кончивши насыпь. Когда же
Снова все встали... уж белый образ пропал; а на месте,
Где он стоял на коленях, сквозь травку сочился

прозрачный

Ключ; серебристо вясь, он вперед пробирался, покуда
Всей не обвил могилы; тогда ручейком побежал он
Дале и бросился в светлое озеро ближней долины.
Долго, долго спустя про него тех мест поселяне
Чудную повесть любили прохожим рассказывать; долго,
Долго жило поверье у них, что ручей тот Ундина,
Добрая, верная, слитая с милым и в гробе Ундина.

КАМОЭНС

Драматическая поэма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Дон Лудвиг Камоэнс.
Дон Иозé Квеведо Кастель Бранка.
Васко, его сын.¹
Смотритель главного госпиталя в Лиссабоне.

(1579)

I

Тесная горница в большом лазарете лиссабонском: стены голы; кое-где обвалилась штукатурка; с одной стороны стол с бумагами и стул; с другой большие кресла и за ними, ближе к стене, полуизломанная кровать. На ней лежит Камоэнс и спит; к кровати прислонен меч; над изголовьем висит на стене лютия, покрытая пылью. С правой стороны дверь. — Входит дон Иозé Квеведо вместе с смотрителем госпиталя. У последнего за поясом связка ключей, под мышкой большая книга.

Иозé Квеведо, смотритель госпиталя,
Камоэнс.

Квеведо

Ой, ой, как высоко! Неужто выше
Еще нам подыматься?

---

¹ Васко Мусинхо де Квеведо Кастель Бранка, по свидетельству знатоков португальской литературы, более всех других поэтов Португалии приблизился к Камоэнсу. Его эпическая поэма «Альфонс Африканский», в которой особенно замечательны изображение мучений Фердинанда и описание сражения Алькассарского, издавна в 1611 году. (*Прим. Жуковского.*)

Смотритель

Нет, пришли.

Квеведо

Ну, слава богу! я почти задохся...
Так здесь он?

Смотритель

Здесь. Вот, сами посмотрите,
Что у меня записано в реестре:
Дон Лудвиг Камознс, десятый номер —
И на двери *десятый номер*; это он.

Квеведо

Ну, хорошо. Да разве боле ты
Об нем не знаешь?

Смотритель

Нет.

Квеведо

И никогда
Об нем не слыхивал и не имеешь
Об нем понятия?

Смотритель

Какое тут
Понятие! Лишь был бы только номер.
Что нам до имени, что нам до слухов?
Дон Лудвиг Камознс, десятый номер —
И все тут; так записано в реестре.

Квеведо

Ты человек, я вижу, аккуратный;
И книги у тебя в порядке...

(Осматривается.)

Боже!

В какой тюрьме он заперт; как темно,
Тесно, нечисто! Стены голы; окна

С решетками, и потолок так низок,
Что душно.

Смотритель

Здесь до сих пор сумасшедших
Держали: но ему так захотелось
Быть одному, а этот номер был
Никем не занят — так его сюда я
И перевел.

Квеведо

К безумным? поделом!
Ты поступил догадливо; я вижу,
Ты расторопный человек. Я всех бы
Проклятых этих стихотворцев запер
В дом сумасшедших. Тише! Кто лежит
Там на кровати? уж не он ли?

Смотритель

Он,
Синьор; он спит... Я разбужу.

Квеведо

Не трогай;
Я подожду, пока он сам проснется.

Смотритель

Так оставайтесь с богом здесь; а я
Пойду: есть дело...

Квеведо

Хорошо, поди —
И вот тебе за труд.

Смотритель

Благодарю,
Синьор.

(Уходит.)

Иозé Квеведо и Камоэнс.

Квеведо

Итак, я наконец его
 Нашел. Трудненько было мне сюда
 Карабкаться, и рад я, что могу
 Немного отдохнуть. Когда б не сын,
 Моя нога сюда не забрела бы;
 Да мой пострел совсем рехнулся; горе
 Мне с ним великое; не знаю сам,
 Что делать; с отвращеньем смотрит он
 На паше ремесло и не проценты
 Считает — стопы, да стихи плетет,
 Да о венках лавровых беспрестанно
 И сонный и несонный бредит. Денег
 Ему не надобно; всё для него
 Равно, богач ли он иль нищий; мне,
 Отцу, не хочет подражать, а вслед
 За Камоэнсом рвется... Вот тебе
 Твой Камоэнс, твой образец: изволь
 Им любоваться! здесь, в госпитале,
 В отрепье нищенском лежит с своими
 Он лаврами, — седой, больной, иссохший,
 дряхлый,
 Безглазый, всеми брошенный, великий
 Твой человек, твой славный Лузиады
 Певец, сражавшийся перед Ораном
 И перед Цейтою. Вот полюбуйся;
 Он в доме сумасшедших, позабыт
 Людьми, и все имущество его —
 Покрытый ржавчиною меч да лютня
 Без струн... Зачем он жил? и что он нажил?
Дон Лудевиг Камоэнс, десятый номер,
 И всё тут — так записано в реестре...
 А я, над кем так часто он, бывало,
 Смеялся, я, которого ослом,
 Телячьей головой он называл,
 Который на вес продаю изюм,
 Да виноград, да в добрые крузады
 Мараведисы превращаю, я —

Я человек богатый; свеж, румян
И пользуюсь всеобщим уважением;
Три дома у меня, и в море пять
Галер отправлено с моим товаром:
За славой он пошел, я за прибытком,
И вот мы оба здесь. Пускай его
Мой сын увидит и потом свой выбор
Пускай сам сделает. За тем-то я
Сюда и взлез; пускай расскажет сыну
Сам этот сумасброд, какому вздору
Пожертвовал он жизнью своею...
Он шевелится, охает, открыл
Глаза...

К а м о э н с

Мой сон опять был на минуту;
То был не вечный сон, конец всему,
Не смерть, а только призрак смерти...
Кто здесь?
Неужто человек? Здесь? Человек?
У Камозенса?.. Кто ты, друг? Чего
Здесь ищешь? Ты ошибся...

К в е в е д о

Нет, синьор,
Я вас искал, и дело мне до вас.

К а м о э н с

Ах да, я и забыл, что я пппу
Стихи! Вы, может быть, синьор, хотите
Стихов на свадьбу или на погребенье?
Иль слов для серенады? Потрудитесь
Порыться там в бумагах на столе —
Там всякой всячины довольно. Я
Беру недорого. Реаля два,
Не боле, за пиесу.

К в е в е д о

Нет, синьор,
Не то...

Камоэнс

Так, может быть, хотите вы,
Чтоб я для вас особенные сделал
Стихи? Нет, государь мой, я не в силах:
Вы видите, я болен; я едва
Таскаю ноги.

*(Встает и, опираясь на меч, переходит к креслам,
в которые садится.)*

Нет ни чувств, ни мыслей;
Что у меня найдется, тем и рад;
Извольте взять любое из запаса.

Квеведо

Не за стихами я сюда пришел.
Всмотрись в мое лицо, дон Лудвиг; разве
Не узнаешь меня?

Камоэнс

Синьор, простите,
Не узнаю.

Квеведо

Не может быть; ты должен
Меня узнать.

Камоэнс

Не узнаю, синьор.

Квеведо

В Калвасе мы ходили вместе в школу.

Камоэнс

Мы?

Квеведо

Да, в Калвасе. Мы частенько там
Друг с другом и дирались, и порядком
Ты иногда отделял меня.
Подумай — вспомнишь: мы знакомы с детства.

Камоэнс

Синьор, прошу вас не взыскать; я стар,
И голова моя слаба; никак
Не вспомню, кто вы.

Квеведо

Боже мой, но, верно,
Меня узнаешь ты, когда скажу,
Что я Иозé Квеведо Кагель Бранка,
Сын крестной матери твоей, Маркитты?

Камоэнс

Иозé Квеведо ты?

Квеведо

Да, я Иозé
Квеведо — тот, которого, бывало,
Ты называл телячьей головою,
Которого так часто ты...

Камоэнс

Чего ж
Ты ищешь здесь, Иозé Квеведо?

Квеведо

Как
Чего? Хотелось мне тебя проведать,
Узнать, как поживаешь. Правду молвить,
Мне на тебя невесело смотреть.
Ты худ, как мертвый труп. А я — гляди,
Как раздобрел. Так все идет на свете!
Кто на ногах — держись, чтоб не упасть.
Идти за счастьем скользко...

Камоэнс

Правда, скользко.

Квеведо

Вот ты теперь в нечистом лазарете,
Больной полумертвец, безглазый, нищий,
Оставленный...

Камоэнс

Зачем, Иозé Квеведо,
Считаешь ты на лбу моем морщины
И седины на голове моей,
Дрожащей от болезни?

Квеведо

Не сердися,
Друг, я хотел сказать, что времена
Переменяются, что вместе с ними
Переменяемся и мы. Теперь
Ты уж не тот красавчик, за которым
Так в старину все женщины гонялись,
С которым знать водила дружбу, — ты
Не прежний Камоэнс.

Камоэнс

Не прежний, правда!
Но пусть судьбой разрушена моя
Душа, пускай все было то обман,
Чему я жизнь на жертву добровольно
Принес; — поймешь ли это ты? Моим
Судьей быть может ли какой-нибудь
Квеведо?

Квеведо (*про себя*)

Вот еще! Как горд! когда б
Не сын, тебе я крылья бы ошиб.

(*Вслух.*)

Твои слова уж чересчур суровы;
Другого я приема ожидал
От старого товарища. Но, правда,
Ты болен, иначе меня бы встретил
Ты дружелюбней. Нам о многом прошлом
Друг с другом можно поболтать. Ведь детство
Мы вместе провели; то было время
Веселое... Ты помнишь луг за школой,
Где мы, бывало, в мяч играли? Помнишь

Высокий вяз... кто выше взлезет? Ты
Всегда других опережал. А наша
Игра в охоту — кто олень, кто псарь,
А кто собаки... то-то было любо:
Вперед! крик, лай, визжанье, беготня...
Что? помнишь?

К а м о э н с

Помню.

К в е в е д о

А походы наши.
В соседний сад, и там осада яблонь,
И возвращение домой с добычей?
А иногда с садовником война
И отступленье?

К а м о э н с

Да; то было время
Веселое! Мы были все народ
Неугомонный.

К в е в е д о

Да, лихое племя!
А наш крутой пригорок, на котором
Лежала груда камней? Он для нас
Был крепостью; ее мы брали штурмом,
И было много тут подбитых глаз
И желваков...

К а м о э н с

Вот этот мой рубец
Остался мне на память об одном
Из наших подвигов тогдашних...

К в е в е д о

Правду
Сказать, не раз могла потеха стоять
Нам дорого. Вот, например, морской
Поход наш по реке. Мы все устали
И воротились; ты ж один...

Да, мне
 Казалось, что вдали передо мной
 Был новый, никогда еще никем
 Не посещенный свет; во что б ни стало
 К нему достигнуть я решился; сила
 Теченья мне препятствовала долго
 Мой замысел исполнить; наконец
 Ее я одолел и вышел гордо
 На завоеванный, желанный берег...
 О, молодость! о, годы золотые!..

(Помолчав.)

Дай руку мне! ты знаешь, мы с тобою
 В то время не были друзьями: ты
 Казался — но, быть может, не таков ты,
 Каким тогда казался нам... Ну, дай же
 Мне руку: в детстве ты со мной играл,
 Со мной делил веселье; а теперь
 Туманный вечер мой ты осветил
 Воспоминанием прекрасной нашей
 Зари... Я так один — хотя б ты был
 И злейший враг мой, мне тебя теперь
 Обнять от сердца должно...

(Обнимает его.)

К в е в е д о *(помолчав)*

Ну, скажи же,
 Как жил ты, что с тобой происходило
 С тех пор, как мы расстались? Мне отец
 Велел науки кончить и покинуть
 Калвас и в Фигуэру ехать. Там
 Иная сказка началась: пришлось
 Не об игре уж думать — о работе.

Камоэнс

Меня судьба перевела в Коимбру,
 Святилище науки; там впервые
 Услышал я Гомера; мантуанский
 Певец меня гармонией своей
 Пленил, и прелесть красоты

Проникла душу мне; что в ней дотолё
Невидимо, неведомо хранилось,
То вдруг в чудесный образ облеклось;
Что было тьма, то стало свет, и жизнью
Затрепетало все, что было мертвым;
И мне во грудь предчувствие чего-то
Невыразимого впилося...

К в е в е д о

Я,

Признаться, до наук охотник был
Плохой. Отец меня в сидельцы отдал
Знакомому купцу; и должно правду
Сказать, уж было у него чему
Понаучиться: он считать был мастер.
А ты?

К а м о э н с

Промчались годы, в школе стало
Мне тесно; я последовал влеченью
Души — увидел Лиссабон, увидел
Блестящий двор, и короля во славе
Державного могущества, и пышность
Его вельмож... Но я на это робко
Смотрел издалека и, ослепленный
Блистательной картиною, за призрак
Ее считал.

К в е в е д о

Со мной случилось то же
Точь-в-точь, когда на биржу в первый раз
Я заглянул и там увидел горы
Товаров...

К а м о э н с

В это время встретил я
Ее... О боже! как могу теперь,
Разрушенный полумертвец, снести
Воспоминание о том внезапном,
Неизглаголанном преображенье
Моей души!.. Она была прекрасна,

Как бог в своей весне, животворящей
И небеса и землю!

К в е в е д о

И со мной
Случилось точно то ж. У моего
Хозяина была одна лишь дочь,
Наследница всему его имению;
Именье ж накопил себе старик
Большое; мудрено ли, что мое
Заговорило сердце?

К а м о э н с *(не слушая его)*

О святая
Пора любви! Твое воспоминанье
И здесь, в моей темнице, на краю
Могилы, как дыхание весны,
Мне освежило душу. Как тогда
Все было в мире отголоском звучным
Моей любви! каким сияньем райским
Блистала предо мной вся жизнь с своим
Страданием, блаженством, с настоящим,
Прошедшим, будущим!.. О боже! боже!..

К в е в е д о

Отцу я полюбился; он доволен
Был ловкостью моей в делах торговых
И дочери сказал, что за меня
Ее намерен выдать; дочь на то
Сказала: «воля ваша», и тогда же
Нас обручили...

К а м о э н с

О, блажен, блажен,
Кому любви досталась награда!..
Мне не была назначена она.
Нас разлучили; в монастырской келье
Младые дни ее угасли; я
Был увлечен потоком жизни; в буре
Войны хотел я рыцарски погибнуть,
Сел на коня и бился под стенами
Марокко, был на штурме Цейты;

Из битвы вышел я полуслепым,
А смерть мне не далась.

К в е в е д о

Со мною было
Не лучше. Я с женой недолго пожил:
Бедняжка умерла родами... Сильно
По ней я горевал... Но мне наследство
Богатое оставила она,
И это, наконец, кое-как стало
Моей отрадой.

К а м о з н с

Все переживешь
На свете... Но забыть?.. Блажен, кто носит
В своей душе святую память, верность
Прекрасному минувшему! Моя
Душа ее во глубине своей,
Как чистую лампаду, засветила,
И в ней она поэзией горела.
И мне была поэзия отрадой:
Я помню час, великий час, меня
Всего пересоздавший. Я лежал
С повязкой на глазах в госпитале;
Тьма вокруг меня и тьма во мне...
И вдруг — сказать не знаю — подошло,
Иль нет, не подошло, а подлетело,
Иль нет, как будто божие с небес
Дыханье свеяло — свежо, как утро,
И пламенно, как солнце, и отрадно,
Как слезы, и разительно, как гром,
И увлекательно, как звуки арфы, —
И было то как будто и во мне
И вне меня, и в глубь моей души
Оно вливалось, и волшебный круг
Меня тесней, теснее обнимал;
И унесен я был неодолимым
Могуществом далеко в высоту...
Я обеспамятел; когда ж пришел
В себя — то было первая моя
Живая песня. С той минуты чудной
Исчезла ночь во мне и вокруг меня;

Я не был уж один, я не был брошен;
Страданий чаша предо мной стояла,
Налитая целебным питием;
Моя душа на крыльях песнопенья
Взлетела к богу и нашла у бога
Утеху, свет, терпенье и замену.

К в е в е д о

Мне посчастливилось; свое богатство
Удвоил я; потом ушестерил...
А ты как? Что потом с тобой случилось?

К а м о э н с

Я в той земле, где схоронил ее,
Не мог остаться. Вслед за Гамой славный
Путь по морям я совершил, и там,
Под небом Индии, раздался звучно
В честь Португалии мой голос: он
Был повторен волнами Тайо; вдруг
Услышала Европа имя Гамы
И изумилась; до пределов Туле
Достигнул гром победный Лузиады.

К в е в е д о

А много ль принесла тебе она?
У нас носился слух...

К а м о э н с

Мне принесла
Гонение и ненависть она.
Великих предков я ничтожным внукам
Осмелился поставить в образец,
Я карлам указал на великанов —
И правда мне в погибель обратилась:
И то, что я любил, меня отвергло,
И что моей я песнию прославил,
Тем был я посрамлен — и был, как враг,
Я Португалией моей отринут...

(Помолчав.)

Я муж, и жалобы я ненавижу;
Но всю насквозь мне душу эта рана

Прогрызла; никогда не заживет
Она и вечно, вечно будет рвать
Меня, как в оный миг разорвала,
Когда отечество так беспощадно
От своего поэта отреклося.

К в е в е д о

Ну, не крушись; забудь о прошлом; кто
Не ошибается в своих расчетах?
Теперь не удалось — удастся после.

К а м о э н с

И для меня однажды солнце счастья
Блеснуло светлою зарей. Когда
Король наш Себастьян взошел на трон,
Его орлиный взор проник в мою
Тюрьму, с меня упала цепь, и свет
И жизнь возвращены мне были снова;
Опять весна в груди моей увядшей
Воскресла... но то было на минуту:
Все погубил день битвы Алькассарской.
Король наш пал великой мысли жертвой —
И Португалия добычей стала
Филиппа... Страшный день! о, для чего
Я дожил до тебя!

К в е в е д о

Да, страшный день!

Уж нечего сказать! И с той поры
Все хуже нам да хуже. Бог на нас
Прогневался. По крайней мере, ты
Похвастать счастьем не можешь.

К а м о э н с

Солнце

Мое навек затмилось, и печально
Туманен вечер мой. Забыт, покинут,
В болезни, в бедности я жду конца
На нищенской постели лазарета.
Один мне оставался друг — он был
Невольник; иногда я называл
Его в досаде черною собакой.
Но только что со мной простилося счастье,

Он сделался хранителем моим:
Он мне служил, и для меня работал,
И отдавал свою дневную плату
На пищу мне. Когда ж болезнь меня
К постели приковала, день и ночь
Сидел он надо мной и утешал
Меня отрадными словами ласки,
И, сам больной, по улицам таскался
За подаванием для Камоэнса.
И наконец, свои истратив силы,
Без жалобы, без горя, за меня
Он умер — черная собака!.. Бог
То видел с небеси... Покойся, друг,
Последний друг мой на земле, в твоей
Святой могиле! там тебе приятно,
А на земле приюта не бывает.

К в е в е д о (*про себя*)

Теперь пора мне к делу приступить.

(*Ему.*)

Сердечный друг, тебе удел нелегкий
Достался, нечего сказать! Ты славил
Отечество, и чем же заплатило
Оно тебе за славу? Нищетой.
С надеждами пошел ты в путь, а с чем
Пришел назад? Ровнехонько ни с чем.
И вот теперь, при нашей поздней встрече,
Когда твою судьбу сравню с моею,
То, право, кажется — не осердися, —
Что выбор мой сто раз благоразумней
Был твоего. Вот видишь, я богат;
По всем морям товар мой корабли
Развозят; а бывало, на меня
Смотрел ты свысока. Сказать же правду,
Хоть лаврами я лба и не украсил,
Но, кажется, что на вес мой барыш
Тяжеле твоего...

К а м о э н с

Ты в барышах —
Не спорю. Но на свете много есть

Вещей возвышенных, не подлежащих
Ни мере, ни расчетам торгаша.
Лишь выгодой определять он может
Достоинство; заметь же это, друг:
Лавровый лист скупать ты на вес можешь,
Но о венках лавровых не заботься.

К в е в е д о (*про себя*)

Уж не смеется ль он пад нашим званьем?..
Постой, уж попадись ко мне ты в руки,
Я отплачу тебе порядком.

(*Ему.*)

Ты

Обиделся, я вижу; а в тебе
Я искренно участие принимаю.
Да я и с просьбою пришел; послушай,
Оставь ты лазарет свой, сделай дружбу,
Переселись ко мне; мой дом просторен;
Чужим найдется много места в нем,
Не только что друзьям. Ну, Камоэнс,
Не откажи мне; перейди в мой дом;
Ты у меня свободно отдохнешь
От прошлых бед, и мой избыток
Охотно я с тобою разделю...
Не слышишь, что ли, Камоэнс?

Камоэнс

Что? что

Ты говоришь? Меня к себе, в свой дом
Зовешь?

К в е в е д о

Да, да! К себе, в свой дом, тебя
Зову. Согласен ли?

Камоэнс

Жить у тебя?

Но, может быть, ты думаешь, Квеведо...
Нет, нет! твое намеренье, я в этом
Уверен, доброе — благодарю;
Но мне и здесь покойно: я доволен;

Нет нужды мне тебя теснить; да в этом
И радости не будет никакой:
О радостях давно мне и во сне
Не грезится.

К в е в е д о

Меня ты потеснишь?
Помилуй, что за мысль! Ты мне, напротив,
Полезен можешь быть; я от тебя
Жду помощи великой.

К а м о э н с

От меня?
Ждешь помощи? И я могу тебе
Полезен быть? я? я? мечтатель жалкий,
Который никому и ни на что
Не нужен был на свете и себя
Лишь только погубить умел? Квеведо,
Не шутишь ли?

К в е в е д о

Какая шутка! Сам
Ты рассуди; дал бог мне сына — ну,
Уж нечего сказать, таких немного,
Каков мой Васко; он до этих пор
Был радостью моей, и я им хвастал
И уж заране веселил себя
Надеждою, что он мое богатство,
Которому всему один наследник,
Удвоит, мне, как должно, подражая, —
Ан нет, иначе вышло на поверку:
Отцовским званьем он пренебрегает,
В проклятые зарылся пергаменты,
Ударился в стихи, в поэты метит,

К а м о э н с

Безумство! жалкий бред!

К в е в е д о

Я то же сам
Ему пою; да он не верит. Музы =

Ему отец, и мать, и все земное
Его богатство.

Камоэнс

Так мечтают все
Они, но то обман...

Квеведо

Напрасно я
Увещевал его: он слов моих
И понимать не хочет. Видишь ли теперь,
Как много мне ты можешь быть полезен,
Дружище? Укажи ему на твой
Пример, пускай узнает он, как ты,
Его достойный образец, был щедро
От света награжден; пусть Камоэнса
Увидит он в госпитале, больного,
В презренье, в нищете, быть может...

Камоэнс

Так

Пускай меня увидит он! Пришли
Его сюда; я вылечу его
От губельной мечты. Слепец! безумец!
Ненужною доселе жизнь свою
Я почитал; теперь мне все понятно:
Им пугалом должна служить она!

Квеведо

Так ты его остережешь? спасешь?

Камоэнс

Остерегу, спасу... Пришли его
Сюда...

Квеведо

Он недалёко; крылья пня
Твое придаст ему; через минуту
Он будет здесь; и вместе с ним в мой дом
Пожалует желанный гость — не правда ль?
Ты будешь, друг?

Камоэнс
Увидим.

Квеведо
Ну, прости же,
Любезный.

(Про себя.)

Слава богу! все как должно
Улажено. Лишь только б сына он
На путь наставил... сам же... что за дело
Мне до него!.. Пускай в госпитале
Околеваает.

(Уходит.)

III

Камоэнс *(один)*

Я устал; все силы
Мои истощены; и жар и холод
Я чувствую; в глазах моих темнеет;
Уж не она ль? Не смерть ли, званный друг,
Ко мне подходит?..

(Помолчав.)

Всех я схоронил;
Все, что любил я, что меня любило,
Давно во гробе... Я стою один
Перед своей могилою, один...
И не протянет мне никто руки,
Чтобы помочь в нее сойти; свалюся
Туда, как чумный труп, рукой наемной
Толкнутый в общий гроб. Счастлив стократно
Простой поселянин! Трудом прилежным
Довольный, скромный, замыслов высоких
Не ведая, своей тропинкой он
Идет; когда же смертный час его
Наступит, он, в кругу своих, близ доброй
Жены, участницы всего, что было
И горького и радостного в жизни,
Среди детей, воспитанных с любовью,

Смиренно, тихо, ясно умирает;
И всеми он любим, и, с ним прощаясь,
Все плачут, и глаза ему родная
Рука при смерти зажимает. Я же?..
О, как меня все обмануло! Я
Жил одинок и одинок умру...
Сокровищем она казалась мне
В тот час, когда нас буря окружала,
Когда корабль наш об утес в щепы
Расшибся, — да, сокровищем тогда
Она, мое созданье, Лузнада,
Казалась мне! и в море с Лузнадой
Я кинулся, и отдал на пожранье
Волнам все, все и с гордым торжеством
На берег нищим вышел... спасена
Была мое созданье, Лузиада!
Час роковой! погибельная песнь!
Погибельный венец, мне данный славой!
Для них от мирного, земного счастья
Отрекся я — и что ж от них осталось?
Разуверение во всем, что прежде
Я почитал высоким и прекрасным...

(Помолчав.)

Мне холодно, и дрожь в моих костях:
Последняя минута Камоэнса —
И никого, чтоб вздох его принять!
В прошедшем ночь, в грядущем почь; расстроен,
Разрушен гений; мужество и вера
Потрясены, и вся земная слава
Лежит в пыли... Что жизнь моя была?
Безумство, бешенство... он справедливо
Сказал: барыш мечтателя — мечта.

IV

Камоэнс и Васко Квеведо.

Васко

Здесь, сказано, могу его найти...
Ах, вот он!.. это он!.. таким видал я
Его во сне... но только бодрым, смелым,

И молнии в глазах, и голова,
Поднятая торжественно и гордо...
Что нужды! Это он... Хотя и стар
И хил, но на лице его печать
Его великой песни.

Камоэнс

Кто тут?

Васко

Васко

Квеведо, сын знакомого твоего,
Иозе Квеведо...

Камоэнс

Ты?

Васко

Отец меня

Прислал сюда, дон Лудвиг, пригласить
Тебя в наш дом переселиться; там
Найдешь достойное тебя жилище
И дружбу... но не рано ль я пришел?

Камоэнс

Когда б промедлил час, пришел бы поздно.
Приблизься, посмотри: уж надо мной
Летает ангел смерти; для меня
Все миновалось; но прими совет
От умирающего Камоэнса
И сохрани его на пользу жизни..

Васко

Ты умираешь?.. нет, не может быть,
Чтоб умер Камоэнс!

Камоэнс

Минутой, друг,

Нам дороги; послушай, сын мой, ты,
Я слышал от отца, служенью муз
Жизнь посвятить свою желаешь... правду ль
Сказал он?

В а с к о

Правду, я клянуся богом!

К а м о э н с

Одумайся; то выбор роковой;
Ты молод, и твоя душа, земного
Еще не ведая, стремится к небу,
И ты свое стремление зовешь
Любовию к поэзии, от неба
Исшедшей, как твоя душа. Но знай,
Любовь еще не сила; постигать
Не есть еще творить; а увлекаться
Стремлением к великому еще
Не есть великого достигнуть.

В а с к о

Знаю.

К а м о э н с

Так загляни ж во глубину своей
Души, и что ее бы ни влекло —
Самонадеянность, иль просто детский
Позыв на подражанье, иль тревога
Кипучей младости, иль раздраженье
Излишне напряженных нерв — себя,
Мой друг, не ослепляй. Другие все
Искусства нам возможно приобрести
Наукою; поэта же творит —
Святейшее оставив про себя —
Природа; гении родятся сами;
Нисходит прямо с неба то, что к небу
Возносит нас.

В а с к о

Того, что происходит
Теперь во мне и что я сам такое,
Я изъяснить словами не могу.
Но выслушай мою простую повесть:
Ребенком тихим, книги лишь одни
Любя, я вырос, преданный мечтанью.
Мой взор был обращен во внутрь моей

Души; я внешнего не замечал;
Уединение имело голос,
Понятный для меня; и прелесть лунных
Ночей меня стремил в область тайны.
На путь отца смотрел я с отвращеньем;
Меня влекло неведомо к чему...
Вдруг раздалась чудесно Лузиада —
И стало все во мне светло и ясно;
Сомненье кончилось, и выбрать
Уж пужды не было... *за ним, за ним!*
В моей душе гремело и пылало;
И каждое биенье сердца мне
Твердило то ж: *за ним! за ним!..* И власть,
Влекущая меня, неодолима.
Теперь реши, поэт ли я или нет?

Камоэнс

Свидетель бог! твои глаза блещут,
Как у поэта; но послушай, друг,
Хотя б их блеск и правду говорил,
Остановись, не покидай смиренной
Тропы, протянутой перед тобою;
Судьба тебе добра желает; мне
Поверь, я дорогой купил ценой
Признание, что счастье земное
Не на пути поэта.

Васко

Дай его

Мне заслужить — и пусть оно погибнет!

Камоэнс

Слепец! тебя зовет надежда славы,
Но что она? и в чем ее награды?
Кто раздает их? и кому они
Даются? и не все ль ее дары
Обруганы завидующей злобой?
За них ли жизнь на жертву отдавать?
Лишь у гробов, которым уж никто
Завидовать не станет, иногда
Садит она свой лавр, дабы он цвел
Над тлением, которое когда-то

Здесь человеком было и страдало,
Нося торжественно на голове
Под лаврами пронзительные терны.
Но для того, кто в гробе спит, навеки
Бесчувственный для здешних благ и бед,
Не все ль равно — полынь ли над костями
Его растет, иль лавр... Не вся ль тут слава?

В а с к о

Я молод, но уж мне видать случалось,
Как незаслуженно ее венец
Бесстыдная ничтожность похищала,
Ругаясь над скромно-молчаливым
Достоинством? Но для меня не счастье,
Не золото — скажу ли? — и не слава
Приманчивы...

К а м о э н с

Не счастье и не слава?
Чего же ищешь ты?

В а с к о

О, долго, долго
Хранил я про себя святую тайну!
Но посвященному, о Камоэнс,
Тебе я двери отворю в мое
Святилище, где я досель один
Доступному мне божеству молился.
Нет, нет! не счастья, не славы здесь
Ищу я: быть хочу крылом могучим,
Подъемлющим родные мне сердца
На высоту, зарей, победу дня
Предвозвещающей, великих дум
Воспламенителем, глаголом правды,
Лекарством душ, безверием крушимых,
И сторожем нетленной той завесы,
Которою пред нами горний мир
Задернут, чтоб порой для смертных глаз
Ее приподымать и святость жизни
Являть во всей ее красе небесной —
Вот долг поэта, вот мое призванье!

Камоэнс

О молодость на крыльях серафимских!
Как мало ход житейского тебе
Понятен! возносить на небеса
Свинцовые их души, их слепые
Глаза воспалять, глухонемых
Пленять гармонией!..

Васко

Что мне до них,
Бесчувственных жильцов земли иль дерзких
Губителей всего святого! Мне
Они чужие. Для чего творец
Такой им жалкий жребий избрал, это
Известно одному ему; он благ
И справедлив; обителей есть много
В доме отца — всем будет воздаянье.
Но для чего сюда он их послал, —
О, это мне понятно. Здесь без них
Была ли бы для душ, покорных богу,
Возможна та святая брань, в которой
Мы на земле для неба созреваем?
Мы не за тем ли здесь, чтобы средь тяжких
Скорбей, гонений, видя торжество
Порока, силу зла и слыша хохот
Бесстыдного разврата иль пасмешку
Безверия, из этой бездны вынести
В душе неоскверненной веру в бога?..
О Камоэнс! Поэзия небесной
Религии сестра земная; светлый
Маяк, самым создателем зажженный,
Чтоб мы во тьме житейских бурь не сбились
С пути. Поэт, на пламени его
Свой факел зажигай! Твои все братья
С тобою заодно засветят каждый
Хранительный свой огонь, и будут здесь
Они во всех странах и временах
Для всех племен звездами путевыми;
При блеске их, что б труженик земной
Ни испытал, — душой он не падет,
И вера в лучшее в нем не погибнет,
О Камоэнс! о, верь моим словам!

Еще во мне того, что в этот миг
Я чувствую, ни разу не бывало;
Бог языком младенческим моим
С тобою говорит: ты совершил
Свое святое назначенье, ты
Свой пламенник зажег неугасимо;
Мне в душу он проник, как божий луч;
И скольких он других согрел, утешил!
И пусть разрушено земное счастье,
Обмануты ласкавшие надежды
И чистые обруганы мечты...
Об них ли сетовать? Таков удел
Всего, всего прекрасного земного!
Но не умрет живая песнь твоя;
Во всех веках и поколениях будут
Ей отвечать возвышенные души.
Ты жил и будешь жить для всех времен!
Прямой поэт, твое бессмертно слово!

К а м о э н с

Его глаза сверкают, щеки рдеют;
Пророчески со мной он говорит;
От слов его вся внутренность моя
Трепещет; не самим ли богом прислан
Ко мне младенец этот?.. Ты, мой сын,
Лишь о грядущем мыслишь — оглянись
На настоящее и на меня,
Певца твоей великой Лузнады.
Смотри, как я, в печистом лазарете,
Отечеством презренный и забытый
Людьми, кончаю жизнь на том одре,
Где за два дня издох в цепях безумный.
Таков в своих наградах свет: страшишь
Моей стези; бегн надежд поэта!

В а с к о

Бежать твоих надежд, твоей стези
Страшиться?.. Нет, бросаюсь на колени
Перед твоей страдальческой постелью,
На коей ты, как мученик смиренный,
Зришь небеса отверзтые, где ждет
Тебя твой бог, тебя не обманувший.

Благодарю тебя, о Камознс,
За все, чем был ты для моей души!
И здесь со мной тебя благодарят
Все современники и всех времен
Грядущих верные друзья святых,
Поклонники великого, твои
По чувству братья. Пусть людская злоба,
Презрение, насмешка, нищета
Достоинству в награду достаются —
Прекрасней лавра, мученик, твой терн!
И умереть в темнице лазарета
Верх славы... О судьба! дай в жизни мне
Быть Камознсом! дай, как он, быть светом
Отечества и века моего
Величием! — и все земные блага
Тебя я отдаю на жертву!

К а м о з н с

О!

Клянусь моей последнею минутой,
И всей моей блаженно-скорбной жизнью,
И всем святым, что я в душе хранил,
И всеми чистыми ее мечтами
Клянуся, ты назначен быть поэтом.
Не своелюбие, не тщетный призрак
Тебя влекут — тебя зовет сам бог;
К великому стремишься ты смиренно,
И ты дойдешь к нему — ты сердцем чист.

В а с к о

Дойду?.. О Камознс! ты ль это мне
Пророчишь?.. Повтори ж мне, буду ль я
Поэтом?

К а м о з н с

Ты поэт! имей к себе
Доверенность, об этом часе помни;
И если некогда захочет взять
Судьба свое и путь твой омрачится —
Подумай, что своим эфирным словом
Ты с Камознсовых очей туман
Печали свеял, что в последний час,

Обезнадеженный сомнением, он
Твоей душой был вдохновлен, и снова
На пламени твоём свой прежний пламень
Зажег — и жизнь прославил, умирая.
О, помни, друг, об этом часе, помни
О той руке, уж смертью охлажденной,
Которая на звание поэта
Теперь тебя благословляет. Жизнь
Зовёт на битву! с богом! воссияй
Прекрасным днём, денница молодая!
А Камоэнсово уж солнце село,
И смерть над ним покров свой расстилает...

В а с к о

Ты не умрешь. На имени твоём
Покоится бессмертье.

К а м о э н с

Так, оно
На нём покоится. Его призыв
Я чувствую: я был поэт вполне.
Неправедно роптал я на страданье;
Мне в душу бог вложил его — он прав;
Страданием душа поэта зреет,
Страдание — святая благодать...
И здесь любил я истину святую,
И голос мой был голосом ее;
И не развеется, как прах ничтожный,
Жизнь вдохновенная моя; бессмертны
Мои мечты; их семена живые
Не пропадут на жатве поколений.
Пред господа могу предстать я смело.

В а с к о

Что, что с тобой?..

В эту минуту совершается видение: над головою Камоэнса
является дух в образе молодой девы, увенчанной лаврами,
с сияющим крестом на груди. За нею яркий свет.

К а м о э н с

Оставь меня, мой сын!
Я чувствую, великий час мой близко...

Мой дух опять живой исполнен силы;
 Меня зовет знакомый сердцу глас;
 Передо мной исчезла тьма могилы,
 И в небесах моих опять зажглась
 Моя звезда, мой путеводец милый!..
 О! ты ль? тебя ль час смертный мне отдал,
 Моя любовь, мой светлый идеал?

Тебя, на рубеже земли и неба, снова
Преображенную я вижу пред собой;
Что здесь прекрасного, великого, святого
Я вдохновенною угадывал мечтой,
Невыразимое для мысли и для слова,
То все в мой смертный час прияло образ твой
И, с миром к моему приникнув изголовью,
Мне стало верою, надеждой и любовью.

Так, ты поэзия: тебя я узнаю;
У гроба я постиг твоё знаменованье.
Благословляю жизнь тревожную мою!
Благословенно будь души моей страданье!
Смерть! смерть, великий дух! я слышу
  весть твою;
Меня всего твое проникнуло сиянье!

(Подает руку Васку, который падает на колени.)

Мой сын, мой сын, будь тверд, душою
не дремли!
Поэзия есть бог в святых мечтах земли.

(Умирает.)

МАТТЕО ФАЛЬКОНЕ

Корсиканская повесть

В кустах, которыми была покрыта
Долина Порто-Веккио, со всех
Сторон звучали голоса, и часто
Гремели выстрелы; то был отряд
Рассыльных егерей; они ловили
Бандита старого Санпьеро; но,
Проворно меж кустов ныряя, в руки
Им не давался он, хотя навывлет
Прострелен пулей был. И вот, на верх
Горы взбежав, он хижины достигнул,
В которой жил с своей семьей Маттео
Фальконе; но, к несчастью, в это время
Один лишь мальчик, сын его, был дома;
Он у ворот стоял и на долину
Смотрел, прислушиваясь к шуму. Вдруг
Из ближних выбежав кустов, Санпьеро
Бросается к нему и говорит:
«Спаси меня, я ранен, егеря
За мною гонятся, они уж близко!» —
«Да я один; отца нет дома; с ним
Ушла и мать». — «Что нужды! спрячь меня
Скорей». — «Да что отец на это скажет?» —
«Отец тебя похвалит; от меня ж
На память вот тебе монета». Мальчик,
Монету взявши, ввел на двор Санпьеро;
Он спрятался там в сено; Фортунато ж
(Так звали мальчика) проворно сеном
Его закрыл, и кровь втоптал в песок,

И вид спокойный принял. В этот миг
Вбежал на двор с своими Гамба (главный
Рассыльщик; он был родственник Маттео).
«Не попадался ли тебе Санпьеро? —
У мальчика спросил он. — Верно, здесь
Его ты видел». — «Нет, я спал». — «Ты лжешь;
Когда стреляют, спать нельзя». — «Да мой
Отец стреляет громче вас, а я
И тут не просыпаюсь». — «Отвечай же,
Куда ушел Санпьеро? Ты его
Здесь видел; правду говори, не то
Тебе достанется». — «Попробуй тронуть
Меня хоть пальцем; мой отец Маттео
Фальконе, знаешь?» — «Твой отец тебя
За то, что лжешь ты, высечет». — «Ан нет,
Не высечет». — «Да где же твой отец?» —
«Он в лес пошел за дичью; видишь сам,
Что я один». К товарищам тогда
В недоуменье обратившись, Гамба
Сказал: «Кровавый след привел нас прямо
Сюда; он, верно, здесь; но этот дом
Обыскивать не стану я; с Маттео
Фальконе ссориться опасно». Гамба
Стоял нахмурившись и тыкал в сено
Своим штыком, не думая, чтоб там
Санпьеро спрятан был; а Фортунато,
Как будто без намеренья цепочкой
Часов его играя, неприметно
Его отвести от места рокового
Старался. Гамба, вынув из кармана
Часы, сказал: «Я уж давно тебе
Подарок, Фортунато, приготовил.
Ведь у тебя до сих пор нет часов?» —
«Отец сказал, что мне их даст, как скоро
Двенадцать лет мне будет». — «А тебе
Теперь лишь только десять. Эта песня
Долга. Вот посмотри сюда, какие
Прекрасные часы». И он на солнце
Вертел их, и они сверкали ярко.
Глазами жадными за ними бегал
Встревоженный их блеском Фортунато...
Футляр с эмалью, стрелки золотые

И голубой узорный циферблат...
«Ну что же, где Санпьеро?» — «А часы
Ты дашь мне?» — «Дам». И Гамба поднял выше
Часы; как чаша роковых весов,
Над головой ребенка, раза два
Шатнувшись, они остановились.
Он искушения не вынес; в нем
Вся внутренность зажглась; как в лихорадке
Он задрожал и, правую тихонько
Поднявши руку, вдруг, как зверь когтями,
Схватил часы, а левою рукою,
Закинув за спину ее, в молчанье
На сено Гамбе указал. Без слов
Был кончен торг кровавый. Фортунато,
Добычу взяв, о проданной им жертве
Забыл. Санпьеро из-под сена тут же
Был вытащен; с презреньем поглядел он
На мальчика и, в руки егерям
Отдавшись, сказал: «Друг Гамба, ты
Уж в этом мне, конечно, не откажешь:
Найди носилки; я идти не в силах;
Весь кровью изошел я; признаюсь,
Стрелять ты мастер и в меня так ловко
Попал, что уж теперь со мной конец;
Но видеть мог ты также, что и я
Не промах». И о нем, как о родном
(Любя за храбрость и врага), они
Заботиться усердно принялись.
Ему хотел монету Фортунато
Отдать назад; но молча оттолкнул
Он мальчика, который, уронив
Монету, отошел, краснея, в угол.
Маттео, в это время возвращаясь
С женою из леса, гостей незваных
Увидел в хижине; поспешно он
Свое ружье на выстрел приготовил
И подал знак жене, чтоб и она
С другим ружьем была готова. Смело
И осторожно он подходит. Гамба,
Его вдали узнавши, закричал:
«Маттео, это мы, друзья!» И тихо,
В его лицо всмотревшись, он дуло

Ружья нацеленного опустил.
«Маттео, — Гамба продолжал, к нему
Навстречу вышед, — мы лихого
Поймали зверя; но добыча эта
Нам дорого досталась: двое из наших
Легли». — «Кого?» — «Санпьеро, твоего
Приятеля; ведь он и у тебя
Украл двух коз». — «То правда; но большая
Семья у бедняка, а голод, знаешь,
Не свой брат». — «Вот стрелок! От нас бы, верно,
Он ускользнул, когда б не Фортунато,
Мальчишка твой, помог нам». — «Фортунато!» —
Маттео вскрикнул. «Фортунато!» — мать
Со страхом повторила. «Да! Санпьеро
Здесь в сено спрятался, а Фортунато
Его и выдал нам; за это все вы
Получите спасибо от начальства».
Холодным потом обдало Маттео;
Он в хижину вошел. Там егеря
Вкруг старика, который чуть дышал,
От раны изнемогши, суетились;
И, чтоб ему лежать покойней было,
Свои плащи постлали на носилки.
Не шевелясь и молча он смотрел
На их работу; но, как скоро шум
Услышал и, глаза подняв, увидел
В дверях стоящего Маттео, громко
Захохотал, и страшен был тот хохот.
Он плюнул на стену и, задыхаясь,
Глухим, осиплым голосом сказал:
«Будь проклят этот дом; иуды здесь
Предатели живут!» Как плотно
Маттео побледнел и кулаком
Себя ударил в лоб; он был как мертвый;
Стоял безгласно. Вот уж старика
Уклали на носилки, понесли
Из хижины; вслед за другими Гамба,
Хозяину пожавши руку, вышел;
И вот уж все пропали за кустами...
Маттео ничего не замечал;
Он, губы стиснув, яростно и страшно
Смотрел на сына. Фортунато, робко

Подкравшись, хотел отцову руку
Поцеловать; Маттео взвизгнул: «Прочь!»
У мальчика подрезались ноги;
Не в силах был он убежать и, бледный;
К стене прижавшись, плакал и дрожал.
«Моя ль в нем кровь?» — сверкнувши на жену
Глазами тигра, закричал Маттео.
«Ведь я жена твоя», — она сказала,
Вся покраснев. «И он предатель!» Тут
Рыдающая мать, взглянув на сына,
Увидела часы. «Кто дал тебе их?» —
Она спросила. «Дядя Гамба». Вырвав
С свирепым бешенством из рук у сына
Часы, ударил оземь их Маттео,
И вдребезги они разбились. Долго
Потом, как будто в забытии, стучал
Ружьем он в пол; потом, очнувшись, сыну
Сказал: «За мной!» И он пошел; за ним
Пошел и сын. Неся ружье под мышкой,
Он прямо путь направил к лесу. Мать,
Схватив его за полу платья: «Он
Твой сын! твой сын!» — кричала. Вырвав полу
Из рук ее, он прошептал: «А я
Его отец, пусти». Поцеловавши
С отчаяньем невыразимым сына
И руки судорожно сжав, в дверях
Осталась мать, чтобы хотя глазами
Их проводить; когда ж они из глаз
Вдали исчезли, плача и рыдая
Перед мадонною она упала.
Маттео, в лес вошедши, на поляне,
Деревьями густыми окруженной,
Остановился. Землю он ружьем
Копнул: земля рыхла. «Стань на колени, —
Ребенку он сказал, — читай молитву».
Став на колени, мальчик руки поднял
К отцу и завизжал: «Отец, прости
Меня; не убивай меня, отец!» —
«Читай молитву». Мальчик, задыхаясь,
Пролепетал со страхом «Отче наш»
И «Богородицу». «Ты кончил?» — «Нет,
Еще одну я знаю литанею;

Ее мне выучить отец Франческо
Велел». — «Она длинна, но с богом». Дулом
Ружья подперши лоб, он руки сжал
И про себя за сыном повторил
Его молитву. Кончив литанею,
Сын замолчал. «Готов ты?» — «Ах, отец,
Не убивай меня!» — «Готов ты?» — «Ах!
Прости меня, отец». — «Тебя простит
Всевышний бог». И выстрел загремел.
От мертвого отворотив глаза,
Пошел назад Маттео. На ногах он
Был тверд; но жизни не было в его
Лице; с подпорой старости своей
И сердце он свое убил. Он шел
За заступом, чтобы могилу вырыть
И тело схоронить. Ему навстречу,
Услышав выстрел, кинулась жена:
«Мое дитя! наш сын! что сделал ты,
Маттео?» — «Долг свой. Там он, на поляне,
Лежит. По нем поминки будут: он,
Как христианин, умер с покаяньем;
Господь его младенческую душу
Помилует и успокоит. Ты же,
Когда сберешься с силой, объяви
Паоло, зятю нашему, мою
Решительную волю, чтоб он нынче ж
К нам на житье с женой переселился».

ДВЕ ПОВЕСТИ

ПОДАРОК НА НОВЫЙ ГОД
ИЗДАТЕЛЮ «МОСКВИТЯНИНА»

Дошли ко мне на берег Майна слухи,
Что ты, Киреевский, теперь стал и москвич
И Москвитянин. В добрый час, приняться
Давным-давно пора тебе за дело.
Меня ж взяла охота подарить
Тебя и твой журнал на Новый год
Своим добром, чтоб старости своей
По-старому хотя на миг один
Дать с молодостью вашей разгуляться.
Но чувствую, что на пиру ее,
Где все кипит, поет, кружится, блещет,
Неловко старику; на ваш уж лад
Мне не поется; лёта изменили
Мою поэзию; она теперь,
Как я, состарелась и припсмирела;
Не увлекается хмельным восторгом;
У рубежа вечерней жизни сидя,
На прошлое без грусти обращает
Глаза и, думая о том, что нас
В грядущем ждет, молчит. Но все, однако,
На Новый год мне *должно* подарить
Тебя и твой журнал. Друг, даровому
Коню, ты знаешь сам, не смотрят в зубы.
Итак, прошу принять мой лепт вдовицы.

Недавно мне случилось найти
Предание о древнем Александре
В талмуде. Я хочу преданье это

Здесь рассказать так точно, как оно
Рассказано в еврейской древней книге.
Через песчаную пустыню шел
С своею ратью Александр; в страну,
Лежавшую за рубежом пустыни,
Он нес войну. И вдруг пришел к реке
Широкой он. Измученный путем
По знойному песку, на тучном бреге
Реки он рать остановил; и скоро вся
Она заснула в глубине долины,
Прохладою потока освеженной.
Но Александр заснуть не мог; и в зной
И посреди спокойствия долины,
Где не было следа тревог житейских,
Нетерпеливой он кипел душою;
Ее и миг покоя раздражал;
Погибель войск, разрушенные троны,
Победа, власть, вселенной рабство, слава
Носились пред ней, как привиденья.
Он подошел к потоку, наклонился,
Рукою зачерпнул воды студеной
И напился; и чудно освежила
Божественно-целительная влага
Его все члены; в грудь его проникла
Удвоенная жизнь. И понял он,
Что из страны, благословенной небом,
Такой поток был должен вытекать,
Что близ его истоков надлежало
Цвести земному счастью; что, верцо,
Там в благоденствии, в богатстве, в мире
Свободные народы ликовали.
«Туда! туда! с мечом, с огнем войны!
Моей они должны поддаться власти
И от меня удел счастливый свой
Принять, как дар моей щедроты царской».
И он велел греметь трубе военной;
И раздалась труба, и пробудилась,
Минутный сон вкусивши, рать; и быстро
Ее поток, кипящий истребленьем,
Вдоль мирных берегов реки прекрасной
К ее истокам светлым побежал,

И много дпей, не достигая цели,
Вел Александр свои полки. Куда же
Он наконец привел их? Ко вратам
Эдема. Но пред ним не отворился
Эдем; был страж у врат с таким ужасно
Пылающим мечом, что задрожала
И Александрова душа, его
Увидя. «Стой, — сказал привратник чудный, —
Кто б ни был ты, сюда дороги нет».
«Я царь земли, — воскликнул Александр,
Прогневанный неожиданным запрещеньем, —
Царем земных царей я здесь поставлен.
Я Александр!» — «Ты сам свой приговор,
Назвавшись, произнес; одни страстей
Мятежных обуздатели, одни
Душой смиренные вратами жизни
Вступают в рай; тебе ж подобным, мира
Грабителям, ненасытимо жадным,
Рай затворен». На это Александр:
«Итак, пазад мне должно обратиться,
Тогда, как я уже стоял ногой
На этих ступенях, туда проникнув,
Где от созданья мира ни один
Из смертных не бывал. По крайней мере,
Дай знамение мне, чтобы могла
Проведать вся земля, что Александр
У врат эдема был». На это страж:
«Вот знаменье; да просветит оно
Твой темный ум высоким разуменьем;
Возьми». Он взял; и в путь пошел обратный;
А на пути, созвавши мудрецов,
Перед собою знаменье велел
Им изъяснить. «Мне! — повторял он в гнев, —
Мне! Александру! дар такой презренный!
Кусок истлевшей кости!» — «Сын Филиппов, —
На то сказал один из мудрецов, —
Не презирай истлевшей этой кости;
Умей спросить, и даст тебе ответ».
Тут принести велел мудрец весы;
Одну из чаш он золотом наполнил;
В другую чашу кость он положил,
И... чудо! золото перетянула

Кость. Изумился Александр; он вдвое
Велел насыпать золота; он сам
Свой скипетр золотой, свою корону
И с ними тяжкий меч свой бросил в чашу —
Ни на волос она не опустилась.
Затрепетал на троне царь могучий;
И он спросил: «Какою тайной силой
Нарушен здесь закон природы? Чем
Ей власть ее возможно возвратить?» —
«Щепоткою земли», — сказал мудрец.
И бросил он на кость земли щепотку:
И чаша с костью быстро поднялась,
И быстро чаша с золотом упала.
Мудрец сказал: «Великий государь,
Был некогда подобный твоему
Разрушен череп; в нем же эта кость
Была частицей впадины, в которой
Глаз, твоему подобный, заключался.
Глаз человеческий в объеме мал;
Но с ненасытной жадностью объемлет
Он все, что нас здесь в области видений
Так увлекательно пленяет; целый
Он мир готов сожрать голодным взором.
Все золото земное всыпьте в чашу,
Все скипетры и все короны бросьте
На золото... все будет мало; но
Покрой его щепоткою земли —
И пропадет его ненасытимость;
Сквозь легкий праха груз уж не пробьется
Он жадным взором. Ты ж, великий царь,
В сем знаменье уразумей прямое
Значение и времени и жизни.
Ненасытимости перед тобою
Лежит символ в истлевшей этой кости».
Но царь внимал с поникшей головой,
С челом нахмуренным. Вдруг он вскочил;
Сверкнул на всех могучим оком льва;
И возгласил так громко, что скалы
Окрестные ужасный дали голос:
«Греми, труба! Вперед, мои дружины!
Жизнь коротка; уходит время; стыд
Тому, кто жизнь и время праздно тратит».

И вихрями взвился песок пустыни;
И рать великая, как змей с отверзтым
Голодным зевом, шумно побежала
К пределам Индии. Завоеватель
Потоками лил кровь, и побеждал,
И с каждою победой разгорался
Сильнейшей жаждою победы новой,
И наконец они ему щепоткой
Земли глаза покрыли — он утих.

Но кажется, почтенный Москвитянин,
Что мой тебе подарок в Новый год
Некстати мрачен: гробовая кость,
Земля могильная, ничтожность славы,
Тщета величий... в Новый год дарить
Таким добром неловко; виноват;
И вот тебе рассказ повеселее.

Жил на Востоке царь; а у царя
Жил во дворце мудрец: он назывался
Керим, и царь его любил и с ним
Беседовал охотно. Раз случилось,
Что задал царь такой вопрос Кериму:
«С чем можем мы сравнить земную жизнь
И свет?» Но на вопрос мудрец не вдруг
Ответствовал; он попросил отсрочки
Сначала на день, после на два, после
На целую неделю; наконец
Пришел к царю и так ему сказал:
«Вопрос твой, государь, неразрешим.
Мой слабый ум его обнять не может;
Позволь людей мудрейших мне спросить».
И в путь Керим отправился искать
Ответа на вопрос царя. Сначала
Он посетил один богатый город,
Где, говорили, находился славный
Философ; но философ тот имел
Великолепный дом, был друг сердечный
Царя, жил сам как царь и упивался
Из полной чаши сладостию жизни.
Керим ему вопрос свой предложил.
Он отвечал: «Свет уподобить можно

Великолепной пировой палате,
Где всякий час открытый стол — садись
Кто хочет и пируй. Над головою
Гостей горят и ходят звезды неба;
Их слух пленяют звонким хором птицы;
Для них цветы благоуханно дышат,
А на столах пред ними без числа
Стоят с едою блюда золотые,
И янтаре́м кипящим в чашах блещет
Вино; и все кругом ласкает чувства.
И гости весело сидят друг с другом,
Беседуют, смеются, шутят, спорят;
И новые подходят беспрестанно;
И каждому есть место; кто ж довольно
Насытился, встает, и с теми, кто
Сидели с ним, простясь, уходит спать
Домой, хозяину сказав спасибо
За угощенье. Вот и свет и жизнь».
Керим философу не отвечал
Ни слова; он печально с ним простился
И далее поехал; про себя же
Так рассуждал: «Твоя картина, друг
Философ, неверна; не все мы здесь
С гостями пьем, едим и веселимся;
Немало есть голодных, одиноких
И плачущих». Кериму тут сказали,
Что недалеко жил в густом лесу
Отшельник набожный, смиренномудрый.
Ему убежищем была пещера:
Он спал на голом камне; ел одни
Коренья, пил лишь воду; дни и ночи
Все проводил в молитве. И немедля
К нему отправился Керим. Отшельник
Ему сказал: «Послушай; через степь
Однажды вел верблюда путник; вдруг
Верблюд озлился, начал страшно фыркать,
Храпеть, бросаться; путник испугался
И побежал; верблюд за ним. Куда
Укрыться? Степь пуста. Но вот увидел
У самой он дороги водоем
Ужасной глубины, но без воды;
Из недра темного его торчали

Ветвями длинными кусты малины,
Разросшейся меж трещинами стен,
Покрытых мохом старины. В него
Гонимый бешеным верблюдом путник
В испуге прянул; он за гибкий сук
Малины ухватился и повис
Над темной бездной. Голову подняв,
Увидел он разинутую пасть
Верблюда над собой: его схватить
Рвался ужасный зверь. Он опустил
Глаза ко дну пустого водоема:
Там змей ворочался и на него
Зиял голодным зевом, ожидая,
Что он, с куста сорвавшись, упадет.
Так он висел на гибкой, тонкой ветке
Меж двух погибелей. И что ж еще
Ему представилось? В том самом месте,
Где куст малины (за который он
Держался) корнем в землю сквозь пролом
Стены состаревшейся водоема
Входил, две мыши, белая одна,
Другая черная, сидели рядом
На корне и его поочередно
С большою жадностью грызли, землю
Со всех сторон скребли и обнажали
Все ветви корня, а когда земля
Шумела, падая на дно, оттуда
Выглядывал проворно змей, как будто
Спеша проведать, скоро ль мыши корень
Перегрызут и скоро ль с ношей куст
К нему на дно обрушится. Но что же?
Вися над этим страшным дном, без всякой
Надежды на спасенье, вдруг увидел
На ближней ветке путник много ягод
Малины, зрелых, крупных: сильно
Желание полакомиться им
Зажглося в нем; он все тут позабыл:
И грозного верблюда над собою,
И под собой на дне далеком змея,
И двух мышей коварную работу;
Оставил он вверху храпеть верблюда,
Внизу зиять голодной пастью змея,

И в стороне грызть корень и копать
В земле мышей, — а сам, рукой добравшись
До ягод, начал их спокойно рвать
И есть; и страх его пропал. Ты спросишь:
Кто этот жалкий путник? *Человек.*
Пустыня ж с водоемом *Свет*; а путь
Через пустыню — наша *Жизнь* земная;
Гонящийся за путником верблюд
Есть враг души, тревог создатель, *Грех*:
Нам гибелью грозит он; мы ж беспечно
На ветке трепетной висим над бездной,
Где в темноте могильной скрыта *Смерть*
Тот змей, который, пасть разинув, ждет,
Чтоб ветка тонкая переломилась.
А мыши? Их название *День* и *Ночь*;
Без отдыха, сменяясь, они
Работают, чтоб сук твой, ветку жизни,
Которая меж смертию и светом
Тебя неверно держит, перегрызть;
Прилежно черная грызет всю ночь,
Прилежно белая грызет весь день;
А ты, прельщенный ягодой душистой,
Усладой чувств, желаний утоленьем,
Забыл и грех — верблюда в вышине,
И смерть — внизу зияющего змея,
И быструю работу дня и ночи —
Мышей, грызущих тонкий корень жизни;
Ты все забыл — тебя манит одно
Неверное минуты наслажденье.
Вот свет, и жизнь, и смертный человек.
Доволен ли ты повестью моею?»
Керим отшельнику не отвечал
Ни слова; он печально с ним простился
И далее поехал; про себя же
Так рассуждал: «Святой отшельник, твой
Рассказ замысловат, но моего
Вопроса он еще не разрешил;
Не так печальна наша жизнь, как степь,
Ведущая к одной лишь бездне смерти;
И не одним минутным наслажденьем
Пленяется беспечно человек».
И ехал он куда глаза глядят.

Вот повстречался с ним какой-то странный,
Убогим рубищем покрытый путник.
Он шел босой; через плечо висела
Котомка; в ней же было много хлеба,
Плодов и всякого добра; он сам,
Казалось, был веселого ума,
Глаза его сверкали остротою,
И на лице приятно выражалось
Простосердечие. Керим подумал:
«Задам ему на всякий случай мой
Вопрос! Быть может, дело скажет этот
Чудак». И он у нищего спросил:
«С чем можно нам сравнить земную жизнь,
И свет?» — «На это у меня в запасе
Есть повесть, — нищий отвечал. — Послушай:
Один *Немой* сказал *Слепому*: если
Увидишь ты *Арфиста*, попроси
Его ко мне, чтоб сына моего,
В унылость впадшего, своей игрою
Развеселил. На то сказал *Слепой*:
Такого мне *Арфиста* уж случалось
Видать здесь; я *Безногого* за ним
Отправлю; он его в одну минуту
Найдет. *Безногий* побежал и скоро
Нашел *Арфиста*; был *Арфист* без рук,
Но он упрямиться не стал и так
Прекрасно начал на бесструнной арфе
Играть, что меланхолик без ума
Расхохотался; то *Слепой* увидя
Всплеснул руками; вслух *Немой* хвалить
Стал музыканта, а *Безногий* начал
Плясать и так распрыгался, что много
Сбежалось людей, и из толпы
Вдруг выскочил *Дурак*: он изъявил
Арфисту, прыгуну и всем другим
Свое благоволение. Мимо их
Прошла тихонько *Мудрость* и, увидя,
Что делалось, шепнула про себя:
Таков смешной, безумный, жалкий свет,
И такова на свете наша жизнь.
Доволен ли ты повестью моею?»

Керим прохожему не отвечал
Ни слова; он печально с ним простился
И далее поехал; про себя же
Так рассуждал: «Затейлив твой рассказ;
Но моего вопроса не решил он.
Хотя мы в жизни много пустоты,
Дурачества и лжи встречаем, но
И высшая значительность и правда
Святая в ней заключены благим
Создателем». Подумав так, решился
Керим отправиться в обратный путь,
Чтоб донести царю, что никакого
Не удалось ему найти ответа
На заданный вопрос. Дорогой он
Молился богу, чтоб своею правдой
Бог просветил его рассудок темный
И жизни таинство ему открыл.
И пред царя явился он с веселым
Лицом и все, что сведал от других,
Ему пересказал; а царь спросил:
«Что ж напоследок сам теперь, Керим,
Ты думаешь?» — «Сперва благоволи, —
Сказал Керим, — услышать, что со мной
Самим случилось на пути. Известно
Тебе, что я лишь только по твоей
Высокой воле в этот трудный путь
Отправился, что, милостию царской
Хранимый, я везде проводников
Имел, и пищу находил дневную,
И никаких не испытал тревог.
Что ж на дороге доброго, худого
Мне повстречалось, о том нет нужды
Упомянуть — оно ничто в сравнение
С той бездной благ, какими ты так щедро,
Мой царь, меня осыпал. И мое
Одно желанье было: *угодить*
Тебе, с усердием стараясь правду
Найти между людьми, чтоб, возвратившись,
Тебе отчет принести в своих трудах.
Теперь ты сам реши по царской правде:
Достоин ли я милости твоей?»
Царь, не сказав ни слова, подал руку

В знак милости Кериму. Умиленно
Керим ее поцеловал; потом
Примолвил: «Так я думал про себя
Во время странствия. Но, подходя
К твоим палатам царским и печалюсь,
Что без малейшия перед тобой
Заслуги ныне я к тебе, мой царь,
Был должен возвратиться, вдруг у самой
Обители твоей как скорлупа
С моих упала глаз, и я постигнул,
Что наша жизнь есть *странствие по свету*
Такое ж, как мое, *во исполнение*
Верховной воли высшего царя».
Мудрец умолк; а царь ему сказал:
«Друг верный, будь моим отцом отныне».

И для тебя, мой добрый Москвитянин,
Как и для всех, в обеих повестях
Полезное найдется наставленье.
Хотя урок, так безуспешно данный
Эдемской костью Александру, боле
Земным царям приличен; но и ты,
Как журналист, воспользоваться им
Удобно можешь: будь в своем журнале
Друг твердый, а не злой наездник правды;
С журналами другими не воюй;
Ни с «Библиотекой для чтения», ни
С «Записками», ни с «Северной пчелою»,
Ни с «Русским вестником»; живи и жить
Давай другим; и обладать один
Вселенною читателей не мысли.
Другой же повести я толковать
Тебе не стану; мне давно известно,
Что ты, идя своей земной дорогой,
Смирненно ведаешь: *куда, зачем*
И *кто* тебе по ней идти велит.

ПРИМЕЧАНИЯ

БАЛЛАДЫ

Людмила. Закончено 14 апреля 1808 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1808, № 9, с подзаголовком «Русская баллада» и примечаниями Жуковского: к заголовку — «Подражание Биргеровой Леоноре»; к словам *Конь мой, конь, бежит песок...* — «В песочных часах». Переработка баллады Г.-А. Бюргера «Леноре» («Ленора»), к которой Жуковский обращался трижды («Людмила», «Светлана», «Ленора»).

«Ленора», основанная на немецких народных легендах, была характернейшим образцом преромантической поэзии, с ее интересом к народной (преимущественно средневековой) фантастике. В начале своей работы над балладами Жуковский особенно симпатизировал Бюргеру: «Шиллер более философ, а Бюргер простой повествователь, который, занимаясь предметом своим, не заботится ни о чем постороннем» (см. К. Зейдлиц. Жизнь и поэзия Жуковского, СПб., 1883, стр. 40).

Решая задачи, стоявшие в то время перед русской литературой, стремясь создать *русскую* балладу, Жуковский перестраивает образы и стиль «Леноры». Он, как говорили в то время, «склоняет» оригинал «на наши нравы». Упомянутая в подлиннике война 1741—1748 гг. между австрийской императрицей Марией-Терезией и прусским королем Фридрихом II заменена Ливонскими войнами (XVI—XVII вв.). В целях придания балладе национального колорита русского «средневековья» Жуковский употребляет старинные выражения — «рать», «дружина» и т. д. Жуковский не передал «простонародный» стиль оригинала; вместо сохраненной Бюргером грубоватой простоты народного языка ввел условную фразеологию «русских песен» в духе сентиментальной русской поэзии начала XIX века («бедная девица», «надежда-сладость» и т. д.). Имя героини умышленно заменено славянским именем Людмила. По сравнению с оригиналом в «Людмиле» переработан финал:

у Бюргера нет изображения смерти Лены, об этом только упоминается. Изменен размер — у Жуковского четырехстопный хорей вместо четырехстопного ямба.

Современник Жуковского, поэт П. А. Катенин, создал свой вариант переложения «Лены» — «Ольга» (1816). «Простонародность» оригинала в «Ольге» не только сохранена, но даже усугублена, соответственно катенинскому пониманию народности. В 1816 г. возникла полемика по поводу «Ольги» между Н. И. Гнедичем, сторонником Жуковского, и А. С. Грибоедовым, сторонником Катенина (см. вступительную статью в т. 1 наст. издания).

«Людмила» имела громадный успех. Читатель 1800-х годов нашел в ней и национально-патриотические мотивы, актуальные в эпоху наполеоновских войн, и обаяние литературной новизны. Белинский писал о «Людмиле»: «Тогдашнее общество бессознательно почувствовало в этой балладе новый дух творчества — и общество не ошиблось» (Полное собрание сочинений, изд. АН СССР, т. VII, М., 1955, стр. 169).

Кассандра. Написано в сентябре (?) 1809 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1809, № 20, с примечанием Жуковского: «Читателям известно, что Ахиллес, сын богини Фетиды и Пелея (почему и называется он здесь Пелидом), в ту самую минуту, когда он стоял перед брачным алтарем с Поликсеной, дочерью троянского царя Приама, убит Парисом, стрелой которого управлял Аполлон. Кассандра, сестра Поликсены, будучи жрицею Аполлона, имела несчастный дар предвидеть будущее». Перевод одноименной баллады Шиллера. Шиллер основывался на древнегреческих сказаниях «троянского цикла», вошедших не в «Илиаду», а в одну из «малых» поэм, известных нам по позднейшим пересказам. Согласно этим сказаниям, между троянцами и греками предполагалось заключение мира, в знак чего вождь греков Ахилл должен был вступить в брак с Поликсеной, сестрой Кассандры, дочерью троянского царя Приама. Кассандра, обладающая даром предвидеть несчастья, заранее оплакивает участь свою и Трои. Действительно, Ахилл был убит Парисом, и война возобновилась. Из разрушенной Трои победитель, греческий царь Агамемнон, увез Кассандру в качестве пленницы в Грецию, где они были убиты женой Агамемнона Клитемнестрой.

В балладе заключена мысль о том, что утрата непосредственности жизненных переживаний невыносима для человека. В знании будущего — трагедия Кассандры («Тяжко истины ужасной Смертною скуделью быть»). Общий тон жалоб Кассандры сделан у Жуковского более элегическим, чем в подлиннике. У Шиллера

в речах Кассандры есть оттенок пренебрежения к людям; она называет их «вечными слепцами» (у Жуковского — «скромные чада»). Жуковскому принадлежит образ смотрящего на Пергам Зевса в заключительных стихах баллады. В подлиннике иначе — «и тучи громовержца повисают грозно над Илионом».

И моей любви открылся... — Речь идет о фригийском царе Корэбе, женихе Кассандры, которому она предсказала смерть.

Тень Стигийская — призрак смерти.

Машут Фурии змиями... — Богини мщения Фурии, с извивающимися на головах змеями, олицетворяют возмездие за совершенное в Трое (Пергаме) предательское убийство Ахилла.

Боги мчатся к небесам... — Ранее покровительствовавшие Трое боги покидают ее.

Карающий громами — Зевс.

Светлана. Написано в 1808—1812 гг. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1813, № 1 и 2, с подзаголовком: «Ал. Ан. Пр...вой». В качестве свадебного подарка «Светлана» посвящена племяннице Жуковского Александре Андреевне Протасовой, в замужестве Воейковой, сестре М. А. Протасовой-Мойер (прозвище «Светлана» осталось за А. А. Воейковой). Баллада представляет собой наиболее удачный вариант переработки «Леноры» Бюргера (см. примечания к «Людмиле» и «Леноре»).

Стремление Жуковского воплотить в поэзии национально-русскую тему, поиски народности именно в «Светлане» увенчались наибольшим успехом. По сравнению с «Людмилой» в «Светлане» стих более гибок (чередование четырехстопного хорея с трехстопным; у Бюргера — четырехстопный ямб). Как и «Людмила», «Светлана» была восторженно принята современниками. Наряду с появившимися ранее повестями Н. М. Карамзина, «Светлана» способствовала расширению читательской аудитории, проникновению новой литературы в сознание более широких, чем это было прежде, общественных кругов. «Светлану» не раз упоминал в своем творчестве Пушкин («Евгений Онегин», глава 3, строфа V; глава 5, строфа X; эпитафии к главе 5; к повести «Метель»).

Пустынник. Написано в июне (?) 1812 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1813, № 11 и 12. Перевод баллады О. Гольдсмита «The Hermit» («Отшельник»). В финале баллады встреча влюбленных изображена Гольдсмитом более реалистично. Изменено имя героини (в переводе — Мальвина, у Гольдсмита — Ангелина). Вместо перекрестных мужских рифм подлинника у Жуковского — сочетание женских и мужских рифм.

Адельстан. Написано в январе 1813 (?) г. Напечатано

впервые в журнале «Вестник Европы», 1813, № 3 и 4; с подзаголовком: «Баллада (перевод с английского)». Текст в «Вестнике Европы» отличается от окончательной редакции (см. ниже). Перевод баллады Р. Саути «Rudiger» («Радигер»). Сюжет баллады взят Саути из средневековых немецких сказаний о Лоэнгрине. Другой вариант этих сказаний позднее лег в основу знаменитой оперы Р. Вагнера «Лоэнгрин», где Лоэнгрин, облеченный чудесной силой рыцарь, служит «божественной» справедливости. Жуковский в своем переводе изменил имена и названия. У Саути рыцаря зовут Радигер, героиню — Маргарита; действие происходит не в «замке Аллен», а у «стен Вальдхерста». Изменена Жуковским и стиховая структура баллады: у Саути — сочетание четырехстопного и трехстопного ямба, с чередующейся женской и мужской рифмой. В первоначальной редакции, помещенной в «Вестнике Европы», Жуковским был изменен финал баллады Саути (вмешательство «свыше»); мольба матери оставалась напрасной:

И воскликнула: спаситель!
Руку рыцаря схвати.
Нет спасения! губитель
В бездну бросил уж дитя.

И дитя, вийсь, стеноло,
В грозных сжатое когтях...
Вдруг все пусто, тихо стало
В глубине и на скалах.

В окончательной редакции Жуковский, следуя за текстом Саути, заставляет «спасителя»-бога вмешаться в ход событий, спасти безвинного и наказать виновного.

И в и к о в ы ж у р а в л и. Написано в 1813 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1814, № 3. Перевод баллады Шиллера «Die Kraniche des Ibykus» («Журавли Ивика»). Согласно древнегреческой легенде, странствующий певец Ивик (VI в. до н. э.) был убит на пути к Коринфу, где, по обычаю, раз в два года происходило состязание певцов в честь морского бога Посейдона («На Посидонов пир веселый...»). Предание о том, как благодаря свидетелям-журавлям преступление было раскрыто, известно нам по позднейшему пересказу, сложившемуся через 400 лет после убийства Ивика.

В основе древнегреческой легенды лежит характерная для античного миросозерцания идея возмездия. Шиллер ввел новый мотив — воздействие искусства на человеческую душу. Под впечатлением представляющейся на сцене трагедии Эсхила «Эвмепиды», в частности — хора Эринний (богинь мщения, убийцы те-

ряют самообладание и выдают себя. У Шиллера убийцы, сидящие в верхних рядах, видят летящих журавлей («Смотри, смотри, Тимофей!»); у Жуковского они еще только слышат их приближающийся крик («Парфений, слышишь?.. крик вдали»). Впечатление ужаса, производимого пением Эвменид, Жуковским усилено. Он вводит выражение «сверкая взором», эпитеты «диким хором», «в сердца вонзающим боязнь».

Чада Гелы — дети Гелы (Эллады), греки.

В а р в и к. Написано 24—27 октября 1814 г. Напечатано впервые в журнале «Амфион», 1815, кн. VI, с указанием «С англин(ского)». Перевод баллады Р. Саути «Lord William» («Лорд Вильям»). Жуковский во многом отходит от подлинника. Изменены имена — Эдвин вместо Эдмунд, Варвик вместо Вильям, Авон вместо Северн; возможно, эти изменения были связаны с всегда важными для Жуковского задачами звукописи. Изменена стиховая структура: в подлиннике 1-й и 3-й стих четверостишия — не рифмующиеся четырехстопные; Жуковский заменил их рифмующимися пятистопными (в остальном стих совпадает со стихом подлинника). В переводе введено отсутствующее у Саути развернутое описание пейзажа (строфы 4-я—6-я). В строфах 24-й—26-й, сосредоточивая все внимание на основной коллизии, Жуковский снимает ряд эпизодов подлинника — описание испуганной толпы у реки, слова таинственного пловца, который согласен взять в лодку кого-нибудь одного, замешательство толпы, уstraшенной голосом незнакомца, решимость Вильяма довериться пловцу.

Баллада, в которой описывается, как одна старушка... Написано в октябре 1814 г. Напечатано впервые в «Балладах и повестях В. А. Жуковского», в двух частях, СПб., 1831. Перевод баллады Р. Саути «The old woman of Berkeley. A Ballad, schewing how an old woman rode double and who rode before she» («Старуха из Беркли. Баллада, показывающая, как одна старуха ехала верхом вдвоем и кто ехал перед ней»).

Сюжет баллады взят Саути из средневековых английских хроник, в которых часто встречаются легенды о грешниках и ведьмах, завещающих вымолить себе прощение грехов молебнами о душе. Среди таких легенд часто фигурирует «ведьма из Беркли», первоначально упоминаемая в одной из хроник IX века. Аналогичные мотивы есть в средневековой церковной русской литературе и в старинных русских и украинских поверьях. Ими воспользовался Гоголь при создании повести «Вий».

Как в «Людмиле» и «Светлане», Жуковский переделывает некоторые места баллады на русский лад; богослужению придает

православный колорит, в описание колдуньи вводит черты русской фольклорной ведьмы. Характерно, что в рукописи (см. ниже) баллада называлась: «Баллада о том, как одна киевская старушка...» и т. д. Переводя балладу, Жуковский изобразил могущество Сатаны в тонах несколько более сильных, чем у Саути: так, Жуковским введены стихи «Как будто степь песчаную оркан Свистящими крылами роет». Изменен размер баллады: у Жуковского — правильный ямб вместо свободного тонического стиха Саути. У Саути наряду с четырехстишиями — пяти- и шестистишия.

Любопытно первое упоминание Жуковского о балладе — в письме к А. И. Тургеневу от 20 октября 1814 г.: «Вчера родилась у меня еще баллада-приемыш, т. е. перевод с английского. Уж то-то черти, то-то гробы! Но это последняя в этом роде. Не думай, чтоб я на одних только чертях хотел ехать в потомство...» (см. «Письма В. А. Жуковского к Ал. Ив. Тургеневу». — «Русский архив», М., 1895, стр. 128).

Баллада претерпела длинную цензурную историю. После цензурного запрета, наложенного в конце 1814 г., Жуковский в середине 1820-х годов опять сделал попытку напечатать балладу — в журнале «Московский телеграф», под измененным заглавием «Ведьма». Однако попытка не удалась; цензором было сделано следующее заключение: «Баллада «Старушка», ныне явившаяся «Ведьмой», подлежит вся запрещению, как пьеса, в которой дьявол торжествует над церковью, над богом» («Русская старина», 1887, т. LVI, стр. 485). В конечном счете Жуковскому пришлось радикально изменить те строфы, где речь идет о появлении самого Сатаны и о его победе; Сатана остается перед дверью храма, не дерзая в него войти; рука его не прикасается к гробу. В печатной редакции, сохраненной и в пятом (последнем) прижизненном Собрании сочинений (1849), строфы 41-я и 42-я читаются:

И он предстал весь в пламени очам,
Свирепый, мрачный, разъяренный;
Но не дерзнул войти он в божий храм
И ждал пред дверью раздробленной.
И с громом гроб отторгся от цепей,
Ничьей не тронутый рукою;
И вмиг на нем не стало обручей...
Они рассыпались золою.

Строфа 45-я:

Шатаясь, пошла она к дверям;
Огромный конь, чернее ночи,
Дыша огнем, храпел и прыгал там,
И как пожар пылали очи.

В предшествующей этому рукописной редакции (автограф, хранящийся в Институте русской литературы (Пушкинский дом) в Ленинграде — р. 1, оп. 9, ед. хр. 8) 41-я строфа читается: .

Через порог никто ступить не смел,
Но что-то страшное там ждало;
Всем чудилось, что там пожар горел,
Что все в окрестности пылало...

Н. В. Измайлов в примечаниях ко второму изданию «Стихотворений» В. А. Жуковского в большой серии «Библиотеки поэта» (Л., 1956) справедливо отметил, что Жуковский, перерабатывая балладу, внес не только цензурные, но и существенные стилистические изменения. Вслед за Н. В. Измайловым печатаем балладу по тексту пятого прижизненного Собрания сочинений (соответствует тексту «Баллад и повестей», 1831), строфы 41-я, 42-я и 45-я, как подвергшиеся переработке цензурного характера, печатаются по последней рукописной доцензурной редакции.

Алина и Альсим. Написано в октябре 1814 г. Напечатано впервые в журнале «Амфион», 1815, кн. VI. Перевод стихотворения Фр.-Ог. Паради де Монкрифа «*Les constantes amours d'Alex et d'Alexis. Romance sur un air Languedocien*» («Верная любовь Алисы и Алексиса. Романс в лангедокской манере»). У Монкрифа — стилизация под одну из форм поэзии средневековых провансальских поэтов (трубадуров), с ее специфической строфикой и наивными любовными сюжетами. Присущий подлиннику оттенок наивности и архаичности Жуковский передает, вводя такие обороты, как «льзя ли жить» и др.

Сюжет баллады, при всей своей литературной условности, имел для Жуковского автобиографический смысл: ситуация в семье Протасовых, в связи с отношением Жуковского к М. А. Протасовой (см. вступительную статью в т. 1 наст. издания), особенно обострилась в 1814 г. Связанный обязательством, данным Е. А. Протасовой, остерегаться намеков на чувство к ее дочери, Жуковский опустил имеющееся в первой строфе подлинника упоминание о «злых родителях».

Эльвина и Эдвин. Написано в конце октября 1814 г. Напечатано впервые в журнале «Амфион», 1815, февраль, с подзаголовком «Баллада» и пометой «С англичанского». Свободное переложение баллады Д. Маллета «*Edwin and Emma*» («Эдвин и Эмма»). Как в «Алине и Альсима», в переводе этой баллады отразились подлинные переживания Жуковского. Жуковский вводит тему дочерней любви (Эльвина и ее мать), отражающую отношения между М. А. и Е. А. Протасовыми, и характерный

религиозный мотив («Благослови... Но для тебя мне жаль покинуть свет»). Стих, по сравнению с подлинником, усложнен (в балладе Саути — сочетание четырехстопного ямба с трехстопным).

Ахилл. Начато в 1812 г., закончено в начале ноября 1814 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1815, № 4.

Баллада является оригинальным произведением Жуковского. В выборе сюжета и в его трактовке сказалось влияние баллад Шиллера, написанных на сюжеты связанных с «Илиадой» сказаний «троянского цикла» (см. примечания к «Кассандре» и «Торжеству победителей»). В дальнейшем интерес к античной поэзии и Гомеру у Жуковского возрастает. В «Ахилле» выражена характерная для античного сознания идея судьбы, предопределяющей жизненный путь человека. Однако человек сам делает выбор, он может предпочесть одну судьбу другой. Так поступает, согласно мифу, Ахилл, предпочтя быструю и бурную жизнь героя благополучному, но незаметному существованию («Здесь судьба ему сулила Долгий, но бесславный век»). В балладе есть черты «чувствительности», часто приносимой Жуковским в античные сюжеты («Я паду в весне моей...», «Ах, и сердце запрещает...» и т. д.).

Эолова арфа. Написано в ноябре 1814 г. Напечатано впервые в журнале «Амфион», 1815, кн. III. Принадлежит к числу оригинальных баллад Жуковского. Как в балладах «Алина и Альсим» и «Эльвина и Эдвин», тема «запрещенной любви» имеет здесь автобиографический смысл (см. примечания к указанным балладам). Автобиографический сюжет облечен в формы «оссиановской» поэзии (средневековый колорит, любовь бедного певца и владелицы замка). Атмосферу «оссианизма» создают также имена и названия — Ордал, Минвана (термин «оссианизм» происходит от имени легендарного поэта Оссиана, — см. Дж. Макферсон «Поэмы Оссиана», 1762—1765). Морвена — название страны в одной из песен Оссиана. Жуковский совмещает оссиановскую сумрачную таинственность с поэтическим лиризмом, характерным для его собственной поэзии этих лет. Замечателен любовный диалог Минваны и Арминия, некоторыми чертами напоминающий сцену прощания Ромео и Джульетты в трагедии Шекспира (3-й акт). Образ оставленной на дереве арфы, своим звучанием напоминающей о певце, навеян стихотворениями Фр. Маттисона «Lied aus der Ferne» («Песнь издалека») и И. И. Дмитриева «Лира».

Белинский писал об «Эоловой арфе»: «...она — прекрасное и поэтическое произведение, где сосредоточен весь смысл, вся благоухающая прелесть романтики Жуковского» (Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 171).

М щ е н и е. Написано в 1816 г. Напечатано впервые в журнале «Невский зритель», 1820, февраль. Перевод одноименной баллады И.-Л. Уланда. Внесены изменения: у Уланда точно определено место действия — река Рейн. Изменен стих — у Уланда дольник.

Г а р а л ь д. Написано в 1816 г. Напечатано впервые в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения», 1820, ч. IX, № III. Перевод одноименной баллады И.-Л. Уланда, написанной на основе средневековых скандинавских легенд о короле шведском и датском Гаральде Хильдетанде (конец VII — начало VIII века). Имя короля Гаральда часто встречается в скандинавском фольклоре; в средние века возникла легенда о том, что он не умер, но спит в заколдованном сне. Во всех прижизненных изданиях, кроме пятого, после 3-й строфы имеется следующая:

Чей сладко так приманчив глас?
Что душу всю мутит?
Что прижимается и льнет
К бойцам под твердый щит?

Т р и п е с н и. Написано в 1816 г. Напечатано впервые в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения», 1820, ч. X, № IV. Перевод одноименной баллады И.-Л. Уланда. Изменено имя короля (в подлиннике — Зигффрид). Вместо средневековой Германии в переводе Жуковского — средневековая Скандинавия. Изменен стих — у Уланда дольник.

Д в е н а д ц а т ь с п я щ и х д е в. Первая часть написана в 1810 г.; вторая часть — в 1814—1817 гг. Напечатано впервые — первая часть («Громобой») в журнале «Вестник Европы», 1811, № 4, с подзаголовком-посвящением: «Русская баллада. Ал. Ан. Прат...вой» (Александре Андреевне Протасовой, в замужестве Воейковой, сестре М. А. Протасовой-Мойер); вторая часть («Вадим»), вместе с первой частью и посвящением, — отдельным изданием: «Двенадцать спящих дев, старинная повесть, сочинение Василия Жуковского», СПб., 1817, с эпитафией ко всему произведению из первой части «Фауста» Гете («Das Wunder ist des Glaubens liebstes Kind» — «Чудо — любимое дитя веры») и вступлением к обеим частям («Опять ты здесь, мой благодатный гений...»). Это вступление — перевод посвящения первой части «Фауста» Гете — было напечатано и отдельно, под названием «Мечта», в «Сыне отечества», 1817, ч. 29, № 32. Эпитафия к «Громобою» — из речи Тибо в «Орлеанской деве» Шиллера (пролог); эпитафия к «Вадиму» — из стихотворения Шиллера «Sehnsucht» («Томление»), переведенного Жуковским полностью под названием «Желание».

(см. т. 1 наст. издания, стр. 107). Вторая часть посвящена Д. Н. Блудову — литератору-«арзамасцу» (об обществе «Арзамас» см. во вступительной статье в т. 1 наст. издания), находившемуся в 1800—1810 гг. в дружеских отношениях с Жуковским, К. Н. Батюшковым, П. А. Вяземским и другими поэтами этого круга.

В балладе «Двенадцать спящих дев» Жуковский использовал прозаический роман Х.-Г. Шписа «Die zwölf schlafenden Jungfrauen, eine Geister Geschichte» («Двенадцать спящих дев, история о привидениях»). Роман Шписа основан на средневековых католических легендах о грешниках, продающих душу дьяволу и затем религиозным покаянием искупающих свою вину. В балладе Жуковского отразился более ранний замысел неосуществленной им национально-исторической «богатырской» поэмы «Владимир». Сохранив основную мысль Шписа об очищении души покаянием и искуплении греха, Жуковский в разработке сюжета и стиля во многом от Шписа отходит. События из средневековой Германии перенесены в древнюю Русь. Всему повествованию придан древнерусский колорит; герой приобрел черты сказочного русского витязя, отыскивающего себе невесту. Имя грешника (Громобой), взятое из рассказа «Громобой» Г. П. Каменева (автора первой русской баллады «Громвал», изданной в 1804 г.), вызывало представление о далекой старине и воспринималось как характерное для древней Руси. Имя героя-избавителя (Вадим) восходит к древнейшей части русской летописи, «Повести временных лет». Согласно летописи, Вадим поднял в Новгороде восстание против власти Рюрика (IX в.); он стал любимым героем оппозиционной русской литературы конца XVIII — первой трети XIX века, начиная с вольнолюбивой трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» (1789). К его образу обращались декабристы; в 1803 г. сам Жуковский написал незаконченную повесть в прозе «Вадим Новгородский». В балладе «Двенадцать спящих дев» имя «Вадим» уже совершенно лишено политически-вольнолюбивых ассоциаций и понадобилось Жуковскому только как знак принадлежности к древней Руси. Поэтичность и лиризм, присущие балладе Жуковского, не имеют соответствия в подлиннике. В романе Шписа, написанном по образцу авантюрно-рыцарских романов, много довольно грубых приключений эротического характера. Роман сокращен и, как было отмечено еще современниками, «очищен» Жуковским. Баллада имела шумный успех, но в то же время ее программная отрешенность от всего «действительного» и мистическая окраска вызвали недовольство оппозиционных (декабристских) кругов (см. во вступительной статье

в т. 1 наст. издания о пародии на «Двенадцать спящих дев» в IV песне «Руслана и Людмилы» Пушкина). Белинский, в связи с той борьбой, которую он вел в 1840-х годах против романтического идеализма, писал: «В «Громобое» Жуковский... хотел быть народным, но, наперекор его воле, эта русская сказка обратилась как-то в немецкую — что-то вроде католической легенды средних веков... «Вадим» весь преисполнен самым неопределенным романтизмом» (Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 197—198).

Рыбак. Написано в январе 1818 г. Напечатано впервые в сборнике «Für Wenige. Для немногих», 1818, № 1. Затем баллада была перепечатана в «Сыне отечества», 1820, ч. 64, № 36. Перевод одноименной баллады Гете.

В ряде прижизненных изданий «Рыбак» отсутствует, в том числе в пятом прижизненном Собрании сочинений, по-видимому в связи с ожесточенной критикой баллады О. М. Сомовым. С позиций рационалистической поэтики Сомов нападал на стиль Жуковского, высмеивая такие выражения, как «влажною главою», «душа полна прохладной тишиной» и др. («Невский зритель», 1824, январь, ч. 5, за подписью «Житель Галерной гавани»). В переводе Жуковский не передал свойственную подлиннику «просто-народность» стиля («Рыбак» Гете написан в духе народных песен). Вместо «мокрая женщина» — «красавица», всплывающая «влажною главою»; вместо «намочила ему голую ногу» — «На берег вал плеснул». Жуковским самостоятельно введен образ «прохладной тишины» (см. вступительную статью в т. 1 наст. издания).

Рыцарь Тогенбург. Написано в январе 1818 г. Напечатано впервые в сборнике «Für Wenige. Для немногих», 1818, № 1. Перевод одноименной баллады Шиллера. В подлиннике больше конкретных вещественных и психологических деталей: указано место действия — Яффский берег, героиня только накануне возвращения рыцаря становится монахиней. Шиллеровская баллада была программным преромантическим произведением об идеальной любви, вечном «томлении» («Schnsucht»). Этот смысл ее передал Жуковским, причем «томление духа» даже усилено. В 1840-х годах, в эпоху борьбы с романтическим идеализмом немецкого толка, баллада стала восприниматься иронически.

Белинский осудил идею баллады Шиллера, хотя в художественном отношении он ставил ее очень высоко. Перевод же этой баллады Жуковским Белинский считал фактом прогрессивным, так как Жуковский «усваивал юной, едва рождавшейся литературе плодотворные для нее элементы» (Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 175). О качестве перевода Белинский отзывался

с восхищением: «Рыцарь Тогенбург — прекрасный и верный перевод одной из лучших баллад Шиллера» (там же, стр. 172).

Лесной царь. Написано в марте (?) 1818 г. Напечатано впервые в сборнике «Für Wenige. Для немногих», 1818, № 4. Перевод баллады Гете «Erlkönig» (от датского Ellenkonge — «Король альфов»). «Erlkönig» Гете положен на музыку Ф. Шубертом. В связи с изменением размера в переводе Жуковского (должник заменен амфибрахием) А. Г. Рубинштейн несколько переработал музыку Шуберта, соответственно ритму русского текста. На слова Жуковского известна также баллада Аренского «Лесной царь».

Граф Габсбургский. Написано в апреле (?) 1818 г. Напечатано впервые в сборнике «Für Wenige. Для немногих», 1818, № 5. Перевод одноименной баллады Шиллера. Граф Рудольф фон Габсбург (1218—1291) в 1273 г. семью курфюрстами был избран германским императором, после чего прекратились феодальные раздоры и Рудольф стал родоначальником династии Габсбургов. Для Шиллера, обеспокоенного раздробленностью Германии, образ графа Габсбургского был важен прежде всего как образ мощного и справедливого объединителя Германии. Жуковский, соответственно своим иллюзиям о кротком, просвещенном, справедливом монархе, в характеристике героя усиливает эти черты. Усилена и набожная смиренность графа: в подлиннике он вручил священнику «роскошные поводья» своего коня, у Жуковского — как конюх подал ему стремя. У Шиллера нет и коленопреклонения графа перед священником.

Талар — длинное одеяние духовного лица.

Узник. Написано в декабре (?) 1819 г. Напечатано впервые в журнале «Невский зритель», 1820, февраль.

Оригинальная баллада Жуковского. Образ юной узницы был подсказан Жуковскому известной элегией А. Шенье «La jeune captive» («Молодая пленница»). В еще большей степени, чем в «Рыцаре Тогенбурге», в «Узнике» воплощено романтически-идеалистическое представление об идеальной любви, свободной от всего «земного». Любопытны суждения о балладе друга и почитателя Жуковского, поэта П. А. Вяземского, иронически отвечавшего на стихи-вопросы баллады («Кто знает, где она цвела?» и т. д.): «Уголовная палата, тюремщики, летописи тюремные. Я не шучу: меня это своею неистиною поразило» (письмо к А. И. Тургеневу от 10 января 1820 г. — «Остафьевский архив князей Вяземских», т. II, СПб., 1899, стр. 6). Между тем Белинский, подходя к балладе, как к характерному этапу становления русской романтической поэзии, оценил ее положительно. «Узник, — писал он, — одно

из самых благоуханных романтических произведений Жуковского» (Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 196).

Замок Смальгольм, или Иванов вечер. Написано в июле (?) 1822 г. Напечатано впервые в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения», 1824, ч. XXV, № 11, под названием «Замок Смальгольм. Шотландская сказка». В том же году баллада была перепечатана в «Новостях литературы» (1824, ч. VII, № VII) под другим названием — «Дунканов вечер. Шотландская сказка». В этих изданиях «Иванов день» заменен «Дункановым днем», в связи с цензурными затруднениями (см. ниже). В настоящем издании заглавие печатается по авторизованной копии, хранящейся в Институте русской литературы (Пушкинский дом) в Ленинграде (27777 СХCVIII б. 48). Перевод баллады Вальтера Скотта «The Eve of St John» («Канун святого Джона»). Вальтер Скотт снабдил балладу подробными историческими примечаниями; Жуковский воспроизвел их в третьем издании Стихотворений (т. III, СПб., 1824). В балладе Вальтера Скотта использованы предания о происходившей в XVI веке ожесточенной войне между Шотландией и Англией. В переводе Жуковский ослабил этнографизм, опустил характерные для манеры Вальтера Скотта детальные описания рыцарского снаряжения и обычаев. Взамен этого усилено лирическое звучание баллады (сопоставление подлинника и перевода см. во вступительной статье, т. 1 наст. издания).

Напечатать балладу Жуковскому удалось только после долгих цензурных мытарств. В последние годы царствования Александра I начался разгул официального мракобесия и ханжества, что выражалось в крайней подозрительности цензуры. И в Москве и в Петербурге баллада была воспринята цензурой как безбожная и безнравственная. Главной причиной такого заключения было «кощунственное» соединение любовной темы с темой «Иванова вечера». «Иванов вечер», или «Иванова ночь», — канун народного праздника Купалы, переосмысленного церковью как празднование рождения Иоанна Крестителя (ночь с 23 на 24 июня). По этому поводу Пушкин писал в «Путешествии из Москвы в Петербург»: «В славной балладе Жуковского назначается свидание накануне Иванова дня; цензор нашел, что в такой великий праздник грешить неприлично, и никак не желал пропустить баллады Вальтер-Скотта» (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах, т. VII, М. — Л., изд. АН СССР, 1949, стр. 647). Цензура требовала коренной переделки: изменения названия, переработки финала, замены якобы изображенных

Жуковским обрядов «греко-российской» церкви («панихида» и др.) несуществующими шотландскими обрядами и т. д. Особую активность в преследовании баллады проявил известный своей придирчивостью цензор А. С. Бируков, названный Пушкиным «трусливым дураком». Бируков восстановил против Жуковского петербургский цензурный комитет. В августе 1822 г. Жуковский обратился с жалобой на цензурный произвол к обер-прокурору синода и министру народного просвещения князю А. Н. Голицыну. В одном из писем к Голицыну он писал: «Главный порок сей баллады, по мнению гг. цензоров, есть заключение. Убийца от ревности и неверная жена скрываются друг от друга и от света в уединении монастырском... и в этом господа цензоры видят оскорбление монашеского сана... В переводе моем нет точного слова *раскаяние* единственно потому, что его нет и в оригинале, что я не хотел делать из стихов прозу и что самое слово здесь несколько не нужно для полной ясности... Если бы не было защиты против подобных страшных и непонятных обвинений цензуры, то благомыслящему писателю, при всей чистоте его намерений, надлежало бы отказаться от пера и решиться молчать; ибо в противном случае он не избежал бы незаслуженного оскорбления перед лицом своего отечества» (см. «Исследования и статьи по русской литературе и просвещению» М. И. Сухомлинова, т. I, СПб., 1889, стр. 439 и сл.). Цензурная история баллады рассмотрена в примечаниях Ц. С. Вольпе к первому изданию «Стихотворений» Жуковского в большой серии «Библиотеки поэта», т. I, Л., 1939, стр. 403—406; в указанной работе М. И. Сухомлинова, стр. 436—447; в «Русской старине», 1900, т. СII, стр. 71—89 («В. А. Жуковский перед судом С.-Петербургского цензурного комитета»), и др. После длительных хлопот балладу удалось напечатать, изменив «Иванов день» на «Дунканов день» (в действительности такого праздника в Шотландии нет). По требованию цензуры Жуковский снабдил балладу примечаниями не только исторического, но и правоучительного характера; как заметил Н. В. Измайлов, последние явно ироничны (В. А. Жуковский. Стихотворения, Л., большая серия «Библиотеки поэта», 2-е изд., 1956, стр. 818).

Жуковский переработал строфы 44-ю и 47-ю, не внося в них, однако, существенных перемен, кроме замены смутившего цензуру слова «знаменье» на «печать». В настоящем издании эти строфы даны по печатному тексту; в рукописи они читаются:

Строфа 44-я:

И она, помолясь и крестом оградясь,
Вопросила: «Но что же с тобой?»

Дай один мне ответ — ты спасен или нет?»
Он печально потряс головой.

И ужасное знаменье в стол вожжено,
Напечатались пальцы на нем;
На руке обожженной чернеет пятно:
И закрыта с тех пор полотном.

Белинский высоко ценил «Иванов вечер». «По языку, — писал он, — это одно из удивительнейших произведений Жуковского» (Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 178).

Замок Смальгольм действительно существовал на юге Шотландии, неподалеку от границы с Англией.

Анкрамморская битва — кровопролитное сражение при деревне Анкрам-мур (1545); шотландское войско возглавлялось крупными феодалами Арчибалдом Дугласом и Вальтером Скоттом-Боклю, а одним из английских военачальников был лорд Эверс.

Эльдон — «высокий холм с тремя коническими вершинами, над самым городом Мельрозом, в который любопытные приезжают смотреть развалины великолепного монастыря» (прим. Жуковского).

«...ты спасен или нет?..» — Имеется в виду «спасение души», прощение грешника богом на том свете.

Торжество победителей. Написано в 1828 г. Напечатано впервые в альманахе «Северные цветы на 1829 г.», СПб., 1828, с пометой «Из Шиллера»; не полностью (отсутствуют стихи 129—140). Перевод баллады «Das Siegesfest» («Праздник победы»).

Как в «Кассандре» и «Ахилле», сюжет взят из связанных с «Илиадой» так называемых «малых» поэм «троянского цикла». Следуя Шиллеру, Жуковский строит балладу, чередуя два голоса, один из которых выполняет роль античного «хора». С речью, сопровождаемой «хором», в балладу выступают оставшиеся в живых после победы над Троей предводители греков. В переводе некоторых стихов Жуковский отходит от подлинника; так, он вводит отсутствующий у Шиллера образ Горгоны; в ряде случаев снимает то, что кажется ему недостаточно возвышенным (выражение «старый кутила» в речи Нестора и др.). В то же время Жуковский местами усилил в балладе философскую афористичность стиля («Жизнь живущих неверна...» и т. д.). В подлиннике эти стихи более описательны («Земная жизнь убегает, мертвые же не имеют конца»).

Белинский писал: «Если что составляет истинный ореол Жуковского как переводчика — это его перевод следующих трех пьес

Шиллера: «Торжество победителей», «Жалоба Цереры», «Элевзинский праздник». Если бы, кроме этих трех пьес, Жуковский ничего не перевел, ничего не написал, — и тогда бы имя его не было бы забыто в истории русской литературы». И далее: «Перевод Жуковского... есть образец превосходных переводов, — так что если при тщательном сравнении иные места окажутся не вполне верно или не вполне сильно переведенными, — зато еще более найдется мест, которые в переводе лучше и сильнее выражены». В качестве примера Белинский приводит принадлежащие Жуковскому стихи «По тебе, святой, великий Невозвратный Илион», (Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 200, 204—205).

Носящий Горгону — Зевс.

Сын Атрея — Агамемнон.

Парид — Парис.

Кронид — Зевс.

Оилеев сын — Аякс Оилид.

Лучших бой похитил ярый... — речь Тевкра Теламонида, брата Аякса Теламонида, покончившего с собой.

Коварнейший — «хитроумный» Одиссей, которому несправедливо были отданы доспехи Ахилла, заслуженные Аяксом Теламонидом.

Неоптолем — Пирр, сын Ахилла.

К у б о к. Начато в 1825 (?) г., закончено в марте (?) 1831 г. Напечатано впервые в «Балладах и повестях В. А. Жуковского», в двух частях. СПб., 1831; одновременно — в «Балладах и повестях В. А. Жуковского», СПб., 1831 (в одном томе). Перевод баллады Шиллера «Der Taucher» («Водолаз»). Шиллер построил сюжет на основе средневековых немецких легенд. Легенда XII века, на которую, вероятнее всего, опирался Шиллер, лишена романтических мотивов: причиной гибели пловца была якобы его жадность.

Жуковский вносит в балладу существенные изменения. У Шиллера проводится мысль о том, что боги, милостивые к людям, таят от них именно те ужасные тайны природы, знание которых невыносимо для смертного (см. «Кассандру»). Жуковский, в соответствии со своей концепцией «певыразимого» в природе (см. стихотворение «Невыразимое»), перестраивает идею баллады: человеку в принципе недоступно знание всего, что должно лежать, согласно божественной воле, за пределами человеческого разумения. Изменена Жуковским 20-я строфа: у Шиллера в рассказе юноши фигурируют сказочные «чуда» — драконы и саламандры; Жуковский заменяет их действительно существующими морскими чудовищами (скат, млат, однозуб и т. д.), и это усили-

вает впечатление. По-иному изображена в переводе гибель судов в 11-й строфе. У Шиллера — «раздробленные киль и мачта только и спасались из всепоглощающей могилы». У Жуковского — не киль и мачта, а сами суда «мелкой назад вылетали щепой С ее неприступного дна». Стиховая структура баллады также несколько изменена — у Шиллера в каждой строфе трехстопным является только 2-й стих; у Жуковского — 2-й и 4-й.

Поликратов перстень. Написано в марте 1831 г. Напечатано впервые в «Балладах и повестях В. А. Жуковского», в двух частях, СПб., 1831; одновременно — в «Балладах и повестях В. А. Жуковского», СПб., 1831 (в одном томе). Перевод одноименной баллады Шиллера.

Сюжет баллады взят из «Истории» древнегреческого историка Геродота; в третьей книге «Истории» рассказывается о судьбе властителя острова Самос Поликрата Самосском. По Геродоту, боги позавидовали бесчисленным удачам Поликрата; и даже его решение добровольно лишить себя любимого перстня (таков был совет его друга, египетского фараона Амазиса) не смягчило богов. Они не приняли добровольной жертвы, и перстень был возвращен Поликрату: рыбак обнаружил его в брюхе пойманной рыбы. Фараон, устрешенный таким явным знаком обреченности друга, покидает его, боясь разделить его участь. Вскоре, по рассказу Геродота, Поликрат действительно погиб мучительной смертью: обманом завлекший к себе Поликрата персидский сатрап Оройт умертвил его, распяв вниз головой.

Жуковский в переводе смягчил слишком реалистические, с его точки зрения, подробности. Тему зависти богов Жуковский также сгладил. В подлиннике — «боги желают твоей гибели»; в переводе — «на смерть ты обречен судьбою».

Жалоба Цереры. Написано в марте 1831 г. Напечатано впервые в «Балладах и повестях В. А. Жуковского», в двух частях, СПб., 1831; одновременно — в «Балладах и повестях В. А. Жуковского», СПб., 1831 (в одном томе). Перевод одноименной баллады Шиллера, в которой использован античный миф о браке Прозерпины (греч. Персефоны), дочери богини плодородия Цереры (греч. Деметры), с Плутоном, богом подземного царства (греч. Аидом). Согласно мифу, Прозерпина весной покидает владения Плутона и навещает мать; время ее пребывания на земле ознаменовывается пробуждением природы, цветением и плодородием (весна, лето, начало осени). Шиллер психологизирует античный миф, подчеркивая человечность материнского чувства богини. Жуковский эти черты усиливает. У Шиллера строфа 1 является всту-

плением от автора; у Жуковского с самого начала баллада дана как лирический монолог Цереры. В подлиннике более конкретно и детально изображено цветение природы («лопается ледяная кора», «юная лоза пустила почки»). У Жуковского это дано более отвлеченно («Снова гений жизни веет...»).

Доника. Написано в марте 1831 г. (закончено 20 марта). Напечатано впервые в «Балладах и повестях В. А. Жуковского», в двух частях, СПб., 1831; одновременно — в «Балладах и повестях В. А. Жуковского», СПб., 1831 (в одном томе). Перевод одноименной баллады Р. Саути, основанной на средневековой легенде, действие которой приурочено к Финляндии. В легенде (Саути позаимствовал ее у английского писателя XVII века Томаса Хейнуда) обиталищем беса является не озеро, а река. «Финский» колорит Жуковский снял, — место действия у него не обозначено. Имя «Эбергард» заменено на «Эврар»; владельцу замка (у Саути имя его не названо) дано имя Ромуальд. Изменен размер баллады: у Саути четырехстопный ямб чередуется с трехстопным; рифма — только мужская.

Суд божий над епископом. Написано в марте 1831 г. Напечатано впервые в «Балладах и повестях В. А. Жуковского», в двух частях, СПб., 1831; одновременно — в «Балладах и повестях В. А. Жуковского», СПб., 1831 (в одном томе). Перевод одноименной баллады Р. Саути.

Сюжет был почерпнут Саути из средневековых преданий об архиепископе Гаттоне из Метца (начало X века), известном своей скупостью. Согласно легенде, во время голода 914 г. Гаттон сжег в амбаре созданных им на пир голодающих. За это он якобы был съеден мышами. Перевод Жуковского и в стилистическом и в ритмическом отношении отличается от подлинника (см. «Стихотворения» В. А. Жуковского, т. 1, Л., большая серия «Библиотеки поэта», 1939, стр. XXXVII—XXXVIII). В подлиннике преобладает энергический, конкретно описательный стиль; Жуковский придал балладе тон нравоучения (например, добавил строку «Что тут, епископ, почувствовал ты?»). Там, где повествование становится особенно напряженным, у Саути строфа разрастается до пяти- и шестистишия; у Жуковского — везде четверостишия. Рассказ о вторжении мышей в замок у Саути дан как шестистишие, где впечатление неизбежности вторжения создается путем нагнетения слов, указывающих множество направлений, по которым движутся мыши («внутрь», «через», «вниз», «вверх», «справа», «слева», «сзади», «спереди», «изнутри», «снаружи», «сверху», «снизу»), — у Жуковского этому соответствует строфа 20 («Вдруг

ворвались неизбежные звери»). Примененный Жуковским принцип расположения дактилических стоп в строфе вошел в русскую поэзию (см., например, стихотворение Некрасова «Несжатая полоса» («Поздняя осень. Грачи улетели...»)).

А л о н з о. Написано 26—28 марта 1831 г. Напечатано впервые в «Балладах и повестях В. А. Жуковского», в двух частях, СПб., 1831; одновременно — в «Балладах и повестях В. А. Жуковского», СПб., 1831 (в одном томе). Перевод баллады И.-Л. Уланда «Du-gand» («Дуранд»), основанной на средневековой легенде. Жуковским внесены существенные стилистические и ритмические изменения. У Уланда — паузник. Звукопись, тщательно разработанная Жуковским, в подлиннике менее ощутима. Видимо, в целях звукописи Жуковским изменены имена действующих лиц — «Дуранд» на «Алонзо» и «Бланка» на «Изолина». В заключительной строфе Жуковским самостоятельно введено повторение имени «Изолина». Жуковский ввел и тему крестовых походов в Палестину, усилив этим романтически-«рыцарский» колорит баллады.

Альтан — верхняя часть строения, род балкона.

Л е н о р а. Написано в конце марта 1831 г. Напечатано впервые в «Балладах и повестях В. А. Жуковского», в двух частях, СПб., 1831; одновременно — в «Балладах и повестях В. А. Жуковского», СПб., 1831 (в одном томе). Третий (см. «Людмилу» и «Светлану») перевод баллады Бюргера «Lenore» («Ленора»). Здесь Жуковский, в отличие от названных баллад, стал на путь точного перевода. Точно воспроизведено место действия и ход сюжета. Соответственно подлиннику, упоминаются конкретные события из истории Германии XVIII века (война 1741—1748 гг. между прусским королем Фридрихом II и австрийской императрицей Марией-Терезией). Сохранен размер подлинника. Стиль более приближен к «простонародности» баллады Бюргера. Однако в ряде случаев Жуковский все же сглаживает выражения, кажущиеся ему «земными» или грубыми, идущими слишком вразрез с его собственной стилистической системой. Сглажен резкий тон упреков, обращенных Ленорой к богу.

П о к а я н и е. Написано в конце марта — начале апреля 1831 г. Напечатано впервые в «Балладах и повестях В. А. Жуковского», в двух частях, СПб., 1831; одновременно — в «Балладах и повестях В. А. Жуковского», СПб., 1831 (в одном томе). Перевод баллады Вальтера Скотта «The gray Brother» («Серый брат», т. е. «серый монах»). У Вальтера Скотта баллада не закончена. Последняя строфа, добавленная Жуковским, выражает характерные для его поэзии этих лет религиозно-мистические устремления.

В других строфах перевода они также ощутимы. Например, у Вальтера Скотта чернец «послан с далекой стороны, за 5000 миль отсюда...». Жуковский эти реальные 5000 миль снимает; у него чернец «был в той стороне, Где ведома участь земного», т. е. является посланцем небес.

Королева Урака и пять мучеников. Написано в марте — апреле (?) 1831 г. Напечатано впервые в «Балладах и повестях В. А. Жуковского», в двух частях, СПб., 1831. Перевод баллады Р. Саути «Queen Orassa and the Five Martyrs of Morocco» («Королева Урака и пять марокканских мучеников»). Сюжет был взят Саути из средневековых религиозных легенд. Текст переведен Жуковским очень точно, с незначительными отступлениями. Так, у Саути королева говорит мужу о своей болезни более подробно. Стиховая структура баллады Жуковским изменена. У Саути — паузник; вся баллада разделена на пять неравных главок.

Альфонс II — португальский король (царствовал в 1211—1228 гг.).

Роланд оруженосец. Написано 19 октября 1832 г. Напечатано впервые в альманахе «Новоселье», ч. II, СПб., 1834, с пометой: «31 октября 1832. Вернэ, на берегу Женевского озера». Перевод одноименной баллады И.-Л. Уланда. Уланд основывался на средневековых французских легендах о знаменитом Роланде, сложившихся уже после создания «Песни о Роланде». Жуковский сохраняет в основном стиль подлинника — непринужденную грубоватость, юмористическую окраску и стремительность интонаций. Однако от своего обычного принципа смягчения, «облагораживания» Жуковский не отказывается; он опускает в переводе места, с его точки зрения грубо-прозаические («вспотел», восклицание «Эх» и т. д.). Изменен стих баллады; подлинник написан семистихиями.

Артусов талисман — талисман короля Артура (Артуса), главного персонажа так называемого «бретонского цикла» французского средневекового романа о «рыцарях Круглого стола».

Плавание Карла Великого. Написано в ноябре 1832 г. Напечатано впервые в «Стихотворениях В. Жуковского», изд. 4-е, исправленное и умноженное, тт. I—IX, СПб., 1835—1844. Перевод баллады И.-Л. Уланда «König Karls Meerfahrt» («Морская поездка короля Карла»).

Баллада, подобно предыдущей, построена по мотивам средневековых французских легенд. Среди них, однако, нет рассказа о морском плавании Карла Великого на пути в Палестину. Большая часть персонажей баллады взята из «Песни о Роланде». В их числе — Ганелон, являющийся в «Песне о Роланде» изменником: со-

храняя вассальную верность Карлу, Ганелон предаёт французское войско из личной ненависти к Роланду. Жуковский, как всегда, смягчает черты «простонародного» стиля Уланда. Изменён стих: в подлиннике четырехстопный ямб чередуется с трехстопным.

Рыцарь Роллон. Написано 23 ноября 1832 г. Напечатано впервые в журнале «Библиотека для чтения», 1834, т. II, с пометой: «Вернэ, на берегу Женевского озера. 5 декабря 1832». Свободный перевод баллады И.-Л. Уланда «Junker Rechberger» («Юнкер Рехбергер»). В балладе Уланда отсутствует романтизация рыцарства; напротив, она написана в тоне грубоватой народной насмешки над юнкером, т. е. молодым дворянином. У Уланда эта насмешка звучит с первых же стихов: «Рехбергер смелый, дерзкий рыцарь, Купцам, прохожим он гроза». В переводе «рыцарский» сюжет подан в характерном для Жуковского романтизированном плане. Баллада в переводе несколько сокращена, причем опущены именно те места, где о приключившемся с рыцарем несчастье говорится в тоне простонародной издевки. В разговоре рыцаря с чёртом снят оттенок «простонародности» («на годок», «скажи, почтеннейший» и т. д.).

Самостоятельно введена Жуковским строфа 17, где описывается адский конь. В подлиннике — одна фраза: «Но конь упирается и становится на дыбы». Таким образом усилен колорит мистически-ужасного, и всей балладе придана несвойственная ей в подлиннике окраска религиозности и серьезности.

Старый рыцарь. Написано 26 ноября 1832 г. Напечатано впервые в журнале «Библиотека для чтения», 1834, т. II, с пометой: «8 декабря. Vernex» (Вернэ). Свободный перевод стихотворения И.-Л. Уланда «Graf Eberhards Weissdorn» («Боярышник графа Эбергарда»).

Сюжет баллады основан на предании о ветке боярышника, вывезенной из Палестины первым герцогом Виртембергским, графом Эбергардом (1445—1496). Сняв приуроченность баллады к конкретным событиям и лицам, Жуковский усилил ее обобщенно-лирическое, меланхолическое звучание. Ветку боярышника Жуковский заменил оливой. В рукописи баллада озаглавлена «Состаревшийся рыцарь» (см. «Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в императорскую Публичную библиотеку в 1884 году. Разобраны и описаны Иваном Бычковым», СПб., 1887, № 37, л. 16).

Братоубийца. Написано в 1832 г. Напечатано впервые в альманахе «Подарок бедным на 1834 г.», Одесса, 1834, с пометой: «Вернэ, на берегу Женевского озера. 1833». Перевод баллады И.-Л. Уланда «Der Waller» («Пилигрим»).

Жуковским усилена эмоциональность текста. Вместо описательных строк в стихотворении Уланда «Когда он взошел на утес и преклонился у ворот» даны строки: «Вот как бы дорогой терний Тяжко к храму всходит он». У Уланда упоминается только «звон цепей» на ногах убийцы; в переводе — новый образ: «И к ного прильнув кровавой, Злая цепь ее грызет». По-своему переданы последние два стиха баллады. Здесь также Жуковским самостоятельно создан образ «града свободы»: у Уланда — «но душа уже свободна, она парит в море света».

Уллин и его дочь. Написано 10 января 1833 г. Напечатано впервые в журнале «Библиотека для чтения», 1834, т. IV, с пометой: «Вернэ, 10/22 января 1833». Перевод баллады Т. Кемпбелла «Lord Ullin's Doughter» («Дочь лорда Уллина»). Жуковский выпустил три строфы, в частности — сократил диалог между героем и рыбаком, сделав повествование более стремительным. Имена в переводе опущены или заменены другими. Изменен размер — у Кемпбелла чередование четырехстопного ямба (с мужской рифмой) и трехстопного (с женской).

Элевзинский праздник. Написано в январе (?) 1833 г. Напечатано впервые в альманахе «Новоселье», ч. II, СПб., 1834, с пометой: «Из Шиллера. 1833. Вернэ, на берегу Женевского озера». Перевод одноименной баллады Шиллера.

В основе баллады — мысль о развитии гражданственности как источнике человеческого прогресса. Шиллер объясняет переход от дикости к цивилизации и дальнейший прогресс человечества изменением кочевого образа жизни на оседлый и земледельческий. Следствием этого было смягчение и облагораживание нравов и, далее, появление потребности в общественных установлениях, развитие искусства, науки и т. д. Замысел облечен Шиллером в форму, воссоздающую черты античного мирозерцания и античной поэзии. Шиллер использовал античный культ богини плодородия и земледелия Цереры (греч. Деметры). Согласно мифу, вслед за Церерой, которая считалась создательницей гражданского общества, другие боги также открыли людям ряд полезных знаний. В честь Деметры (Цереры) в Элевзине (город около Афин) ежегодно устраивались большие торжества. Жуковскому была близка мысль о «божественном промысле», управляющем судьбами человечества. Переводя балладу, Жуковский местами придает ей черты «гомеровского» стиля. В подлиннике отсутствуют составные эпитеты «копыеносная Паллада», «крепкостенный град», «светлоглавый Аполлон».

Цианы — васильки.

Аббадона. Написано в ноябре — декабре 1814 г. Напечатано впервые в журнале «Сын отечества», 1815, № 22, с подзаголовком «Из второй песни Мессиады». Перевод второй песни поэмы Ф. Г. Клопштока «Messiade» («Мессиада»).

Поэма Клопштока проникнута религиозной идеей, но отразила и тот интерес к «демонической» теме, который возник в новой европейской литературе, начиная с поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» (1660—1667). Библейский миф о Сатане, ангеле, поднявшем восстание против власти бога и низверженном из рая, был переосмыслен Мильтоном в плане вольнолюбия и протеста. У Мильтона образ Сатаны — воплощение идей английской буржуазной революции XVII века. К этой вольнолюбивой трактовке мифа о «падшем ангеле» примыкает драматическая поэма Байрона «Каин»; в русской литературе — стихотворения Пушкина «Демон» (1823) и «Ангел» (1827), а также поэма Лермонтова «Демон». Однако «демоническая» тема имела и иной, примирительный вариант. Именно такова поэма Клопштока, где падший ангел изображен в образе кающегося Аббадоны. Такова же поэма Т. Мура «Лалла Рук», отрывок из которой Жуковский перевел под названием «Пери и ангел». Характерно, что именно эта религиозно-примирительная трактовка оказалась Жуковскому близка.

В ряде случаев Жуковским опущены некоторые детали. В изображении исхода из ада Сатаны с Адрамелеком, устремившихся на борьбу с богом, Жуковский усиливает впечатление сатанинского могущества. Он заставляет все силы ада броситься вслед за Сатаной, чего нет в подлиннике. Большого успеха поэма «Аббадона» не имела. Тем не менее, молодой Герцен, в 1830-х гг. склонный к романтическому идеализму, увлекался «Аббадоной» Жуковского, цитировал поэму и в образе Аббадоны усматривал родственные своему «мятежному духу» черты (см. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 23 декабря 1836 г. — А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. I, П., 1915, стр. 366).

Красный карбункул. Написано в 1816 г. Напечатано впервые в «Трудах общества любителей российской словесности при Московском университете», ч. IX, 1817, кн. XIV, с подзаголовком: «Сказка» и с предисловием автора (см. ниже). Перевод стихотворной повести И. П. Гебеля «Der Karfunkel» («Карбункул»). Подлинник написан на одном из нижненемецких (швабских) говоров, гекзаметрическим стихом. Характерный для

подлинника стиль патриархальной простоты Жуковский передает, заменяя разговорные обороты немецкого языка соответствующими по стилю русскими. Перевод довольно точно передает текст подлинника. Изменены имена: в подлиннике героя зовут Михель, его невесту, дочь хозяина гостиницы, Катерина. Изменены также некоторые детали. В подлиннике рассказ ведется от имени отца, а не деда; такой заменой Жуковский подчеркивает оттенок «патриархальности». Местами в переводе усилено впечатление «ужасного».

В предисловии Жуковский высказывает свою точку зрения на русский гексаметр, утверждая целесообразность его применения не только к высоким, героическим, но и к «простым» темам: «Переводчик сказки... желал испытать: 1-е, может ли сия привлекательная простота, столь драгоценная для поэзии, быть свойственна поэзии русской? 2-е, прилично ли будет в простом рассказе употребить гексаметр, который доселе был посвящен единственно важному и высокому? Не считая опыта своего удачным, он думает, что и то и другое возможно. Что же касается до предлагаемой сказки, то она переведена почти слово в слово».

Жуковский разрабатывал два типа гексаметра — героический («гомеровский») и разговорно-сказовый. Последнему он придавал особое значение, как одной из форм развития в русской поэзии реалистически-простого, разговорного стиля. Сказовый гексаметр Жуковский применил также в переводах: «Овсяный кисель», «Две были и еще одна», «Суд божий», «Сражение с змеем», «Неожиданное свидание», «Ундина». Белинский отнес «Красный карбункул» к числу «замечательных переводов» Жуковского (Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 213).

Цейкс и Гальциона. Написано в 1819 г. Напечатано впервые в «Известиях Российской академии», 1820, кн. 8. Перевод отрывка из XI книги «Метаморфоз» Овидия (стихи 410—748). Подлинник передан Жуковским в основном очень точно. Однако в ряде случаев эмоциональность текста усилена. Несколько раз Жуковский вводит отсутствующий в подлиннике эпитет «милый» («Раз хотел бы лицом обратиться к милому дому»; «Тело его до очей Гальционы милых донести» и др.).

Пери и ангел. Написано в 1821 г. Напечатано впервые в журнале «Сын отечества», 1821, № 20. Перевод второй части поэмы Т. Мура «Lalla Rookh» («Лалла Рук») «Paradis and the Peri» («Рай и Пери»). «Лалла Рук» представляет собой стилизацию под восточную поэзию. Содержание поэмы — рассказ о путешествии индийской принцессы Лалла Рук из Дели в Кашмир

к жениху, бухарскому принцу Алирису. В пути Алирис, чтобы испытать свою невесту, сопровождает ее под видом певца Фераморза и рассказывает ей поучительные истории. Одним из его рассказов и является «Рай и Пери». Т. Мур трактует «демоническую» тему в примирительном духе, вслед за «Мессиадой» Клопштока, отрывок из которой был также переведен Жуковским («Аббадона»). Для взглядов Жуковского характерно, что его привлекла именно религиозно-примирительная трактовка темы «падшего ангела» (см. примечание к «Аббадоне»). К произведениям Т. Мура, и соответственно к переводам Жуковского из Мура, резко отрицательно относился Пушкин: «Жуковский меня бесит — что ему понравилось в этом Муре? чопорном подражателе безобразному восточному воображению?» (письмо к П. А. Вяземскому от 2 января 1822 г. — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. X, М. — Л., 1949, стр. 32). В другом письме Пушкин писал: «Иное дело Тасс, Ариост и Гомер, иное дело песни Маттисона и уродливые повести Мура» (письмо к Н. И. Гнедичу от 27 июня 1822 г. — там же, стр. 38).

Произведением Мура Жуковский заинтересовался в 1821 г. в Берлине, в связи с дворцовыми празднествами, на которых представлялись «живые картины» из поэмы; роль принцессы исполняла великая княгиня Александра Федоровна. Образ Лалла Рук использован Жуковским в стихотворениях «Лалла Рук» и «Явление поэзии в виде Лалла Рук». В переводе несколько изменен общий колорит подлинника. Любопытно, что Жуковский, с присущим ему вкусом и чувством меры, ослабляет черты той самой «восточной» экзотики, которая у Мура не нравилась Пушкину. Так, в финале поэмы у Мура читаем: «Я твоя, твоя, сладкий Эдем! Как темны и мрачны все алмазы Шудукиака и душистых купчей Амберабада...» Этот «восточный, пестрый слог» (выражение Пушкина в «Гавриилиаде») в переводе опущен. Сюжет поэмы в сокращенном виде разработан Жуковским в стихотворении «Пери» (1831). Подражанием Т. Муру и Жуковскому явилась поэма А. И. Подолинского «Див и Пери» (1827).

В первом издании имелись примечания (приводятся сокращенно):

«Пери — воображаемые существа, ниже ангелов, но превосходящее людей, не живут на небе, но в цветах радуги... и подвержены общей участи смертных.

Быстрее звездных тех мечей... — Магометане думают, что падающие звезды суть огненные палицы.

Я знаю тайны Хильминара... — сорок столпов. Так персияне

называют развалины Персеполя (Персеполь — древняя столица Персии. — И. С.).

Сосуд Ямхидов золотой — чаша Ямхида, найденная, как полагают, в развалинах Персеполя.

Махмуд Газна, или Газни, завоевал Индию в начале II столетия.

Стремится — и к горам Луны... — Горы Лунные... При подошбе их полагают источник Нила.

И великан новорожденный — Нил, известный в Абиссинии под названием... великан.

Султана — прекрасная птица... она служила украшением храмов и дворцов...

И умирает в сладкопенье... — Феникс, баснословная птица, которая, прожив тысячу лет, prepares себе костер... и сгорает на нем».

Суристан — Сирия.

Веретеницы — ящерицы.

Имарет — приют для странников, где они могли бесплатно пребывать три дня.

Шильонский узник. Начато 4 сентября 1821 г., закончено в начале апреля 1822 г. Напечатано впервые отдельным изданием: «Шильонский узник, поэма лорда Байрона. Перевел с английского В. Ж.», СПб., 1822, с посвящением: «Князю П. А. Вяземскому. От переводчика».

Жуковский оставил не переведенным вступление к «Шильонскому узнику» — прославляющий свободу «Сонет к Шильону» («Sonnet on Chillon»). В предпосланной поэме заметке Жуковский использовал примечания Байрона, а также свои собственные впечатления от посещения Шильонского замка. Черновой текст заметки кончается словами: «Переводчик с поэмою Байрона в руке посетил сей замок и подземную темницу Боннивар: он может засвидетельствовать, что описания поэта имеют прозаическую точность». (см. «Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в имп. Публичную библиотеку в 1884 г. Разобраны и описаны Иваном Бычковым», СПб., 1887, № 29, л. 57). Шильонский замок Жуковский посетил 3 сентября 1821 г.; 2—7 октября того же года он писал по этому поводу великой княгине Александре Федоровне: «В тот день, в который я оставил Вевé, успел я съездить на лодке в замок Хильон; я плыл туда, читая «The Prisoner of Chillon», и это чтение очаровало для воображения моего тюрьму Бонниварову, которую Байрон верно описал в своей несравненной поэме» («Русская старина», 1902, т. CX, стр. 350).

Франсуа Боннивар (1496—1570) — настоятель (приор) одного из женеvских аббатств. За борьбу против герцогов Савойских был заключен в Шильонский замок, где провел шесть лет (1530—1536); последние четыре года просидел в погребе, прикованный цепью к железному кольцу. Был освобожден жителями Берна, взявшими Шильон в 1536 г.

Жуковского в поэме Байрона привлекла не столько сама тема свободы, сколько тема человеческих переживаний, братской нежности и любви. Одновременно с переводом Жуковского и независимо как от Байрона, так и от Жуковского была написана поэма Пушкина «Братья-разбойники». Пушкин писал об этом: «Некоторые стихи напоминают перевод Шильонского узника. Это несчастье для меня. Я с Жуковским сошелся нечаянно, отрывок мой написан в конце 1821 года» (письмо к П. А. Вяземскому от 11 ноября 1823 года. — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 70). Ослабив политически-вольнoлюбивый смысл поэмы, Жуковский усилил ее лиризм. Так, в изображении смерти младшего брата Жуковскому принадлежат понравившиеся Пушкину стихи «Он на столбе — как вешний цвет... Висел с поникшей головой» (см. письмо Пушкина к П. А. Вяземскому от 1 сентября 1822 г. — там же, стр. 42). В последнем стихе поэмы усилено равнодушие героя к обретенной вольности (у Байрона — «Вновь получил мою свободу со вздохом»; у Жуковского — «Я о тюрьме моей вздохнул»).

Друзья Жуковского надеялись, что обращение к поэзии Байрона поможет Жуковскому преодолеть элегическую пассивность. Эти надежды не оправдались. Однако «Шильонский узник» был одним из первых этапов на пути Жуковского к монументальным эпическим переводам, характерным для его творчества в 1820—1840-х годах. Уловив эту новую тенденцию, Пушкин писал Н. И. Гнедичу 27 октября 1822 г.: «Перевод Жуковского *est un tour de force* (является вершиной мастерства. — Н. С.)... Должно быть Байроном, чтоб выразить со столь страшной истиной первые признаки сумасшествия, а Жуковским, чтоб это перевыразить. Мне кажется, что слог Жуковского в последнее время ужасно возмужал, хотя утратил первоначальную прелесть. Уж он не напишет ни Светланы, ни Людмилы, ни прелестных элегий 1-й части Спящих дев. Дай бог, чтоб он начал создавать» (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 46). Белинский писал о «Шильонском узнике»: «Наш русский певец тихой скорби и унылого страдания обрел в душе своей крепкое и могучее слово для выражения страшных подземных мук отчаяния, начертанных

молниеносною кистью титанического поэта Англии. «Шильонский узник» Байрона передан на русский язык стихами, отзывающимися в сердце как удар топора, отделяющий от туловища невинно осужденную голову... Каждый стих в переводе «Шильонского узника» дышит страшною энергиею» (Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 209). Стих «Шильонского узника» Байрона — в основном четырехстопный ямб с парной мужской рифмой. Байрон, однако, в своей поэме допускает некоторые отклонения и в размере и в рифмовке: встречаются трехстопные стяженные стихи, рифмы женские, перекрестные, а также три рифмующихся стиха подряд. Жуковский всю поэму перевел четырехстопным ямбом с мужской парной рифмой. Стих «Шильонского узника» был использован Лермонтовым в «Мцыри».

Создатель великолепного перевода «Шильонского узника», Жуковский в целом Байрона не оценил; мятежный дух его поэзии остался Жуковскому чужд. «Многие страницы его вечны, — писал Жуковский в письме к поэту И. И. Козлову от 27 января 1833 г. — Но и в нем есть что-то ужасающее, стесняющее душу. Он не принадлежит к поэтам-утешителям жизни». Что касается Байрона, то о Жуковском он знал понаслышке и называл его «русским соловьем» («Русская старина», 1881, т. 31, стр. 196).

Перчатка. Написано в марте 1831 г. Напечатано впервые в журнале «Муравейник», 1831, № III. Перевод одноименного стихотворения Шиллера; Шиллер назвал «Перчатку» «маленьким послесловием к «Водолазу» (см. у Жуковского балладу «Кубок»). «Перчатка» была в 1829 г. переведена Лермонтовым.

Вслед за Н. В. Измайловым, редактором второго издания «Стихотворений» Жуковского в большой серии «Библиотеки поэта» (Л., 1956), печатаем «Перчатку» в отделе повестей и поэм (то же — в прижизненных изданиях). В ряде советских изданий «Перчатка» печаталась в отделе баллад, как примыкающая к ним по своей тематике. Балладой считал «Перчатку» и Белинский. Однако Шиллером это произведение определено как рассказ («Eine Erzählung»). Основой стихотворения Шиллера послужили предания о развлечениях французского двора времен Франциска I (1515—1547). Прототип героя «Перчатки» — рыцарь Делорж, о смелости и любовных приключениях которого существовало много анекдотов. Жуковский не сохранил имя героини (Кунигунда) и изменил стих (у Шиллера — тонический).

Две были и еще одна. Написано 29 мая — 11 июня 1831 г. Напечатано впервые в журнале «Муравейник», 1831, № IV, под заглавием «Две были». Каждая из трех частей повести (об Эми,

Каспаре и Каннитферштане) — переложение трех разных произведений. Первая часть — свободное переложение баллады Р. Саути «Mary, the Maid of the inn» («Мэри, служанка из гостиницы»); вторая — свободное переложение его же баллады «Jasrag» («Джаспер»); третья — переложение в стихах прозаического рассказа И.-П. Гебеля «Kannitverstan» («Каннитферштан»). Идиллическое начало повести — разговор между дедушкой и внуками — принадлежит самому Жуковскому и написано в стиле поэзии Гебеля (ср. «Красный карбункул», «Овсяный кисель», «Деревенский сторож в полночь»). Характерный для Гебеля тон идиллического простодушия и сентиментальной правоучительности господствует во всем произведении; Жуковский соответственно переработал и указанные баллады Саути. У Саути дидактические сентенции отсутствуют. Первая из указанных баллад написана в тоне сочувственного, но эпически-«объективного» повествования о Мэри, полюбившей беспутного парня (у Саути его имя Ричард). Жуковский наделяет героиню чертами идиллической добродетели в духе немецкого сентиментализма, английские имена заменяет немецкими, переносит действие из Англии в Германию; всему повествованию придает религиозную окраску. Подробнее, чем у Саути, рассказано о смерти Эми. Изменен размер подлинника — строфический амфибрахий (перемежающийся с анапестом) заменен гекзаметром. О двух разновидностях этого стиха в поэзии Жуковского см. в примечании к «Красному карбункулу». В том же направлении переработана Жуковским и вторая баллада Саути.

Неожиданное свидание. Написано в 1831 г. Напечатано впервые в журнале «Муравейник», 1831, № III. Перевод одноименной прозаической повести И.-П. Гебеля, вошедшей в сборник его анекдотов, сказаний, маленьких повестей «Shatzkästlein des rheinischen Hausfreundes» («Шкатулка рейнского домашнего друга»), 1811. К «Неожиданному свиданию» имеется примечание автора, где указывается, что повесть основана на действительном происшествии. В описании того, что произошло в промежутке между исчезновением юноши и «свиданием» его с состарившейся невестой, Жуковский ряд событий опустил, другие добавил от себя. Опущены исторические и политические факты, малоизвестные русскому читателю: казнь датского государственного деятеля Струэнзе, борьба за Гибралтар, завоевание шведским королем Густавом Финляндии. В то же время стихи о казни Людовика XVI, смерти Екатерины II, возвышении и падении Наполеона добавлены Жуковским (от слов «добрый король Людвиг» до «умер Наполеон»). У Гебеля «свидание» дано в более интимных тонах; тело

жениха переносят в каморку героини. Перевод сделан гекзаметром. О двух разновидностях этого стиха в поэзии Жуковского см. в примечании к «Красному карбункулу». Белинский относил «Неожиданное свидание» к числу «замечательных переводов» Жуковского (Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 213).

Сражение с змеем. Написано в 1831 г. Напечатано впервые в журнале «Муравейник», 1831, № V. Перевод стихотворной повести Шиллера «Der Kampf mit dem Drachen» («Сражение с драконом»). Сюжет был взят Шиллером из истории Мальтийского ордена. Согласно преданию, молодой рыцарь Дьедонне де Гозона (XIV в.) нарушил запрет гроссмейстера Гийома де Вильпене, убив крокодила (змею), долго наводившего ужас на жителей. Между тем рыцарям ордена разрешалось обнажать меч лишь в борьбе с врагами церкви. Рыцарь получил прощение только через много лет; после смерти гроссмейстера он был избран его преемником. Ход действия и смысл подлинника в переводе переданы точно. Текст в переводе несколько сокращен. Подлинник написан четырехстопным ямбом; перевод сделан гекзаметром. О двух разновидностях этого стиха в поэзии Жуковского см. в примечании к «Красному карбункулу». Белинский считал, что «Сражение с змеем» принадлежит к числу «замечательных переводов» Жуковского (Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 213).

Иоанниты — члены ордена св. Иоанна; более раннее название Мальтийского ордена.

Суд божий. Написано в 1831 г. Напечатано впервые в журнале «Библиотека для чтения», 1834, т. VI, отд. 1. Перевод стихотворной повести Шиллера «Der Gang nach dem Eisenhammer» («Путь к кузнице»). Шиллер воспользовался новеллой французского писателя Ретифа де ла Бретон, сюжет которой восходит, по видимому, к народным сказаниям. «Путь к кузнице» у самого Шиллера — одно из наиболее близких к подлиннику переложений. Перевод Жуковского в смысле передачи текста также очень точен. Изменена стиховая структура — в подлиннике восьмистишная строфа с сочетанием четырехстопного и трехстопного ямба. Перевод сделан гекзаметром. О двух разновидностях этого стиха в поэзии Жуковского см. в примечании к «Красному карбункулу».

«Sanctus» («Святой боже»), «Pater noster» («Отче наш») — названия молитв (лат.).

«Vobiscum Dominus» — с вами бог (лат.).

Суд в подземелье. Написано в 1831—1832 гг. Напечатано впервые в журнале «Библиотека для чтения», 1834, т. III,

с подзаголовком: «Последняя глава недоконченной повести», с пометой: «Вернэ, на берегу Женевского озера. 1832» и примечанием: «Первая глава еще не написана; сия же последняя заимствована из Вальтер-Скоттова Мармиона». Перевод 2-й главы поэмы Вальтера Скотта «*Marmion, a tale of Floddenfield*» («Мармион, рассказ о Флодденфильде»), основанной на шотландских и английских преданиях XVI века — эпохи войн между Англией и Шотландией.

Главный герой поэмы Вальтера Скотта — английский рыцарь Мармион, полюбивший монахиню Клару. Он уговорил ее бежать из монастыря, но вскоре увлекся другой, и Клара (у Жуковского — Матильда) попала в руки преследователей. Представ перед судом, она рассказала обо всем происшедшем и была осуждена на казнь; Мармион же погиб в битве с шотландцами при Флодденфильде (1513). Переводя главу, Жуковский превратил ее в законченное произведение. Все исторические обстоятельства, тему войны Шотландии с Англией, историю Мармиона Жуковский снял. Таким образом, эпизод был лишен реально-исторического фона, ясности сюжетных мотивировок и приобрел колорит романтической таинственности; отчетливей выступило противопоставление «истинной» религиозности (образы молодых монахинь в начале повести) фанатическому мракобесию изуверов. Исповедь героини у Вальтера Скотта насыщена реальными подробностями. У Жуковского она заменена суммарным авторским повествованием, где скупые намеки должны вызвать любопытство и волнение читателя.

«Суд в подземелье» был принят современниками довольно равнодушно. Белинский, противопоставляя этот перевод менее удачному, но превознесенному критикой переводу отрывка из поэмы Т. Мура «Див и Пери» (у Жуковского — «Пери и ангел»), писал: «Несравненно выше, по достоинству перевода, почти никем не замеченная поэма «Суд в подземелье». Мрачное содержание этой поэмы взято из мрачной жизни невежественных и дико фанатических средних веков» (Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 210).

Галвегиане — жители графства Гальвей в южной Ирландии.

Нормандский обычай. Написано 8—12 ноября 1832 г. Напечатано впервые в журнале «Библиотека для чтения», 1834, т. I, с пометой: «8 ноября 1832. Вернэ, на берегу Женевского озера». За исключением «Песни Торильды» — точный перевод одноименной драматической повести И.-Л. Уланда. «Песня Торильды» приближена к стилю русских народных песен; в этом сказался опыт работы Жуковского над сказками.

Ундина. Написано в 1831—1836 гг. Напечатано впервые: отдельные отрывки из первых трех глав — в «Библиотеке для чтения», 1835, т. XII; главы IV—X — там же, 1837, т. XX. Полностью — отдельной книгой, под заглавием «Ундина, старинная повесть, рассказанная в прозе бароном Ламот Фуке, на русском в стихах В. Жуковским, с рис. Г. Майделя», СПб., 1837, изд. А. Смирдина. В этом издании имеется краткое предисловие, в котором бегло намечена история работы Жуковского над «Ундиной». Посвящение обращено к великой княгине Александре Николаевне (дочери Николая I).

«Ундина» — переработка одноименной прозаической повести Ф. де Ламот-Фуке. Повесть Фуке, имевшая большой успех, стилизована под средневековую сказку. Сюжет принадлежит самому Фуке; фольклорный материал использован лишь в самой общей форме. Жуковский довольно точно следует за текстом подлинника, несмотря на переложение прозы в стихи. Однако в переводе «Ундине» придана несколько иная тональность — более поэтическая и возвышенная. Этому способствует и стихотворная форма (гекзаметр) и переработка некоторых эпизодов, у Фуке поданных в более бытовом плане (пробуждение Ундины и Гульбранда в начале третьей главы, похороны Гульбранда и т. д.). Изменен и тон отступлений и замечаний «от автора», у Фуке стилизованный в духе бесхитростного старинного повествования. Между тем в переводе авторский голос — это голос самого Жуковского-поэта, со всем свойственным ему лиризмом (см., например, авторское отступление в начале тринадцатой главы). Эту особенность «Ундины» Жуковского не оставил без внимания Белинский: «Нельзя довольно надивиться, как искусно наш поэт умел слить фантастический мир с действительным миром и сколько заповедных тайн сердца умел он разоблачить и высказать в таком сказочном произведении» (Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 199).

Повесть Фуке Жуковский прочел впервые осенью 1816 г. Тогда же у него возник замысел перевести ее прозой, но в дальнейшем он остановился на гекзаметре. О двух разновидностях этого стиха в поэзии Жуковского см. в примечании к «Красному карбункулу». Жуковский так защищал гекзаметр в письме к И. И. Дмитриеву (Дмитриев и Вяземский советовали перевести «Ундину» другим, рифмованным стихом): «Наперед знаю, что вы будете меня бранить за мои гекзаметры. Что же мне делать? Я их люблю; я уверен, что никакой метр не имеет столько разнообразия, не может быть столько удобен как для высокого, так и для самого простого слога. И не должно думать, чтобы этим мет-

ром, избавленным от рифм, было писать легко. Я знаю по опыту, как трудно...» (письмо к И. И. Дмитриеву от 12 марта 1837 г. — «Русский архив», 1866, стр. 1640). Дошедшие до нас отзывы современников носят в большей части восторженный характер; критикой перевод был также принят благожелательно. А. И. Герцен в пору своего увлечения романтизмом восхищенно писал невесте: «Сейчас прочел я «Ундицу» Жуковского. Как хорош, как юн его гений! Я пришлю ее тебе» (письмо Н. А. Захарьиной, конец июня 1837 г. — А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. I, стр. 435). Высокую оценку «Ундине» Жуковского дал Гоголь: «Чудо, что за прелесть!» (письмо Гоголя к В. О. Балабиной от 4 июля 1837 г. — Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, изд. АН СССР, т. XI, 1952, стр. 106). Белинский писал об «Ундине»: «В стихах Жуковского обыкновенная сказка явилась прекрасным поэтическим созданием. «Ундина» одно из самых романтических его произведений» (Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 199).

Альтан — род балкона в верхней части строения.

Никсы — русалки.

Камоэнс. Написано в марте 1839 г. Напечатано впервые в журнале «Отечественные записки», 1839, т. VI, с подзаголовком «Драматический отрывок». Перевод одноименной драматической поэмы Ф. Мюнх-Беллингхаузена, писавшего под псевдонимом Фридрих Гальм.

Луис Камоэнс (ок. 1524—1580) — великий португальский поэт. Не признанный при жизни и претерпевший много гонений со стороны придворной знати, он был вынужден долгие годы провести за пределами Португалии, в колониях. Камоэнс был горячим патриотом. Патриотическим одушевлением проникнута его знаменитая поэма «Лузиады» (у Жуковского — «Лузиада»), где прославляются национальные традиции Португалии и выдающиеся события из ее истории, героика географических открытий эпохи Возрождения (плавание Васко де Гамы). Поэма «Лузиады» снискала Камоэнсу расположение короля Себастиана (1557—1578), вскоре убитого во время крестового похода против мавров у города Алкасар-Квивира в Марокко (1578). Прогрессивная роль Себастиана в поэме преувеличена. Он был воспитанником иезуитов и организатором ряда разорявших Португалию крестовых походов против магометан. После гибели Себастиана Португалия потеряла свою независимость и попала во власть испанского короля Филиппа II. Последние годы своей жизни Камоэнс доживал в нищете, всеми забытый; умер в госпитале. Ему принадлежат

известные слова: «Я умираю не только в отечестве, но и вместе с ним».

Поэма Гальма была воспринята Жуковским очень горячо; он усмотрел в трагической судьбе португальского поэта черты, сходные с его собственной жизнью. Как отметил Ц. С. Вольпе, в воспоминания Камоэнса Жуковский ввел автобиографические моменты (см. В. А. Жуковский. Стихотворения, 1-е изд., т. II, Л., большая серия «Библиотеки поэта», 1940, стр. 541). Все более свободный характер перевод приобретает во второй половине поэмы. Усилена, в частности, религиозная окраска речей Камоэнса и Васко. У Гальма нет стихов «Поэзия небесной Религии сестра земная». Тему поэзии Жуковский развивает самостоятельно. Обожествление поэзии и утверждение ее «святого» назначения имеет при этом не только религиозный, но и общественный смысл («И здесь любил я истину святую...»).

Мантуанский певец — Вергилий, автор «Энеиды».

Алькассарская битва — битва у гор. Алкасар-Квивира (см. выше).

Обителей есть много в дому Отца — часто встречающаяся у Жуковского цитата из евангелия.

Маттео Фальконе. Написано 17—19 марта 1843 г. Напечатано впервые в журнале «Современник», 1843, т. XXXII, с подзаголовком «Корсиканская повесть (из Шамиссо)». Перевод одноименной повести П. Мериме по немецкому переложению А. Шамиссо. Жуковский был знаком и с подлинником. Однако характер свободного перевода Шамиссо соответствовал его собственным устремлениям. Вместо этнографически-бесстрастного тона Мериме у Шамиссо — взволнованная, местами даже патетическая интонация. Преступность ребенка, необходимость и справедливость казни подчеркнуты и Жуковским; Ц. С. Вольпе справедливо отметил связь перевода Жуковским «Маттео Фальконе» с написанием статьи «О смертной казни», где предлагается казнить преступников под церковное пение (см. В. А. Жуковский, Стихотворения, 1-е изд., т. II, Л., большая серия «Библиотеки поэта», 1940, стр. 485).

Две повести. Написано в 1844 г. Напечатано впервые в журнале «Москвитянин», 1845, № 1, с подзаголовком «Подарок на Новый год Москвитянину» и примечанием: «Эти стихи В. А. Жуковского относятся к одному литератору, который принимает участие в составлении «Москвитянина».

Рассказ об Александре Македонском — перевод стихотворной повести А. Шамиссо «Sage von Alexandern (nach dem Talmud)»

“(«Сказание об Александре (по талмуду)». В целом перевод точен; однако в ряде случаев Жуковский отбросил имеющиеся у Шамиссо отступления «от автора», придав тем самым повествованию более эпический характер. Выпущено обращение к друзьям после разговора Александра с ангелом, а также пространное вступление в начале повести о любви автора к старинным легендам. В начале и в конце повести более развернуто дано описание душевного состояния Александра, его ненасытимой жажды власти и завоеваний. Изображая Александра в финале повести, Жуковский отступает от подлинника, где читаем: «Чело царя покрылось мрачными складками, но вскоре он тряхнул головой, вскочил и закричал так, что эхо пошло по ущельям: «Вперед! в поход! несите знамя». Жуковский психологизирует текст, влагает в уста героя сентенцию «Жизнь коротка, уходит время...» и т. д. В этом же эпизоде добавлены выразительные стихи — «И рать великая, как змей с отверзтым Голодным зевом, шумно побежала». Изменены стихи «они (жители прекрасной страны — И.С.) тоже должны там отвратить нашей стали и наших оков, узнать нашу отвагу». Жуковский в эту «теорию» военного деспотизма вводит новый мотив: «И от меня удел счастливый свой Принять, как дар моей щедроты царской».

Киреевский И. В. (1806—1856) — сын приятельницы и родственницы Жуковского А. П. Киреевской (в первом браке Елагиной). Журнал «Москвитянин» был органом «официальной народности», близким к славянофилам. Киреевским редактировался временно. Издавался М. П. Погодиным.

«Библиотека для чтения» — журнал, издававшийся О. И. Сенковским.

«Замьски» — журнал «Отечественные записки», издававшийся А. А. Краевским.

«Северная пчела» — газета Ф. В. Булгарина.

«Русский вестник» — журнал, издававшийся в 1842—1844 гг. Н. И. Полевым.

Притча о путнике и верблюде из второй части повести является вольным переводом 1-й притчи Фр. Рюккерта («Es ging ein Mann im Syrerland...» — «Шел один человек в Сирийской земле...») из цикла «Восточные сказания и истории». Сюжет восходит к популярной в средние века повести о «Варлааме и Иосафе». Последняя представляет собой конечное звено ряда переработок древнеиндийского жизнеописания Будды. Использована Л. Толстым в «Исповеди».

БАЛЛАДЫ

Людмила	7 451
Кассандра	14 452
Светлана	18 453
Пустынник	26 453
Адельстан	31 453
Ивиковы журавли	37 454
Варвик	43 455
Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди . .	48 455
Алина и Альсим	54 457
Эльвина и Эдвин	61 457
Ахилл	65 458
Эолова арфа	72 458
Мщение	80 459
Гаральд	81 459
Три песни	83 459
Двенадцать спящих дев. <i>Старинная повесть в двух бал-</i> <i>ладах</i>	84 459
<i>Баллада первая. Громобой</i>	86
<i>Баллада вторая. Вадим</i>	111
Рыбак	135 461
Рыцарь Тогенбург	137 461
Лесной царь	140 462
Граф Гапсбургский	142 462
Узник	146 462
Замок Смальгольм, или Иванов вечер	151 463
Торжество победителей	157 465
Кубок	162 466
Поликратов перстень	167 467

---

¹ Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания,

Жалоба Цереры	170	467
Доника	174	468
Суд божий над епископом	178	468
Алонзо	181	469
Ленора	183	469
Покаяние	191	469
Королева Урака и пять мучеников	198	470
Роланд оруженосец	204	470
Плавание Карла Великого	211	470
Рыцарь Роллон	213	471
Старый рыцарь	216	471
Братоубийца	218	471
Уллин и его дочь	221	472
Элевзинский праздник	223	472

ПОЭМЫ И ПОВЕСТИ

Аббадона	231	473
Красный карбункул. <i>Сказка</i>	237	473
Цейкс и Гальциона. <i>Отрывок из Овидиевых «Превращений»</i>	244	474
Пери и ангел. <i>Повесть</i>	253	474
Шильонский узник. <i>Повесть</i>	269	476
Перчатка. <i>Повесть</i>	282	478
Две были и еще одна	284	478
Несожданное свидание. <i>Быль</i>	294	479
Сражение с змеем. <i>Повесть</i>	296	480
Суд божий. <i>Повесть</i>	301	480
Суд в подземелье. <i>Повесть (Отрывок)</i>	306	480
Нормандский обычай. <i>Драматическая повесть</i>	323	481
Ундина. <i>Старинная повесть</i>	331	482
Камознс. <i>Драматическая поэма</i>	401	483
Маттео Фальконе. <i>Корсиканская повесть</i>	431	484
Две повести. Подарок на новый год издателю «Москвитянина»	437	484
Примечания	451	

*Василий Андреевич
ЖУКОВСКИЙ
Собрание сочинений, т. 2*

*Редактор В. Базанова
Художник М. Разулевич
Художественный редактор
Л. Чалова
Технический редактор
М. Кондратьева
Корректор А. Большаков*

Сдано в набор 24/XI 1958 г.
Подписано к печати 29/I 1959 г.
Бумага 84 × 108¹/₃₂ — 15,25 печ.
л. = 25,01 усл. печ. л. Уч.-изд.
л. 23,74 + 1 вкл. = 23,77 л.
Тираж 60.000 экз. Зак. № 516.
Цена 9 р.

Гослитиздат.
Ленинградское отделение.
Ленинград, Невский пр., 28.

Ленинградский Совет народ-
ного хозяйства. Управление
полиграфической промышлен-
ности. Типография № 1
«Печатный Двор»
имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.